

Роберт ГОВАРД

КЛИНОК СУДЬБЫ

Сага черного континента

Роберт И. Говард

КЛИНОК СУДЬБЫ

Сага Черного
Континента

"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1998

УДК 820
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г 57 Клинок судьбы: Повести. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 448 с.

ISBN 5-7906-0053-0

Соломон Кейн, бесстрашный защитник слабых и обездоленных — один из наиболее ярких и интересных героев, вышедших из-под пера Роберта Говарда. Суровый пуританин, вооруженный острой шпагой и не знающими промаха пистолетами, в одиночку встает на пути предвечного Зла, вырвавшегося из самого сердца ада.

Г 8200000000

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

ISBN 5-7906-0053-0

© Ken Kelly, 1990

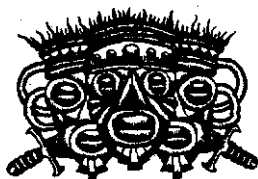
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

КЛИНОК СУДЬБЫ

ЧЕРЕПА СРЕДИ ЗВЕЗД

В

1

Торкертаун вели две дороги. Первая, более короткая и прямая, шла верхом через лесистые пустоши. Другая, окольная и куда более длинная, кружила между поросшими мхом островками, обходя стороной непролазные трясины болотного края и огибая холмы с востока. Последний путь был непрост и считался опасным. Согласитесь, что Соломон Кейн имел все причины удивляться,

когда из деревни, которую он только что покинул, выбежал паренек, что-то крича ему на бегу и размахивая руками. Догнав англичанина и чуть отдышавшись, он принялся умолять его, заклиная именем Господним, предпочесть короткой дороге путь через болота.

— Дорога через болота? — Кейн удивленно переспросил мальчишку.

Соломон Кейн был высокого роста, очень худ и жилист. Его бледному и суровому лицу с пронзительными не улыбочивыми глазами как нельзя лучше соответствовало черное, непритязательное, хотя и не лишенное определенного стиля, одеяние пуританина, которое этот человек предпочитал любому другому.

— Да, да, сэр. Она окрест спокойней будет... — закивал головой парень на его удивленный вопрос.

— Не иначе там, на пустошах, сам Сатана объявился? Не твои ли односельчане советовали мне держаться подальше от болот?

— Истинно так, не ровен час во тьме в трясины угодите, добрый сэр. И то право, вернулись бы вы лучше назад, а по утречку и в добрый путь!

— По болотной дороге?

— Точно, сэр! — довольно ухмыльнулся паренек.

Кейн пожал плечами и возразил:

— Не успеет как следует стемнеть — выйдет луна, — так что я не заблужусь. А там, если по пустошам, через пару часов я уже буду в Торкертауне.

— Не ходите туда, добрый сэр, Божиим именем вас закликаю! — не отставал от него мальчишка. — Незачем туда ночью отправляться честному христианину. И то сказать, на проклятой дороге даже жилья-то человеческого нет. А на болоте хоть старый Эзра живет. Тот самый, у которого полоумный

кузен Гидеон удрал из дому и сгинул в болотах. Так он с тех пор совсем один живет. А Гидеона так и не нашли. Наши мужики искали-искали, да разве трясина чего отдаст... Хотя старый Эзра порядочный скряга, неужто он откажет живой душе в ночлеге? Право, добрый сэр, остановитесь у него до утра. И уж если вам идти невтерпеж, то идите с миром по болотной дороге!

Слегка озадаченный пламенной речью, Кейн некоторое время, прищурившись, молча смотрел на деревенского парня. Тот переминался с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно под этим пронизывающим взглядом серо-стальных глаз.

— Мальчик, — спросил его наконец пуританин, — если пустоши настолько опасны для путешественников вроде меня, то почему твои односельчане ограничились полунамеками и сразу не выложили мне всю историю от начала до конца?

— Понимаете, добрый сэр, люди не любят об этом болтать... Наши деревенские подсказали вам держаться болот и думали, что вы последуете доброму совету. А потом глянь — а вы, видно, и в мыслях не держите сворачивать на развилке. Ну тут уж меня вам вдогонку нарядили, чтобы я уговорил вас образумиться.

— Пламя Гадеса! — вырвалось у Соломона Кейна, и только зная его отвращение к сквернословию, можно было оценить всю силу накопившегося в нем раздражения. — Болотная дорога опасна, дорога через пустоши тоже опасна! Скажешь ты наконец, что мне грозит там наверху, или нет? Чего ради я должен делать здоровенный крюк и месить болотную жижу, рискуя вообще навсегда сгинуть в топях?

— До-обрый сэр, — затянул мальчишка, затравленно озираясь. Он понизил голос и пугливо при-

двинулся поближе к пуританину. — Мы тут все простые крестьяне и стараемся лишний раз, тем более к ночи, не поминать нечисть, чтобы беду себе на голову не накликать. Только дело в том, что верхняя дорога, ну навроде как... словом, проклятие на ней. Вот уже поболее года будет, как мы на пустоши и носу не кажем. Верная гибель туда ночью отправиться, истинный крест, добрый сэр! Кое-кто неосторожный, упокой Господи его душу, сам в этом убедился. Дело в том, что завелась там жуткая нечисть и умерщвляет людей...

— Стало быть, нечисть? И как же выглядит эта тварь?

— Это никому, добрый сэр, не ведомо. Из тех, кто с ней повстречался, ни один не вернулся, чтобы рассказать об этом. Но случалось, что наши, припозднившись из леса, слышали там вдалеке за топами адский хохот. А то, — парнишка перекрестился, — оттуда долетали и страшные крики путников. Добрый сэр, именем Творца нашего умоляем вас вернуться в деревню, переждать ночь. А по солнышку и ступайте себе в Торкертаун по болотной тропе!

В бездонных глубинах глаз Кейна начало разгораться странное пламя, подобное мерцанию ведьминых огней, что светят со дна замерзших рек из-под толщи серого льда. Кровь быстрее побежала по его жилам. Приключение! Смертельный риск, осторога чувств, упоительный восторг победы!

Надо сказать, что Соломон Кейн сам ни в коем случае не оценивал подобным образом охватившие его чувства. Наоборот, он считал, что им движут мотивы противоположные — желание защитить слабого, спасти невинные души, освободить соотечественников от нависшей над ними опасности, нако-

нец. И он, свято веря в истинность своих слов, так ответил мальчишке:

— То, о чем ты говоришь, безусловно есть происки сил зла. Должно быть, сам повелитель ада наложил заклятие на здешние места. Лишь сильные духом могут дать отпор Сатане и присным его, а посему не пытайся более отговорить меня: никогда прежде не уступал я рогатому дорогу, не уступлю и теперь!

— Добрый сэр...— начал было парнишка, но осекся под тяжелым взглядом пуританина. Он только осмелился добавить: — Мы находили трупы жертв, сэр. Они были сплошь покрыты жуткими ранами...

Так мальчик и остался стоять у развилки, шмыгая носом и провожая взглядом неведомо как оказавшегося в их краях жилистого, широкоплечего путешественника, так уверенно шагавшего по дороге навстречу верной гибели.

Солнце уже коснулось горизонта, когда изрядно запущенная дорога вывела Кейна на вершину холма, за которым, собственно, и начиналось невысокое нагорье — край пустошей и верховых торфяников. Неестественно большой кроваво-красный диск дневного светила медленно погружался за линию окоема. Солнечные лучи, казалось, подожгли чахлые кусты и густое разнотравье. На какой-то миг пуританину почудилось, что он стоит на единственном островке суши в алом море крови, однако солнце коснулось горизонта, и зарево заката быстро померкло.

Несмотря на то что дорогой долгое время не пользовались, она все еще была хорошо различима. Пуританин шел быстро, но весьма осторожно и с оглядкой, держа под рукой и рапиру, и пистолеты со взведенными курками,— его смелость отнюдь не

была безрассудной или опрометчивой. Соломон Кейн упрямо шагал вперед, ничуть не смущенный сгустившейся темнотой. Надо сказать, что, когда он двигался к цели, такие мелочи, как смена дня и ночи, его вообще не волновали.

Одна за другой на небе зажигались звезды, и легкий ветер шуршал травой, наполняя подтунный мир призрачным шепотом ночи. Наконец появилась и луна. Темные пятна на круглом лице, походившие как две капли воды на провалы глазниц, придавали ей жуткое сходство с непристойно скалившимся черепом, висящим среди звезд.

Неожиданное предчувствие заставило Кейна замедлить шаг, а затем и вовсе остановиться. Явным диссонансом обычным звукам ночи где-то впереди прозвучал странный, леденящий душу отзвук. Вот только что могло его вызвать? Зловещий звук повторился снова, на этот раз куда ближе. Кейн, готовый к любым неожиданностям, двинулся вперед, гадая, не обманывает ли его слух. Но нет! Теперь до него явственно донеслись раскаты устрашающего хохота, исходящие откуда-то из сердца пустошей.

Звук раз за разом усиливался, источник его приближался. Соломон Кейн уже понимал, что, кто бы ни издавал подобный смех, человеческим существом он не являлся. В звуках сатанинского веселья не было ни грана радости, лишь всепоглощающая ненависть, ужас и страх, разъедающий душу. Кейн снова остановился. Нет, испуга он не испытывал, но ему было определено не по себе.

И тут сквозь раскаты демонического хохота прорвался отчаянный и, несомненно, человеческий крик. Кейн, проклиная ночные тени и причудливое эхо, ругая себя за нерешительность, бегом устремился вперед. Луна поднималась все выше и выше,

но по-прежнему ничего нельзя было толком рассмотреть. Хохот становился все безумней и громче, вопли вторили ему аккомпанементом адовой музыки. Вскоре Кейн расслышал топот человека, мчавшегося не разбирая дороги. Пуританин во весь дух бросился навстречу неведомому путнику.

Там, впереди, кто-то из последних сил спасался от смерти, а за ним по пятам гнался безымянный ужас пустошей. Что это было за существо, ведал лишь Господь всемогущий. Внезапно топот смолк, сменившись душераздирающими воплями. К ним примешивались и другие звуки, которым Кейн затруднялся подобрать определение. Само человеческое естество отвергало их. Судя по всему, Ужас настиг свою жертву. Кейна бросило в холодный пот, когда его воображение нарисовало кровавую картину: рогатый, с кожистыми крыльями демон из преисподней повалил человека и вскочил ему на спину, терзая и раздирая податливую плоть клыками и когтями.

Словно по мановению волшебной палочки, на пустоши пала абсолютная тишина, нарушаемая лишь шумом неравной отчаянной схватки. Вновь слышались шаги, но на сей раз спотыкающиеся и неуверенные. Человек еще кричал, но это уже были звуки агонии, кровь булькала в разодранном горле бедняги. Кейн содрогнулся. Это воистину была ночь ужасов!

«Господь мой! — страстно взмолился он. — Все в руке твоей! Сделай так, чтобы стало хоть немного светлее». Судя по отчетливости каждого звука, кровавые события разворачивались прямо у него под носом, быть может, даже за ближайшим кустом. Но неверное сияние низкой луны больше искажало картину мира, чем позволяло что-либо рассмот-

реть. Каждое корявое деревце представлялось жутким монстром, каждый дрожащий на ветру куст — призраком.

Кейн закричал во все горло, не в силах бежать быстрее. Он надеялся, что, может быть, его крик отвлечет внимание палача от несчастной жертвы. Вопли гибнущего человека сменились пронзительным отвратительным визгом. Вновь звуки борьбы. И тут заросли густой травы раздались, и, чуть не столкнувшись с пуританином, оттуда вывалилось существо, в котором с трудом можно было угадать человека.

Одежда на мужчине висела ключьями, он с головы до ног был покрыт кровью. Бедняга протянул руки к Соломону Кейну, но тут силы его оставили, и он рухнул наземь, не оставляя, однако, попыток ползти вперед. Мужчина что-то пытался сказать, но лишь надсадно хрипел. Затем, обратив к луне жутко изуродованное лицо, он судорожно задергался и умер. Из его искаженного предсмертным ужасом рта прямо на сапоги пуританина хлынула кровь.

И только теперь луна засветила в полную силу. Кейн склонился над телом, и его передернуло. Без того бледный лоб пуританина стал еще белее — а уж он-то, побывав и в застенках испанской инквизиции, и в цепях на турецкой галере, видел самые разные лики Смерти.

Кем был этот человек, бесформенной массой лежащий ныне у его ног? Скорее всего, запоздалым путником, решил Кейн. И вдруг он явственно ощутил, как ледяные пальцы сжали его сердце, — он был не один. Пуританин буквально всей кожей чувствовал разлившееся в воздухе inferнальное присутствие. Соломон вскинул голову и впился взглядом в окружающие его тени. Ничего не было видно,

но его не оставляло ощущение, что за ним наблюдают чьи-то глаза. Глаза ужасающего существа, не принадлежавшего этому миру. Осторожно распрямившись, он направил пистолет в ту сторону, откуда появился умирающий человек, и стал ждать.

Тем временем луна поднялась достаточно высоко. Серебристый свет ночного светила набирал силу и заливал пустоши, возвращая кустам и травам их истинный вид. Кейн с удовлетворением отметил, что, по крайней мере, дьявольское отродье не сможет подкрасться незаметно.

Пуританин на мгновение перевел взгляд на разлившуюся у его ног лужу крови. Стоило ему вновь посмотреть вперед, как он сразу же увидел это! Сперва ему показалось, что за высокую траву зацепился гонимый ветром клочок болотного тумана. Но предчувствие заставило его взглянуть попристальнее в это... видение?

И вдруг полупрозрачная размытая тень начала обретать форму. Вот уже в распылчатых провалах глазниц разгорелся холодный огонь, напоминавший гниlostное мерцание болотных испарений.казалось, это был отблеск древнего, как сам мир, ужаса. Того ужаса, который под спудом наследственной памяти, восходящей к Изначальным Временам, когда страх был неременным спутником жизни человека, таится в каждом из нас.

Говорят, что глаза — зеркало души. И если у этого призрачного существа — кем бы или чем бы оно ни являлось — имелась душа, то она была совершенно безумна. И это было вовсе не то безумие, которое имеют в виду обыватели, уравнивая его с простым помешательством. Нет. Это было безумие окончательного распада личности, прошедшей бесконечными дорогами ада.

Облик неведомой твари по-прежнему оставался расплывчатым, претерпевая ряд отвратительных трансформаций. Можно сказать, что он был почти человеческим, но это неуловимое «почти» делало монстра куда более страшным и омерзительным, чем крылатая и рогатая тварь, созданная воображением Кейна. Один только его вид грозил повредить разум, менее закаленный, чем у пуританина. И сквозь пульсирующую, словно копошащиеся могильные черви, плоть отчетливо можно было различить траву и кусты, находившиеся позади призрака.

Кровь застучала в висках Кейна, но, что бы вокруг ни происходило, присутствия духа он никогда не терял. Каким образом призрак, сотканный из болотных испарений, мог причинять человеку вполне материальный вред, было выше его понимания, однако об этом красноречиво свидетельствовали окровавленные останки на земле. Уяснив, что каким-то непостижимым образом дьявольскому созданию это удалось, тренированный разум пуританина, не теряя драгоценного времени на отвлеченные переживания, лихорадочно искал выход из создавшегося положения.

Англичанин понятия не имел, с каким противником свела его судьба и на что был способен неведомый враг. Знал же он точно другое: Соломон Кейн не станет удирать по пустынной дороге, не будет с криком падать, раз за разом сбиваемый с ног богомерзким существом. Может, ему и придется умереть, ибо таков удел смертных, но он умрет с оружием в руках, как подобает мужчине, и все раны будут у него — на груди.

На его глазах призрачная пасть разошлась щелью, и ночь огласилась уже знакомым ему хохотом. Раздаваясь в нескольких ярдах от пуританина, этот

смех потрясал и выворачивал душу. Наверняка слабохарактерный или суеверный человек застыл бы в этот момент без движения, услышав в этих звуках трубы Судного Дня, но не таков был Соломон Кейн. Пуританин самым хладнокровным образом навел твердой рукой длинноствольный пистолет на призрака и нажал на курок.

Сразу за грохотом выстрела последовал ужасающий вопль, в котором ярость и изумление дерзостью смертного создания соседствовали с насмешкой. Тень метнулся к пуританину, словно клуб дыма. Искривленные прозрачные руки потянулись к горлу Кейна, готовые душить и терзать человека.

Англичанин, когда его к этому вынуждали обстоятельства, мог быстротой движений поспорить с хищным зверем. Призрак еще был в ярде от него, когда Соломон разрядил в него второй пистолет — правда, и этот выстрел не причинил духу никакого вреда. За оставшуюся долю секунды Кейн успел выхватить из ножен тяжелую рапиру и нанести молниеносный укол прямо в грудь нападавшего — стальное лезвие прошло насквозь, не встретив никакого сопротивления. А в следующее мгновение ледяные пальцы уже вонзились в плоть Кейна, с нечеловеческой силой раздирая и одежду, и кожу.

Соломон Кейн отбросил бесполезный клинок и попытался схватиться с противником врукопашную. Но это было все равно что сражаться с туманом или облаком, да еще вооруженными стальными когтями. Яростные удары Кейна пропадали втуне, натываясь на пустоту. И хотя пуританин обладал огромной силой и стальной хваткой, можно ли было схватить руками тень? Существо было нематериально, за исключением по-паучьи длинных пальцев, заканчивающихся кривыми когтями, да еще жутких

мерзостных глаз, сама пустота которых стремилась вытянуть жизненные силы пуританина.

Одежда Кейна превратилась в окровавленные ключья, тело покрывали дюжины глубоких ран, но он не отступал ни на шаг. Решимости у пуританина ничуть не убавилось, и мысль о возможности бегства или, как говорили трусы, «отступления под натиском превосходящих сил противника» даже не приходила ему в голову. А если бы подобная идея и закралась в его мозг, пуританин, верно, покраснел бы от стыда. Чтобы он, Кейн, сошелся с кем-то в поединке, да вдруг отступил?

Человек отлично понимал, что гибель близка и он предотвратить ее не в силах, что его тело вскоре рухнет бездыханным рядом с останками неведомого путника. Но мысль о смерти не пугала его — он прожил жизнь не зря. Гораздо важнее сейчас было достойно постоять за себя, не посрамив рода людского, и причинить сверхъестественному существу максимально возможный ущерб — пускай хотя бы моральный.

Демон и человек сошлись в яростной схватке, стоя над мертвым телом, и лишь темные глазницы лунного черепа равнодушно взирали на них с небес. На стороне демона были все преимущества, за исключением одного. И это единственное преимущество пуританина поистине стоило всех остальных. Так же, как ненависть оказалась способна придать потустороннему существу смертоносную материальность, так и мужество оказалось единственно действенным оружием против квинтэссенции зла.

Кейн продолжал сражаться, нанося мощные удары руками и ногами, стараясь боднуть или укусить своего неуязвимого противника. И вот в какой-то

миг он обнаружил, что демон начал пятиться, а сводящий с ума хохот сменился воплями ярости и разочарования. Отвага — вот истинное оружие воина. Мужественный человек без страха выступит на штурм самих врат ада, и все легионы Тьмы не смогут его остановить.

Соломон Кейн в тот момент совершенно об этом не думал — его подхватила и понесла багровая волна того безумного неистовства, что вела в бой древних берсеркеров. Он только отметил, что когти, терзавшие его тело, стали утрачивать прежнюю алмазную крепость и остроту, а в глазах твари появилась какая-то неуверенность. Задышавшись, шатаясь от запредельного напряжения, человек раз за разом пытался вцепиться в горло фантому. И его упорство было вознаграждено — ему удалось стиснуть руки на чем-то материальном. Оба противника рухнули на землю. Демоническая сущность извивалась и билась в руках Кейна, напоминая змею, сотканную из струй обретшего материальность дыма.

И тут на Кейна снизошло озарение, пронзившее мозг подобно грозовому разряду, заставив волосы пуританина встать дыбом. Внезапно ему стал понятен смысл криков и причитаний ужасного существа. Жуткие тайны, слетавшие с призрачных уст, ледяными осколками вбивались прямо ему в мозг. Теперь Кейн знал, что это было за существо.

2

Лачуга старого Эзры, прозванного скрягой, наполовину скрытая от любопытного взора разросшимися вокруг кривыми уродливыми деревьями, стояла у дороги в самой середине болот. Просев-

шая крыша чудом еще не обвалилась, а прогнившие стены покрывала плесень. Огромные, склизкие, мертвенно-зеленые грибы, словно пальцы утопленников, торчали из трухлявого дерева. Особенно густо поганки облепили окна и двери — казалось, их манит внутрь какой-то инстинкт. Нависшие над домом деревья так переплели серые ветви, что в густом полумраке строение представлялось уродливым карликом, над плечом которого скаплились людоеды.

Прямо у порога хибары проходила дорога, которая вела мимо гниющих пней, поросших осокой кочек, редких кругов чистой воды и кишачих гадами топей вглубь болот. Сколько народу ни переходило этой ненадежной тропой за последний год, но лишь немногие видели старого Эзу. Да и то им представало лишь желтое лицо, видневшееся мутным пятном сквозь покрытое многолетней грязью и заросшее грибами оконце.

Сам Эзра-скряга, похоже, перенял свой облик от окружавшей его болотной растительности: весь скрюченный, узловатый и мрачный. Его пальцы точь-в-точь походили на цепкие древесные корни, а не ведавшие расчески космы свисали со лба, точно пучки мха с веток, прикрывая привыкшие к вечному сумраку болот глаза. Эти рыбы бельма, лишённые живого блеска, напоминали скорей глаза утопленника, чем живого человека. Их немощная зелень порождала мысли о бездонных пучинах, таящихся под обманчиво прочным покровом тины.

Вот такой человек рассматривал пришельца, безжалостно измолотившего дверь рукояткой грозного пистолета. Что могли они увидеть? Был этот путник высок и статен, хотя мог бы показаться излишне худощавым; его руки и шею покрывали

свежие повязки; удлиненное бледное лицо было исполосовано глубокими царапинами, но каштановые волосы аккуратно расчесаны. За его спиной, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, толпился деревенский люд.

— Ты ли Эзра, живущий на болотной дороге?

— Ну так. Чего вам от меня надо? — утрумо буркнул старик в ответ.

— Скажи нам, где твой двоюродный брат Гидеон, тот одержимый юноша, что жил вместе с тобой?

— Гидеон?

— Да.

— Так это всем давно известно! Однажды он ушел в болота и не вернулся. Должно быть, бедняга заплутал и не смог найти дорогу назад. Я думаю, парень либо нашел смерть в волчьих зубах, либо его засосала трясина, а может, гадюка укусила, кто знает?

— И давно это случилось? — Голос Кейна был суров и неприветлив.

— Да уж поболее года будет.

— Все ясно. А теперь послушай меня, Эзра, прозванный скупцом. Вскоре после того, как исчез твой родственник, один из жителей деревни, возвращавшийся к себе домой через пустоши, подвергся нападению неведомой твари и был растерзан на мелкие кусочки. Именно с тех пор верхняя дорога сделалась смертельно опасной. Сперва погибали местные жители, а после и путешественники, имевшие несчастье забрести в эти негостеприимные края... Всех их постигла печальная участь в когтях нечистого духа. За этот год умерло немало людей, и ужасен был их конец.

Побывал прошлой ночью на проклятых пустошах и я. Мне довелось там услышать и увидеть то,

что вряд ли я забуду до конца своей жизни. Я слышал, как убегал очередной несчастный, взывая о помощи; слышал, как демон нагнал его; слышал, как сатанинское отродье терзало христианскую плоть. Этот чужак, не ведавший о том зле, что нашло себе приют на пустошах, был сильным человеком. Уже раненный, дважды вырывался он из бесовских когтей, и дважды чудовище настигало свою жертву. И наконец бедняга умер прямо у моих ног — упокой Господь его душу! Умер в таких муках, что зрелище их заставило бы содрогнуться даже Торквемаду.

Крестьяне беспокойно топтались и испуганно перешептывались за спиной Кейна. Эзра потихоньку утрачивал самообладание. Водянистые глазки старого скряги перебежали с одного лица на другое. С ним произошла разительная перемена — больше он уже не напоминал полоумного старика, скорее — хищную птицу.

— Да, да, ужас-то какой! Вот ужас-то! — забормотал он торопливо. — Не пойму только, с какой стати ты мне эти страшные вещи рассказываешь?

— А вот с какой, ты слушай дальше. Неуязвимый призрак явился по мою душу из теней, и мы бились насмерть над бездыханным телом. Долгим и тяжелым был наш поединок. Не знаю точно, сколько прошло времени, но я стал брать над ним верх. Видно, Силы добра и света были на моей стороне, и порождение Сатаны не могло против них выстоять.

Силен был зловредный дух, да только я оказался сильнее. Демон бежал от меня, и мне не удалось его настигнуть. Однако, прежде чем вырваться из моих рук, адское создание открыло мне страшную правду.

Старый Эзра ошалело глядел на пуританина, съеживаясь прямо на глазах.

— За... зачем ты мне эт... это описываешь? — пробормотал он.

— Я вернулся в деревню и все рассказал людям, — неумолимо продолжал Соломон Кейн. — Ибо я понял, что мне дарована власть навсегда освободить эту землю от павшего на нее проклятия. Собирайся, Эзра!

— Куда?.. — выдохнул старый скупец.

— *На пустоши, к сгнившему дубу!* — был ответ Кейна.

Эзра пошатнулся, словно от удара. Потом издал бессвязный вопль и побежал прочь от страшного человека в черном.

Резким голосом Кейн отдал приказ, и двое дюжих мужиков сейчас же поспешили вперед и изловили беглеца. Выбив из старческой руки, оказавшейся неожиданно крепкой, кинжал, они грубо заломили Эзре руки — и оба содрогнулись от отворачивания, прикоснувшись к его холодной и влажной, словно у жабы, коже.

Кейн жестом велел им следовать за собой и целеустремленно двинулся по болотной дороге. Деревенские повалили следом, причем мужики прикладывали значительные усилия, чтобы удержать хилого с виду старика.

Постепенно дорога становилась суше, и, придерживаясь заросшей тропы, процессия вышла на дорогу, что вела на холм и далее на пустоши. Солнце уже клонилось к закату, и старый Эзра, тараща водянистые глаза, смотрел на него, будто видел в первый раз.

Посредине обширных торфяников возвышался могучий дуб, вершину которого некогда расщепила молния. У начавшего гнить дерева полностью истлела вся сердцевина, оставив лишь изъеденную

жуками пустую оболочку с несколькими корявыми ветвями, которые придавали дереву сходство с виселицей. Именно оно и было целью Соломона Кейна.

Эзра-скряга отчаянно извивался в руках своих пленителей и невнятно подвывал.

— Год с липшим назад,— начал Кейн, повернувшись к крестьянам и старику,— ты, Эзра, убоявшись, как бы твой ненормальный кузен Гидеон не поведал людям о тех мерзостях и жестокостях, которые ты над ним учинял, увел его из дому. Увел той самой тропой, которой мы только что прошли. И на этом месте, под покровом ночи, в полнолуние, ты жестоко убил его...

Эзра дернулся и злобно выкрикнул:

— Пустая ложь! У тебя нет никаких доказательств!

Кейн подозвал к себе юношу помоложе и сказал ему пару слов. Тот немедленно вскарабкался на пустой остов дерева. Там, высоко наверху, у обломанного нижнего сука, оказалось обширное дупло. Парень запустил туда руку и что-то извлек из нутра дерева. Он с отвращением бросил свою находку вниз, и она со стуком рухнула прямо к ногам старика. Эзра страшно вскрикнул, и на губах его выступила пена.

На земле лежала груда человеческих костей, а череп, безрадостно скалившийся в пасмурное небо, был расколот.

— Ты... Как ты смог узнать? Ты сам, должно быть, Сатана!..— забормотал изобличенный убийца.

Кейн скрестил руки на груди.

— Тварь, которую я одолел минувшей ночью, сама поведала мне об этом. Я ее преследовал до самого этого дерева. *Демон-убийца — не что иное, как неупокоенный дух Гидеона!* — вскричал пуританин.

Эзра завыл и остервенело забился в руках крестьян, совершенно потеряв сходство с человеком.

— Ты знал все,— хмуро продолжал пуританин.— Ты знал, кто является причиной всего зла, творящегося на пустошах. Ты сам до смерти боялся призрака злосчастливого безумца, который и в смерти не обрел успокоения. Поэтому ты не смог заставить себя забрать кости отсюда, чтобы скрыть следы своего преступления в бездонной трясине. Тебе было ведомо, что горемычный дух твоего кузена витает близ места своей гибели.

— На твое счастье, Гидеон и при жизни-то был слабоумен. Где ж ему было смекнуть, как найти тебя! Иначе он давно бы уже добрался до твоей хибары. Из всех сынов Адама он ненавидит тебя одного — именно эта ненависть удерживает его на этом свете,— но беда в том, что его помраченный дух не в силах отличить одного человека от другого. Вот он и губит одну несчастную жертву за другой, чтобы ненароком не упустить своего погубителя, ибо в каждом человеке видит тебя, Эзра-убийца!

Однако стоит ему встретиться с тобой, он безошибочно почувствует, кто перед ним. И тогда призрак Гидеона воздаст братоубийце по заслугам, после чего успокоится в мире. Ненависть овеществовала его дух, придала ему способность убивать и калечить живую плоть. И как бы ни страшился он тебя при жизни, теперь того страха нет и в помине!.. — Кейн на мгновение замолк, глядя прямо на солнце.— Все это мне открылось, когда я дрался с ним... Иногда он безумно смеялся, иногда бормотал невнятно, а то и молчал, что было хуже самого страшного крика. И открылось мне также, что утолить его жажду сможет только твоя смерть...

Стояла мертвая тишина, стих даже ветер. Деревенские, так же как и сам Эзра, слушали затаив дыхание.

— Нелегко мне, — продолжил после тяжелого вздоха Соломон Кейн, — вот так хладнокровно приговаривать человека к смерти, да еще назначать ему казнь вроде той, что сейчас у меня на уме. Но ты, Эзра, прозванный скрягой, умрешь именно так. Умрешь, чтобы могли жить другие люди. И — Господь мне свидетель! — ты более чем заслуживаешь смерти. Но тебе не суждено погибнуть от петли, пули или топора палача. Тебе уготовлена другая участь — ты окончишь свою жизнь в когтях порожденного тобою Ужаса. Ничто другое не успокоит эту заблудшую душу и не сможет положить конец кровавой череде смертей.

Когда Эзра-Каин услышал вынесенный ему приговор, остатки разума покинули престарелого убийцу. Колени его подломились, старик повалился наземь и забился в пыли, вымаливая себе у Кейна другую смерть. Безумец умолял сжечь его на костре, содрать кожу с живого или придать другой сколь угодно лютой смерти. Но лицо пуританина оставалось непроницаемо, неподвижно и непоколебимо — так взирала бы на свою жертву Немезида.

Страх, как известно, порождает жестокость. Ухватив пронзительно визжавшего Эзру, крестьяне сноровисто привязали его к остову дуба. Кто-то посоветовал старику в оставшееся ему время примириться с Создателем. Эзра ничего не отвечал, лишь надрывно кричал и кричал на одной ноте. Один из крестьян замахнулся было, чтобы ударом остановить этот невыносимый вой, но пуританин удержал его руку.

— Предоставь ему примиряться хоть с самим Вельзевулом, благо скоро они с ним увидятся,— мрачно сказал пуританин.— Солнце вот-вот зайдет. Ослабьте его путы, чтобы к наступлению темноты старик сумел освободиться. Все-таки негоже встречать смерть связанным. Мы же не язычники, и это — не жертвоприношение!

Люди в молчании потянулись прочь от страшного дуба, предоставив Эзру его судьбе. Какое-то время до них еще долетали бессвязное бормотание и какие-то нечленораздельные завывания, но вот и они стихли. Старик умолк и лишь с ужасающей пристальностью вглядывался в багровый диск заходящего солнца, словно дожидаясь откровения.

Пробираясь по торфяникам, окруженный толпой крестьян, Соломон Кейн лишь единственный раз оглянулся на привязанного к дереву человека. В неверном свете ему привиделось, будто на изломанном прогнившем стволе вырос чудовищный гриб с глазами мертвеца.

И как раз в этот момент приговоренный к смерти человек испустил один-единственный жуткий вопль:

— Смерть! Смерть! Я вижу черепа среди звезд!

— Любому существу дорога его жизнь, даже такому погрязшему во зле созданию,— вздохнул пуританин.— Помолимся же за спасение его души. У Иисуса, чьему состраданию нет предела, наверняка найдется местечко и для грешных душ вроде этой. Может быть, пламень Божий очистит их от скверны, подобно тому как огонь плотника очищает древесину от гнилых грибов. И все-таки тяжело у меня на сердце...

— Да что вы так убиваетесь из-за грешного братоубийцы, добрый сэр? — удивился один из мужи-

ков.— Вы ведь волю Божью исполнили. Этой ночью только добрых дел пребудет!

— Если бы знать,— невесело проговорил Кейн.— Если бы знать...

Солнце село, и темнота сгустилась с удивительной быстротой. Словно из бездны по ту сторону небес на мир пали великанские тени и поспешили окутать его ночным мраком, будто укрывая от неведомой опасности,— да может, так оно и было, кто мог сказать? И вдруг откуда-то из глубин ночи донесся замогильный хохот. Люди невольно замедлили шаг, оглядываясь на то место, которое только что покинули.

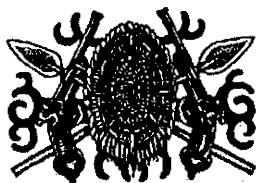
Однако напрасно всматривались они во тьму. Непроглядная тень легла на бескрайние пустоши — ночь надежно укрывала свои тайны. Зловещую тишину нарушал лишь слабый шелест высокой травы на ночном ветру.

Внезапно из-за далекого горизонта появился диск луны. И на его фоне на какое-то мгновение промелькнул черный, четко очерченный силуэт мчавшегося сломя голову мужчины. Скрюченный, кособокий, он, тем не менее, пронесся едва касаясь земли. А за ним, неумолимо настигая беглеца, проплыла эфемерная тень — безымянный ужас, вызванный из небытия деянием рук человеческих.

На одно неуловимое мгновение, которое людям показалось бесконечно долгим, оба силуэта застыли на фоне рябого лика луны, потом слились в жуткий бесформенный клубок и растворились в тенях.

По пустошам прокатился отголосок ледящего душу призрачного смеха, в котором явственно прозвучало удовлетворение. И пала тишина...

ДЕСНИЦА СУДЬБЫ

-А

по утру висеть ему на солнышке! Ей-ей!

Говоривший звонко хлопнул себя по ляжке и разразился неприятным визгливым хохотом. Отсмеявшись, он отхлебнул вина из кружки, стоявшей у локтя, отер слюнявый рот и хвастливо оглядел сидевших рядом людей.

Мечущиеся в камине языки пламени озаряли таверну и пивших пиво или вино людей. Ник-

то не ответил — все сидели уткнувшись носами в свои кружки.

— Роджер Симеон, некромант! — глумливо продолжал обладатель визгливого голоса. — Магистр дьявольских наук и творец черной магии! Вот что я вам скажу: вся его нечистая сила не помогла ему, когда королевские солдаты окружили пещеру колдуна и заковали его в кандалы. А уж как он дал деру, когда люди принялись швыряться камнями в его окна! Что бы вы думали? Этот глупый чернокнижник надеялся отсидеться в своей пещере, а потом улизнуть во Францию! Ну и дела, ей-ей! Ничего, дальше петли не убежит. Славное дельце, вот что я вам скажу!

Мужчина бросил на стол небольшой кожаный мешочек. Раздался мелодичный звон.

— Цена жизни некроманта! Даже такой злодей оказался чем-то полезным! — Хвастун снова в одиночестве заржал над своей шуткой. — А ты что скажешь, мой кислотицый друг?

Эти последние слова адресовались одетому в непритязательную черную одежду пуританина молчаливому мужчине, задумчиво смотревшему на огонь. Он был очень высок, широкоплеч, жилист (хотя глупец счел бы его худым) и, судя по всему, исключительно силен. Он обратился к говорившему бледное угрюмое лицо и впериł в него взгляд глубоких и полных льда глаз.

— А я тебе вот что скажу, — ответил пуританин, не повышая голоса, в котором, однако, угадывалась удивительная мощь. — Если кто и совершил сегодня богомерзкое дело, так это ты. Пускай некромант хоть тысячу раз заслуживает смерти, он доверился тебе. Более того, называл тебя своим другом. А ты продал его за горсть паршивых монет, Иуда. Попомни мое слово, гореть вам в аду рядом...

Его собеседник, невысокий коренастый малый с недоброй физиономией, только открыл вислогубый рот для гневной отповеди, да вдруг передумал. Наткнувшись на твердый взгляд пуританина, насмешник подавился хулой. Некоторое время высокий мужчина пристально смотрел на него, а затем гибким кошащим движением поднялся на ноги и вышел из комнаты. Шаг у него был пружинистый и широкий.

— Что это еще за тип!? — возмутился оскорбленный крепыш. — Да как он вообще позволил себе защищать подручных Сатаны в присутствии честных людей? Клянусь Господом нашим, наглецу крупно повезло, что он не схлестнулся с Джоном Редли и сохранил сердце в груди!

Хозяин таверны нагнулся к огню, ухватил щипцами уголек, неторопливо раскурил длинную трубку и сухо бросил настырному Джону Редли:

— Это тебе крупно повезло, Джон. — Он выпустил клуб дыма прямо ему в лицо. — Возблагодари своего ангела-хранителя, парень, за то, что он удержал твой склоняемый рот закрытым и помог тебе сохранить твой длинный язык. Ты только что испытывал терпение Бича Божьего — Соломона Кейна! А по сравнению с этим пуританином самый лютый волк покажется овечкой!

Редли что-то буркнул себе под нос, выругался и, злобно засопев, повесил мешочек с деньгами обратно на пояс.

— Ну что, останешься на ночь? — спросил хозяин.

— Ей-ей, хотел бы я еще задержаться в Торкертоне, чтобы посмотреть, как завтра паршивец Гидеон спляшет тарантеллу на виселице, — утрово проворчал Редли, — но на рассвете меня ждут в Лондоне.

Хозяин наполнил стоявшие перед ним кубки.

— Выпьем за спасение души раба Божьего Симеона, да сжалится над ним Господь. И да не получится у него отомстить тебе, Джон Редли, как он в том поклялся.

Крепыш подскочил на месте и вновь выругался, но потом расхохотался с нарочитой бравадой. И в этот раз он смеялся в одиночестве. Смех прозвучал фальшиво и оборвался на визгливой ноте.

...

Соломон Кейн проснулся, как от толчка, и сел в постели. Спал он очень чутко, как и подобает человеку, жизнь которого напрямую зависит от ловкости и внимания. Если он проснулся посередине ночи, значит, тому причиной послужил некий подозрительный звук. В щелочку закрытых ставней просачивался мутный белесый свет — ночь уступила место туманному рассвету, встававшему над миром. Кейн прислушался, но вроде все было тихо.

И вдруг до его ушей донесся странный звук, явственно прозвучавший в предрассветной тишине. Звук этот был тихим-тихим и раздавался снаружи — в этом пуританин был полностью уверен. Так могла бы карабкаться по дереву кошка, цепляясь коготками за кору. Кейн внимательно слушал. Когда неподалеку раздался звук возни со ставнями, он поднялся. Держа в одной руке рапиру, а в другой готовый к бою пистолет (который он всегда на ночь клал под подушку), Кейн бесшумно пересек комнату и резким движением распахнул ставни настежь.

Взору пуританина открылся мир, окутанный предрассветной мглой. Низкая луна в полном одиночестве висела над западным горизонтом. За окном не таилось никакого грабителя. Соломон высунулся

наружу и огляделся — ставни соседней комнаты были растрепаны.

Англичанин закрыл окно и, одевшись, прошел к двери. Отворив прочный засов, он вышел в коридор. Действовал Соломон, как обычно, по первому побуждению. Времена нынче стояли беспокойные, и нападение грабителей было обычным делом, к тому же таверна располагалась в нескольких часах ходьбы от ближайшего городка — Торкертауна. Судя по всему, кто-то не в меру прыткий проник в соседнюю комнату, и ее спящий обитатель, вполне возможно, сейчас находился в смертельной опасности. Кейн не стал терять времени, взвешивая все «за» и «против», а просто подошел к дверям соседней комнаты. Она оказалась не заперта на засов, и пуританин вошел вовнутрь.

Окно было распахнуто настежь, и туманный свет бледным призрачным мерцанием ложился на спящего человека. На кровати мирно похрапывал мужчина, в котором Кейн узнал Джона Редди, того самого, что выдал некроманта королевскому правосудию.

Уловив краем глаза какое-то движение, пуританин стремительно повернулся к окну. Его взору предстало переваливающееся через подоконник невероятное существо. Больше всего оно походило на огромного паука, только каких-то очень странных пропорций. Не успел Кейн сделать и шагу, существо уже соскочило на пол и шустро побежало к кровати.

Полумрак комнаты не дал Соломону Кейну возможности толком рассмотреть неведомую тварь, он лишь обратил внимание, что она была очень бледная и какая-то неприятно волосатая, да еще вымазанная грязью, судя по тем темным полосам,

которые оставила на свежеекрашенном подоконнике.

Тем временем создание добралось до кровати и весьма целеустремленно, хотя и неуклюже, стало взбираться по ножке вверх. Существо цеплялось за резное дерево сразу всеми пятью толстыми лапками с какими-то странно выглядевшими суставами. Что-то в этой картине было неуловимо знакомое и вместе с тем удивительно отвратительное, производящее невероятно жуткое впечатление. Кейн словно прирос к полу.

Бесовское создание вскарабкалось по столбику в изголовье кровати и замерло над ничего не подозревающим человеком. Только тут Кейн стряхнул с себя дьявольское наваждение и бросился вперед, стараясь громким криком предупредить спящего Редди. Тот сразу же проснулся и увидел нависающую над ним жуть. Глаза его от ужаса выкатились из орбит, и он испустил отчаянный вопль. В то же мгновение паукообразная тварь шлепнулась вниз, прямехонько ему на грудь. Кейн уже подлетал к постели, когда толстые лапки сомкнулись на шее несчастного. Раздавшийся характерный треск дал ему понять, что в спешке уже нужды нет. Чем бы ни являлось это порождение тьмы, но оно переломило Джону Редди шею, точно хворостину.

Обмякший мужчина неподвижно лежал на кровати. Глаза его были выпучены, изо рта свешивался язык, а голова была повернута к телу под неестественным углом. Паук разжал свои лапки, оказавшиеся столь чудовищно сильными, рухнул на простыню, пару раз судорожно дернулся и замер без движения.

Соломон склонился над жуткими останками. Он не мог себя заставить поверить в то, что предстало

его глазам! Ибо существо, сумевшее подняться по стене, отворить ставни, проползти по полу и убить болтуна Джона Редли прямо в собственной постели, оказалось не чем иным, как... *человеческой рукой!*

Теперь она валялась рядом с покойником безжизненная и обмякшая, как это и положено руке, отделенной от тела. Соблюдая крайнюю осторожность, не зная, что еще в состоянии выкинуть дьявольское творение, Кейн насадил ее на кончик рапиры и поднес к свету. Кисть несомненно принадлежала очень крупному мужчине: широкая, мясистая, с толстыми пальцами и поросшая грубым черным волосом — точь-в-точь обезьянья лапа. Она была отрублена у самого запястья и покрыта сгустками спекшейся крови. На указательном пальце было надето узенькое серебряное колечко очень необычной формы — в виде свившегося кольцами змея, кусающего себя за хвост.

Кейн все никак не мог отвести глаз от своего устрашающего трофея, когда в комнату ворвался толстяк, облаченный в ночную рубашу и ночной колпак, — хозяин таверны. В одной руке мужчина держал зажженную свечу, в другой — древний пистолет с раструбом.

— Матерь Божья! — ахнул он, увидев труп на кровати.

И только потом кабатчик обратил внимание, что именно держал Кейн на кончике рапиры, враз став белее полотна. Он, словно загипнотизированный, приблизился к пуританину, и глаза у него выкатились из орбит — прямо как у покойного Джона Редли. Хозяин подался назад и бессильно рухнул на стул, оружие вывалилось из его безвольно разжатой руки. Он был до того бледен, что Кейну показалось, что толстяк сейчас рухнет без чувств.

— Во имя Господа нашего, сударь! — прошептал хозяин таверны, хватая ртом воздух. — Нельзя допустить, чтобы эта... это... опять как-нибудь ожгло... Там внизу, сэр, в камине горит огонь...

Кейн явился в Торкертаун незадолго до полудня. Прямо на городской окраине ему повезло наткнуться на словоохотливого юного бездельника. Тот его сам окликнул:

— Удачного вам дня, сэр! Без сомнения, вы, равно как и прочие добрые люди, рады будете узнать, что Роджер Симеон, чернокнижник, встретил рассвет на виселице. Только-только солнышко показалось, как его и вздернули.

Кейн мрачно поинтересовался:

— По крайней мере, он хоть принял смерть мужественно?

— Вне всякого сомнения, сэр! Нисколько не дрогнул! Только, знаете ли, все равно дело странное вышло. Представляете, Роджер Симеон отправился на виселицу только с одной рукой!

— Как это понимать?

— Сейчас я вам все объясню, сэр. Прошлой ночью сидел колдун в своей клетке — ну прям, говорят, огромный черный паучище! Так вот, сидел он себе там, сидел, да возьми и подзови стражников, — а караулили его парни из наших, городских, — и попросил исполнить последнее желание. И захотел он, ни более ни менее, чтобы ребята оттяпали ему правую руку! Каково?! Ну бедняги, ясное дело, ни в какую, да потом забоялись, как бы Черный Роджер их не проклял. Вот один взял меч да и отрубил чернокнижнику правое запястье. Так что дальше делает колдун? Симеон хватается левой рукой

отрубленную кисть и швырк ее в зарешеченное окошко! Ну а потом забился себе в угол и давай бормотать свои богомерзкие заклинания!

У стражников, сударь мой, от таких дел, вестимо, чуть кондрашка не приключилась. Только сам чернокнижник их успокоил. Так им и сказал: не бойтесь, орлы, не держу на вас зла. У меня, мол, говорит, дельце осталось только с дружкой моим загадным Джоном Редли, который предал меня.

После этого он, добрый сэр, перетянул обрубок руки платком, чтобы кровью не истечь, и остаток ночи просидел точно в трансе — лишь бормотал себе под нос что-то время от времени. Знаете, как это бывает, когда человек забудется и сам с собой разговаривает. Так и сидел в углу до утра. Ребята рассказывают, будто подгонял кого, то «Вправо, вправо!» шепчет, то «Бери левее!», а то и «Вперед, теперь вперед давай!».

Можете мне не верить, сударь, только именно так все и произошло. Жутко слушать его было, говорят. Да и смотреть тоже. Я, например, как представляю, как он там сидит скорчившись и прижимая окровавленный обрубок к груди, так и вздрогну. А когда стало светать, за ним солдаты пришли и повели вешать.

Что даьше было, так я сам видел. Когда, значит, ему петлю уже на шею наладили, он вдруг весь страшно напрягся, захрипел с натуги, а мускулы на правой руке, на той, где кисти не хватало, прямо вздулись, точно он шею кому-то ломал!

Солдаты, понятное дело, на него навалились, но он и сам уже успокоился. И начал хохотать, да так громко и страшно! Так и смеялся, пока у него из-под ног подставку не выбили. Знаете, сэр, только тут он замолчал и повис, черный и неподвижный,

лишь предрассветное солнышко косилось на него своим красным глазом.

Соломон Кейн не разу не перебил парня, захваченного своей историей. В этот момент он вспоминал нечеловеческий ужас, исказивший черты Джона Редли в миг пробуждения, когда он понял, что проклятие некроманта настигло его. И совершенно явственно Соломон Кейн увидел перед мысленным взором следующую картину: отрубленная волосатая кисть, цепляясь пальцами за корни деревьев, пробирается на ощупь по ночному лесу, точно слепой черный паук, потом карабкается по стене, возится с оконными ставнями, взлезает на подоконник... В этом месте кончалось нарисованное воображением и начинались доподлинные воспоминания. Однако возвращаться к тем ужасающе омерзительным событиям, которые развернулись дальше, у пуританина не было ни малейшей охоты.

Соломон подивился тому черному пламени ненависти, что пожирало сердце обреченного некроманта, равно как и тому сатанинскому могуществу, которым обладал Роджер Симеон, если уж сумел отпавить в дорогу собственную отсеченную руку и заставил ее воплотить свой поистине дьявольский план! Поневоле он отдал дань уважения той неукротимой воле, пускай и подкрепленной непотребным колдовством, что двигала колдуном.

И все-таки, желая окончательно удостовериться, Кейн поинтересовался:

— А что, его отсеченную руку так и не разыскали?

— Нет, добрый сэр. Стражники обнаружили то место, куда она упала из тюремного окошка, но окаянного обрубка не нашли. Там был только кровавый след, который уводил в лес. Должно быть,

волки, сэр. Унюхали свежую кровь, да и хватъ в зубы!

— Должно быть, волки,— согласился Соломон Кейн.— Кто же еще? И руки у этого Роджера Симеона, верно, были большие и волосатые? А скажи, не носил ли он на указательном пальце правой руки этакое колечко замысловатое?

— Истинно так, сэр! Именно на правой руке. Серебряное такое колечко в виде гада свернувшегося...

ПОД ПОЛОГОМ КРОВАВЫХ ТЕНЕЙ

Л

1

уный свет наполнял переливчатым мерцанием стоящую между окутанными тенями деревьями туманную дымку, заставляя ее светиться обманчивым серебряным светом. Слабый ветерок что-то шептал, пробегаая по долине. Он словно бы увлекал за собой некую тень, которая, впрочем, не принадлежала к сонму лунных. Кроме того, ветерок явственно отдавал дымом.

Высокий жилистый мужчина шел широким размеренным шагом. Несмотря на то что он вовсе не спешил, такой темп выдержать бы мог далеко не каждый. Человек этот отправился в путь ранним утром и с тех пор шагал безостановочно, оставив за спиной не один десяток лиг. Неожиданно он остановился.

Зоркие глаза неведомого путника, чутко реагирующие на любое изменение обстановки, не оставили без внимания едва заметное шевеление между деревьями. Человек опустил руку на рукоять тяжелой гибкой рапиры, бесшумно сошел с тропы и, словно призрак, растворился во мгле.

Сливаясь с теньями, он, крадучись, двинулся к месту, где услышал подозрительную возню. Путник напрягал зрение, всматриваясь в темные заросли. Здесь края были дикие и небезопасные; то, что таилось под покровом тьмы, запросто могло нести смерть неосторожному путешественнику. Наконец он что-то смог разглядеть, потому что убрал ладонь с эфеса и наклонился вперед. Это действительно был один из ликов Смерти, но отнюдь не тот, что мог его напугать.

— Пламя Гадеса! — пробормотал он. — Девушка! Кто же так с тобой обошелся, дитя? Тебе не надо меня бояться, — добавил он успокаивающе.

Девушка смотрела на него снизу вверх. Даже в темноте бросалась в глаза восковая бледность прекрасного личика.

— Что... кто... вы?.. — Даже несколько слов дались ей с трудом.

— Не кто иной, как бездомный скиталец. А также друг всех попавших в беду. — Таков был ответ незнакомца. Голос этого грозного с виду мужчины, явно поднаторевшего в искусстве пресекать не-

нужные жизни, оказался на удивление мягким и ласковым.

Девушка попыталась приподняться на локте, но силы ее покинули. Мужчина опустился рядом с ней на колени и аккуратно приподнял бедняжку, устроив ее голову у себя на плече. Усаживая девушку поудобнее, он коснулся ее груди — спереди платье оказалось влажным и липким. На его руке остался кровавый след.

— Скажи, кто это был? — Он говорил с девушкой тихо и нежно, точно с испуганным ребенком.

— Ле Лу¹, — быстро слабеющим голосом прошептала умирающая девушка. — Бандиты зовут его... Волк... Его шайка... ворвалась в нашу деревню... что милей дальше в долине... Они грабили... убивали... жгли...

— Так вот почему здесь пахнет гарью, — пробормотал странник. — Продолжай, дитя.

— Я пыталась убежать. Но он, Волк... преследовал меня... и поймал... а потом... — Ее голос задрожал, и девушка умолкла, не в силах продолжать дальше.

— Все в порядке, девочка, я понимаю. Но что дальше?

— Потом... он... он... ударил меня кинжалом... О, во имя всех святых, как больно!

Тоненькое тело мучительно изогнулось и обмякло. Мужчина бережно опустил девушку на землю и легким движением закрыл умершей глаза.

— Вот и все! — пробормотал он.

Странник медленно поднялся на ноги, машинально отирая окровавленные руки о плащ. Глу-

¹ Le Loup — волк (фр.).

бокая морщина пролегла между его нахмуренных бровей, из-под которых сверкнули ледяные глаза. Но этот поразительный человек не стал сотрясать воздух поспешными обетами или проклятиями, призывая в свидетели ангелов и чертей. Мужчина в черном, похоже, знал истинную цену подобным словам.

— Жизнь за жизнь. — Вот и все, что сказал он. И голос его был абсолютно спокоен.

2

— Ты дурак! — В голосе, напоминавшем более рычание злобного хищника, прозвучала такая убийственная ярость, что навлекший ее на себя здоровенный бандит побледнел от страха, словно перепуганная белошвейка.

Названный дураком даже не попытался ничего возразить, только опустил глаза и переминался с ноги на ногу.

— И ты, и все остальные, с кем меня заставила общаться злодейка-судьба! — Говоривший наклонился вперед и грохнул жилистым кулаком по неструганым доскам грубо сколоченного стола, который разделял собеседников.

Это был рослый, ладно скроенный мужчина, наделенный гибкостью и силой леопарда. И такой же жестокий. Лицо у него было худое, узкое и хищное, а в глубине беспощадных глаз плясало свирепое и сумасшедшее веселье.

Человек, которого он распекал, наконец осмелился подать голос:

— Говорю же тебе, этот Соломон Кейн — чистый демон из преисподней!

— Чуть! Он такой же человек, что и ты, болван! И так же запросто подойдет от пистолетной пули или хорошего удара кинжалом!

— Ты скажи это Жану, Жаку и Ла-Косте, — мрачно ответил второй. — Они бы с тобой согласились. Ну и где все они теперь? Не худо бы тебе пообщаться по этому поводу с горными волками, которые уже дочиста обглодали их кости. А где, по-твоему, прячется этот Кейн? Мы облазили все горы сверху донизу, обошли все долины на многие лиги кругом — нигде ни малейшего следа! Повторяю тебе, Ле Лу, он по ночам выскакивает прямо из ада пекла! Я как чувствовал, не надо было вешать того монаха! Вот гад, он уже месяц в раю тренькает на арфе, а у меня все еще душа не на месте!

— Вот это точно, — согласился тот, кого называли Волком. — В заднице она у тебя.

Ле Лу раздраженно забарабанил пальцами по столу. Нельзя было назвать его внешность отталкивающей, хотя черты его лица носили печать всевозможных безумств и пороков. Но, тем не менее, это было лицо человека, умеющего думать. И суеверий своих недалеких подчиненных бандит не разделял.

— Говорю тебе в последний раз, выкинь из головы эту чушь, — рявкнул он. — Ублюдку просто повезло наткнуться на хорошо укрытую пещеру или какое-нибудь неизвестное нам ущелье. Там-то эта крыса и отсиживается в течение дня...

— ...а по ночам вылезает наружу, словно упырь из могилы, и убивает нас одного за другим, — мрачно закончил его собеседник. — Он режет нас, что твой волк оленей... Боже правый, Ле Лу, ты вот называешь себя Волком, но, помини мое слово, наравлся ты в конце концов на хищника с зубами поболее твоих! Мы и прознали про этого парня,

только когда нашли Жана, — уж кто, как не он, был первостатейный драчун из всех тех, кого черти в аду ждут не дождутся! А мы находим его приколотым к дереву, словно туза пик, да еще собственным кинжалом. И на щеках у бедолаги вырезаны буквы — С. Л. К.!

Нет, ты послушай. Потом пришел черед Хуана Испанца. Когда мы на него набрели, он промучился еще ровно столько, чтобы поведать нам, что его замочил здоровенный англичанин по имени Соломон Кейн. И что, мол, поклялся он известить всю нашу банду! Дальше — больше! Ла-Коста, фехтовальщик, уступающий мастерством разве что тебе, отправляется на поиски этого чертова англичанина. Клянусь чертями геенны огненной, он таки его нашел! А мы, в свою очередь, нашли Ла-Косту. Он был почти как новенький, только вот мертвый, с одной-единственной аккуратной дырочкой в груди от шпаги. Что же теперь? Ждать, пока Соломон Кейн — этот адский цербер, будь он неладен, перебьет нас одного за другим?

— Лучшие наши парни приняли смерть от рук бешеного англичанина. Что-то надо делать, тут ты прав, — наконец признал предводитель бандитов. — Ладно, скоро вернутся наши с маленькой прогулки к тому сквалыге-отшельнику. Придут, тогда и покумекаем, что делать будем. Не век же этому Кейну отсиживаться в горах? Стоит ему высунуться и... Это что еще такое?!

Мужчины резко обернулись ко входу в пещеру, служившую им жильем. На стол между разбойниками легла чья-то тень. Сквозь каменный лаз, шатаясь из стороны в сторону и цепляясь за стены, в пещеру ввалился человек. Рубаха его была обильно залита кровью. Он смотрел прямо перед собой и, похо-

же, с трудом соображал, что происходит. Бандит из последних сил сделал еще пару шагов, но тут ноги его отказали, и он рухнул прямо на стол, а затем сполз на пол, заляпав дерево кровью.

— Дьяволы ада! — выругался Волк, подхватывая бессильно обмякшее тело и водворяя его на скамью. — Где остальные, разрази тебя гром?!

— Мертвы... Все мертвы...

— Что значит мертвы? Да говори же ты, ублодок, чтобы тебя Сатана уволок!

Волк злобно тряс умирающего, в то время как второй разбойник застыл столбом, выпучив в ужасе глаза.

— Мы... добрались к избушке затворника... только луна вышла... — пробормотал бандит, приходя в сознание. — Мне выпало остаться снаружи... на стреме... Остальные вошли в избушку... Посмотреть, как Марсель будет пытать старого засранца... Чтобы этот чертов отшельник... выдал нам... где заныкал свое золотишко...

— Ну да, да, понятно! Дальше давай! — Волк буквально с ума сходил от нетерпения.

— Дальше... полыхнуло огнем... избушка аж взлетела выше деревьев... Потом пошел огненный дождь... и я сквозь пламя увидел... отшельника, а рядом с ним высокого малого в черном... Они появились из-за деревьев...

— Соломон Кейн! — побледнел недавний собеседник Волка. — Я тебя предупреждал, Ле Лу! Вот мы и допрыгались! Он...

— Заткнись, урод! — гаркнул главарь. — А ты продолжай! И смотри мне, не вздумай сдохнуть!

— Я побежал... Кейн погнался за мной... этот дьявол настиг меня... но я вырвался и убежал... и подоспел сюда прежде... Черт, я умираю!...

Раненый опять начал сползать со скамьи, навалившись всем телом на стол.

Волк свирепо пнул его в бок, приводя в чувство.

— Дьяволы и святые угодники! — взревел он. — Скажи, скажи, как он выглядит, этот ублюдок Кейн!

— Как... как Сатана... — выдохнул раненый.

Голос его угас, и жизнь оставила разбойника. Мертвое тело окончательно сползло на каменный пол и осталось там лежать грудой кровавых тряпок.

— Эт-т-то и ест-т-ть с-сам С-сат-т-тана! — заикаясь, пролепетал второй бандит. — Я ж-же т-т-тебе гов-в-ворил! Это сам р-рогатый во п-плоти! Мы п-проп-пали!..

Он выпучил глаза и замолк: в пещеру ввалился еще один перепуганный разбойник.

— Кейн?

— Да! — Волк был настолько выбит из колеи свалившимися на него новостями, что не смог даже с ходу соврать. — Ты там повнимательнее, Ла Мон! Сейчас мы с Крысой к тебе подойдем.

Разбойник выскочил, и Ле Лу повернулся к подельщику.

— Стало быть, банде конец, — протянул он. — Я, ты да этот придурок Ла Мон — вот и все, что осталось. Не густо... Что делать будем?

Совсем потерявший от страха голову Крыса с трудом выдавил:

— Бе-бе-бежать!

— Бе-бе, бе-бе, — передразнил его Волк. — Значит, так. По-быстрому сгребем цацки и золотишко из этих сундуков и делаем ноги через потайной ход.

Поняв, что никто не собирается задерживаться здесь больше, чем необходимо, и у него появился шанс избежать встречи с ужасным Соломоном Кейном, Крыса оживился.

— А как же Ла Мон? — спросил он у главаря.

— Да черт с этим ворюгой. Пускай себе караулит. Дурак как раз задержит англичанина ровно на столько, чтобы мы успели смыться. Тебе что, больно надо делить добро натрое, когда можно пополам?

Тупую и злобную рожу Крысы перекосила гаденькая ухмылочка. Потом до него неожиданно дошло:

— Что значит «задержать» англичанина?.. Подожди-ка! Он, что, — Крыса носком сапога ткнул в мертвого бандита, — говоря, что подоспел сюда «прежде», имел в виду, что Кейн по пятам за ним направляется... *Сюда!*?

Волк только оскалился в ответ, нетерпеливо мотнув головой в сторону сундуков с сокровищами. Крыса поспешно бросился к бандитской казне.

Огарок свечи, стоявший в глиняном черепке на столе, освещал безумную сцену. Дрожащее, мечущееся пламя отбрасывало желтые блики на стол, стены, пол и отражалось мутным пятном в луже крови, все шире растекающейся из-под мертвого тела; оно играло на самоцветах и золоте, которые жадные руки торопливо выгребали из окованных медными полосами походных сундуков, выстроенных в ряд вдоль стены.

Если бы в этот момент в пещере мог оказаться сторонний наблюдатель, он, несомненно, обратил бы внимание, что глаза Волка блестят тем же металлическим блеском, что и его кинжал, до поры до времени укрытый в ножнах.

На то, чтобы выгрести сокровища из сундуков, Крыса затратил не так уж мало времени. Наконец их содержимое было вывалено мерцающей грудой прямо на заплыванный и залитый кровью пол. На

мгновение Волк замер, прислушиваясь. Нет, вроде снаружи все было тихо, и мужчина расслабился. Хотя живое воображение Ле Лу тут же нарисовало зловещую картину: убийца в черном — Соломон Кейн — беззвучно крадется во тьме, пробираясь сквозь ночной лес, по его душу. Невесомый силуэт среди призрачных теней...

Волк злорадно хохотнул. Ну уж нет, сказал он себе, до него Кейну никогда не добраться, он, Ле Лу, слишком для него умен. На сей раз англичанин останется в дураках.

— Еще сундук забыл, — буркнул он, указывая разбойнику на окованный медью ящик.

Крыса чертыхнулся и послушно нагнулся над сокровищами, на которые ему указал главарь. Волк одним звериным прыжком преодолел разделяющее их расстояние, рука его стремительно рассекла воздух. Крыса, не издав ни звука, рухнул на пол, заливая кровью золотые россыпи. Аккурат между лопаток жадного разбойника торчал кинжал.

— С чего ты, тупица, решил, что я вообще собираюсь что-то делить? — хмыкнул себе под нос Ле Лу, выдерживая окровавленный клинок и вытирая его о камзол мертвеца. — А теперь разберемся с Ла Моном...

Волк повернулся было к выходу, но замер как вкопанный. А потом и вовсе попятился назад.

Сперва ему показалось, что перед ним действительно появился сам Сатана, ступившийся из клубов мрака. Но, отогнав от себя прочь дурацкие выдумки покойного Крысы, он понял, что это всего лишь человек. Человек в черном. Удивительная неподвижность которого в обманчивом свете воскового огарка действительно придавала ему сходство с тенью.

Незнакомец был очень высок, по меньшей мере не уступая ростом самому Ле Лу, и с головы до ног закутан в черное. Такая облегающая, простая и лишенная украшений одежда — от грубых черных башмаков до мягкой фетровой шляпы — выдавала в нем пуританина и удивительно гармонировала с удлинненным сумрачным лицом. О, что это было за лицо — угрюмое и замкнутое, поразительно бледное, оно поистине придавало человеку в черном вид выходца с того света! А густые нахмуренные брови и впрямь наводили на мысли о Сатане...

Широкие плечи и длинные руки безошибочно выдавали в незнакомце фехтовальщика, равно как и тяжелая рапира, которую он держал наготове. Ле Лу сразу понял, что, несмотря на отсутствие драгоценных камней на эфесе, который никогда не знал позолоты, это было серьезное и смертоносное оружие.

Глаза прищельца — большие, глубоко посаженные, немигающие — смотрели на бандита в упор. Волк, глядя в них гораздо дольше, чем ему хотелось бы, так и не понял, какого они цвета. Пожалуй, единственным, что нарушало мефистофельский облик незнакомца, был высокий чистый лоб, сейчас наполовину скрытый надвинутой шляпой. Ле Лу особенно поразил этот контраст: лицо мечтателя, идеалиста, интересующегося лишь собственным внутренним миром, и непроницаемые, как арктические льды, глаза фанатика и прирожденного убийцы. И тут крылось определенное родство душ этих людей, знавших истинную цену жизни и смерти. Любой, кому довелось бы сравнить глаза двух мужчин, отметил бы наполнявшую их колоссальную жизненную силу и нестигаемую волю. Но на том сходство и кончалось.

Глаза главаря разбойников напоминали ограниченный темный обсидиан. Их поверхность переливалась эффектным мерцающим светом, но он не мог проникнуть в зловещие глубины. Эти самоуверенные глаза выдавали в их хозяине человека сильного, бесстрашного до безрассудства и... крайне жестокого.

Очи же человека в черном сурово взирали на окружающее из-под нависших бровей, проникая в одному ему известные глубины мироздания, и напоминали алмаз чистейшей воды. Тот, кто заглядывал в них, рисковал затеряться в холодной гипнотической глубине зрачков. Это были глаза Бича Божьего.

Сейчас взгляды этих личностей скрестились, точно шпаги. Волк, привыкший внушать людям страх и подавлять их волю, впервые в жизни ощутил желание отвести взор, непривычный холодок пробежал по его позвоночнику. И француз, больше всего ценивший в жизни риск и острые ощущения, попытался отогнать от себя это неприятное чувство смехом.

— Соломон Кейн, полагаю? — поинтересовался он, постаравшись придать голосу выражение вежливой скуки.

— Да, Соломон Кейн. — Глубокий голос резонировал в тесной пещере. — Готовы ли вы предстать пред Господом нашим?

— Сию же минуту, моншер, — отвесил издевательский поклон Ле Лу. — Причем, заметьте, более готовым, чем теперь, вряд ли когда буду. Позвольте задать вам тот же самый вопрос, моншер.

— Без сомнения, я неудачно выразился, — бесстрастно ответил Кейн. — Давайте скажем так: готовы ли вы предстать пред своим хозяином Сатаной?

— Вот вы о чем, моншер... — Ле Лу с нарочитой беззаботностью рассматривал свои ногти. — Можете быть уверены, что я в любой момент готов представить его рогатому величеству полный отчет о своих делах. Хотя, по вполне понятным причинам, не собираюсь делать это в ближайшее время.

Волку не надо было гадать, что случилось с Ла Моном: само присутствие Кейна в пещере красноречиво свидетельствовало о судьбе бандита. Так что смотреть на окровавленную рапиру англичанина было необязательно.

— Вы мне лучше скажите другое, моншер, — миролюбиво поинтересовался Ле Лу. — Какого дьявола вам понадобилось сживать со свету всю мою банду, чем она вам не угодила? И было бы интересно услышать, каким образом вы сумели отделаться от целой толпы моих остолопов.

— Ответ на ваш второй вопрос, сударь, на удивление прост, — сказал Кейн. — Дело в том, что это именно я распустил слух, будто у отшельника на черный день где-то припрятан мешок золота. Я знаю, что этот презренный металл притягивает разного рода подонков, как падаль — стервятников. И, как видите, я и сейчас не ошибся.

Мне не составило особого труда проследить пару дней и ночей за хижинкой затворника. Как только я заметил приближение ваших негодяев, я предупредил святого человека, и мы вместе укрылись в чаще неподалеку от избушки. Дальше было еще легче: как только разбойники оказались внутри, мне осталось лишь высечь огонь и запалить фитиль. Огонь быстро пробежал между деревьями и воспламенил бочонок с порохом, который я заблаговременно заложил под пол хижины. Именно взрыв порохового заряда вдребезги разнес домик. И среди дыма и пламени

чертова дюжина грешников напрямик отправилась в ад. Одному, правда, посчастливилось унести ноги. Но я настиг его в лесу и, не случись мне споткнуться о корень и упасть, добил бы негодяя наверняка.

— Моншер! — Ле Лу отвесил шутовской поклон пуританину. — Позвольте выразить вам мое восхищение. Я впервые встречаюсь со столь умным и решительным противником. Но, дьявол вас раздери, соизвольте же наконец объясниться, почему вы вцепились в меня, точно клещ в собаку?

— Несколько месяцев назад вам с вашей шайкой случилось разграбить деревушку в долине, — продолжал Кейн с каменным выражением лица, и лишь в его глазах разгоралось опасное пламя. — Не мне вам рассказывать, что там происходило, Ле Лу. Среди прочих невинных жертв оказалась одна девушка, по виду суший ребенок. Несчастное дитя обмануло внимание палачей и бежало, стараясь спастись от вашей скотской похоти. Но вы настигли ее! Ничто не удержало вас от того, чтобы надругаться над ней и, напоследок ткнув кинжалом, оставить умирать в лесу. Я случайно набрел на нее незадолго до того, как несчастная скончалась. И над ее бездыханным телом я пообещал себе, что непременно выслежу вас и убью.

— Хм-хм... — Ле Лу наморщил лоб, пытаясь припомнить те события, о которых говорил пуританин. — Mon Dieu! Да разве упомнишь всех девок, которых я где-то бросил? Впрочем, вроде что-то такое припоминаю... Ага, тут замешаны нежные чувства! Кто мог подумать, что вы, моншер, окажитесь столь влюбчивы! Полноте, друг мой, на белом свете полным-полно баб, которые сочтут за честь переспать с такими мужчинами, как мы. Стоит ли ревновать?

— Придержи язык, Ле Лу! — Кейн повысил голос, что с ним случалось крайне редко. — Мне еще не приходилось пытаться людей до смерти, но, во имя Господа нашего, ты меня искушаешь пожертвовать своей бессмертной душой!

Его тон и в особенности божба, совершенно невообразимая на устах такого человека, как Кейн, заставили Ле Лу несколько протрезветь. Глаза разбойника сузились, рука легла на рукоять рапиры. Однако он как ни в чем не бывало продолжил.

— Кем она вам доводилась, моншер? — поинтересовался он небрежно. — Супругой?

Кейн ответил:

— Я ее никогда прежде не видел.

— *Nom d'un nom!* — разразился француз отменной бранью. — Станный вы человек, моншер. Получается, что вы просто приняли на себя обет кровной мести из-за деревенской потаскухи, которую впервые увидели.

— Это, сударь, не ваше дело. Вам станется и того, что я на себя возложил.

По правде говоря, Кейн сам бы затруднился подобрать своим поступкам логичное объяснение. Да он никогда и не занимался дурацким самокопанием. Фанатикам вроде него достаточно самых простых побуждений, чтобы перейти к немедленным действиям. Но уж если пуританин выбирал себе мишень, то не терпел никаких препятствий на своем пути и всегда добивался цели.

— Вы, моншер, безусловно правы. — Ле Лу затягивал эту странную беседу как только мог. Он сейчас был готов согласиться с чем угодно, лишь бы выиграть несколько дополнительных секунд. Дело в том, что хитроумный француз дюйм за дюймом отодвигался назад, да так ловко, что даже у Кейна,

точно ястреб с мыши, не сводившего с него глаз, не зародилось ни малейших подозрений.

— Моншер,— продолжал Волк.— Вы, несомненно, кажетесь самому себе неким доблестным паладином. То и дело, словно истинный Галахад, вступаете за слабых. Но вам не хуже меня известно, что на самом деле эти жалкие людишки просто не стоят ваших стараний. А на полу перед вами лежит императорский выкуп — ключ к настоящей власти. Давайте разделим его по справедливости, а потом, раз уж я вам так несимпатичен,— *nom d'un nom!* — отправимся каждый своим путем!

Кейн двинулся вперед, кажущееся нерушимым спокойствие его ледяного взора растаяло, и его прозрачные глаза разгорелись зловеющим пламенем. Сейчас он больше всего напоминал гигантского черного кондора, готового броситься на свою добычу.

— Вы полагаете, сударь, что я такой же алчный негодяй, как и вы?

Ле Лу внезапно откинул голову и расхохотался во всю глотку, да так, что эхо пошло гулять по пещере. Глаза француза горели какой-то полубезумной бравадой и вроде бы совершенно неуместной дружеской насмешкой.

— Боги ада, ни в коем случае! У меня и в мыслях не было равнять вас с собой! Увы, моншер Кейн, вы просто надутый глупец! *Mon Dieu*, да вы по гроб жизни не останетесь без работы, вздумай вы мстить за всех тех девок, каких я почтил своим вниманием!

— Клянусь ликами Смерти, не имеет смысла тратить время на общение с таким подлецом! — взорвался Кейн. Его жилистое тело с удивительной скоростью метнулось вперед, будто выпущенная из лука стрела.

Но Ле Лу удалось опередить пуританина — мерзавец безукоризненно рассчитал время... Француз, не уступавший стремительностью движений Кейну, оглашая пещеру богохульным хохотом, ловко отпрыгнул назад и пинком опрокинул стол, отбросив его под ноги пуританину. Огарок свечи покатился по полу и погас. Воцарился крошечный мрак.

Рапира Кейна со свистом вспарывала темноту, описывая круги перед англичанином, но тщетно! Враг словно бы провалился сквозь землю.

— Прощайте, моншер Галахад! — издевательски донеслось до Соломона Кейна откуда-то спереди.

Пуританин кинулся на голос со всей яростью человека, охваченного праведным гневом, но... с размаху налетел на каменную стену. Он в беженстве набросился на нее с кулаками, осыпая холодный камень бранью, но — увы! — тот оставался глух к его усилиям. Ему показалось, будто откуда-то из глубин горы до него долетел отзвук глумливого хохота.

Соломон Кейн вернулся назад, ко входу в пещеру, смутно вырисовывавшемуся на фоне предрассветного мрака. Быть может, его враг решил проскользнуть мимо него и незамеченным выскочить из пещеры? Но сколько он ни стоял, напряженно вглядываясь в темноту, человеческий силуэт так и не появился в каменном проеме. Когда же наконец Кейн нащупал свечу и вновь зажег ее, никакого Ле Лу не оказалось и в помине. Только он сам да мертвец, усыпанный золотом.

3

Темные воды огласил угрюмый навязчивый рокот: *«Тум, тум, тум»* — ритмично повторялось снова

и снова. Откуда-то издали в ответ доносилось едва слышное глухое: *«Там, там, там»*. Пульсирующие голоса тамтамов перекликались друг с другом. Какие вести передавали они? Какие чудовищные тайны проносились в эту ночь над жившими под покровом ночи своей загадочной жизнью джунглями, не нанесенными ни на одну карту?

— Ты уверен, что это именно та самая бухта, где бросил якорь испанский галеон?

— Да, сеньор, она самая! Ниггер клянется, что именно в этом месте белый человек покинул судно и отправился в джунгли один-одинешенек.

Кейн угрюмо кивнул:

— Тогда я высаживаюсь здесь. Один. Будете ждать меня в течение семи дней. Если я к тому времени не вернусь или тем или иным способом не дам о себе знать, вы вольны плыть куда пожелаете.

— Да, сеньор.

Волны мягко накатывали на борт шлюпки, когда Кейн, провожаемый ночным ветром да безумолчной беседой тамтамов, плыл к берегу. Деревня, к которой лежал его путь, стояла на речном берегу, в нескольких лигах от побережья. Сейчас густые мангровые заросли не давали разглядеть ее огни.

Кейн выбрал для высадки время, показавшееся бы неискушенному человеку самым опасным: он решил сойти на берег ночью. Выбор его объяснялся достаточно просто. Если тот, за кем он гнался по пятам, был сейчас в деревне, то приблизиться незаметно к ней днем было невозможно. Единственный шанс застать негодяя врасплох заключался в безумном рискованном броске через ночные джунгли. Что же, почти всю свою жизнь пуританину только

тем и приходилось заниматься, что пускаться в подобные авантюры. Вот и теперь он без колебаний поставил на карту свою жизнь ради торжества справедливости.

Ловко выпрыгнув прямо из шлюпки на песок, он вполголоса отдал несколько распоряжений. Матросы, споро работая веслами, погнали лодку назад к кораблю, ставшему на якорь достаточно далеко от незнакомого берега. Решительно повернув к людям и морю спиной, Кейн, как тень среди теней, растворился в сумраке ночных джунглей. Пуританин крался вперед, одной рукой сжимая у бедра свою верную рапиру, выставив другую с кинжалом вперед. Призрачный гул тамтамов позволял ему держаться верного направления.

Легкие движения и бесшумная поступь человека придавали ему удивительное сходство с повелителем джунглей — леопардом. Собранный до предела пуританин, ведомый сверхъестественным чутьем, выбирал единственно верный путь — сквозь мрачные заросли. Путь оказался на удивление тяжелым. Лианы и побеги словно липли к человеку, преграждая дорогу, а торчащие из земли корни хватали его за ноги. Кейну приходилось пробираться на ощупь среди необъятных стволов гигантских деревьев, обходя стороной многочисленные кусты.

И в густом подлеске повсюду вокруг него ни на секунду не стихали подозрительные шорохи, несколько раз он даже почувствовал движение какого-то зверя. Кто знал, что могло скрываться в темноте? Трижды он едва не наступал на змей, которые с раздраженным шипением поспешно расползались из-под его ног. А однажды между деревьями Соломон Кейн увидел светящиеся, злобные, кошачьи глаза

какого-то хищника. Впрочем, при приближении человека зверь посчитал за благо скрыться.

«Там, там, там!» — пробивался сквозь густую листву не стихающий ни на мгновение перестук тамтамов. И человеку было понятен их смысл. Война и смерть! Кровь и похоть! Человеческие жертвоприношения! Людоедские пиршества! Тамтамы, так же, как и тысячи лет назад, вели свой разговор о душе Африки; о духе джунглей; о богах, обитающих за пределами человеческого разума в непостижимой тьме. Они вещали о созданиях с рогами и крыльями, ревуших и воющих по-звериному, которым человечество отдавало кровавую дань еще на заре времен. Тамтамы возносили гимн богам с клыкастыми пастьми, с прожорливыми утробами, с когтистыми лапами! Безмерно слабо было человеческое существо по сравнению с древними звероглазыми божествами!

О многом довелось узнать Кейну в эту ночь, пока он со всей возможной скоростью пробирался по джунглям. Голоса тамтамов то кричали, угрожая, то вкрадчиво нашептывали что-то, и эти слова непостижимым образом проникали Соломону Кейну прямо в мозг.

В его душе, казалось, всегда существовала некая тайная частица, которая сейчас вибрировала в такт гипнотическому рокоту. «Ты тоже родной сын этой ночи, — вещали тамтамы. — В тебе самом сокрыта сила Тьмы, неистовая первобытная мощь. Погрузись во тьму веков, слейся с нами, ибо корни твои тоже там, там, там! Доверься нам, и мы научим тебя, научим тебя, научим тебя!» — шептали тамтамы, и англичанин буквально физически чувствовал их липкие прикосновения к своему мозгу.

Наконец Кейн с больной головой выбрался из непролазных дебрей и ступил на ровную почву утоп-

танной тропинки. Впереди показались деревенские огни: отблески пламени проникали сквозь щели частокола. Кейн быстрым шагом двинулся по тропе.

Его шаги были легки и осторожны, рапира вытянута вперед. Глаза напряженно всматривались в скрывающие деревья тени, стараясь различить малейшие следы чьего-либо присутствия. Однако лесные великаны, вздымавшие свои стволы к небесам по обеим сторонам тропинки, соединялись наверху кронами, образуя сплошной полог, попросту не дававший рассмотреть что-либо дальше нескольких шагов.

Словно лесной дух, невидимый, но все видящий, двигался Кейн в ночи. И все-таки ничто не предупредило его об опасности. Перед ним, загораживая лес, вырос громадный размытый силуэт, и могучий удар сшиб пуританина с ног.

4

«Трам, трам, трам!» — со сводящей с ума монотонностью повторяли невидимые тамтамы. *«Срам! Срам! Срам!»* — снова и снова слышалось Кейну. *«Глуп, глуп, глуп!»* — сливался в слова в его мозгу рокот многочисленных тамтамов, и Кейн понимал, что они говорили о нем, насмехаясь над самонадеянным человеком, осмелившимся бросить вызов ночи. Источник звука то удалялся в бескрайние дали, то, наоборот, оказывался прямо под сводом черепа. И вот наконец изматывающие душу ритмы слились с биением крови в ушах пуританина, издевательски повторяя: *«Глуп! Глуп!! Глуп!!!»*

Кейн начал потихоньку приходить в себя, усилив воли заставляя рассеяться пелену забытья. Пури-

танин попытался схватиться за голову, но обнаружил себя связанным по рукам и ногам. Чувства говорили ему, что он лежал на бревенчатом полу... один, или здесь был кто-то еще? Кейн вывернул шею, стараясь разглядеть свою тюрьму. И правда, он здесь был не один — из темноты на него смотрела пара немигающих блестящих глаз.

Смутная тень постепенно обретала форму человека, и Кейн решил, что это и был подкарауливший его на тропе воин. Но, взглядевшись повнимательнее, он переменял свое мнение. Высохшему старцу просто не под силу было бы нанести столь сокрушительный удар. Однако, встретив взгляд нечеловечески пронзительных глаз, казалось, живших отдельной жизнью на морщинистом и высохшем лице, англичанин вздрогнул. Глаза эти были исполнены мудрости и энергии и больше подошли бы змее!

Старик сидел у дверей, скрестив ноги по-турецки. Он был почти наг, если не считать набедренной повязки и множества колец, браслетов и бус на всех частях тела. Кроме этих столь любимых африканцами украшений на нем был развешан впечатляющий набор самых разнообразных амулетов — из слоновьего бивня, из звериных когтей, из костей, зубов и кожи — как звериных, так и человеческих. Но больше всего Кейна поразило, когда удивительный чернокожий заговорил с ним... по-английски!

— Ха, твоя проснуться, белый человек? Зачем твоя сюда ходи-ходи, э?

Однако в первую очередь пуританин поинтересовался:

— Ты говоришь на моем языке? Как это вышло?..

Сморщенный негр усмехнулся, и англичанин обратил внимание, что все его зубы оказались на месте.

— Моя быть рабом... долгое время, когда быть мальчишка. Моя, Н'Лонга, могучий колдун вуду! Другая черный человек нет такой великий колдун! Белый человек, твоя искать брата?

Кейн заскрипел зубами.

— Брата?! Впрочем, да, я действительно ищу одного человека.

Чернокожий кивнул и спросил:

— Что твоя делать, когда его находить?

— Он умрет! — Ровный голос Кейна не оставлял сомнений в участии «брата», когда тот ему попадется.

Туземец вновь ухмыльнулся.

— Моя могучий вуду! — вновь гордо заявил он. И, склонившись к пленнику, продолжил: — Твоя искать белый человек, с глазами как у леопарда, так? Так! — Он расхохотался в ответ на удивленное выражение лица Кейна. — Я говорить дальше, твоя думать дольше. Этот Глаза-как-у-леопарда и вождь Сонга крепко-крепко договариваться, понимать верно? Они теперь кровные братья. Твоя молчать! Моя помогать твоя, а твоя помогать моя. Так?

— С чего это ты вдруг решил мне помочь? — подозрительно осведомился Кейн.

Шаман склонился над ним еще ниже и громко прошептал прямо в ухо:

— Глаза-как-у-леопарда теперь правая рука Сонги. Царь Сонга сильней Н'Лонги. Великий Черный говорить, белый человек большая-большая герой. Если он убивать Глаза-как-у-леопарда, он становиться кровный побратим Н'Лонги. Так? Тогда моя становиться сильнее Сонги. Значит, твоя-моя договориться, так? Так!

После этих слов он буквально растворился в воздухе. Соломону Кейну даже почудилось, будто

он увидел, как проклятый шаман превратился в полупрозрачную тень, но он решил, что это было причудливой игрой теней. Более того, находясь в сумеречном состоянии рассудка, англичанин, пожалуй, не взялся бы утверждать, что весь их разговор ему попросту не пригрезился.

Сквозь щели между бамбуковыми стволами он видел круг костров, горевших снаружи. Тамтамы еще продолжали свое крещендо, но в такой близости их голоса смешивались, накладывались один на другой и утрачивали свою гипнотическую власть. Пульсирующая дробь сливалась в сплошной гул, в котором трудно было угадать какой-либо ритм, а уж о смысле и говорить не приходилось. Тем не менее англичанина никак не оставляла мысль о насмешке — варварской, злорадной и жестокой, таившейся в этих звуках, которые не изменились за тысячи лет.

«Все ложь, — подумалось Кейну, голова у которого еще кружилась. — Здешние джунгли лживы и коварны, точно лесная колдунья, заманивающая людей на погибель...»

Его размышления прервали вошедшие в хижину двое темнокожих воинов. Негры были покрыты с головы до пят ритуальными узорами, а в руках сжимали копья с широкими плоскими наконечниками из обсидиана. Подхватив англичанина под мышки, они выволокли его из хижины наружу. Угрюмые стражи пересекли широкий круг утоптанной глины и подвели Соломона Кейна к столбу, врытому в центре круга костров. Прежде чем пуританина привязали спиной к столбу, он успел рассмотреть потемневшую от застарелой крови древесину.

Повсюду вокруг него — сзади, спереди, по сторонам — кривлялись жуткие, лоснящиеся, разрисо-

ванные хари с вывернутыми губами. Пламя костров то взвивалось до небес, то жадно приникало к поленьям, и лица негров то ярко освещались, то пропадали во тьме. Когда глаза пуританина привыкли к свету, он смог разглядеть прямо перед собой нечто огромное, чьи уродливые очертания порождали мысли о чем-то непристойном и омерзительном. Эта фигура была жуткой пародией на человека: черная, как ночь, угрюмая, неподвижная, покрытая коркой запекшейся крови. Ужас. Душа Африки. Ее Черный бог.

Чуть впереди и по обеим сторонам изваяния, на украшенных затейливой резьбой тронах из красного дерева, восседали двое мужчин. Тот, что сидел справа, был африканцем: настоящая гора омерзительной плоти, порослячьи глазки и слюнявые, вывернутые, красные губы на лице, которое могло бы принадлежать похотливому бесу. Этот вызывающий брезгливость монстр в человеческом обличье из всех сил тщился казаться величественным.

Второй же мужчина...

— Ах, моншер, вот мы и встретились снова!

Произнесший эти слова человек сейчас мало напоминал того учтивого негодяя, что дурачил Кейна в горной пещере в забытых Богом краях. Француз, некогда ходивший щеголем, теперь довольствовался жалкими обносками, доживающими последние дни. Прошедшие годы не только добавили морщин на когда-то красивом, хотя и порочном, лице. Теперь же по пресыщенной и растерявшей былую привлекательность физиономии Ле Лу — а это был именно он — видно было, что Волк изрядно опустился. И все-таки глаза француза горели прежней шальной безоглядностью, а все еще звонкий голос был полон насмешки.

— Припоминаю, что мы расстались в некой темной пещере,— спокойно ответил Кейн,— из которой ты удирали, как перепуганная крыса.

— И верно, в тот раз все выглядело совершенно иначе, чем теперь,— также невозмутимо заметил Ле Лу.— Я чуть от смеха не лопнул, представляя, как ты, точно горный козел, скачешь по пещере. Интересно, что ты предпринял, когда тебе надоело пытаться пройти сквозь стену?

Кейн помедлил, потом сказал:

— Я вышел наружу.

— Так же, как и вошел? Впрочем, я и не надеялся, что у тебя хватит мозгов отыскать потайную дверцу в стене. Клянусь копытами дьявола!.. Если бы ты имел привычку сперва поработать головой, а не рапирой, то додумался бы посильнее наподдать ногой по сундуку с золотым замочком, который стоял возле стены. В этом случае перед тобой открылся бы потайной ход, которым воспользовался я!

— Как бы там ни было,— Кейн по-прежнему был невозмутим,— я шел по твоему следу до ближайшего порта, где выяснил, куда ты направился, и сел на корабль, плывущий в Италию.

— Было дело,— согласился Ле Лу.— Клянусь святыми угодниками, во Флоренции ты едва не загнал меня в угол. Ха-ха-ха! Моншер Галахад ломился в дверь публичного дома, в то время, как его покорный слуга вылезал в окошко с другой стороны. Кстати, не охромей твоя кобыла, ты вполне мог бы застучать меня на римской дороге. Да и позже, в Испании, едва мой корабль оставил гостеприимный порт Картахены, как на причале прискакал все тот же настырный моншер Галахад. Нет, я просто не могу взять в толк, чего тебе приспичило гоняться за мной по всему миру?

— Потому что ты негодай, от которого я поклялся избавить мир,— холодно отвечал Кейн.

У него не было другого объяснения. Всю свою жизнь бездомный бродяга из Девоншира провел в крестовом походе против зла и насилия, по всему свету помогая угнетенным и сражаясь с обидчиками слабых — недаром его прозвали Бичом Божиим. Но он никогда не пытался найти в себе истоки двигавшей им силы. Такова была его судьба — более его не волновало.

Несправедливость и жестокость, творимые негодаями, неизменно вздымали в его душе яростное пламя гнева, которое было столь же смертоносное, сколь и негасимое. И когда этот внутренний жар, сравнимый лишь с жаром геенны огненной, полностью охватывал разум и сердце пуританина, то он не ведал ни отдыха, ни покоя, пока не исполнял возложенный на себя долг мести в полной мере. Ни разу в жизни он не отступил, и ни один из негодаев, от которых яростный англичанин поклялся избавить Божий свет, не избежал справедливого возмездия.

В тех редких случаях, когда ему приходилось задумываться над мотивами собственных поступков, Соломон Кейн искренне полагал себя орудием Божиим, с помощью которого Провидение карало неправедных. И хотя полагал себя истовым пуританином, называть его таковым, в полном смысле этого слова, вряд ли было правомочно.

Ле Лу пожал плечами:

— Я еще мог бы понять тебя, мой глупый друг, если бы чем-нибудь навредил тебе лично. Mon Dieu! В этом случае я и сам бы преследовал врага до самых пределов мира, чтобы воздать ему по заслугам. Нет, конечно, я бы не отказал себе в удоволь-

ствии ограбить и убить тебя, если бы встретил! Но я даже и не подозревал о твоём существовании до тех самых пор, как ты не надумал объявить мне войну...

Кейн предпочел не отвечать Ле Лу, чьи хитрые речи не вызывали в нем ничего, кроме исступленного гнева. Англичанин сам того не осознавал, но Волк давно уже превратился для него в некий зловещий символ. Француз олицетворял для Соломона Кейна все то, с чем тот сражался всю свою сознательную жизнь: жестокость, подлость, кровожадность и бесстыдство.

После некоторой паузы Ле Лу поинтересовался:

— А что ты сделал с сокровищами, которые я столь усердно собирал? Дьявол тебя заberi, я всего-то и успел, что подхватить горстку монеток и побрякушек, когда был вынужден так спешно тебя покинуть.

— Малую толику твоих богатств я оставил, чтобы оплачивать дорожные расходы, пока охотился за тобой,— ответил Кейн.— А остальное раздал крестьянам, которых ты столько лет обирал.

— Сатана и угодники! — взорвался Ле Лу.— Моншер, да ты самый большой недоумок, которого я встречал за всю свою многогрешную жизнь. Вывалить целую кучу золота в лапы паскудному мужику! Боги ада, да меня просто трясет от злости, как подумаю об этом! А впрочем.... Ох-хо-хо-хо! — Волк чуть не свалился со своего резного трона от обуявшего его приступа смеха.— Слушай, так они же друг дружке горло из-за этих денег перегрызут! От человеческой натуры никуда не спрячешься. Нет, это ты действительно здорово придумал!

— Будь ты проклят! — закричал Кейн, много раз мысленно возвращавшийся к тем событиям: его са-

мого по этому поводу беспокоила совесть.— Да, перегрызут, потому что они глупцы. А что мне оставалось еще? Не мог же я просто оставить клад в пещере, в то время как людям из-за ужасающей нищеты, на которую ты их обрек, нечем было даже прикрыть срам? Они со временем отыскали бы этот клад сами, так что свары нельзя было избежать в любом случае. Я всегда говорил: где золото, там и кровь! На твоей совести жизни этих несчастных! Если бы твоя банда не отбирала эти деньги у законных владельцев, ничего подобного бы вовсе не случилось!

Кейн был принципиальным противником богохульства и бранился исключительно редко. Соответственно, ругань в его устах всегда приводила в замешательство даже отпетых подонков, но не в этом случае... Волк откровенно расхохотался ему в лицо.

Пуританин замолчал и продолжил уже куда спокойнее:

— А почему ты, Ле Лу, бежал от меня по всему свету? Я не верю, что ты меня боялся.

— Твоя правда, моншер, не боялся. А почему — не пойму и сам толком. Один ловит, другой убегает, привычка, наверное. Она, моншер, вторая натура. Хотя, признаю, не стоило оставлять тебя в живых той ночью. Уверен, я бы убил тебя в поединке. Заметь, моншер, до нынешнего дня я ни разу не пытался подстроить тебе засаду. Честно говоря, у меня не было ни малейшего желания вообще встречаться с тобой. Так что можешь расценивать нашу встречу как мою прихоть, обыкновенную прихоть. Это, моншер, до некоторой степени придало остроты моей жизни. Я ведь думал, что уже исчерпал все острые ощущения.— Негодяй цинично подмиг-

нул Кейну. — А кроме того, человек в любом случае — либо дичь, либо охотник. До сих пор я был дичью, и мне это преизрядно надоело... Однако, моншер, не могу взять в толк, как тебе удалось взять мой след.

Кейн пожал плечами:

— Чернокожий раб, родом из этих краев, рассказал одному португальскому капитану о белом человеке, который высадился с испанского корабля и в одиночку отправился в джунгли. Как только это известие дошло до меня, я нанял этого испанца, заплатив капитану — кстати твоими же деньгами, — за то, чтобы меня доставили в то же место.

— Нельзя не восхищаться твоим упорством, моншер, но и я, согласись, достоин не меньшего уважения! Я пришел в эту деревню один. Клянусь богами ада, я даже их проклятого языка не знал, так, нахватался от той обезьяны на корабле! И я не только выжил среди этих дикарей и каннибалов, но и умудрился завоевать расположение их царька Сонги и сместил старого пройдоху Н'Лонгу. Как ни крути, а я храбрее тебя, англичанин! У меня за спиной не было корабля, куда я мог отступить и который, я уверен, тебя поджидает...

— Я признаю твое мужество, — согласился Кейн. — Но ты удовлетворился тем, чтобы править злобными дикарями, потому что твоя душа даже чернее их тел. А я собираюсь вернуться к своему народу, как только покончу с тобой.

— Твоя самоуверенность тоже внушала бы уважение, не будь так потешна. Эй, Гулка!

На свободный пятачок перед черным изваянием вышел чудовищный негр. Размеры этого исполинского создания потрясали воображение. Соломон Кейн никогда прежде не видел такой громадины.

Однако двигалось это невероятное существо с хищной грацией дикого зверя. Руки и ноги чернокожего гиганта походили на необъятные древесные стволы, при каждом движении на них перекатывались могучие мышцы. Прямо из чудовищных плеч выходила уродливая голова, напоминавшая обезьяню. Длинные руки, свисавшие ниже колен, тоже наводили мысли об огромной макаке. А из-под низкого покато-го лба злобно посверкивали звериные глазки. Плоский нос и толстые красные губы завершали образ, придавая африканцу вид первобытной дикости и необузданной кровожадности.

— Имею честь представить — Гулка, убийца горилл. Впрочем, вы уже знакомы, — издевательски поклонился связанному Соломону Ле Лу. — Это именно он уложил тебя ударом кулака. Ты сам сродни волку, моншер Кейн, но с того мгновения, как на горизонте возникли паруса твоего корабля, за тобой беспрестанно следило множество глаз. Будь ты хоть самым хозяином джунглей — леопардом, тебе все равно не удалось бы услышать и увидеть приближение Гулки. Он охотится на самых страшных, хитрых и свирепых животных в этом краю. Причем, заметь, на их собственной территории! Он ходит на север, чтобы убивать там «зверей-ходящих-как-люди» — так эти дикари называют горилл. Можешь посмотреть на его очередной трофей, он убил эту тварь всего пару дней назад.

Кейн посмотрел в сторону, куда указывал палец Ле Лу. Там, на коньке одной из хижин, он увидел жуткое «украшение». Удивительное человекоподобное существо было насажено на заостренный кол, словно фазан на вертел. Мечущийся свет костров не давал возможности подробно рассмотреть его в деталях, но в очертаниях волосатой

туши Кейн безошибочно разобрал нечто вполне человеческое.

— Самка гориллы, которую Гулка убил и приволок в деревню, — любезно пояснил француз.

Гигант между тем навис над Кейном и, согнувшись, уставился на англичанина. Пуританин равнодушно встретил его взгляд, и спустя некоторое время дикарь, не выдержав ледяного сияния его глаз, отвернулся и попятился назад. Взгляд угрюмых глаз Кейна проник в сумрачные глубины сознания охотника на горилл, и впервые за всю свою жизнь Гулка почувствовал страх.

Желая отделаться от неприятного ощущения, он обвел соплеменников вызывающим взглядом, который заставил людей попятиться. А потом, вовсе уж как зверь, Гулка оскалился, напряг колоссальные мышцы и забарабанил кулаками, размером с голову взрослого мужчины, по своей необъятной груди. При всей своей отвратительности это было грозное зрелище. На поляну упала тишина, нарушаемая лишь треском поленьев. Те из членов племени, кто был поумнее, наблюдали за Гулкой кто с усмешкой, кто с презрением, но были и такие, кто смотрел на кривляющуюся образину с восхищением.

Истребитель горилл украдкой покосился на Кейна. Удостоверившись, что англичанин на него смотрит, он издал ужасающий рев и бросился вперед, неожиданно выдернув из круга одного из раскрашенных воинов. Тот тщетно пытался разжать руки Гулки, умоляя о снисхождении. Великан швырнул несчастного на грубое подобие алтаря перед черным истуканом, блеснуло занесенное копьё, и отчаянные крики перешли в тошнотворное бульканье. Черный бог молчаливо взирал на кровавое действо, разворачивающееся у его ног, и свирепую морду поганого

идолица, казалось, тронула жестокая улыбка. Демон испил крови. Но был ли он удовлетворен жертвоприношением?

Гулка довольно осклабился и пошел прочь от алтаря. Остановившись рядом с привязанным к столбу человеком, негр угрожающе ткнул копьем в сторону белокожего пленника. Слетевшие с окровавленного острия горячие капли упали на лицо Кейна.

Ле Лу захохотал. И тут неожиданно возник Н'Лонга. Откуда он появился, этого никто не заметил. Только что у столба никого, кроме Гулки, не было, и вдруг — раз! — там уже стоял старый колдун. Кейн готов был поклясться, что его фигура попросту сгустилась из ночных теней.

Пуританин решил, что Н'Лонга, положивший жизнь на изучение дьявольского искусства, в совершенстве освоил все тонкости создания иллюзий и научился появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Разбираясь в человеческой психологии, Кейн знал, что главное — это хорошо чувствовать внимание зрителей и уметь его удерживать. Все остальное зависело от ловкости и профессиональных навыков.

Исполненным величия жестом сморщенный старик отстранил Гулку, и великан охотник послушно шагнул прочь, якобы для того, чтобы поскорее убраться с глаз Н'Лонги. Но, оказавшись за спиной шамана, черный гигант с невероятной скоростью развернулся и с размаху ударил того ладонью по уху. Старик рухнул, как бык на бойне. Гулка небрежно, словно тушку, подхватил легкое тело и в мгновение ока прикрутил Н'Лонгу к столбу рядом с Кейном. По толпе дикарей пронесся недовольный ропот, но Сонга, вождь людоедов, обвел своих подданных свирепым взглядом, и шум сразу затих.

Ле Лу, откинувшийся на спинку трона, веселился пуще прежнего.

— Вот ты и добрался до конца тропы, моншер Галахад! Старый мумбо-юмбо наивно полагал, что я ничего не подозреваю о его планах! А я просто стоял за дверью хижины и с большим интересом слушал вашу занимательную беседу. «Твоя-моя договориться?!» Ха-ха-ха! — веселился как мог француз. — Впрочем, каждый подбирает союзников себе под стать, моншер.

Черномазые вообще-то предпочитают свежую кровь, но я уговорил Сонгу предать вас обоим огню. Когда вас хорошенько обложат сухими сучьями и разведут огонь, ни бог, ни дьявол не уберегут ваших тел, обуглитесь, как головешки! Правда, в этом случае нам придется отказаться от подходящего случая блюда, но уж больно забавное должно быть зрелище!

Сонга отдал приказ своим подданным. Несколько негров, своими тупыми рожами напоминающих Гулку, притащили вязанки дров и сложили их в кучу у ног пленников.

Тем временем колдун пришел в себя и что-то повелительно прокричал на своем родном языке. Толпа негров подалась от освещенного круга и, скрытая темнотой, недовольно заворчала. Сонга вскочил со своего трона и, плюясь и топая ногами, что-то заорал в ответ.

Кейн взирал на все происходящее на удивление отстраненно. В каких-то неведомых глубинах его души начали пробуждаться смутные воспоминания. Нет, это было вовсе не то, что французы называют «дежа вю». Эти воспоминания принадлежали не его, Соломона Кейна, сознанию, но передаваемой из поколения в поколение родовой памяти челове-

ства, что до поры до времени дремлет в крови любого из нас.

«А ведь все это со мной уже происходило тысячи и тысячи лет назад, когда человечество было еще совсем молодо,— думал Кейн.— И такое же мертво-бледное пламя уже выхватывало из ночных теней плотный круг черных лиц, больше похожих на звериные морды, оскаленные в предвкушении свежей крови. И так же возвышался над ним жестоко ухмыляющийся идол, окутанный тенью. Это и был Черный бог, плоть от плоти первозданного мрака, заставляющий ночные джунгли пульсировать в такт своим ужасным думам.

Я уже слышал эти песнопения, этот экзальтированный хор молящихся там, на заре мира,— думал Кейн.— Я слышал рокошующую переключку тамтамов, я видел жрецов страшного культа, распевających кощунственные заклинания, и мои ноздри так же наполнял сладковатый и отвратительный — но такой возбуждающий! — довлеющий надо всем запах только что пролитой крови. Все это я уже видел, не здесь и не сейчас, но видел. А теперь я сам стал главным действующим лицом...»

Чей-то пронзительный голос стряхнул с него колдовской морок. Только в этот момент Кейн осознал, что кто-то пытается докричаться до него сквозь голоса заговоривших вновь тамтамов.

— Моя — могучий колдун! — орал ему прямо в ухо Н'Лонга.— Сейчас твоя смотреть много-много! Моя совершать великое таинство вуду!.. Сонга! — Тут старик перешел на свой родной язык.

Поднявшийся до невыразимых высот голос старого колдуна перекрыл тамтамы и донесся, наверное, до облаков. Сонга, услышав обращенные к нему слова, вздрогнул, но лишь ощерился в ответ. Между

тем грохот тамтамов упал до негромкого зловещего перестука и превратился в монотонный гул, заставляя болезненно вибрировать барабанные перепонки. Наконец Кейн смог расслышать обращенные к нему слова Ле Лу:

— Старый мошенник бахвалится, что сейчас он совершит великое колдовство, о котором, дескать, и вслух упомянуть-то нельзя, не то тебя черти утащат. Колдун утверждает, что никогда раньше еще не совершал его прилюдно: это что-то из области неназываемой магии. Советую тебе, моншер Галахад, воспользоваться моментом и смотреть получше! Кажется, мы позабудемся даже лучше, чем я ожидал.— Волк поднял голову к темному небу и издевательски рассмеялся. В этот момент он действительно был похож на животное, которому был обязан кличкой, а не на человека.

К столбу приблизился, приплясывая, раскрашенный дикарь и, нагнувшись, поджег охапку хвороста у ног пуританина. Крохотные язычки пламени жадно побежали по сухим веткам, разгораясь с каждым мгновением. Второй чернокожий собрался было подпалить ветки подле Н'Лонги, но вдруг замешкался. Кейн обернулся к своему собрату по несчастью: старик бессильно обвис на веревках. Он уронил голову, и из безвольно приоткрытого рта на тощую грудь капала слюна. Казалось, Н'Лонга умирает.

Ле Лу подался вперед и злобно выругался:

— *Non d'un pot!* Никак старый хрыч задумал лишить нас развлечения? Клянусь копытами Сатаны, неужели мы не увидим, как эта рожа корчится в пламени?

Воин опасливо притронулся пальцем к телу умирающего шамана и что-то на своем наречии крикнул своим хозяевам, сидящим на тронах.

— Так и есть, откинул копыта, старый урод! Ничего не скажешь, великий колдун! — заржал Ле Лу.— Этот дешевый факир не пережил собственных усилий! Во имя...

Голос француза сорвался на визгливой ноте. Замолкли и тамтамы, причем настолько одновременно, будто барабанщиков постигла одновременная смерть. Зловещая тишина кругами расходилась над джунглями, точно капли крови в воде. Некоторое время Кейн слышал только потрескивание пламени, которое, как ни странно, не торопилось охватывать дрова у его ног.

Глаза чернокожих, сколько их ни было на поляне, были обращены к мертвому телу, распростертому на алтаре. Кейн не верил своим глазам: этого просто не могло быть! Труп со вспоротой грудной клеткой, труп, из которого вылилась до последней капли вся кровь, начал шевелиться!

Сперва неуверенно шевельнулась кисть, потом двинулась рука, а потом и все остальные члены начали судорожно подергиваться. Мертвец медленно повернулся набок, подтянул под себя ноги и неуверенно, словно незрячий, сел. Затем мертвое тело рывком выпрямилось и замерло на месте, вихляясь и пошатываясь.

Это было поистине леденящее душу зрелище. Жуткий мертворожденный младенец, подобно рептилии, прорвал скорлупу небытия и вывалился в мир, с трудом удерживаясь на широко расставленных, негнущихся ногах с бесцельно болтающимися руками. Кейн при виде столь жуткого глумления над законами природы вознес молитву Господу.

И все это происходило в могильной — пожалуй, тут не подобрать лучшего слова — тишине. Сейчас

на поляне отчетливо можно было различить каждый испуганный вздох.

Впервые в жизни англичанин испытал потрясение, начисто лишившее его не только дара речи, но и способности думать. А уж о том, что для него — пуританина — явление руки дьявола было более чем очевидно, и говорить не приходилось. Но Кейн не смел опустить глаза.

Ле Лу, не завершив небрежного жеста, замер на троне, вытаращив глаза и открыв рот. Невообразимое зрелище заставило окаменеть француза, и его полусогнутая рука нелепо замерла в воздухе. Вождь Сонга выглядел не лучше.

Глаза и рот негра были распахнуты одинаково широко, пальцы судорожно вцепились в резные подлокотники — так, что ногти побелели, а сам он, повизгивая от запредельного ужаса, пытался вздохнуть.

Между тем мертвец начал двигаться. Он шел, точнее сказать, ковылял, загребая ногами, выписывая вензеля, точно пьяный матрос. При этом руки покойника болтались как плети, а голова бессильно свесилась на грудь. Раскачиваясь, как тростник в бурю, он то пригибался к земле, то заваливался назад так, что его незрячие бельма таращились прямо на багровую луну, только-только поднявшуюся над черными деревьями. И тем не менее ужасающее создание упорно приближалось к тронам Ле Лу и Сонги. И к Черному богу.

В огне, подобравшемся к самым ногам Кейна, треснула ветка, и в мертвой тишине этот звук показался пушечным выстрелом. Оживший мертвец, взбрыкивая ногами, словно приплясывая под одному ему слышимую мелодию, неверными птичьими шажками двигался к угрожающему черному извая-

нию, у подножия которого в смертном ужасе скорчились две жалкие человеческие фигурки.

— Ах-хх... — вырвался единый вздох толпы, придавленной ужасом и темнотой, когда мертвое тело наконец достигло помоста и оказалось в трех шагах от тронов. Ле Лу, познавший страх едва ли не впервые за свою наполненную кровавыми деяниями жизнь, перебирая ногами, вжимался в высокую спинку своего кресла. Чернокожий вождь, с раннего детства слышавший истории о великих колдунах, которые умели подчинять себе мертвых, нечеловеческим усилием разорвал путы страха и огласил ночь безумным криком.

На губах Сонги выступила пена. Вскочив на ноги, он замахнулся копьем и разrazilся невнятным угрозами. Равнодушный ко всему на свете мертвец не замедлил жуткой поступи, и Сонга, вложив в бросок всю силу своих могучих мышц, с отчаянием обреченного метнул в него копье. Тяжелое древко навывлет пробило и без того изуродованную грудь ходячего трупа, но ни на миг не остановило его страшного движения, ибо нельзя убить того, кто уже умер.

Разум покинул негра, и он застыл на месте, выпучив глаза и простирая руки вперед, в жалкой попытке отгородиться от неумолимого рока.

На какое-то мгновение и мертвец, некогда бывший живым, и живой, которому суждено было стать мертвым, замерли напротив друг друга. Причудливые блики пляшущего пламени мешались с кровавыми лунными лучами, навеки запечатлевая эту сцену в памяти всех присутствующих. Невидящие глаза мертвеца каким-то образом смотрели прямо в глаза Сонги, в которых отражались разом все ужасы преисподней.

И вдруг доселе безвольно болтающиеся руки мертвого воина начали подниматься, словно обрета собственную волю. А затем рухнули вождю на плечи.

При первом же их прикосновении дородный царь, казалось, съежился и вдвое усох. И завизжал так, словно его коснулось ледяное дыхание ада, а может быть, так оно и было на самом деле? Те, кто услышал этот отчаянный и безумный крик, не смогут позабыть его до конца жизни. Ноги Сонги подкосились, и он рухнул наземь, увлекая за собой мертвеца, которого внезапно оставила та энергия, что заставляла его двигаться.

Два неподвижных тела распростерлись у ног Черного бога. Вконец уставшему от жутких чудес Кейну уже казалось, будто в огромных нечеловеческих глазах идола, вырезанных эоны назад неизвестными мастерами, вспыхнуло пламя такого же нечеловеческого наслаждения.

Едва вождь Сонга пал пред зловещим изваянием, как все туземцы рухнули ниц и испустили единый вопль. А Кейн, взгляду которого напряжение момента придавало особую зоркость, успел заметить, как Ле Лу спрыгивает с трона и исчезает в темноте. Опять его смертный враг бежал!

Но тут все заслонили мельтешащие черные разрисованные тела. Обезумевшая толпа ринулась на площадку, негры, потрясая копьями и выкрикивая имя Н'Лонги, прыгали через костры. Множество рук и ног в мгновение ока снесли и расшвыряли пылающий хворост, и Соломон Кейн почувствовал, как торопливые руки освобождают его от пут. Когда Кейн оказался в состоянии самостоятельно передвигаться, старый колдун уже был бережно уложен на землю.

Лишь сейчас Кейн сообразил, что чернокожие дикари видели причину всего только что произошедшего в Н'Лонге, и каким-то непостижимым образом они связывали месть колдуна с ним, Соломоном Кейном.

Англичанин посмотрел на сцепившиеся в смертельных объятиях у подножия идола тела. Сонга не подавал признаков жизни, и то, что убило его, тоже больше не двигалось. Наклонившись, он положил руку на грудь колдуна. Пульса не было. Никакого сомнения, старик был мертв, даже тело успело остыть.

Кейн начал было подниматься, но замер, не докончив движения... Ему показалось, что его ладонь, все еще опирающаяся на грудь Н'Лонги, ощутила живое тепло, неожиданно вернувшееся в тело. Было ли это дьявольское наваждение или просто причуды перевозбужденного мозга? Он склонился над колдуном и вздрогнул. Ошибки не было. Только что бывший мертвец камня, шаман начал дышать! Снова застучало сердце, наполняя жилы горячей кровью.

Н'Лонга открыл глаза и уставился на Кейна бессмысленным взглядом новорожденного. Несмотря на то что у англичанина по спине бегали мурашки, он не смел отвести взгляда. Прямо на его глазах бездумные прозрачные зрачки налились знакомым змеиным блеском, а толстые губы раздвинулись в ехидной улыбке. Н'Лонга зашевелился и сел. Чернокожие воины опять пали ниц, а затем поднялись на колени и затянули странное песнопение.

Кейн с удивлением оглядел словно вставших в транс воинов, покачивающихся взад и вперед. В их молитвенном хоре англичанин явственно различал имя Н'Лонги, повторяющееся рефреном.

— Н'Лонга! Н'Лонга! Н'Лонга! — выкрикивали дикари с ужасом, восторгом и каким-то сверхъестественно пугающим почитанием. Колдун поднялся на ноги, и мужчины, побросав копья, распластались перед ним на земле.

Н'Лонга удовлетворенно кивнул головой.

— Моя великий колдун! Моя совершить огромный вуду! — с торжеством в голосе объяснил он Кейну. — Твоя видеть! Моя дух оставлять тело, убивать Сонгу, потом возвращаться обратно в тело! Так! У неназываемого Черного есть только одна моя такой великий колдун!

Кейн автоматически оглянулся на Черного бога, возвышающегося над ними в ночи, а затем вновь посмотрел на казавшегося ему недавно смешным старика. Тот протягивал к идолу руки, словно обращаясь к снисходившему в изваяние божеству.

И снова Кейна коснулась тень темных чудес. В его голове зазвучал голос, столь же мудрый, сколь и жестокий:

«Кто бы ни правил этой землей, мне не придется жадать. Завоеватели, убийцы, колдуны... бесконечная череда эфемерных существ проходит перед моими глазами, словно вереница бесплотных теней, бредущих из ниоткуда в никуда. Лишь я пребываю вовеки. Единственная реальная власть в этом мире — моя власть, потому что я душа этого мира», — говорил с Кейном Черный бог.

Кейн воздушным пузырьком всплыл из мистических глубин, в пучины которых погрузился его разум, возвращаясь к реальности.

— Ле Лу! — вспомнил он, что привело его сюда. — Куда скрылся мерзавец француз?

Н'Лонга что-то повелительно бросил неграм. В ответ добрых пара дюжин рук с энтузиазмом указа-

ли направление. Откуда-то была извлечена рапира англичанина и торжественно вручена владельцу. Мистическое наваждение рассеялось: Соломон Кейн вновь стал тем, кем являлся, — рыцарем без страха и упрека, беспощадным мстителем, Бичом Божьим.

Кейн, разминаясь, пару раз взмахнул ни разу не подводившим его оружием и, точно разъяренный леопард, помчался по свежему следу.

5

Ветки и цепкие лианы хлестали Кейна по лицу, ноздри англичанина забивал тяжелый аромат испарений ночных джунглей. Но, по крайней мере, полная луна освещала ему путь. Под пологом леса лежал узор из непроглядных теней и ярких пятен света. Ночное светило превращало тропические заросли в подобие волшебного лабиринта, выкованного из черного серебра.

Кейн не мог знать наверняка, этим ли путем проследовал человек, за которым он столько лет гнался. Но то, что кто-то здесь недавно прошел, не подлежало сомнению.

Сломанные ветки, оборванные побеги, потревоженная опавшая листва — все, казалось, кричало пуританину: здесь только что промчался беглец! Промчался в спешке, не разбирая дороги и не пытаясь замечать следов.

Кейн летел по следу, ведомый неким новым знанием, появлению которого был обязан событиям этой фантастической ночи, навсегда оставившим свой след в его душе. Англичанин неся вперед на крыльях мести. Он верил в свою звезду и в то, что Силы, властвующие над людскими судьбами, рано

или поздно сведут его лицом к лицу с проклятым французом.

Со стороны только что оставленной им деревни вновь слышался ритмический перестук тамтамов. Какие новости в эту ночь разносили они над притихшими джунглями? Какие уши внимали известиям о триумфе могущественнейшего Н'Лонги, о жуткой кончине вождя Сонги, о свержении белокожего чужака Глаза-как-у-леопарда и о великом и страшном торжестве неназываемой магии, о которой барабанщики осмеливались изъясняться лишь намеками.

«А может, все происходящее было просто сном? — в который раз задавал себе вопрос Кейн, пробираясь сквозь заросли. Но нет, он оказался свидетелем непотребного волшебства. Пуританин собственными глазами видел, как убитый на алтаре зловещего демона человек восстал из мертвых — восстал, чтобы убить Сонгу, и после этого опять покинул мир живых.

Неужели Н'Лонга в самом деле переместил свой дух, свою жизненную силу в мертвое тело, чтобы заставить его послужить себе даже после смерти? Соломон Кейн мог засвидетельствовать, что в один момент старый колдун у столба пыток действительно умер, а мертвец, лежавший на алтаре, поднялся, чтобы исполнить волю Н'Лонги. И лишь после того, как труп свершил расправу над вождем, осмелившимся бросить открытый вызов шаману, безжизненное тело покинула та неведомая сила, что его наполняла, и Н'Лонга ожил!

Несмотря на то что сознание пуританина отказывалось воспринимать подобную бесовщину, Кейн понимал, что с фактами не поспоришь. Должно быть, где-то в дремучих дебрях бескрайних просто-

ров джунглей и речных протоков Н'Лонга обрел ответы на великую загадку Жизни и Смерти. И это великое Знание, которое, по мнению англичанина, было не снести одному человеку, позволило колдуну отбросить оковы и ограничения плоти.

Соломон Кейн отказывался даже думать о том, на каких условиях эта темная мудрость, рожденная в незапамятные времена в сердце кровавого континента, досталась колдуну. Каким чудовищным жертвоприношением удовлетворил он своих ненасытных языческих богов? Какой жуткий ритуал оказался достаточно действенным, чтобы заставить Черного бога расстаться с тщательно сберегаемым секретом? И какие невообразимые путешествия за пределами времени и пространства предпринял Н'Лонга, научившись отделять свое «я» от физической оболочки и посылать свой действительно могучий дух в те неведомые, скрытые от всех остальных смертных края, где вершатся судьбы мира.

И вновь его разум заполнили вкрадчивые голоса тамтамов. «В тених — мудрость! — говорили они. — Власть тьмы и ее сила! Войди во тьму и обрети мудрость и волшебство! Ибо магия Древних избегает солнечных лучей. Мы помним, — говорили тамтамы, — затерянные в бездне времен века, когда человек еще не сделался разумен... и слаб... Мы помним, — говорили тамтамы, — богов-зверей, горделиво шествующих над миром, — богов-змей, богов-обезьян. Но был еще и другой, безымянный Черный бог, тот, что пил кровь и чей невыразимый голос заставлял содрогаться в ужасе горы; бог, что пировал и тепшил свою плоть во мраке. Именно ему принадлежали тайны Жизни и Смерти. Мы помним их всех, — говорили тамтамы. — Мы помним, помним...»

Вот что слышалось во мраке ночи Кейну, охотнику на человека. Пуританин отлично понимал все то, о чем рассказывала песнь тамтамов воинам в уборах из птичьих перьев, воинам в звериных шкурах, воинам с повязками из змеиной кожи на лбу и множеству прочих, что жили на Черном Континенте. Другое дело, что тамтамы разговаривали с ним, Соломоном Кейном, на другом языке, обращаясь непосредственно к тому темному уголку души, что сокрыт в каждом живущем, — ибо таково было черное благословение Н'Лонги.

Деревья начали редеть, луна ярко светила, и вот, выскочив на просторную поляну, Кейн увидел стоявшего в ее центре человека. Это был Ле Лу. Обнаженный клинок в руке француза казался выкованным из лунного света. Волк стоял расправив плечи, и прежняя вызывающая улыбка играла у него на губах.

— Долгий путь, моншер, — усмехнулся он, отсалютовав рапирой Кейну. — Подумать только, он начался в горах Франции, а кончается в африканских джунглях! Мне, в конце концов, наскучила эта игра, моншер, и я убью тебя! Только не тешь себя мыслью, англичанин, что из деревни я бежал от тебя! Не стану скрывать, я был испуган, но кто не потерял бы голову от дьявольской магии проклятого Н'Лонги? Больше того, я готов признать, что мне было бы тяжело в одиночку управиться с ополчившимися на меня дикарями.

Кейн осторожно приближался, гадая про себя, что за смутная, казалось бы, безвозвратно утерянная струнка рыцарства вдруг заговорила в душе разбойника и заставила его вот так, в открытую, принять вызов. Зная шакальи привычки этого человека, Соломон готов был подозревать, что ему под-

готовлена коварная ловушка. Однако, внимательно оглядев поляну, он не различил в окружавших ее тенях ни малейшего движения или признака присутствия посторонних.

— Ангард, моншер! — звонко выкрикнул Ле Лу. — Полно уж нам скакать друг за дружкой по всему миру подобно двум идиотам. Пора положить конец этой истории. Здесь и сейчас!..

Двое мужчин стояли теперь лицом к лицу. Внезапно Ле Лу, не договорив фразы, кинулся вперед — лишь лунный блик сверкнул на его рапире. Француз двигался настолько быстро, что человек, не обладающий отменной реакцией, был бы убит на месте. Кейн отвел в сторону вражеский клинок, и его собственная рапира серебристым лучом устремилась к груди Волка, выискивая путь к его сердцу. Но у Ле Лу хватило проворства отскочить назад, так что бандит отделался лишь длинным разрезом на камзоле. Он лишь сумасшедше рассмеялся и закурил вокруг англичанина. И вот француз налетел снова, с яростью и стремительностью тигра. Тонкий клинок в его руках, отнюдь не растерявших за последние годы силы и ловкости, превратился в прозрачный серебряный веер.

Два стальных клинка парили над поляной, в схватке сошлись лед и пламень. Ле Лу дрался с энергией и хитростью безумца, точно древний берсеркер. Его защита была безупречна, и он старался использовать для атаки любую возможность, предоставляемую ему противником. Француз применял все трюки и уловки, присущие этому виду единоборства, он метался, словно пламя свечи на ветру, отскакивал и приседал, финтил и наносил длинные выпады

снизу... и при этом хохотал как одержимый, осыпая Кейна отборными проклятиями.

Искусство Кейна было холодно, расчетливо и экономично. Пуританин не делал ни единого лишнего движения, поспевая, однако, за всеми ходами француза. Могло показаться, что пуританин уделяет внимание своей защите куда больше, чем его противник. Но уж если Соломон Кейн атаковал, то без раздумий, а если делал выпад, то рапира его была подобно бросающейся кобре — столь же быстра и столь же опасна.

Сомнений быть не могло: в этом поединке сошлись стоящие друг друга противники. И ростом, и силой, крепостью и длиной рук они не уступали друг другу. Может, Ле Лу был чуть более подвижен и быстр, но это уравнивалось отточенным, совершенным искусством Кейна. Взрывные движения Волка, полностью полагающегося на инстинкт, напоминали порывы раскаленного воздуха из кузнечного горна, руку же англичанина вел холодный расчет, хотя и он по своей природе был прирожденным убийцей. Подобной реакции и согласованности движений рук и ног нельзя было добиться никакой тренировкой, с этим нужно было родиться. Было ясно, что битва титанов может закончиться лишь смертью одного из них.

Выпад, отскок, снова удар и неожиданный прыжок в сторону, снова шквал ударов со всех сторон...

— Оп-па! — возликовал Волк, и голос его был наполнен кровожадным торжеством.

Щека пуританина окрасилась кровью. Казалось, ее вид и запах окончательно превратили француза в зверя, именем которого нарекли его люди. Из оскаленного рта Ле Лу вырывалось какое-то хрип-

лое рычание, а глаза загорелись нечеловеческой злобой. Кейн вынужден был отступать перед натиском обезумевшего разбойника. Впрочем, Соломон оставался все так же невозмутим.

Время шло, но напряжение битвы не спадало, и над ночными джунглями неумолчно звенел стальной лязг. Теперь противники бились точно в центре поляны. Ле Лу — без единой царапины, Соломон Кейн — украшенный кровавыми отметинами на щеке, груди, плече и бедре. И хотя Волк свирепо и насмешливо скалился и все так же иступленно нападал на пуританина, на его сердце пала тень сомнения.

Камзол француза насквозь промок, его глаза заливал пот, из легких со свистом вырывался воздух, руки начинали тяжелеть, а проклятый Соломон Кейн все так же неумоимо орудовал своей длинной и тяжелой рапирой. Из какого же материала был выкован этот человек, даже и не думавший выказывать следов усталости? По своему собственному опыту Ле Лу отлично понимал, что раны, нанесенные им Кейну, при всей их несерьезности, должны были бы отразиться на скорости и выносливости англичанина, хотя бы за счет постоянного, пускай и несильного кровотечения. Как бы не так!

Если невозмутимый пуританин и ощущал некоторый упадок сил, в его манере ведения боя это никак не проявлялось. Бледное лицо англичанина оставалось все таким же невозмутимым, а в глазах — чего так отчаянно жаждал увидеть Волк! — не было и намека на страх. Соломон Кейн продолжал биться с прежней холодной расчетливой яростью.

Ле Лу начал выдыхаться. С каждым мгновением его шансы сохранить жизнь в этом смертельном

противостоянии падали. И он собрался с убывающими силами, вышеснув их в одной-единственной атаке. Тяжелый клинок Волка устремился к пуританину с такой скоростью, что человеческий глаз не в силах был уследить за ним. Холодная сталь впиалась в плоть пуританина, и впервые с начала поединка Соломон Кейн пошатнулся. Рапира дрогнула в его руках, и Ле Лу, оглашая ночь торжествующим криком, рванулся вперед. С окровавленным клинком в руках и искажившей его лицо отвратительной усмешкой, сейчас он сам напоминал кровожадного варварского божка.

Однако рапира Соломона встретила клинок Волка на полдороге. И остановила. В этот удар пуританин вложил столько силы и ненависти, что оружие француза вылетело из его онемевшей руки. Торжествующий крик Волка оборвался.

Какое-то время Ле Лу еще стоял раскинув руки, словно кощунственная пародия на распятие, а потом из его груди вырвался последний сардонический смешок, прекратившийся в тот момент, когда острие рапиры Соломона Кейна ужалило француза в сердце.

Только когда Кейна отпустила горячка битвы, он обратил внимание на рокот тамтамов, не смолкавших на протяжении всего поединка. Он механически вытер клинок о собственную изорванную одежду. Покончив с Ле Лу, Кейн ощущал внутри себя странную пустоту. Вот и завершен еще один кровавый путь. Сколькими подобными дорогами ему уже приходилось идти?

Убивая очередного злодея, пуританин никогда не испытывал удовлетворения. Во-первых, ему пред-

ставлялось, что подобные деяния не приводят к приумножению добра в этом грешном мире. А во-вторых, он подсознательно боялся, что таким образом враг просто избегает окончательного возмездия, сбегая от Кейна туда, где пуританин бессилен его настичь.

Что ж, в мире все происходит так, как происходит. Кейн, пожав плечами, обратился к делам более насущным. Теперь, когда его покинули азарт и упоение битвой, он ощущал и боль, и усталость, и слабость из-за потери крови. Последний удар Ле Лу вполне мог бы подвести черту под его жизнью. Не иначе как само Провидение уберегло его, позволив в последний момент увернуться от рапиры Волка. Стальное острие не пробило ему грудь, всего-навсего скользнув по ребрам и вонзившись в мышцы спины. Для его закаленного тела рана не особенно серьезная.

Кейн осмотрелся вокруг: всего в дюжине ярдов от него поляну пересекал небольшой ручеек. И тут он допустил свою первую и последнюю ошибку подобного рода в своей жизни. Трудно сказать, чем она конкретно была вызвана, потерей ли крови, реакцией на тяжелый поединок, а скорее всего — всей той цепью умопомрачительных событий, на которые столь щедро была эта ночь. Как бы там ни было, Кейн положил рапиру на землю и совершенно безоружным направился к так мирно журчащей воде. Вволю напившись, он промыл свои раны и как мог перевязал их полосками ткани, отодранными от рубахи.

Едва он поднялся с колен и собрался пойти подбрать рапиру, его внимание привлекло смутное движение в той стороне, где осталась деревня и откуда он сам примчался каких-то полчаса назад.

Казалось, стена джунглей раздалась, пропуская гигантскую фигуру, в которой англичанин, к своему ужасу, распознал Гулку, истребителя горилл.

Соломон Кейн запоздало припомнил, что не заметил эту уродливую громадину среди коленопреклоненных негров, истоиво выкрикивавших имя Н'Лонги. Пуританин явно недооценил ум Гулки, точнее сказать, даже не ум, а первозданную звериную хитрость, что скрывалась за этим плоским лбом. Именно врожденное коварство помогло великану не только ускользнуть от возмездия соплеменников и Н'Лонги, но и выследить единственного человека, сумевшего внушить ему страх.

Видимо, Черный бог получал некое извращенное удовольствие, наведя своего звероподобного почитателя на жертву, когда та была безоружна и беззащитна. Несмотря на то что он снизошел до разговора с Кейном, ему было глубоко безразлично, чья именно кровь прольется в этой схватке. Не он ли говорил, что для него все люди были лишь эфемерными тенями? Теперь никто не мог помешать Гулке убить Соломона Кейна, убить медленно, как это делает леопард, наслаждаясь предсмертными мучениями своей добычи.

Мясистые красные губы разошлись в предвкушающей ухмылке, обнажив заостренные зубы. Злобные тупые глазки исполинского создания довольно поблескивали. Кейн наблюдал за ним, холодно и беспристрастно взвешивая свои шансы. Англичанин уже понял, что Гулка приметил оружие — его, Кейна, и Ле Лу, — валявшееся в центре поляны. И убийца горилл находился к клинкам куда ближе, чем он. Пуританин прекрасно понимал, что дюжина ярдов не то расстояние, которое можно преодолеть внезапным броском.

В душе Соломона разгоралась смертоносная ярость, всепоглощающее неистовство отчаяния. Кровь застучала в висках, а глаза, устремленные на черномазую образину, налились страшным огнем. Пальцы пуританина напряглись и согнулись, готовые рвать плоть врага. Мышцы у Кейна были железные, и немало негодяев испустило дух, угодив в мертвую хватку его рук. Как бы и шея Гулки, больше напоминавшая узловатый комель, не затрещала гнилым сучком.

Накатившая на него волна слабости показала Кейну всю бесплодность подобных надежд. Ко всему прочему лунный свет облизывал обсидиановый наконечник копья, предусмотрительно выставленного Гулкой вперед. Кейн понимал, что в таком состоянии он даже не сможет убежать от гигантского негра. Но, как бы там ни было, он еще ни разу не показывал противнику спину, коль судьба сводила их лицом к лицу.

Убийца горилл вышел на открытое место. Распахнутый в плотьядной усмешке рот надвое разделял плоскую физиономию. Сплошной комок мускулов, жуткий в своей звероподобной мощи, он казался живым воплощением идеалов каменного века. Вся его поза демонстрировала огромную физическую мощь и безмерную уверенность в себе. Тяжелая поступь Гулки показалась Соломону Кейну поступью самого рока.

Англичанин приготовился к схватке, об исходе которой не питал иллюзий. Кейн попытался отчаянным усилием воли собрать силы, но — увы! — поединку с Ле Лу было отдано все без остатка.

Голова Кейна кружилась от потери крови, а серебристое сияние луны расплывалось кровавым туманом, сквозь который он с трудом мог разли-

чить неумолимо приближающуюся исполинскую фигуру.

Опасаясь, что вот-вот лишится сознания, Кейн с величайшей осторожностью — чтобы не упасть — нагнулся к ручью, зачерпнул полную пригоршню ледяной воды и плеснул себе в лицо.

На какое-то время ему полегчало. Пуританин гордо выпрямился во весь рост на подгибающихся от слабости ногах. По крайней мере, он встретит свою судьбу как подобает мужчине, усмехаясь костлявой в лицо! Он надеялся, что Гулка сразу же набросится на него и все завершится прежде, чем проклятая слабость уложит его на землю.

Чернокожий исполин уже прошел половину расстояния, отделяющего его от белого воина. Гулка не торопился, он понимал, что Кейну нечего ему противопоставить. Негр двигался лениво, как огромная кошка, намеревающаяся поиграть с добычей. По его садистской ухмылке Соломону стало ясно, что убийца горилл вовсе не собирается ускорять развязку. Нет, его злобная натура требовала покуражиться над беззащитной жертвой, увидеть, как страх заставит растаять ледяную твердь этих глаз, вынудивших его отвести взгляд. И это в тот момент, когда их обладатель был совершенно беззащитен и ожидал смерти! Гулка мог забыть эти пронзительные глаза, вывернувшие его наизнанку, лишь предав Кейна страшной кровавой смерти, в полной мере удовлетворив себя зрелищем жестоких пыток...

И когда Кейн уже распрощался с жизнью, Гулка совершенно неожиданно замер как вкопанный, а потом, стремительно развернувшись, уставился на молчаливые заросли. Ошеломленный пуританин проследил за его взглядом...

* * *

Сначала Кейн разглядел лишь тень среди теней, разве что чуть более густую, чем прочие. Кто бы там ни скрывался, он не проявил себя ни движением, ни звуком. И тем не менее англичанин почувал зловещую угрозу, таящуюся в непроглядной тьме среди деревьев. Первозданный ужас смотрел оттуда на людей, и Кейн на мгновение ощутил себя под прицелом нечеловеческих глаз, которым даже мрак ночи не помешал заглянуть прямо ему в душу. Но он понял и то, что невообразимое существо интересовал отнюдь не он, Соломон Кейн. Объектом его дьявольского внимания был Гулка, убийца горилл.

Огромный негр замер, полупригнувшись и угрожающе выставив перед собой копьё. Он совершенно позабыл о существовании Соломона Кейна, все его внимание было поглощено зловещей тенью под деревьями.

Напряжение момента развеяло багровую пелену перед глазами англичанина. Кейн снова всмотрелся в обманчиво тихие заросли. Он краем глаза ухватил неясное движение, и вот уже на поляну вышло нечто, плавно перетекая с места на места, как сам Гулка. Пуританин даже зажмурился и помотал головой: уж не было ли это его предсмертным видением? Невероятное создание, представшее его глазам, словно бы вынырнуло напрямиком из его ночных кошмаров, когда крылья сна уносили Соломона в неведомые бездны времени и пространства.

Сначала пуританину показалось, что через поляну ковыляет монстр, словно бы вылепленный могучей злой волей из человеческого существа. Эта святотатственная пародия на человека передвигалась на двух ногах и ростом была, пожалуй, не

выше самого Кейна. Но такими мышцами и пропорциями никогда не обладало, да и не могло обладать, ни одно создание, вышедшее из женского чрева. Чего стоили хотя бы чудовищные руки, которыми монстр опирался на ходу о землю! А эти короткие ноги, скорее подошедшие бы слону?!

И тут наконец неведомая тварь пересекла лунный луч. Разглядев его морду (или все-таки лицо?), Кейн чуть было не решил, что сам Черный бог, взалкавший свежей крови, материализовался из ночной тьмы. Однако, рассмотрев, что массивную фигуру с ног до головы покрывала густая длинная шерсть, Соломон Кейн припомнил насаженное на шест человекоподобное тело, что украшало одну из хижин. Он перевел взгляд на Гулку.

Огромный негр не сводил глаз с гориллы, вцепившись в тяжелое длинное копьё двумя руками. По-видимому, он не испытывал страха, а лишь тупо пытался сообразить, каким образом этот зверь оказался в здешних местах, покинув далекие родные края.

А могучий самец гориллы шел, нет, шествовал через поляну, и каждое его движение дышало ужасающим первозданным величием. Кейн находился от могучего самца ненамного дальше, чем Гулка, но тот просто проигнорировал его присутствие. Маленькие глазки чудовищной обезьяны горели адской злобой и были направлены лишь на чернокожего убийцу горилл. Она приближалась к туземцу вразвалку той странной походкой, что свойственна поднявшимся на задние конечности зверям.

И все тем же заунывным фоном звучали тамтамы — вполне подходящий аккомпанемент для событий, достойных каменного века. На середине лесной поляны стоял дикарь, вооруженный копьём, а

на него надвигался страх джунглей, кровожадное, исполненное неистовой злобы, поистине первобытное существо. Звериная дикость столкнулась с дикостью зверя. И вновь в ушах Кейна зазвучал призрачный голос. «Ты видел все это раньше, — говорил он. — Давно... Так давно, когда эти горы были еще молоды... Тогда, когда первые люди и дети звериных богов оспаривали первенство на этой земле...»

Гулка попятился, отступая к деревьям. Он низко пригнулся, выставив перед собой копье. Убийца горилл пустил в ход все свое искусство охотника, чтобы обмануть огромную обезьяну и убить ее одним стремительным ударом. Страха в его действиях пока не чувствовалось, но Кейн уловил закрававшееся в недалекий ум Гулки сомнение. Негр, привыкший считать себя самым могучим существом, впервые встречался с подобным противником.

Что касается самца гориллы, то он даже не пытался маневрировать или хитрить. Он просто размеренно двигался вперед. Прямо на Гулку.

Откуда было знать невежественному дикарю, откуда было знать просвещенному пуританину, оказавшемуся в роли наблюдателя, о его звериной любви? Равно как и о звериной ненависти, что заставила чудовищную обезьяну оставить родные лесистые холмы севера и покрыть бессчетное количество лиг, не сходя со следа истребителя обезьяньего племени? Какие страсти бушевали в этом недоразвитом, по меркам человеческого племени, мозгу, когда огромный самец лишился подруги, чье желанное тело теперь красовалось чудовищным трофеем в дикарской деревне?

Развязка потрясла Кейна своей скоротечностью и драматичностью. Зверя, который уподобился человеку, и человека, который уподобился зверю,

отделяло друг от друга не более нескольких шагов, когда могучая обезьяна с оглушительным ревом рванулась вперед. Громадные лапы небрежно смели в сторону копье, выставленное Гулкой, и на секунду обняли негра. Уши Кейна наполнил звук, подобный тому, который издает сухой валежник под копытом оленя.

Массивная туша Гулки осела на землю бесформенной кровавой кучей. Распознать в жутком месиве человеческие останки позволяла лишь совершенно целая голова, мертво таращившаяся на луну бельмами закатанных глаз. На какое-то мгновение могучая фигура победителя замерла над поверженным человеком. «Не в такой ли момент первобытный хищник стал человеком?» — подумалось Кейну.

Кейн слушал переключку тамтамов. «Душа джунглей, — повторяли они нескончаемым рефреном. — Душа джунглей...»

Трое в эту ночь вняли призыву Черного бога, представ пред его смертоносным ликом. В далекой деревне, откуда доносились голоса тамтамов, мертвым лежал вождь Сонга, осмелившийся бросить вызов Н'Лонге, вкусившему от могущества Черного бога. Жалкий глупец Сонга, некогда с легкостью распоряжавшийся чужими жизнью и смертью, превратился ныне в кусок остывающей плоти; и его лицо, искаженное гримасой запредельного ужаса, было обращено к багровой луне, словно бы раздувшейся от крови. Здесь, на лесной поляне, в дебрях африканских джунглей, навзничь раскинулся тот, кто бросил вызов человеческому терпению, за кем Кейн прошел нескончаемый, казалось бы, кровавый путь по морю и по суше. И, наконец, Гулка, истребитель

горилл, валялся грудой кровоточащего мяса у ног уничтожившего его создания, сметенный той самой разрушительной, неумолимой, первобытной силой, плотью от плоти которой он был и сам, в своей гордыне забыв, что лишь богам дозволено переступать грань между человеком и зверем...

А Черный бог по-прежнему правит, смутно подумалось Кейну. Правит, снисходительно поглядывая из запределья, коему нет названия, на биение жизни в этом беспросветном краю, правит, звероподобный, вечно жаждущий крови. И ему все равно, кто будет жить, а кто погибнет, доколе ему не придется жаждать. Лишь бы к нему стекалась горячая кровь, и неважно, принадлежит ли она верующим в него или нет.

Замерший без движения Кейн смотрел на могучего самца, гадая про себя, скоро ли громадная обезьяна соизволит обратить на него внимание. Кейна передернуло, когда он вспомнил тошнотворный хруст костей исполинского негра. Но, судя по поведению гориллы, белый человек ее совершенно не интересовал. А может, на то была воля ее Черного господина — Кейн сам уже не знал, во что верить.

Тем временем создание пришло к какому-то решению. Похоже, скорая расправа не удовлетворила его. Опершись на один кулак, горилла ловко ухватила за ногу то, что осталось от Гулки, и поволокла тулово, оставляющее за собой кровавую полосу, к зарослям.

Приблизившись к границе леса, обезьяна оставилась и без видимого усилия зашвырнула изувеченное тело прямо на сучья лесного исполина. Послышался ужасающий звук раздираемой плоти: острый конец обломанной ветви пронзил Гулку насквозь. Так он и повис на нем, точно самка гориллы, соб-

ственноручно насаженная им на кол. Кейн углядел в этом жуткую иронию судьбы.

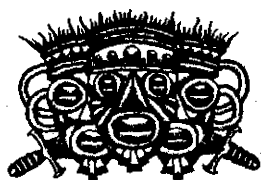
Громадная обезьяна еще некоторое время постояла у дерева, созерцая дело своих рук, а потом, так же беззвучно, как и появилась, растворилась во мраке.

Кейн медленно вышел на середину поляны и подобрал свою рапиру. Кровотечение утихло, и силы начали постепенно возвращаться к пуританину. По крайней мере, он чувствовал, что сможет добратся до берега, где его ждал корабль. Англичанин пересек поляну, малость помедлил и обернулся, окидывая прощальным взглядом апокалиптическую сцену. Лунное сияние заливало резким светом лежащее с раскинутыми руками тело Ле Лу, а резные тени обволакивали бранные останки Гулки, нависавшего темной массой над поляной.

Соломон Кейн уходил к океану, продираясь сквозь заросли, а его провожали навязчивые гипнотические голоса тамтамов. «Древна мудрость нашей земли,— вещали они.— Темен путь ее. Мало кто может следовать ему. И те, что гибнут, служа Черному богу, лишь упрочивают его величие. Беги прочь, человек, если намерен остаться в живых. Но песни нашей тебе не позабыть никогда,— пели они, и над ночными джунглями плыло: — Никогда... никогда... никогда...»

Голоса этой ночи теперь будут тревожить его разум всю жизнь, напоминая, сколь сильно и многолико зло в нашем мире и что лишь во власти человека преумножать добро и справедливость.

ПЕРЕСТУК КОСТЕЙ

озяин, эгей! — Зычный оклик, порождая зловещее эхо, вдребезги разбил тишину над черным лесом.

— Не шибко уютное местечко, — подметил второй мужчина.

Двое спутников стояли перед дверью таверны, неведь каким образом уцелевшей на заброшенном тракте в лесной глуши. Приземистое строение, кособокое и с местами проху-

дившейся крышей, было сложено из вековых бревен, покрытых мхом. Маленькие окна, больше похожие на бойницы, были забраны частыми решетками, а дверь изнутри заперта на засов. Прямо над дубовой дверью была приколочена изрядно выцветшая вывеска, на которой было написано что-то по-немецки и изображен расколотый череп.

В глубине дома послышались тяжелые шаркающие шаги, затем дверь со скрипом отворилась, и наружу высунулась бородатая рожа. Здоровенный сутулый мужик отошел назад и жестом предложил посетителям пройти вовнутрь. При этом его унылая физиономия выражала отнюдь не радушие, а, скорее, досаду.

Внутри оказалось неожиданно уютно: тепло горел огонь в большом каменном очаге, а на добротном дубовом столе весело подмигивала свеча.

— Ваши имена? — Похоже здешний хозяин не отличался разговорчивостью.

— Гастон Л'Армон, — сухо отрекомендовался тот, что был повыше ростом.

— Соломон Кейн, — столь же немногословно представился второй. — Но что, любезный, тебе в имени моем?

— Всякие по Шварцвальду¹ шастают, — буркнул нелюбезный хозяин. — А душегубов ныне развелось — не перевешаешь... Можете сесть за тот стол, еду я сейчас принесу.

Мужчины разместились за предложенным им столом. Даже неискушенный глаз с легкостью распознал бы в них бывалых путешественников, привык-

¹ Шварцвальд — дословно «Черный лес» (нем.). Невысокий горный массив на юго-западе Германии, на границе с Францией и Швейцарией (прим. перев.).

ших преодолевать большие расстояния. Назвавшийся Соломоном Кейном был жилист, высок и широкоплеч. Он был облачен в нарочито аскетичное, черное, облегающее одеяние пуританина. Удивительную бледность его не улыбочивого лица еще более оттеняла низко надвинутая на лоб мягкая, с широкими полями, фетровая шляпа без перьев. Его спутник — Гастон Л'Армон — был прямой противоположностью пуританину: сплошные страусовые перья и брабантские кружева, правда грязные и потрепанные. Лицо щеголеватого француза было правильных черт, однако красивым его не позволяло назвать слишком наглое выражение. Кроме того, общее благоприятное впечатление несколько смазывали беспрестанно бегающие глазки, старательно избегающие встречи со взглядом собеседника.

Достаточно быстро вернувшийся хозяин с грохотом поставил на грубую столешницу еду и вино, а сам с большой кружкой замер за самым дальним столиком, превратившись в какую-то хмурую тень. Крупные черты его лица то совершенно пропадали из виду, то вырисовывались неестественно ярко, когда смолистые поленья в очаге вспыхивали особенно сильно. Впрочем, даже опытному физиономисту было бы трудно составить о нем впечатление, так как все детали надежно скрывала невероятно густая борода, похожая больше на звериный мех. Из дремучих зарослей волос торчал лишь багровый крючковатый нос, нависавший над усами, да поблескивали отражавшие красные блики пламени глаза-бусинки, не мигая плившиеся на новых постояльцев.

— Ты сам-то кто будешь? — насытившись, поинтересовался разряженный в пух и прах мужчина.

— Хозяин таверны «Раскроенный Череп», — угрюмо ответил мужик. Тон, которым это было ска-

зано, враз отбил бы у более робкого человека охоту к дальнейшим расспросам. Однако Л'Армона это ничуть не смутило.

— И много народу останавливается в местечке со столь дурацким названием?

— Немногие появляются во второй раз,— злобно хрюкнул содержатель таверны.

Что-то в выражении его голоса заставило Кейна вздрогнуть, оторваться от кружки с добрым рейнским вином и вперить взгляд своих прозрачных — то ли серых, то ли голубых — глаз в маленькие красные глазки кабатчика в поисках скрытого смысла. Под холодным взглядом англичанина хозяин, однако, потупился и торопливо припал к своей кружке.

— Отправлюсь я, пожалуй, ко сну,— решительно сказал Кейн, залпом допивая вино.— Мне завтра на рассвете вставать.

— Да и я тоже,— поддержал его француз.— Любезный, давай-ка показывай наши покои. Да смотри, чтобы там не было клопов!

Хозяин, ни слова не говоря, взял со стола свечу и повел своих постояльцев по длинному мрачному коридору. Три человеческие фигуры сопровождали зловеще корчившиеся на стенах тени. В неверном свете воскового огарка казалось, что плотный и коренастый хозяин таверны, загораживавший огонек свечи, расплылся еще больше, словно жуткий оборотень.

Кабатчик остановился у одной из дверей и, распахнув ее наружу, жестом предложил мужчинам войти. После того как Кейн и Л'Армон вошли в комнату, хозяин зажег в комнате свечку от той, что держал в руках, и молча удалился, оставив их одних.

Двое людей, которых свела дорога, огляделись кругом, потом посмотрели друг на друга. Обста-

новка комнаты была непритязательной: две кровати, пара стульев да громоздкий стол. Вся мебель была сколочена из грубо оструганных досок и никак не была украшена.

— Давай посмотрим, нельзя ли как-нибудь запереть дверь? — предложил Соломон Кейн. — Сказать по чести, лицо нашего хозяина не внушает мне большого доверия.

— По крайней мере, скобы для засова тут есть, — ответил Гастон. — Но я нигде не вижу самого засова.

— Ну что же, можно разломать стул и заложить дверь его ножкой... — решил Кейн.

— Mon Dieu! — воскликнул Л'Армон. — Да ты, право, робкий малый, мсье!

Кейн поморщился и довольно резко ответил:

— При чем тут робость? Это просто здравый смысл, мне не хочется быть зарезанным во сне, точно свинье на бойне!

— Клянусь гробом Господним! — расхохотался француз. — Да ведь мы и с тобой, мсье, знакомы не более двух часов. И то поскольку мы нынче вечером случайно столкнулись с тобой на старом тракте за час до заката.

Пуританин покачал головой:

— А вот и нет. Мне знакомо твое лицо, вот только пока не припомню, где я встречал тебя раньше. Что же касается нашего хозяина... Впрочем, я не терплю поспешных обвинений и всякого человека считаю честным, пока доподлинно не убеждаюсь в обратном. Кроме того, я вообще очень чутко сплю. И обычно держу пистолет под подушкой.

Француз осклабился:

— О-ля-ля! А я-то гадаю, как мсье не боится спать в одной комнате с незнакомцем! Ну-ну... Ста-

ло быть, мсье англичанин, пойдем разживемся засовом в одной из соседних комнат. Благо мне показалось, что среди них есть и свободные.

Взяв свечу, мужчины выбрались в коридор. В доме стояла мертвая тишина. В мрачной атмосфере этого места казалось, что даже маленький огонек отдает красным и зловеще подмигивает в густой темноте, которую не в силах рассеять.

— Что-то я не замечаю ни других постояльцев, ни слуг,— пробормотал Кейн.— Странная таверна. Как там она называется?.. Никак не могу привыкнуть к этим немецким названиям... Вроде... точно! «Раскроенный Череп». Подозрительное название.

Первым делом Кейн и Л'Армон заглянули в соседние комнаты, но в них тоже не оказалось засовов. Методично осматривая все помещения по коридору, они добрались до самой дальней комнаты в его конце. В отличие от всех остальных незакрытых помещений, это было заперто снаружи с помощью массивного дубового бруса, вставленного одним концом в глубокий паз в стене. Заинтересованные путешественники вынули брус и вошли внутрь.

— Странно, здесь почему-то забито даже окно,— обратился Кейн к французу.— Ого!

Комната была обставлена так же убого, как и другие, но пол ее покрывали зловещие темные пятна. Стены и одна кровать сплошь были покрыты глубокими зарубинами, будто кто-то поставил себе цель изрубить мебель в щепки, но остановился на полдороге.

— Похоже, тут произошло смертоубийство,— хмуро заметил пуританин.— Интересно, а зачем здесь приделана щеколда? — добавил он, глянув на стену.

— И крепко приделана, смею тебя уверить,— подтвердил француз, подергав запор.— Она...

Внезапно под его руками целый кусок стены отошел в сторону, и у Л'Армона вырвалось удивленное восклицание. Перед ними предстала маленькая потайная комнатка. Двое мужчин склонились над ее страшным содержимым, лежащим бесформенной кучей на грязном полу.

— Ба, да это же человеческий скелет! — присвистнул Гастон. — И прикован за ногу. Сдается мне, беднягу тут держали, пока он просто не помер.

— Как бы не так, — сказал Кейн, внимательно разглядывая скалившийся череп. — Обрати внимание, у него разрублена теменная кость. Сдается мне, неспроста наш хозяин дал своему дьявольскому заведению подобное кровавое название. Думаю, этот несчастный был простым путешественником вроде нас, которому случилось угодить в лапы к жестокому негодяю.

— Похоже, — согласился Л'Армон, которому, судя по всему, было глубоко наплевать на выводы пуританина.

Он развлекался тем, что пытался сбить ногой с лодыжки скелета железное кольцо оков. Раздраженный тем, что ему не удалось этого сделать, француз вытащил из ножен палаш, с которым не расставался, и одним невероятно сильным и точным ударом рассек цепь, соединявшуюся со вторым кольцом, глубоко заделанным в бревно пола. — И какого дьявола ему понадобилось приковывать к полу скелет? — удивился француз.

— Monbleu! Хорошая цепь, однако, — сказал он, разглядывая лезвие. — Могла бы и для какого дела сгодиться. — Ну что же, мсье. — Он иронически отсалютовал клинком белевшей на полу куче костей. — Вам, небось, доставало только свободы. Ступайте теперь с Богом!

— Полно тебе! — неодобрительно прозвучал глубокий голос пуританина. — Нет чести в насмешках над мертвыми!

— Никто не мешает ему постоять за себя, — отмахнулся, рассмеявшись, Л'Армон. — Что же касается меня, уж я, верно, как-нибудь да ухлопал бы человека, отнявшего у меня жизнь! И пускай для этого моим бранным останкам пришлось подниматься хотя бы из океанской пучины!

Кейн пожал плечами и, прикрыв дверцу потайной комнаты, направился к выходу. Он вовсе не собирался вступать в подобную дискуссию, отдававшую бесовством и черной магией. К тому же пуританин был полон решимости немедленно воздать хозяину таверны по заслугам за черное дело, некогда совершенное им в этих мрачных стенах.

Но едва он повернулся к французу спиной, как его шеи коснулась холодная сталь. Соломон Кейн почувствовал упершееся в затылок дуло пистолета Л'Армона.

— Мсье, даже не пытайся пошевелиться! — Голос недавнего знакомого был зловец и решителен. — Лучше стой смирно, а не то скудное содержимое твоей головы добавит грязи в этом хлеву.

Пуританин, проклиная себя за неосторожность, стоял с поднятыми руками, в то время как проклятый Л'Армон деловито освобождал его от оружия. Ловко вытащив пистолеты из-за пояса и рапиру из ножен, он злобно бросил англичанину:

— Теперь, мсье, можешь повернуться, но только очень медленно и спокойно, понял? — Гастон отступил на пару шагов.

Кейн повернулся и вперил мрачный взгляд во франта. Тот снял свою мушкетерскую шляпу с пыльным плюмажем и стоял с непокрытой головой. Чер-

ный зрачок длинноствольного пистолета смотрел Соломону прямо в лоб.

— Я тебя узнал, Гастон, прозванный Мясником! — Голос Кейна был абсолютно спокоен, теперь он вспомнил, при каких обстоятельствах видел это лицо. — Я действительно глупец, коли решил довериться французу! Однако ты далеко забрался, извер. Теперь, когда ты расстался со своей проклятой шляпой, я тебя узнал. Припоминаю, последний раз мы виделись в Кале несколько лет назад, и ты выглядел не лучшим образом.

— Что было, то прошло. Зато теперь ты меня больше никогда не увидишь, хе-хе. Догадываешься почему? Это еще что такое?..

— Похоже, крысы добрались до останков, — пожал плечами Кейн. Пуританин внимательно следил за коварным французом из-под полуприкрытых век, ожидая, чтобы у того хоть на мгновение дрогнула рука, сжимавшая пистолет. — Всего лишь перестук костей.

— Похоже... — согласился Гастон. — Впрочем, мсье Кейн, продолжим. Мне известно, что у тебя при себе порядочная сумма золотом. Мужчина ты видный, поэтому я собирался подождать, пока ты заснешь, и лишь тогда уж прикончить тебя. Но случай представился несколько раньше, и я, ты уж не обессуди, поспешил им воспользоваться. Ты, мсье, до чрезвычайности оказался доверчивым.

— Мне и в голову не приходило опасаться человека, с которым я преломил хлеб, — скрипнул зубами Кейн. Его обычно невозмутимый низкий голос дрожал от едва сдерживаемой ярости.

Бандит цинично расхохотался. Отсмеявшись, он начал медленно пятиться к двери. Кейн произвольно напряг все мышцы, подобравшись, точно

волк перед прыжком. Но тщетно! Рука проклятого Гастона была словно высечена из камня, его пистолет даже не шевельнулся.

— И смотри мне, чтобы никаких там посмертных бросков после выстрела! — хохотнул Гастон, но глаза его неотступно следили за англичанином. — Стоять смирно, мсье, кому сказал! Видал я, что и умирающие захватывали с собой на тот свет своих убийц. Поэтому я сперва отойду на достаточное расстояние, чтобы не вводить тебя в искушение. Клянусь гробом Господним! Стоит мне нажать на курок, как ты взрвешь и бросишься на меня, да только отдашь Богу душу раньше, чем успеешь до меня дотянуться. А у нашего почтенного хозяина в потайной каморке прибавится еще один скелет. А может, и не один. Пожалуй, грохну я и его тоже. Этот недоумок не знает меня, а я — его, но так даже смешнее...

Француз уже стоял в дверях и целился в Кейна из пистолета. Пуританин каким-то неведомым чувством, особенно обострившимся после невероятного знакомства с Н'Лонгой, понял, что сейчас будет нажат курок...

Единственная свеча, вставленная в настенный подсвечник, наполняла комнату неровным мигающим светом, едва доходившим до порога. И вот именно оттуда, из зловещей темноты, за спиной Гастона сгустилась смертоносная тень. На голову француза стремительно обрушилось блестящее лезвие.

Ноги Мясника-Л'Армона подкосились, он сперва грохнулся на колени, точно бык на бойне, а затем завалился вперед. Из расколотого черепа хлынула кровь. Над поверженным телом, громадный и жуткий, возвышался бородатый здоровяк. В руках у

него был тесак, лезвие которого покрылось кровью и мозгом.

— Хо-хо! — утробно проревел он и рывкнул на пуританина: — Назад!

Кейн оказался в воздухе, не успело тело злополучного Гастона коснуться пола, но прыжок его был напрасным — прямо ему в лицо смотрело дуло пистолета, зажатого в левой руке хозяина.

— Назад! — снова прозвучал хриплый рык, больше похожий на звериный. Пуританину ничего не оставалось делать, как попятиться прочь. Какими бы безумными ни были глаза бородатого убийцы, но с оружием он обращаться явно умел, равно как и не боялся пускать его в ход. Отступив почти к самой стене, англичанин стоял молча, ожидая развития событий. Его чутье подсказывало, что новый враг окажется куда грозней и опасней французского бахвала. Содержатель смертоносной таверны покачивался на пятках, точно поднывавший на задние лапы медведь, то и дело издавая какие-то нечеловеческие утробные смешки.

— Надо же, Гастон-Мясник, хо-хо! — проблеял он и пнул покойника, из разрубленной головы которого натекала кровавая лужа, отливавшая теми же багровыми бликами, что и глаза бородача. — Нашему красавцу не придется больше охотиться! Хо-хо, слышал я про этого разбойника, вздумавшего шалить в Шварцвальде! Думал найти золотишко, а нашел смерть! Теперь все мое, и золотишко, и даже больше, чем золотишко, — месть!

— Я тебе не враг, — спокойно сказал Кейн.

— Все люди мне враги! — затопал ногами толстяк. — Ты видишь эти отметины у меня на руках?! Ты видишь эти отметины у меня на ногах?! Динь-динь-дон, динь-динь-дон — так звенят кандалы! А всю

мою спину истерзали укусы кнута! Ты думаешь, это все? Не-е-ет! Самые страшные раны у меня в голове, и их оставили годы пребывания в холодных застенках, где тишина нарушалась лишь щелканьем кнута палача, истязавшего мою плоть за преступление, которого я, быть может, вовсе и не совершал!

Его голос перешел в отвратительное безумное всхлипывание. Кейну нечего было возразить. Пуританин уже не первый раз сталкивался с людьми, чей рассудок был сломлен ужасами тюрем континентальной Европы и в голове которых навеки поселилось черное безумие. Любые слова тут были бесполезны. Все, что ему оставалось, это тянуть время и надеяться на чудо Господнее.

— Но я бежал! — внезапно заорал хозяин таверны, потрясая клинком. — И объявил войну всем остальным людям, из-за которых я столько страдал!.. Что это?..

Кейн готов был поклясться, что в маленьких кровожадных глазках безумца промелькнула тень смертельного страха.

— Неужто мой колдун костями перекидывается? — удивленно прошептал сам себе хозяин таверны, но тут безумие опять погребло его под своими мутными водами, и он захохотал. — Чернокнижник поклялся, умирая, что когда его плоть истлеет, то сами грешные кости подстроят мне смертельную ловушку. Вот я и приковал к полу его скелет, а теперь слушаю глухими ночами, как он стучит костями и бренчит цепью, пытаясь освободиться! И уж я смеюсь-смеюсь! Хо-хо! Видать, его сильно привлекает в аду, вот он и решил прогуляться по темным коридорам, точно старый Царь Смерть, чтобы пожаловать ко мне, спящему, и убить меня прямо в кровати, как я это сделал с ним!

Погруженные в себя глаза помешанного каторжника вдруг озарились яростным огнем, когда он увидел отодвинутую щеколду.

— Отвечай! Заходили ли вы с этим недоумком, — он опять пнул мертвое тело, — в ту комнату? Что мой колудун вам наговорил?

По телу Кейна пробежал озноб, будто в комнате подул ледяной ветер. Англичанин подумал, что либо он, подобно умалишенному хозяину таверны, начал терять разум, либо из-за двери действительно послышалось громоыхание костей, как если бы скелет зашевелился. Пуританин передернул плечами, успокаивая себя мыслью, что крысы, бывает, просто ради развлечения треплют обглоданные кости.

Тем временем маниакальная подозрительность бородатого безумца в очередной раз сменилась не менее зловещим смехом. Издавая утробные «хо-хо», он обошел пуританина кругом, продолжая держать его на мушке, и свободной рукой отворил дверь. Казалось, свет свечи не в состоянии пробиться за порог отвратительного склепа. Кейн даже не смог разглядеть кучу выбеленных временем костей на полу. Впрочем, куда ей было деться?

— Все люди — мои враги! — сам с собой разговаривал хозяин таверны. Мысли его, как это бывает у безумцев, бессвязно перескакивали с одного предмета на другой. — С чего бы это мне кого-нибудь щадить? Может быть, меня пытались вызволить из проклятых подземелий Карлсруэ, пока я там гнил заживо?.. А им ведь так ничего и не удалось доказать! Как бы не так! В этих подземельях я и понял, что надо стать волком. Именно так! Я перегрыз глотки своим сторожам и сбежал из темницы. А потом побратался с волками Шварцвальда.

Ох и славно же попиrowали мои серые братцы всеми теми, кто останавливался в моей таверне... Всеми, кроме одного русского чародея... — Бородач обиженно засопел. — Слышишь, это он там гремит костями в темноте! Это я здорово придумал — ободрать его кости и посадить на цепь, чтобы он не вздумал явиться по мою душу среди ночи, когда тьма властвует над миром. Ведь кто сладит с мертвым? Может, у него и не хватило колдовской силы, чтобы уничтожить меня, когда он был живым, но всем известно, что мертвый колдун еще хуже живого!

Не двигайся, англичанин! Знаешь, я, пожалуй, положу и твои кости в этой камерке, рядом с костями чародея, чтобы...

Каторжник-кабатчик переступил одной ногой порог потайной комнатки, и дуло его тяжелого пистолета смотрело на Кейна. Внезапно какая-то сила опрокинула его назад, увлекая в темноту, грянул не причинивший никому вреда выстрел; затем неведомо откуда налетевший порыв ветра захлопнул потайную дверь. Свеча в подсвечнике у двери испуганно мигнула и погасла. Раздался зловеющий скрежет задвинувшейся по своей воле щеколды.

Кейн торопливо принялся шарить руками по полу в поисках своего оружия. Нащупав пистолет, он поспешно выпрямился и прижался спиной к стене, направив дуло в сторону двери, за которой исчез сумасшедший. Пуританин стоял в абсолютной тьме, вслушиваясь в доносившиеся из дьявольского склепа страшные придуманные крики, заставлявшие стечь кровь в жилах. Сатанинским аккомпанементом звукам человеческой агонии служил сухой перестук оголенных костей. Наконец воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь бешеным гулом крови в ушах пуританина.

Соломон Кейн извлек из кармана кремень и кресало и заново разжег свечу. Взяв ее в одну руку, а свой пистолет в другую, он вновь отодвинул щеколду и, не без опасения, отворил потайную дверцу.

— Боже праведный! — вырвалось у пуританина, и по его спине заструились ручейки холодного пота. — Поистине это выходит за границы возможного, однако же я сам при сем присутствую! Вот и воплотились в действительности клятвы обоих погибших. Гастон-Мясник обещал, что даже и после смерти оплатит своему убийце — и именно его рука выпустила на свободу страшный скелет. А безвестный москвит сдержал свое слово...

Отвратительный хозяин таверны со зловещим названием «Раскроенный Череп» лежал на полу потайного склепа мертвее мертвого, и на звероподобном его лице застыло выражение потустороннего ужаса, будто перед смертью пред ним разверзлись адовы бездны. Бычья шея каторжника была смята, словно комок бумаги, а на ней мертвой хваткой сомкнулись лишенные плоти пальцы чародея.

ЛУНА ЧЕРЕПОВ

И

1

сполинская черная тень, словно отброшенная гигантским клинком, врезавшимся в пламень заката, легла на землю. Человеку, только что завершившему тяжелейший переход через джунгли, она казалась олицетворением гибельного рока и ужаса, неким символом, исполненным невразумительной, но от этого еще более страшной угрозы. Такова бывает тень прокравшегося в дом убийцы,

отбрасываемая пугливым пламенем свечи на стену.

И все же это была лишь тень вздымавшихся впереди отвесных скал высокого кряжа, первого аванпоста угрюмых предгорий, к которым так стремился одинокий странник. Подойдя к его подножию, человек остановился и, задрав голову, пристально вгляделся в иззубренные силуэты гигантских утесов, отчетливо прорисовывающиеся на фоне багрового диска заходящего светила. Он мог поклясться, что, глядя из-под руки, отчетливо уловил некое движение наверху. Однако все еще яркое предзакатное зарево слепило мужчину, и даже его ястребиное зрение не позволяло различить, что же именно там двигалось. Были ли то архар? А может, человек, мгновенно поспевший в укрытие?

Странник пожал плечами и перевел взгляд на едва означенную тропку, начинавшуюся среди россыпи валунов и круто уходящую вверх, чей конец терялся за гребнем. На первый взгляд могло показаться, что этот путь подходит лишь горным козлам, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что каменный склон в изобилии испещряли специально кем-то вырубленные выемки, вполне подходящие для человеческих пальцев. Оценив крутизну скального склона и расстояние между выбоинами, путешественник понял, что подъем потребует от него предельного напряжения всех сил. Что же, быть посему. Не мог же он в самом деле повернуть обратно после того, как за его спиной остались тысячи миль?

Он сбросил с плеч большую сумку, что нес на плече, пристроил сверху громоздкий мушкет, оставив при себе лишь длинную рапиру, кинжал и один из пистолетов. После того как с помощью веревки он надежно укрепил свой нехитрый арсенал за спи-

ной, путешественник, ни разу не оглянувшись на залитые заходящим солнцем джунгли, из которых только что вышел, начал долгое восхождение на кряж.

Это был рослый, сильный и выносливый человек с длинными руками, чьи мускулы могли бы поспорить крепостью с железом. Но даже и ему снова и снова приходилось давать себе передышку. В моменты отдыха он замирал на отвесном утесе, припадая к нему с цепкостью муравья. Тем временем сумерки сгущались, и скоро край скалы, бывший еще так далеко, начал сливаться с темным небом. Но сей факт совершенно не смущал загадочного скалолаза, вслепую напаривающего на выщербленной каменистой поверхности очередную зацепку для пальцев. Человек упрямо карабкался все выше и выше.

Далеко внизу, под его ногами, уже заводили свои разговоры ночные обитатели тропических джунглей. Человек, словно бы зависший между небом и землей, не мог отделаться от мысли, что голоса птиц и животных звучат как-то непривычно тихо и робко. Будто бы на укрытые ночью черные холмы были наложены чары тишины и ужаса, действующие даже на неразумных лесных тварей.

Мужчина неуклонно приближался к обрывистому краю плато, однако и путь сделался тяжелее. Казалось бы, до макушки утеса было уже рукой подать, когда скала сделалась совершенно отвесной. Мускулы и нервы упряма были напряжены до предела, но он не думал отступать. Время от времени пальцы человека соскальзывали, и тогда только чудо удерживало его от падения. Каждая жилка этого обманчиво худого, но невероятно сильного и скоординированного тела была крепче стали, а длин-

ные ловкие пальцы обладали крепостью тисков, и мужчина лишь ненадолго задерживался.

Выемки сделались совсем неглубокими, и не то что лезть выше, а просто удерживаться на месте становилось все труднее, поэтому скалолаз продвигался все медленнее и медленнее. Но наконец упорство человека было вознаграждено, и на фоне неба, на котором уже успели появиться звезды, он разглядел край утеса всего в каких-нибудь двадцати футах над ним.

И именно в этот момент, когда он запрокинул голову, напряженно вглядываясь во тьму, какая-то темная масса заслонила звезды, а потом с грохотом и стуком понеслась прямо к нему. Человек изо всех сил вжимался в твердый камень, стараясь слиться со скалой. Он напрягся в ожидании смертельного удара, но что-то лишь просвистело рядом с его ухом, обдав волосы ветерком, и чиркнуло по плечу, уносясь вниз. Несмотря на то что удар валуна пришелся по касательной, его сила была такова, что человека едва не сбросило вниз. Мужчина несколько секунд отчаянно балансировал, шаря по скале в поисках надежной опоры и сдирая о камень ногти. Наконец, когда он замер в более или менее устойчивой позе, до его ушей донесся гулкий треск взорвавшегося осколками валуна, достигшего каменного подножия скалы.

Человек, стараясь не выдать себя лишним шорохом, вглядывался в безмолвные тени наверху. Какое существо помогло перевалить через край кряжа этому громадному валуну? Не мог же он упасть сам по себе? По его спине стекали струйки холодного пота. Мужчина этот отличался недюжинной отвагой и воинскими умениями, что могли засвидетельствовать души значительного числа мерзавцев, от-

правленных им в ад. Однако он привык встречать любого, пускай и самого грозного, противника лицом к лицу на поле битвы. Поэтому мысль о том, чтобы умереть, как беспомощный ягненок, не имея ни малейшей возможности сопротивляться, наполнила его страхом.

Но это недостойное чувство практически мгновенно сменила необузданная ярость, и скалолаз прямо-таки рванулся вверх, как будто за его спиной выросли крылья. Человеку было ровным счетом наплевать на собственную безопасность, он лишь горел желанием вцепиться в горло неведомому врагу. Путник преодолел отделяющие его от вершины утеса футы за пару дюжин секунд. Было бы естественно ожидать, что ему на голову посыплются новые камни, но ничего подобного, как ни странно, не произошло. Мощным рывком перекинув свое тело через кромку скалы, он откатился от нее подальше и встал во весь рост, одновременно выхватывая рапиру из закрепленных на спине ножен. Но напрасно его острые глаза выискивали врага: вершина утеса оказалась совершенно безжизненной.

Отдышавшись, путник огляделся: примерно в полумиле к западу ровное плато переходило в сильно пересеченную равнину, на которой холмы сменялись низменностями. Только что покоренный им кряж, подобно мысу, отходил от основного горного массива, вдаваясь в джунгли. Лес расстился во все стороны до самого горизонта. С такой высоты колеблющаяся под ночным ветром поверхность джунглей казалась океаном, таинственным и темным. А над ним стояла всеобъемлющая тропическая ночь.

Здесь, на плато, властвовала ничем не нарушаемая удивительная тишина. Сам воздух был тих и

неподвижен, в зарослях низкого кустарника ни малейшего признака присутствия живых существ — ни возни, ни движения. Но человек не расслаблялся: камни сами по себе на голову не падают. Что за твари населяли эти угрюмые места?

Лирический настрой оставил путешественника. Тропическая мгла показалась ему липкой, как паутина, сквозь пыльные нити которой проглядывали желтоватые звезды, наводившие мысли о болотных гнилушках. Тяжелые испарения, осязаемые, словно плотный туман, поднимались над зарослями. Скривившись, человек пошел прочь от обрыва и направился прямо вперед, через плато, держа в одной руке рапиру, а в другой — пистолет.

Он шел крадучись, весь собранный и напряженный, ступая бесшумно, точно леопард. Чутье подсказывало путнику, что за ним внимательно наблюдают. Несмотря на то что его уши не слышали никакого другого звука, кроме шороха высокой травы под ногами, путешественник точно знал, что рядом есть кто-то еще.

Он был уверен, что его сопровождают некие существа, окружившие его со всех сторон. Невидимые, но от этого не менее опасные тени скользили за его спиной, впереди и с обеих сторон. Люди ли это или звери, пока сказать было невозможно. Более того, он совершенно не собирался ломать голову над этим вопросом. Враг есть враг, и мужчина был готов драться хоть с человеком, хоть с дьяволом, если бы тот осмелился встать у него на пути. По собственному опыту он прекрасно знал, что отвага и решительность могут заставить отступить даже демонов.

Кусты обступали тропу, словно низкорослые гоблины, сливаясь уже в десяти футах в сплюснутую

черную массу. Мрак, покрывавший это зловещее плато, был душным и осязаемым и давил на нервы, как и неестественная типшина. Сквозь него даже звездный свет пробивался с трудом, поэтому звезды выглядели размытыми желтыми пятнышками на черном покрывале неба. Порой путник останавливался, будто бы давая шанс невидимому противнику объявиться открыто, но темные заросли упрямо хранили свою тайну.

Миновав равнинные заросли, путешественник добрался до подножия холмов. Далее его путь лежал через небольшую рощу, казавшуюся монолитом мглы в окружавших потемках. Не доходя какой-то дюжины футов до деревьев, человек остановился.

Его глаза, свыкшиеся с ночным мраком, выхватили среди стволов подозрительную тень, явно не принадлежавшую растительному миру. Человек ожидал, но и неясный силуэт оставался неподвижным. Несмотря на то что скрывающееся среди деревьев существо никак не проявляло своего присутствия, путник ясно чувствовал исходящие от него флюиды смерти. Жутью веяло от замерших лесных великанов, среди них определенно таилась гибель...

Путник решил, что дальнейшее ожидание бессмысленно, и двинулся вперед, держа клинок наготове. Шаг. Еще шаг... Он изо всех сил напрягал зрение, чтобы не пропустить первого угрожающего движения. Мужчина был готов поспорить на что угодно, но у дерева определенно таился человек, хотя удивляла его полная неподвижность. Еще пара шагов, и все встало на свои места. Путешественник

не ошибся: перед ним действительно оказался человек. Чернокожий. Мертвый.

Негр, пронзенный множеством дротиков, был распят среди стволов. Одна рука, пригвожденная копьем к толстому дереву, была вытянута в повелительном жесте, прямо вперед, вдоль длинной ветки. Кисть удерживал кинжал, пробивший обезображенную ладонь; на которой были отрублены все пальцы, кроме указательного, торчавшего, как корявый сучок. Мертвец указывал простертой рукой в ту сторону, откуда только что пришел человек. Ему были уже знакомы подобные «указатели», столь ценные некоторыми членами Берегового Братства. Смысл подобных посланий всегда был одинаков: впереди ожидает смерть.

Путешественник, без всякого страха разглядывающий жуткий указатель, улыбался нечасто. Однако теперь он позволил себе скривить губы в сардонической усмешке. Подумать только, он оставил за спиной тысячи лиг, преодолел океан, пересек бескрайние пустыни и джунгли Черного Континента только для того, чтобы наткнуться на мертвое пугало! Неужели они — кем бы «они» ни были — в самом деле полагают, что его заставит свернуть с пути безмозглая садистская выходка?

Человек не уступил искушению отдать салют мертвецу (по зрелому размышлению этот жест показался ему неуместным и не вполне благородным) и двинулся через рощу, по-прежнему ожидая нападения с любой стороны. Его уверенность, что неведомые провожатые вот-вот нападут на него — либо сзади, либо из засады, — окрепла.

Однако путешественник миновал рощу, а ничего подобного не случилось. Выйдя из-под полога деревьев, он оказался перед каменистым склоном,

первым из целой череды подобных на пути к горам. Тайнственный странник, не снижая темпа, двинулся вперед и вверх.

Что интересно, он ни на секунду не задумывался, насколько удивительны были его действия с точки зрения здравого смысла. Скажите, ну какому нормальному человеку пришло бы в голову карабкаться по каменным утесам на ночь глядя, вместо того чтобы заночевать у их подножия и начать нормальное восхождение с утра? Правда, никто другой и не смог бы совершить это восхождение.

Человек, о котором идет речь, вообще не походил на заурядного обывателя. В своих поступках он руководствовался отнюдь не обыденным здравомыслием. Поставив перед собой цель, он целиком отдавался ее достижению.

Двигаясь кратчайшим путем, он просто сметал все возникающие перед ним препятствия, а уж на такие мелочи, как время суток, и вовсе не обращал внимания. Цель должна быть достигнута любым путем. Именно так. И уж если сумеркам было угодно застигнуть его на самых подступах к Стране Ужаса, да будет так. Тем более ничего не менял тот факт, что в ее внутренние пределы он вторгся в самую глухую ночную пору.

Пока он пробирался меж валунов, размером от головки сыра до целого дома, взошла луна. Ее серебристый свет придавал раскинувшемуся под ней миру необычайно загадочный вид. Иззубренные пики не столь уж далеких гор казались зубчатыми бапнями чародейских замков. Правда, путешественник не придавался мечтательному созерцательству. Мужчина до рези в глазах вглядывался в залитый лунным светом каменистый ландшафт, стараясь не упустить

еле заметную тропу, которой придерживался. Он был готов ко всему: к неожиданному нападению, к предательскому копыю, к целой горной лавине, несущейся ему навстречу, наконец.

Однако произошло то, чего он вовсе не ожидал. Из-за громадной базальтовой глыбы на тропу перед ним выступил человек. Глазам путешественника предстал гигант цвета черного дерева. Его облитая лунными лучами кожа лоснилась, так же как и наконецник тяжелого копья, которое воин сжимал в мускулистой руке. Его голову с красивым хищным лицом венчал пышный убор из страусовых перьев. Негр величественно поднял копьё, преграждая путь незнакомцу, и ночную тишину разбил человеческий голос.

— Эта земля не принадлежит белому человеку, — заявил чернокожий на диалекте речных племен. — Как называют моего белокожего брата в его родном краале? И что привело его сюда, в Страну Черепов?

— Мое имя — Соломон Кейн, — на том же языке ответил чернокожему воину путешественник. — А привели меня сюда поиски королевы вампиров Негари, что обитает в этих горах.

— Немногие ищут ее. Еще меньше тех, кто находит. И никто не возвращается. — Слова негра были столь же торжественны, сколь и загадочны. Кейн отнес их на счет того, что чернокожие любят подобные двусмысленные и цветастые высказывания.

— Не проводишь ли ты меня к ней? — спросил англичанин.

— В правой руке у тебя длинный нож, — ответил вопросом на вопрос его собеседник. — Но здесь нет львов.

— Зато есть змеи. Одна такая здоровая своротила камень, когда я сюда поднимался. А кто знает, сколько их тут в кустах еще?

Воцарилась недолгая тишина. Мужчины, обменявшись двусмысленностями, смотрели друг другу в глаза. Первым уступил эбеновый гигант. Он отвел взгляд, губы его тронула мрачная усмешка.

— Твоя жизнь в моих руках,— сказал он затем.

— В моей руке — жизни многих воителей.— Кейн холодно усмехнулся в ответ.

Взгляд негра скользнул по высокой жилистой фигуре англичанина, по искрящемуся лезвию его рапиры, которое, казалось, разрезало лунные лучи, потом встретился с его колючими прозрачными глазами, и в его зрачках отразилась некоторая неуверенность.

— Ты не принес с собой даров,— проговорил он.— Но если ты последуешь за мной, я отведу тебя к Ужасающей, к Властительнице Рока, к Алой Госпоже — к владычице Накари, правящей благословенной страной Негари!

Воин отступил в сторону, торжественно пропуская англичанина вперед. Но Кейн, который ни на грош не доверял чернокожему, опасаясь удара копьем в спину, покачал головой.

— Кто я такой, чтобы идти впереди моего брата? Мы оба вожди, так пойдем же бок о бок.

В глубине души пуританин был до крайности возмущен тем, что приходится пускаться на подобные дипломатические ухищрения с кровожадным дикарем, но лицо его хранило невозмутимое выражение.

Чернокожий воин, которому было нечем крыть подобный аргумент, с варварским достоинством поклонился, и они вместе запагали вверх по тропе,

не произнеса более ни слова. Все новые и новые воины, выходя из укрытий, присоединялись к их процессии. Якобы споткнувшийся англичанин бросил взгляд назад и обнаружил, что за ними следовало уже не менее сорока воинов, выстроенных в два отряда. Лунный свет наполнял их тела обсидиановым блеском, озарял высокие головные уборы, стекал с длинных, зловеще изогнутых наконечников копий.

— Твои братья похожи на леопардов,— учтиво сказал Кейн своему спутнику.— Самый зоркий глаз не разглядит их в ночи. Когда же они пробираются в высокой траве, самое чуткое ухо не расслышит их приближения.

Чернокожий воин принял комплимент как должное и гордо задрал голову, отчего перья его убора громко зашуршали.

— Горный леопард и вправду доводится нам братом, белый человек. Мы крадемся в ночи, словно плывущий дымок, но обрушиваемся на врага, словно рязящая сталь. Наши руки крепче железа, и удар их смертелен. Когда мы наносим удар, содрогаются горы и повергаются в прах самые сильные воины!

Не уловил ли Кейн нотку угрозы в его голосе? И хотя для таких подозрений у пуританина не было оснований весомее смутных предчувствий, все же какая-то аура порочности и жестокосердия сопровождала его спутника. На всякий случай он решил промолчать, и некоторое время странный отряд поднимался по склону в полной тишине. На ум пуританину, не чуждому определенной романтики, пришло сравнение с полуночным шествием призраков.

Тропа меж тем становилась все круче и круче. Она петляла между гигантскими скалами, то проходя по самому краю пропасти, то уходя в глубокие

расселины. И вдруг, совершенно неожиданно, их отряд вышел к бездонному провалу, который шел в обе стороны насколько хватало глаз. Сперва Кейн решил, что они достигли конца пути, но потом различил тонкий каменный мостик без перил, соединяющий обе стороны. Приглядевшись повнимательней, пуританин понял, что это было делом рук самой природы, с помощью ветров и осадков за бесчисленные тысячелетия изваявшей каменную арку. Приблизившись к узкому каменному полотну, вождь остановился.

* * *

Нимало не уstraшенный, Соломон Кейн заглянул в пропасть. Провал был шириной футов сорок, а вот насколько он был глубоким, сказать было невозможно, даже приблизительно. Бездну на многие сотни футов наполняла непроглядная тьма. Кейн носком сапога столкнул вниз камушек, но, сколько он ни вслушивался, до его ушей доносилось лишь эхо его ударов о каменные стены. С другой стороны к темному небу вздымались совершенно неприступные на вид скалы.

— Здесь, — сказал вождь, — пролегает истинная граница царства Накари...

От Кейна не укрылось, что воины все плотнее окружали его. Делая вид, что его это совершенно не интересует, англичанин лишь плотнее сжимал рукоятку рапиры, которую, к слову сказать, он так и не убрал в ножны. От пропитывавшего воздух напряжения на пуританине поднялись дыбом все волосы.

— ...И здесь, — грозно продолжал могучий негр, — тому, кто осмелился явиться в это место без даров для Накари, говорят — *умри!*

Это слово вырвалось из его глотки душераздирающим криком. Так могло бы звучать в устах злого волшебника заклятие, превращающее его в безумного маньяка. Эхо жуткого вопля еще судорожно металось между скал, когда чернокожий воин отвел руку, занося копье. Все мускулы его могучего тела напряглись — и тяжелое длинное копье устремилось прямо в грудь Кейна!

Вряд ли кто-либо еще, кроме пуританина, обладал такой инстинктивной реакцией, чтобы уклониться от безумного броска с расстояния в неполную дюжину футов. Соломон Кейн успел отшатнуться, и широкое волнистое лезвие прошло мимо, всего лишь в долях дюйма от его груди. Его рапира перечеркнула лунный луч в мгновенном ответном выпаде. Вождя спас какой-то негр из его отряда, выбравший именно этот момент, чтобы броситься на Кейна. Рослый воин умер, даже не успев понять, что с ним произошло, — Кейну никогда не приходилось бить дважды.

В следующий момент вокруг пуританина поднялся стальной смертельный вихрь. Похоже, дикари решили, что белокожий воин не сможет им оказать серьезного сопротивления, потому они не спешили кидать свои копья, а пытались достать Кейна длинными выпадами. Отводя в сторону одни копья и уворачиваясь от других, Кейну не оставалось ничего другого, как вскочить на узкий каменный мост. Теперь негры могли нападать на него только по одному.

Атаковать первому, однако, никому не хотелось. Чернокожие воины сгрудились на краю пропасти, пытаясь дотянуться до Соломона Кейна кривыми остриями своих копий, длина которых давала им неоспоримое преимущество перед рапирой Кейна.

Стоило ему отступить, и они подавались вперед, когда же он пытался сделать выпад, чернокожие дружно откатывались назад. Однако выгодная позиция, невероятная реакция и мастерство фехтовальщика, помноженные на его яростную решимость и самообладание, практически уравнивали силы.

Этот безумный танец продолжался некоторое время, не причиняя вреда ни одной из сторон. Внезапно толпа завывающих дикарей раздалась, пропуская несущегося вперед, словно буйвол, черного великана. Здоровенный негр бежал, выставив вперед копые, — похоже, он решил протаранить Кейна. В глазах его плескалось безумие, и он стремительно приближался к англичанину.

Кейну не оставалось ничего другого, как отскочить назад и отступить на самый край каменной арки, разворачиваясь боком, чтобы избежать смертельного столкновения. Пытаясь улучшить момент, чтобы нанести удар рапирой, он чуть не потерял равновесие и не рухнул в черную бездну под ногами. Чернокожие бестии ликующе звыли, увидев, как он зашатался, балансируя руками. Успевший за это время затормозить, воин развернулся и с торжествующим ревом бросился на замершего в неустойчивом равновесии врага.

Кейн буквально чудом успел отбить выпад его копыя, пустив в ход всю свою недюжинную силу. Он еще не восстановил равновесия, так что его успех можно было назвать подвигом, для большинства фехтовальщиков недоступным. Зазубренное острие промелькнуло мимо его щеки, и Кейн почувствовал, как падает спиной в пропасть. Неуловимым движением он мертвой хваткой вцепился рукой в древко копыя и в следующее мгновение пронзил сердце противника рапирой. Из распахнутого в

победном крике рта негра ударил фонтан крови, и умирающий всем своим немалым весом обрушился на победителя. Что-либо изменить было уже вне человеческой власти, и мертвый черный человек и пока еще живой белый перевалились через каменную кромку. Не издав ни звука, противники растворились во тьме зияющей бездны.

Все произошло настолько быстро, что ошарашенные воины не успели даже пошевелиться. Воздух еще наполнял торжествующий рык великана, а мостик был уже пуст. Постепенно оправившись, туземцы вбежали на каменную арку. Но напрасно они всматривались и вслушивались во тьму — из мрачной утробы пропасти не доносилось ни звука.

2

Даже падая вниз, пуританин сохранял железное самообладание. Его мышцы вовсе не парализовал страх, воин и в этот миг смертельной опасности оставался воином. Этот невероятный человек продолжал бороться за жизнь и в этом, казалось бы безнадежном, положении. Кейн инстинктивно извернулся в воздухе, чтобы, когда он достигнет дна — не важно, будет ли это через мгновение или через минуты, — между ним и землей оказалось мертвое тело убитого им негра.

Внезапно, гораздо раньше, чем мог ожидать англичанин, последовал жуткий толчок. Наполовину оглушенный ударом о каменную твердь, Кейн некоторое время не мог даже пошевелиться. Лишь полностью придя в себя, ему удалось поднять голову и посмотреть вверх. Сфокусировав зрение, он разглядел узкую черную полосу каменного моста,

пересекавшую узкую звездную реку, скальные стены почти полностью загораживали небо. Он различил и посеребренные лунным светом силуэты воинов. От контузии и странной, укороченной перспективы у него закружилась голова.

Соломон Кейн лежал, сохраняя полную неподвижность. Он прекрасно понимал, что лунный свет сюда еще не проникает и, стало быть, человеческие глаза не в силах его разглядеть. Но все-таки боялся даже слабым порохом выдать свое присутствие — от бросаемых сверху камней он был бы совершенно незащищен. Только дождавшись, пока отряд чернокожих воинов исчезнет, он начал оглядываться, изучая положение, в котором оказался.

Если бы его соперник был жив, то такое падение точно убило бы его. И хотя Кейн сам был порядком разбит и весь покрыт ссадинами и синяками, тело сраженного им противника приняло на себя всю силу удара и сейчас напоминало бесформенный кусок мяса.

Первым делом англичанин извлек из изуродованных останков рапиру, возблагодарив Творца за то, что она осталась в целости и сохранности. Потом Кейн стал ощупывать пространство вокруг себя, пытаясь определить, куда он упал. Буквально через несколько дюймов рука его натолкнулась на пустоту, с другой стороны было то же самое. Он-то, глупец, вообразил, что достиг самого дна провала, и решил, что его глубина была только кажущейся!

На самом деле Провидение уберегло его от смерти и на этот раз, приведя его на узенький каменный выступ. Так что они преодолели лишь неизмеримо малую часть глубин зловещей расщелины. Кейн сбросил с утеса какой-то обломок, и лишь долгое время

спустя до его ушей донеслось слабое эхо удара камня о камень.

Теряясь в догадках, что ему предпринять дальше, Соломон Кейн извлек из поясного кошелька кремь и кресало и насыпал на полоску ткани, оторванную от набедренной повязки дикаря, щепотку трута. Запалив импровизированный факел, он прикрыл чадающий огонек рукой — на случай, если кто-нибудь заглянет с моста в пропасть, — и огляделся в неверном свете крохотного язычка пламени. Он находился на достаточно просторном каменном уступе, выдававшемся из каменной стены. Удача опять оказалась на его стороне — сила толчка негра была такова, что они перелетели на дальнюю сторону расщелины, куда так стремился англичанин. Он обнаружил также, что упал на самый край выступа и любое неосторожное движение вполне могло увлечь его вниз.

Соломон Кейн подался от края. Между тем огонек угас, и ему вновь пришлось привыкать к темноте. В густом полумраке, разгоняемом рассеянным светом звезд, внимание англичанина привлекла клякса густой темноты, черневшая на фоне серого гранита. Когда он подобрался поближе, то, к своей радости, обнаружил, что тень оказалась входом в пещеру, причем достаточно высоким и широким, чтобы туда не сгибаясь мог проникнуть даже такой высокий человек, как он.

Внутри лаза царил абсолютный мрак, и Кейн, решивший, насколько это возможно, экономить трут, двинулся на ощупь, держась рукой за стену. Лаз оказался на удивление прямым, и рука Кейна явственно ощущала на стенах следы тесла. Естественно, он не имел ни малейшего понятия, куда заведет его этот путь, но такая перспектива устраивала его

несравненно больше, нежели сидение на уступе в ожидании смерти или прыжок вниз, в пропасть, чтобы его кости не достались пожирателям падали!

Пол пещеры был довольно ровным, и Кейн шел достаточно споро. Вскоре он почувствовал, как ход начал повышаться. Местами ему уже приходилось карабкаться вверх, помогая себе руками, оскальзываясь и съезжая на гладкой гранитной поверхности. Пещера, похоже, оказалась весьма значительной, и англичанин гадал, то ли она была целиком вырублена руками человека, то ли люди лишь расширили природную полость. Время от времени Кейн поднимал руку над головой и даже подпрыгивал, но коснуться потолка так и не смог. Не мог он и дотянуться свободной рукой до противоположной стены.

Наконец камень под ногами опять выровнялся, и Кейн инстинктивно почувствовал, что каменные стены разошлись еще больше, отступив во тьму. По-прежнему не было видно ни малейшего проблеска света, но откуда-то потянул ветерок, и воздух сделался менее спертым.

Неожиданно внимание Кейна привлек какой-то едва уловимый звук. Человек замер на месте и настороженно прислушался: спереди доносилось непонятное шуршание, ему в жизни не доводилось слышать ничего подобного. И вдруг, прежде чем он успел что-либо сообразить, что-то мягкое ударило его по лицу и крошечные острые коготки вцепились ему в волосы.

Тьма взорвалась шорохом множества кожистых крыльев, и Кейн улыбнулся, весело, хоть и несколько криво. Кто мог подумать, что его напугают какие-то летучие мыши? Понятное дело, где же им еще жить, как не в пещере?

Пещера буквально кишела этими безвредными созданиями. Соломон Кейн шагал вперед под немолчный аккомпанемент тысяч и тысяч крыльев. Тихое хлопанье отдавалось под сводами грандиозной пещеры накладывающимся друг на друга эхом. В голову пуританина вдруг пришла поистине странная мысль: не могло ли так случиться, что он, неведомым ему образом, забрел напрямик в преисподнюю?

И эти мечущиеся в вечной тьме пушистые комки вовсе не летучие мыши, как ему представляется, а не что иное, как заблудшие души, обреченные на горестные скитания до самого Страшного Суда. «Что ж,— решил про себя Соломон Кейн.— В таком случае мне, верно, доведется вскоре встретиться с самим Сатаной!»

Стоило только ему вспомнить нечистого, как в ноздри ударил тошнотворный смрад разлагающейся плоти. Чем дальше продвигался англичанин, тем невыносимее становилась вонь. И хотя Кейна нельзя было отнести к сквернословам, но тут уж и он прибег к крепкому словцу. Он чувствовал, что тошнотворный сладковатый запах сопутствовал некой скрытой опасности, будто бы это был запах самого Зла, совершенно нечеловеческого, но тем не менее смертельного.

Угрюмый разум пуританина вновь обратился к заключениям метафизического свойства. Впрочем, они его решимости ни коим образом не убавили. Облаченный в несокрушимую броню христианской веры, вооруженный непоколебимой убежденностью в правоте дела, которое взялся отстаивать, и до глубины души уверенный в том, что добродетель всегда торжествует, Кейн готов был сойтись в поединке с какой угодно нечистью —

хоть с духами Зла, хоть с демонами геенны огненной.

Но вновь произошло то, к чему он совершенно был не готов. Кейн по-прежнему продвигался вперед, когда прямо перед ним во тьме вспыхнули два глаза, горевших желтым огнем. Глаза эти, с вертикальными зрачками, смотрели холодно и без всякого выражения. Для человека они были слишком крупными и слишком близко посаженными, не могли они принадлежать и четвероногому существу, так как располагались ненормально высоко. Кейн задался вопросом: что за отвратительная креатура, порожденная дьявольской волей, преградила ему путь?

Что еще мог решить глубоко религиозный человек? Естественно, что перед ним во плоти сам Сатана! Эта мысль никак не повлияла на его способность быстро действовать и соображать. Когда мрак перед ним обрел живую плоть и толстыми скользкими кольцами обвил его тело, Кейн уже был готов в смертельной схватке одолеть любого врага. Тугие кольца оплели его торс, прижав правую руку к боку, лишив ее способности двигаться. Свободной левой рукой он силился дотянуться до кинжала или пистолета, но пальцы соскальзывали с холодной слизистой плоти. Шипение исполинского гада отдавалось зловещим эхом между каменных стен и звучало леденящим кровь гимном смерти и ужаса.

В крошечном мраке, под шелестящие аплодисменты мириада кожистых крыльев летучих мышей, Кейн, точно крыса, угодившая в пасть к змее, яростно сражался за свою жизнь. Противник его оказался невероятно силен, пуританин чувствовал, как проминаются его ребра, каждый вдох давался ему невероятным усилием, но его левая рука не остав-

ляла попыток раздвинуть чудовищные кольца. И вот — о чудо! — его пальцы сомкнулись на рукояти кинжала.

Вложив в рывок все оставшиеся силы, Кейн поистине титаническим усилием своих могучих мускулов освободил руку с кинжалом. Не давая обвившему его тело гаду опомниться, человек раз за разом погружал стальное продолжение своих мышц в трепещущую плоть, пробивая твердую чешую. С каждым новым ударом хватка ужасной рептилии слабела, и вскоре потерявшие свою силу кольца сползли к его ногам, оставшись лежать, словно дьявольский канат.

Хвост громадной змеи, бившейся в агонии, хлестал вокруг, и каждый такой удар с легкостью мог переломать человеческие кости. Кейн поспешно отскочил прочь, судорожно хватая живительный воздух ртом, наполняя горящие легкие. Да, решил про себя Кейн, если Шипящий Ужас Пещер и не был самым Сатаной, то по меньшей мере доводился ему ближайшим земным сподвижником.

Потихоньку Кейн приходил в себя, саднящая боль в груди тоже утихла. Пуританин искренне надеялся, что в дальнейшем Провидение убережет его от встреч с подобными тварями и что где-нибудь во тьме его не подстерегает очередное жуткое порождение подземелий. Отдышавшись и восстановив силы, Кейн двинулся дальше.

Соломон Кейн потерял счет времени, и ему начало казаться, что путешествие сквозь пещерный мрак длится уже целую вечность и что каменному ходу не будет конца, когда тьму впереди прорезали неверные отблески света. Сперва анг-

личанину показалось, что свет мерцал где-то далеко-далеко, но, прибавив ходу, он всего через несколько шагов, к своему изумлению, наткнулся на какую-то преграду.

Только сейчас он смог разглядеть, откуда исходил свет. Тонкий лучик, толщиной не более вязальной спицы, просачивался сквозь небольшую трещинку в каменной стене. Обследовав ее, англичанин понял, что, в отличие от гранитных стен и пола, это определенно было творение рук человеческих. Англичанин нащупал швы кладки — грубо отесанные каменные блоки были скреплены каким-то раствором, может быть, даже известкой.

Свет проникал сквозь щель между двумя верхними блоками, где выкрошился строительный раствор. Кейн продолжал ощупывать шероховатые камни. Интерес его был вызван не только насущной необходимостью отыскать выход из каменного тупика, но и вполне объяснимым любопытством. Проход явно был заложен давным-давно, раствор рассыпался от прикосновения, и Кейн понимал, что это никак не могли сделать жившие здесь примитивные туземцы. Умения древних зодчих намного превосходили способности современных дикарей.

Его охватил восторженный азарт, столь хорошо знакомый исследователям и естествоиспытателям. Вне всякого сомнения, он был первым и единственным белым человеком, которому довелось подступиться к истокам тайны полумифической древней цивилизации, сокрытой в самом сердце Африки. По крайней мере, единственным, кто при этом еще и был жив. Потому что, когда он высадился на удушающе влажном Западном Берегу, откуда направился в глубь материка, никто даже и намеком не обмолвился ни о чем подобном. Немногочислен-

ные белые знатоки Африки, с которыми ему довелось беседовать, слыхом не слыхивали ни о какой Стране Черепов. Не говоря уже о демонице, ею повелевающей.

Кейн, упершись в стену, пару раз ее осторожно толкнул, пробуя на прочность. Как он и ожидал, минувшие века изрядно ослабили каменную кладку: стоило ему нажать посильнее, и она заметно поддалась. Он принял решение и, разбежавшись, ринулся в атаку на каменную стену, вкладывая в удар плеча весь вес своего тела. Его усилия не пропали даром, и значительный участок стены рухнул с оглушительным треском. Поднялось облако пыли. Пуританин не удержался на ногах и рухнул на груды камней, извести и прочего мусора, оказавшись в тускло освещенном коридоре.

Уже в следующий миг он стоял на ногах, рапира угрожающе смотрела вперед. Англичанин был готов оказать достойный отпор хоть целой ораве полутолых копейщиков, появлению которых совершенно бы не удивился. Однако ничего подобного не произошло. Когда стих шорох осыпающегося песка, Кейн оказался в полной тишине.

Теперь он мог спокойно оглядеться. Пуританин пробился в коридор, подобный узкому пещерному ходу, но только освещенному. Шириной он был всего несколько футов, зато потолок располагался непомерно высоко. Пол покрывал слой пыли; в котором Кейн тонул по щиколотку. Судя по всему, сюда столетиями не заглядывала ни одна живая душа. Что же касается освещения, то Кейн, к своему невероятному изумлению, не смог обнаружить никаких видимых источников света. Также не обнаружил он окон или дверных проемов. Поломав голову над этой загадкой, Кейн решил, что источником

света является ни более ни менее как сам потолок! Если внимательно приглядеться, можно было разглядеть, что он неярко, но вполне отчетливо фосфоресцирует.

Кейн двинулся вперед по таинственному коридору. Он испытывал некоторый душевный дискомфорт, ощущая себя этаким бесплотным призраком, крадущимся сквозь серое царство тлена и смерти. Возносившиеся вверх невероятно древние стены давили на него, заставляя задумываться о бессмысленности жалкого человеческого бытия и бессмысленной тщете усилий не то что одного человека, но всего человечества.

Оставалось утешаться лишь тем, что теперь-то он определенно находился не в Царстве Теней, а в своем собственном мире: все же какой-никакой, но здесь был свет. Другой вопрос — где именно он находился?

Увы, пока Кейн не мог даже приблизительно составить об этом представление. Да, пожалуй, ему нужно было побольше прислушиваться к словам жителей лесных деревень и речных поселков, предупреждавших его, что он направляется в страну древнего чародейства и зловещих тайн. Тогда же он счел рассказы туземцев обычным вымыслом невежественных дикарей. Его убежденность в этом не смог поколебать даже тот факт, что ежедневно, с тех самых времен, как он обратился спиной к Невольничьему Берегу, отправившись в свое одинокое путешествие, до него доходили невнятные слухи об ужасах, творившихся на некоем таинственном плато, затерянном в сердце континента. Таким образом, если принять на веру то, что, замирая от ужаса, рассказывали аборигены, здесь могло произойти все, что угодно!

Время от времени до его ушей доносились невнятные отзвуки голосов, раздававшихся будто бы прямо из стен. Кейн, сопоставив это с тем, что знал об истории строительства европейских замков, пришел к выводу, что он попал в систему тайных переходов какого-то циклопического строения, быть может даже вырубленного в цельной скале. Те из туземцев, что отваживались произнести при нем название загадочной страны Негари, вроде упоминали о каком-то запретном для живых существ проклятом городе, вырубленном в поднебесных отрогах черных гор.

«Что же,— решил Кейн,— очень может быть, что я и в самом деле попал именно туда, куда стремился. И стою как раз в центре запретного города, где правит загадочная Накари».

Остановившись, он выбрал первое попавшееся место на стене и кончиком кинжала принялся выколупывать раствор, расширяя щель между камнями. Работа спорилась, и вскоре Кейн уже отчетливо различал голоса невидимых людей. Последнее усилие, и кончик кинжала прошел насквозь, проделав в стене дырочку. Соломон немедленно приник к ней глазом.

Взору его предстала удивительная, можно сказать, даже фантастическая сцена!

За стеной оказались обширные покои с каменными полом и стенами. Высокий купол поддерживали титанические колонны, украшенные странной резьбой, крайне непривычных для глаза пропорций. Прямо напротив него располагался величественный трон, высеченный из громадной глыбы какого-то абсолютно черного камня, полированная поверхность которого переливалась искрами. С обеих сторон трон ограждали изваяния в виде повергаю-

щих в трепет демонов, каждое из которых превосходило размерами дикого африканского слона. Вдоль стен рядами стояли чернокожие воины с дико размалеванными лицами, в пышных уборах из перьев. Двойная шеренга таких же воителей неподвижно, как каменные истуканы, стояла перед уходящим ввышину тронном.

Присмотревшись, Кейн различил знакомые лица: перед ним стояли те самые воины, с которыми он всего несколько часов назад бился у моста через пропасть. Но не они его заинтересовали. Взгляд англичанина неудержимо притягивал к себе громадный, пышно разукрашенный престол. Там, грациозно развалившись на подушках, возлежала женщина, казавшаяся миниатюрной на фоне вызывающей роскоши, окружавшей ее.

Черная женщина была очень молодой и красивой, но красота ее являлась какой-то дикой. Это была красота пантеры, совершенного убийцы. Ее роскошное тело было прикрыто лишь короткой юбочкой из перьев розового фламинго, руки и ноги украшали роскошные золотые браслеты с самоцветами, а на голове было надето некое подобие золотого шлема с роскошным плюмажем из павлиньих перьев. Разметавшись на шелковых подушках, черная хищница созерцала свое войско.

Кейн смотрел на нее с довольно приличного расстояния, но даже издали можно было различить, что черты привлекательного, но уж очень хищного лица девушки были удивительно чувственными. В изгибе полных ярко-красных губ угадывалась патологическая жестокость и порочность. Сейчас на нем застыло выражение высокомерия и властности.

Сердце Кейна учащенно забилося. Возлежавшая на троне дьяволица не могла быть не кем иным, как

Накари, королевой Негари, демонической правительницей Страны Черепов, чья превосходящая любые пределы кровожадность и злобность успела обрести легендами. Ее безудержная страсть к человеческой крови и немыслимое изуверство заставляли содрогаться от ужаса половину континента!

Больше всего Кейна удивило, как такая черная душа могла обитать в столь совершенном теле. На своем пути сюда он успел выслушать невероятное количество леденящих кровь историй, в которых ей приписывались не только сверхъестественные возможности, но и сверхъестественная внешность. Должно быть, это объяснялось тем страхом, который она вызывала у суеверных туземцев. Так что Кейн ожидал встретить по меньшей мере гнусного монстра, темное наследие давно минувших эпох. Пуританина это не удивляло: кому, как не ему, было знать, сколько еще дьявольской нечисти сохранилось на Земле?

Англичанин заворуженно смотрел на Накари, не в силах оторвать глаз от такого удивительного сочетания физической красоты и морального уродства. Нигде, даже при дворах восточных владык, не приходилось ему видеть такого великолепия. И сами чертоги, и отдельные скульптурные композиции, и даже, казалось бы, незначительные детали — все потрясало цельностью замысла и мастерством исполнения, каких Кейну не доводилось видеть ни разу в жизни. И каменные змеи, обвивавшие основание колонн, и едва различимые драконьи морды на терявшемся во мраке потолке, казалось, вот-вот заживут самостоятельной жизнью.

Пышность убранства, а тем более масштабы совершенно не укладывались в голове, вынуждая отступить рассудок с его привычными жалкими мер-

ками. Кейна совершенно бы не удивило, доведись ему выяснить, что подобные чертоги были сотворены не людьми, а богами, властвовавшими когда-то над этой землей. В одном только этом тронном зале уместилось бы большинство замков, виденных им в Европе!

Нет, недаром казались уродливыми карликами рослые могучие воины, замершие вдоль стен. Не это племя выстроило в незапамятные времена столь дивный и ужасный дворец. Кейн буквально нутром ощущал флюиды зла, наполнявшие это место. И запах настоящего первородного Зла заставлял забывать его о роскоши и качестве работы.

Когда Кейн разобрался в своих ощущениях, даже грозная повелительница Накари утратила в его глазах свою значительность. Теперь пуританин видел в ней то, чем она являлась на самом деле, — вскарабкавшееся на трон грозных исполинов, дорвавшееся до невообразимой роскоши чуждого мира, злобное и испорченное дитя, затеявшее кощунственную игру. Сатанинское отродье, забавляющееся с безделушками, выброшенными неведомыми взрослыми. Кейн даже вздрогнул, когда попытался представить себе, каковы же тогда были «взрослые»?

Скоро, впрочем, Кейну пришлось убедиться, что дитя это играло не какими-то безделушками, а человеческими жизнями.

Толпа чернокожих воинов раздалась, и покои пересек богатырского сложения высокий негр. Четырежды падал он ниц перед троном, после чего покорно замер на коленях, очевидно дожидаясь позволения говорить. При его появлении с черной Накари моментально слетела маска ленивого безразличия. Женщина подобралась, напомнив англичанину стремительностью и грациозностью движе-

ний изготовившуюся к прыжку пантеру. Губы ее шевельнулись, и Кейн весь обратился в слух, пытаясь уловить ее слова. К своей радости, он понял, что здесь говорят на одном из диалектов хорошо известного ему языка речных племен.

— Говори! — Голос ее оказался под стать внешности — глубокий и бархатистый.

— Великая и Ужасная, — стоя на коленях, начал черный воин. Голос его был знаком пуританину. Приглядевшись, он распознал в негре командира отряда стражей утесов, что приговорил его к смерти у каменного моста.

— Да минует всепожирающий пламень твоего гнева ничтожнейшего из ничтожных, живущих лишь по воле твоей милости! — Голос чернокожего воина дрожал от священного страха.

Глаза черной хищницы опасно сузились, острый розовый язычок прошелся по белоснежным зубкам, делая ее особенно похожей на плотоядную кошку.

— Знаешь ли ты, отродье пожирателя падали, зачем ты нам понадобился?

— О Жар Опаляющей Красоты! Чужеземец, назвавшийся Кейном, не принес с собой никаких даров для тебя...

— Даров?! — Накари взорвалась, точно огнедышащий вулкан. — Да что за проку мне в жалких подношениях простых смертных! — Слова ее падали, подобно огненным бомбам. — Я вам велела убивать чернокожих без даров, но разве я говорила что-нибудь подобное насчет белого человека? — Голос ее стал опасно спокоен.

— О Негарийская Газель, этот человек обратился на скалы ночью, подобно убийце, и при нем был невиданный длинный нож в два локтя длиной. Белый дьявол каким-то чудом увернулся от камня, который

мы на него сбросили. Тогда мы встретили его на плато и сопроводили к Мосту-через-небо, где вознамерились с ним покончить. Ибо ты, Несравненная, однажды заметила, что тебе бесконечно наскучили ничтожные глупцы, ищущие твоего могущества!

— Чернокожие, отрыжка павиана! — зашипела Накари. — Только чернокожие!

— Зерцало Красоты, твой негодный раб ничего не знал! Белый человек бился с отвагой горного леопарда. Он убил двоих и вместе со вторым рухнул в бездну, сгинув без следа, Звезда Негари!

— Итак, — голос Накари источал яд, — это оказался первый настоящий мужчина из всех, когда-либо достигавших Страны Черепов. Он поистине мог бы... Поднимись на ноги, ты, презренный червь!

Воин поднялся на ноги, лицо негра посерело.

— Могучая Львица, но что, если этот человек пришел за...

Договорить ему не пришлось. Накари, равнодушная к любым оправданиям, сделала неумовимый жест. Двое копеечников выступили из застывших, точно статуи, рядов личной гвардии повелительницы Страны Черепов. Деловито и равнодушно два широких лезвия пробили спину прогневавшего свою госпожу воина, который даже не успел обернуться. Провернув копья, стражники все так же равнодушно вернулись на свои места. Негр рухнул на колени, изо рта у него хлынула кровь, Кейн даже на таком расстоянии расслышал отвратительное бульканье. Мускулистое тело забилося в дикой агонии, заливая кровью черные ступени, и через какое-то время застыло у подножия исполинского трона, точно отброшенная надоевшая кукла.

Ряды воинов даже не дрогнули. Кейн уловил лишь движение глаз, показавшихся ему неестественно

красными, и то, как иные облизывали толстые губы. Ни на одном лице пуританин не заметил следов несогласия или отвращения от происшедшего. Накари, приподнявшаяся и хищно раздувшая ноздри, когда жертву пронзили копы, вновь расслабилась на подушках. На ее прекрасном лице было выражение жестокого удовлетворения, а блестящие глаза подернулись сладострастной дымкой.

Безразличный взмах руки, и пара стражей, привычно ухватив бездыханное тело за ноги, уволокли его в боковой проход, который Кейну не было видно. Безвольные руки скользили по полу, вырисовывая жуткие узоры по широкому рдяному следу, остававшемуся за все еще кровоточащим телом. Только теперь англичанин обратил внимание на коричневые полосы, иные — почти свежие, иные — совсем затертые, в изобилии покрывавшие полированный камень. О скольких же отвратительных в своей жестокости кровавых событиях могли поведать каменные монстры, охранявшие трон, умеи они говорить?

Больше у Кейна не было причин сомневаться в подлинности страшных историй, поведанных ему речными и лесными племенами. Народ этой страны, погрязший в кровавом разгуле, буквально дышал ужасом и насилием. Кровожадных дикарей совершенно лишило разума сознание собственной мощи. Они превратились в диких зверей, знающих лишь одно: убивать! Алые искры безумия таились в черных зрачках этого племени — искры, которые могли разгораться адовым пламенем.

Что там говорили туземцы о некоем горном племени, бессчетные века наводившем на них ужас своими опустошительными набегами? «Они — гончие псы смерти, алкающие крови, ходящие, подоб-

но людям, на двух ногах, и мы преклоняемся перед ними....»

Лицо пуританина, замершего у щелки в стене, скривилось от отвращения. Он более-менее составил представление о творящемся здесь, но его снова и снова притягивала мысль, досаждая, словно назойливый комар: кто воздвиг это титаническое строение? В этом месте все словно кричало, что чернокожие дикари никоим образом не могли быть причастны к высокой культуре, о которой свидетельствовала каждая продуманная деталь интерьера. Чего, например, стоила одна только резьба на каменных стенах? С другой стороны, раз уж информация речных племен оказалось достаточно точной в остальном, следовало исходить из того, что никакого другого народа здесь не было.

Кроме того, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, следовало разобраться, почему люди, хозяйничавшие здесь отнюдь не по праву, выказывали столь явные признаки одержимости.

* * *

Англичанин усилием воли оторвался от завораживающего жуткого зрелища. Следовало разумно распорядиться подаренным ему судьбой временем. До тех пор, пока Накари считает его мертвым, ему легче будет осуществлять свой план, ради которого он и пришел в эти негостеприимные места. Пока королева народа Черепов не отдала приказ расставить по всему дворцу усиленную стражу, следовало ускорить свои поиски. Приняв решение, Кейн повернулся и пошел дальше по коридору. Выбор направления в данный момент значения не имел: все равно англичанин не представлял устройства дворца и не имел четкого плана действий.

Каменный лабиринт не отличался прямотой, он изгибался, сворачивая то туда, то сюда. Похоже, следуя замыслам древних зодчих, он повторял прихотливые изломы стен, поражавших воображение своей толщиной. Поначалу Соломон Кейн за каждым поворотом ожидал наткнуться на стражников или дворцовую челядь, но коридор тянулся и тянулся, а толстый слой пыли под его ногами был девственно чист. Англичанин волей-неволей решил, что негарийцы либо не ведали о системе тайных ходов, либо она являлась для них табу.

Шагая вперед, англичанин высматривал потайные двери, и наконец-таки его ожидания оправдались. Перед ним появилась высокая узкая дверца, больше похожая на люк, запертая на засов из неизвестного Кейну блестящего металла, такого же чистого, как и столетия назад. Прижавшись к ней ухом, Кейн напряженно вслушивался: за стенами царила полная тишина. Кейн отодвинул засов, уходящий в каменный паз стены, и дверь с каменным скрежетом (он показался Кейну ужасающе громким) отошла вовнутрь. Он осторожно выглянул. Никого!

Англичанин переступил порог и затворил за собой каменную панель, со щелчком вставшую на свое место. Стену в этом месте украшала фантастическая фреска, и найти месторасположение двери, если не знать о ее существовании, было просто невозможно. Определив, где на этой фреске скрывается пружина, приводящая в движение каменную панель, Кейн сделал острием кинжала маленькую пометку. Кто знает, не понадобится ли ему самому этот потайной ход?

Кейн оказался в просторном зале, уступавшем, однако, тронному. Высокий потолок подпирали це-

лый лес колонн, украшенных в уже знакомой пуританину манере. Среди этих каменных столпов можно было представить, что чувствует маленький мальчик, запутавшийся в буковой роще. С другой стороны, Кейн, умевший скользить по джунглям, подобно бесшютному духу, почувствовал себя увереннее — он и в этих каменных дебрях сможет укрыться от целой армии преследователей, как бы внимательны и ловки они ни были.

Подбодренный, Соломон двинулся дальше, идя буквально куда глаза глядят и вслушиваясь в каждый шорох. Один раз, заслышав человеческую речь, он мгновенно взлетел на резное основание колонны и спился с тенью, между тем как прямо у его ног прошествовали две женщины, даже и не догадавшиеся о его присутствии. Пропустив их подальше, он мягко и бесшумно прыгнул. Больше ему никто не встретился.

Удивительное и странное ощущение испытывал пуританин, шагая по громадному залу, казалось бы не отмеченному признаками человеческого присутствия, сознавая, что на другом его конце может находиться целая армия копеечников, укрытая от его глаз рядами циклопических колонн.

Ему уже надоело пробираться меж каменными исполинами, когда впереди замаячила стена. Было непонятно, то ли она ограничивала зал, то ли разделяла его на части. Кейн двинулся параллельно ей и вскоре увидел проход, охраняемый двумя мускулистыми воинами, застывшими, словно черные изваяния.

Украдкой разглядывая высокую сводчатую арку, Кейн увидел два окна, больше похожих на бойницы, расположенных высоко на стене по обе стороны от нее. Стену украшала глубокая резьба, и у Соломона Кейна начал складываться отчаянный план.

Что толку скрываться, словно мышь в норке, пора было переходить к активным действиям. Раз арка охранялась, значит, за ней находилось что-нибудь особенное: может, сокровищница, а может быть, вход в подземелье.

Кейн решил во что бы то ни стало пробраться туда — чутье подсказывало англичанину, что дорога к объекту его отчаянных поисков скрывается именно за этими дверьми.

Пуританин отошел в сторону, чтобы не попасться на глаза стражам, и принялся карабкаться по стене, благо каменные детали были настолько глубоко прорисованы, что давали прекрасную опору для рук и ног. Подъем оказался даже легче, чем он себе представлял. Быстро поднявшись на достаточную высоту, Кейн двинулся к бойницам, чувствуя себя муравьем на отвесной стене.

Движения его были легки и бесшумны, и стражники, оставшиеся далеко внизу, так ничего и не заподозрили. Добравшись до ближайшего окна, Кейн перегнулся через край ниши и заглянул внутрь. Его глазам открылась просторная, похоже, как и все помещения в каменном дворце, комната. Она была обставлена с помпезной роскошью. Золото и драгоценные камни, черное и красное дерево, мех, шелк создавали атмосферу будуара. Каменного пола совершенно не было видно под слоем толстых ковров и бархатных подушек, стены драпировали златотканые шпалеры.

Даже потолочная лепнина и та была инкрустирована золотой проволокой. И резким диссонансом выделялись многочисленные массивные и грубые изваяния из слоновой кости и железного дерева. В этих убогих поделках в полной мере чувствовалась примитивность местных мастеров, так и не

сумевших постичь странную культуру, оставившую им в наследство великолепные интерьеры.

Охраняемая снаружи копеещниками дверь была закрыта, а в противоположной стене виднелась еще одна — тоже закрытая.

Кейн беспумно пробрался внутрь и ловко съехал по длинному занавесу, подобно матросу, съезжающему по снастям с мачты на палубу. Его ноги тонули в густом мягком ворсе ковров, которые, как и вся прочая обстановка, казались невероятно древними, — англичанину показалось, что они вот-вот могли рассыпаться в прах под его грубыми сапогами.

У двери пуританин на мгновение остановился. В том, чтобы вот так просто взять да и войти в соседнюю комнату, крылся изрядный риск. Если вдруг, паче чаяния, она окажется битком набитой вооруженными людьми, путь к отступлению ему отрежут копеещники, несшие охрану у наружных дверей.

Но Кейн не боялся рисковать, если риск был оправдан. Он сжал в руке клинок, поправил пистолет за поясом и, резко распахнув двери, стремительным, но мягким прыжком влетел в помещение.

Такое неожиданное появление вооруженного человека должно было вызвать замешательство у любого врага, который мог оказаться внутри. Сам Кейн готов был ко всему, в том числе и к немедленной гибели, но он замер на месте, вытаращив глаза и лишившись от изумления дара речи.

За его спиной остались тысячи и тысячи миль, он пересек два континента и океан, преследуя вполне определенную цель. И вот — прямо перед ним оказался объект его поисков.

3

Посредине покоев возвышалась обтянутая шелком просторная кровать, на которой разметалась прелестная белокожая девушка. Ее роскошные золотые кудри рассыпались по худеньким обнаженным плечам. От неожиданного вторжения юное создание так и подскочило, в глазах ее застыли ужас и обреченность, девушка сжалась в комок. Разглядев замершего на середине комнатки вооруженного мужчину, она до крови закусила губу, сдерживая рвущийся из груди крик.

— Вы?! — ахнула она. — Да как же... Кто же... — Бедняжке не хватало слов.

Убедившись, что в помещении больше никого нет, Кейн тихонько прикрыл за собой дверь и подошел к девушке. Удивительно мягкая и нежная улыбка появилась на его обветренном и загорелом лице.

— Значит, — сказал он, — еще не совсем позабыла меня маленькая Мерилин?

Ужас на лице девушки сменился улыбкой, словно луч солнышка прорвался сквозь мрачные тучи. Ее прекрасные глаза распахнулись от удивления — похоже, девушка была не в силах поверить собственному счастью.

— Капитан Кейн! Этого просто быть не может!.. Я уже и надеяться перестала, что однажды кто-нибудь за мной придет!..

Она внезапно прикрыла узенькой ладошкой глаза и пошатнулась. Кровь отхлынула от ее щечек.

Кейн легко подхватил на руки легкую как былька девушку — Мерилин была совсем еще подростком, можно сказать, ребенком — и бережно уложил ее на кровать. Осторожно похлопывая ее по щекам, он говорил быстро и тихо, не сводя при-

стального взгляда с двери. Судя по всему, это был единственный проход, соединяющий эту комнату с внешними помещениями. Кроме того, Кейн не забывал бросать быстрые взгляды по сторонам, автоматически запоминая каждую деталь обстановки. Убранство спальни Мерилин точь-в-точь соответствовало предыдущему помещению.

Он начал с самого главного на данный момент:

— Мерилин, скажи мне, насколько внимательно несут службу твои стражи?

— О, это сущие демоны! — отчаянно зашептала девушка. — Даже представить себе не могу, как вам удалось забраться сюда, но вот выйти нам ни за что не удастся... — безнадежно закончила она.

— Господь на нашей стороне, дитя мое, — успокаивающе улыбнулся пуританин. — Может быть, мой рассказ о трудностях, которые уже остались позади, укрепит твой дух и вселит в тебя надежду. Приходи в себя, крошка, а я тем временем поведаю, как получилось, что поиски некой английской наследницы завели меня в дьявольский город в центре Негари.

Мне было суждено убить на дуэли сэра Джона Тэферела. Что ж до повода... впрочем, это неважно, скажу лишь, что этот негодяй воистину заслуживал смерти, ибо его черные дела, клевета и адская ложь переполнили чашу терпения небес. Умирая, злокозненный сэр Джон пожелал примириться с Господом нашим и покаяться в страшном преступлении. Ты ведь помнишь, дитя мое, как горячо любил тебя и лелеял твой кузен, старый лорд Гильдред Тэферел, дядя сэра Джона? Так вот, сэр Джон, убоявшись, что бездетный лорд, умирая от неизлечимой болезни, вздумает завещать тебе все огромное состояние рода Тэферелов, удумал невероятную гнусность.

Еще за несколько лет до нашей роковой встречи сэр Джон распустил слух, когда ты бесследно исчезла, будто несчастная Мэрилин утонула. Но позже, встретив свою судьбу на острие моей рапиры, негодяй решил не брать грех на душу и перед самой смертью признался, что просто похитил тебя и продал берберийским пиратам. Он открыл мне даже имя их кровавого капитана, весьма небезызвестного на побережьях туманного Альбиона.

Именно тогда я поклялся, что восстановлю справедливость и разыщу тебя. Долгими оказались мои поиски, тернистым — мой путь, не раз я терял надежду найти тебя живой. И все-таки, слава Господу нашему, поиски эти увенчались успехом!

Для начала я избородил не одно море, выслеживая нечестивца Эль Гара, берберийского корсара, чье имя открыл мне умирающий грешник. Рок нас свел в грохоте пушек и треске дерева морского сражения, но прежде, чем пират испустил дух, я добился от него признания, что он перепродал некую юную леди купцу из Стамбула.

Далее мой путь пролегал на Восток, где счастливый случай свел меня с греческим матросом, которого мавры распяли на берегу за пиратство. Я снял моряка с креста и задал тот же вопрос, который задавал каждому встречному: не пересекался ли некогда его путь с пленницей-англичанкой, маленькой девочкой с золотыми кудряшками? В этот раз мне сопутствовала удача. Пират-неудачник, оказывается, служил именно на том стамбульском купеческом судне, которое я безуспешно разыскивал.

Грек рассказал, что, когда они с богатым грузом возвращались домой, их корабль был взят на абордаж португальскими работниками и потоплен. Спасти удалось лишь немногим. В числе тех, кого

подняли на борт португальского парусника, оказалась и английская девочка.

Выгодно продав захваченный груз, торговцы рабами направились на юг за очередной партией живого товара — «черным деревом». Когда презренные работоторговцы уже почти достигли своего тайного пристанища в одной из бухт Западного берега, португальцы угодили в засаду. К сожалению, больше о тебе от грека я ничего не смог узнать. В тот раз ему чудом удалось избежать общей участи — всех португальцев вырезали под корень, — а он выгреб на маленькой лодочке в море, где был подобран гемузскими флибустьерами.

Таким образом я оказался на Западном Берегу, ибо счел, что имеются шансы, пускай и ничтожные, что ты можешь быть все еще жива. Много месяцев я посвятил расспросам, но все мои усилия оказались тщетными. И вдруг в одном небольшом селении я узнал от местных жителей, что несколько лет назад в заливе неподалеку действительно был захвачен пиратский корабль. Негры перебили всю его команду, кроме маленькой белокожей девочки с доселе им не встречавшимися золотыми волосами, которую они сочли талисманом. Туземцы рассказали мне, что девочка была отправлена внутрь страны в качестве дани, которую приморские племена выплачивали вождям свирепых племен с речных верховий.

На этом, Меритин, твой след, казалось, был окончательно потерян. Месяц проходил за месяцем, а я ни на дюйм не приближался к тебе. Более того, я не мог раздобыть не то что намек на твое месторасположение, но и простого свидетельства, что ты все еще жива. И вдруг — о чудо! — мне довелось услышать от жителей одной речной деревеньки о

мифической стране Негари, будто бы населенной демоническими существами, которых суеверные негры считали вампирами. Они рассказывали, что, пытаясь умиловить их кровавую владычицу, одно из племен подарило ей белокожую рабыню с золотыми волосами. Вот так, маленькая моя, я и оказался здесь,— наконец закончил пуританин.

Все это Соломон Кейн рассказывал будничным тоном, очень коротко, без ненужных деталей и художественных прикрас. Оставалось гадать, сколько кровопролитных сражений и подвигов на суше и на море остались за гранью немногословного повествования.

Кто мог оценить тяжесть лишений и отчаянного, изнурительного труда, непрестанных опасностей и скитаний по чужим, зачастую враждебным краям? Кто еще был способен завершить сводящие с ума многолетние поиски нужных сведений, каждую крупинку которых приходилось лезть, обманом и прямыми угрозами добывать у безжалостных белых пиратов и кровожадных черных дикарей?

Эти простые слова: «Вот я и оказался здесь»,— вмещали в себя целую вселенную железного мужества и отваги. Долгий кровавый путь, багрово-черные тени зарева пожаров, пороховой дым сражений, дьявольская брань и редкие бесценные слова, кровавыми каплями стекавшие из уст умирающих.

Соломона Кейна нельзя было назвать эффектным рассказчиком. Он излагал свою повесть в той размеренной, но непреклонной манере, в какой, если так можно выразиться, она разыгрывалась в жизни. Все препятствия, возникавшие у него на пути, пуританин преодолевал с точно таким же упорством и холодной невозмутимостью. Ему и в голову не

могло прийти, что обычные для него поступки кто-нибудь может счесть героическими.

— Как ты понимаешь, Мерилин,— ласково проговорил англичанин,— я проделал такой путь вовсе не для того, чтобы теперь потерпеть поражение. Будь мужественна, дитя мое, мы непременно придумаем, как сбежать из этого проклятого места.

— Сэр Джон подхватил меня на седло...— возвращаясь в памяти к страшным событиям давно минувших дней, медленно проговорила девушка. Слова родной речи, к которой она не прибегала вот уже много лет, давались ей с трудом и казались странными и чужими.

Запинаясь, бедное дитя поведало пуританину о том, что в действительности произошло тем ужасным вечером в Англии много лет тому назад.

— Мы прискакали на морской берег, где его ожидала лодка, спущенная с пиратского корабля. В ней сидели усатые смуглые люди со злыми лицами. Они были вооружены страшными кривыми саблями. Я еще обратила внимание, что их волосатые лапы были сплошь унизаны массивными перстнями с драгоценными камнями. Возглавлявший язычников огромный магометанин с ястребиным лицом забрал меня, плачущую от страха, у сэра Джона. Так я очутилась на его судне.

И все же этот человек был по-своему добр ко мне, ведь я тогда была совсем еще ребенком. Впоследствии он продал меня турецкому купцу, и все было в точности так, как он рассказывал вам умирая. А корабль стамбульского купца мы повстречали у южных берегов Франции после длительного морского перехода.

И новый мой хозяин не причинял мне зла, но как же я боялась этого человека! Мне не раз дово-

дилось видеть, насколько он мог быть жестоким и безжалостным. Он сразу сказал мне, что собирается продать меня черному мавританскому султану. Но этому не суждено было сбыться — у Геркулесовых Столпов его корабль взяли на abordаж работорговцы из Кадиса, а что было дальше, вам и самому известно.

Главарь работорговцев догадался, что я принадлежу к весьма состоятельному английскому роду, и собирался разыскать моих родственников, чтобы получить за меня выкуп. Увы, этому не суждено было случиться! Его подстерегла смерть темной ненастной ночью в утрюмой бухте у берегов далекой Африки. Тогда смерть принял весь экипаж португальского судна, кроме того грека, как вы сейчас рассказали. А я снова оказалась в плену — на этот раз у черных дикарей.

Я была частью добычи вождя большого племени, обитающего в джунглях побережья. Я ужасно боялась этого человека, разрисованного страшными узорами и покрытого ритуальными шрамами, полагая, что он вот-вот съест меня.

Но этот чернокожий даже пальцем ко мне не прикоснулся. Вождь со всем возможным комфортом отправил меня в глубь Черного Континента вместе с вооруженным отрядом, перевозившим добычу, награбленную на корабле португальских работорговцев. Вы уже сами знаете, эта добыча предназначалась могущественному царьку речных племен.

Но до его деревни нам так и не суждено было добраться. По пути нас настиг разбойничий отряд негарийцев, которые предали лютой смерти моих спутников. Девушке, вспомнившей кровавые события, чуть снова не сделалось дурно. — Потом меня

привезли сюда, в Город Мертвых. С тех пор я и живу здесь в рабстве, прислуживая царице Накари. Как только я смогла пережить все эти ужасы, эту бесконечную вереницу побоищ, убийств и пыток, совершавшихся на моих глазах? Почему я до сих пор не лишилась рассудка? Не знаю сама! — Девушка замолкла.

— Рука Провидения хранила тебя, дитя мое, — ответил ей пуританин. — Тебе была явлена милость Божья, хранящая слабых женщин и беззащитных детей. Что, как не Провидение, направляло меня к тебе, не давая сбиться с правильного пути! И если на то будет воля Господня — да не оставит Он нас своей милостью! — мы выберемся и отсюда.

— А мои родственники? — словно очнувшись ото сна и прогнав страшные воспоминания, спросила девушка. — Как там моя семья?

— Все в добром здравии и достатке, милая Мерилин. Лишь скорбь по тебе отравила им минувшие годы, да старый сэр Гильдред страдает подагрой и оттого временами так богохульствует, что я порой опасаюсь за его бессмертную душу. Но я уверен, маленькая моя, что твоей улыбки будет более чем достаточно, чтобы его исцелить.

— И все-таки, капитан Кейн, — вздохнула девушка. — Почему, почему вы пришли в это страшное место один?

— Твои братья, все как один, не раздумывая отправились бы вместе со мной, девочка. Дело в том, что у меня не было ни малейших доказательств, кроме моих предчувствий, что ты жива, а я не хотел, чтобы еще хоть один из рода Тэферелов умер на чужбине, вдали от благой британской земли. Я избавил мир от злокозненного Тэферела, и будет справедливо, что я же и доставлю на его

место другого — добродетельного и славного. И разыщу его, вернее ее, в одиночку.

Мотивируя подобным образом свои действия, Кейн искренне верил сам в то, что сейчас говорил. Он никогда не копался в себе, выясняя причины своих поступков и решений, но, раз поставив перед собой цель, более не испытывал колебаний, и не существовало такой силы, что могла заставить пуританина отказаться от своих намерений. Именно поэтому, привыкнув действовать по первому побуждению, англичанин истово верил, что его поступками движет трезвый и холодный расчет.

Соломон Кейн был настоящим сыном своего времени, хотя этого никто не мог бы оспорить, крайне неординарным. Этот человек удивительным образом сочетал в себе качества рыцаря и пуританина, причем в загадочных глубинах его души скрывался античный философ, исполненный языческих суеверий, — надо сказать, последнее утверждение повергло бы Кейна в неописуемый ужас. И тем не менее он являлся отголоском той эпохи, когда мужчинами управляли лишь честь и верность. Странствующий рыцарь, облаченный в черные одежды фанатика пуританина, — вот кем являлся Соломон Кейн.

Таких людей гонит вперед единственно жажда справедливости, стремление своими руками избавить мир от всего зла, защитить слабых, воздать по заслугам гонителям правды и справедливости. И, выполняя возложенную на себя миссию по очищению мира от негодяев, пуританин не ведал сомнений и пощады, рука была тверда, а глаз — верен. Ни одного мгновения не знал он покоя, подобно ветру, существующему лишь в движении. Лишь в одном англичанину было присуще посто-

янство — в верности своим идеалам. Соломона Кейна по праву можно было назвать Бичом Божьим.

— Мерилин, — насколько мог нежно проговорил этот закаленный сражениями и невзгодами мужчина и взял ее за руки. Крохотные ладошки девушки удивительно трогательно смотрелись в его руках, покрытых мозолями от грубой рукояти рапиры. — Как же изменили тебя пролетевшие годы! Я помню тебя еще пухленькой румяной мальпшкой, которую качал на коленях. А теперь я вижу перед собой прекрасную нимфу, прямо как те, про которых пишут языческие книжки! Вот только выглядишь ты совсем худенькой и бледной... Я вижу в твоих глазах тень страха, дитя мое. Скажи, они дурно обращаются с тобой?

Девушка сжалась в комок, краска оставила ее и без того бледные щеки, она побелела как полотно. Кейн, удивленный и встревоженный, склонился над ней.

— Ах, лучше не спрашивайте, — едва слышно выдохнула она. — Я просто не могу вам ответить. Есть вещи настолько страшные, что нет слов, чтобы их описать. Да сгинут они во мраке забвения. Есть зрелища, от которых слепнут глаза видевших и сам разум навсегда получает отметину, выжженную в сознании, словно клеймо. Стены этого древнего города, проклятого человеческим родом, были свидетелями такого, о чем лучше вовсе не упоминать вслух...

Ресницы Мерилин опустились под грузом страшных воспоминаний. Не упускающий ни одной мелочи взгляд Кейна отметил голубые линии вен, отчетливо просматривающихся под неестественно прозрачной кожей.

— Воистину здесь кроется какая-то бесовская тайна,— пробормотал он хмуро.— Я чувствую присутствие дьявола...

— Вы правы, капитан Кейн,— шепотом отзывалась девушка.— От этой тайны веяло древностью уже тогда, когда сооружались пирамиды Египта... Неназываемое зло повелевало миром из своих черных городов Ужаса задолго до расцвета Вавилона, когда наш мир был молод и страшен...

Кейн нахмурился. От этих странных и, признаться, не совсем понятных слов девушки он ощутил глубоко внутри себя странное беспокойство, пробуждение какого-то неосознанного страха. Родовая память Соломона Кейна, однажды разбуженная тамтамами, говорившими с ним голосом Черного бога, отзывалась целой серией ужасающих, кошмарных, мимолетных видений. Сколько тысяч лет дремали эти смутные, ускользающие образы в памяти его предков, пока не дождались этого момента?

Мерилин вдруг резко села на кровати, глаза девушки широко распахнулись, округляясь от ужаса. Острый слух англичанина тоже уловил скрип двери, открывшейся неподалеку.

— Это Накари! — быстро прошептала девушка.— Поспешите, ради всего святого! Она не должна застать вас здесь! Да прячьтесь же вы, прячьтесь...— Она на мгновение замерла, опустив глаза, а потом решительно посмотрела на Кейна.— И заклинаю вас именем Господним: что бы ни случилось — молчите!

* * *

Девушка вновь опустилась на шелковые подушки и притворилась спящей. Кейн тем временем быстро, но без суеты пересек комнату и укрылся за пышной драпировкой стеной ниши, в которой не-

когда стояла статуя. Это место он давно уже приглядывал на случай надобности спрятаться. Чутье его не подвело!

Едва стихло шевеление потревоженной им ткани, распахнулась единственная дверь комнаты и на пороге возникла стройная фигура.

Накари, повелительница Негари, пришла к своей рабыне.

На чернокожей властительнице Страны Черепов было надето то же одеяние, что и в тронном чертоге. Звеня по-варварски массивными золотыми браслетами на кистях и лодыжках, она прикрыла за собой дверь и направилась к стоящей в центре кровати. Двигалась она с врожденной хищной грацией пантеры, и Кейн, наблюдавший за ней сквозь крохотное отверстие в ткани, не мог не восхититься изяществом ее движений. Однако ее магнетические глаза, которые пуританин наконец смог разглядеть вблизи, излучали такое вибрирующее безумием зло, что Кейн содрогнулся от омерзения. Казалось, это лицо самого Зла, более древнего, чем сама вечность.

«Лилит! — вздрогнул пуританин. — Та самая луноликая Лилит из древних легенд, холодная и страстная, обжигающая ужасом, словно чистилище!»

Накари остановилась подле кровати. Какое-то время она молча, сверху вниз, смотрела на прекрасную невольницу, после чего с загадочной улыбкой нагнулась и встряхнула девушку за плечо.

Мерилин открыла глаза, приподнялась... потом соскользнула с ложа и покорно опустилась на колени перед своей дикой владычицей. Кейн, видя унижение беззащитной девушки из своего укрытия, закрипел зубами от ярости. Повелительница же Города Мертвых рассмеялась низким чувственным

смехом и присела на край кровати. Жестом велел девушке подняться с колен, она обняла ее за талию и... усадила к себе на колени.

Кейн, отказываясь верить своим глазам, наблюдал за тем, как лениво, словно сытая тигрица, явно забавляясь, она бесстыдно ласкала свою белокожую рабыню, удовлетворяя противоестественное влечение. Но вместе с тем Кейн чувствовал в каждом сладострастном движении Накари дьявольскую насмешку и издевательство над беспомощной жертвой, всецело находящейся в ее власти.

— Сколь гладка твоя кожа, сколь мягка невинная плоть, моя маленькая Мара,— лениво мурлыкала Накари.— Другие мои служанки не идут ни в какое сравнение с тобой. Время близится, сладкая моя, грядет твоя брачная ночь. Поверь мне, ни одна из невест, коим было даровано право взойти по Черной Лестнице, не была столь прекрасна, как ты!

От этих слов Мерилин охватила такая дрожь, что Кейн испугался, как бы хрупкая девушка не потеряла сознание. Глаза Накари были полуприкрыты и странно поблескивали из-под густых ресниц, полные чувственные губы кривила многообещающая улыбка — наверное, так улыбался сам Змей-искуситель. Что бы ни делала чернокожая дьяволица, все ее тщательно продуманные поступки вели дорогой зла. Кейн взмок от напряжения.

— Мара,— продолжала королева Страны Черепов,— тебе оказана честь, о которой могла бы только мечтать любая девушка, а ты не проявляешь радости. Подумай о том, как станут завидовать тебе все жительницы Негари, когда жрецы пропоют свадебную песнь и над черным парашютом Башни Смерти взойдет Луна Черепов! Представь себе, маленькая

невеста Повелителя, сколько девушек готовы отдать жизнь за то, чтобы стать его сужеными?

Накари вновь рассмеялась, точно услышав что-то смешное, — удивительно мелодичным и одновременно зловещим смехом. Но вдруг веселье ее испарилось, как по волшебству. Взгляд ее глаз, превратившихся в узкие щелки, обежал всю комнату, тело напряглось, подбираясь по-звериному. Чернокожая властительница одним змеиным движением извлекла длинный стилет из ножен на поясе.

Кейн между тем держал ее на мушке своего пистолета, и палец его твердо лежал на спусковом крючке. Только естественное для человека его склада отвращение к убийству женщин удерживало пуританина от того, чтобы послать кусочек разящего металла прямо в черное сердце Накари Негарийской. Но если бы кинжал повелительницы варваров обернулся против Мерилин, видит Бог, рука бы его не дрогнула!

Будто угадав мысли Соломона Кейна, чернокожая пантера ловко спихнула рабыню с колен и невероятным прыжком переместилась к двери, не спуская горящего взгляда с занавеса, за которым прятался англичанин.

Неужели этой дикой кошке удалось его выследить, подумалось Кейну. Его подозрения самым решительным образом подтвердились.

— Кто здесь? — крикнула Накари в ярости. — Я чувствую твое присутствие! Выходи! Я не вижу и не слышу тебя, кто бы ты ни был, но я знаю, что ты там, за шпалерой!

Кейн, однако, даже не шелохнулся. Эта ведьма явно учуяла его присутствие в комнате. Как поступить?.. Кейн решил слегка выждать и посмотреть, что предпримет Накари.

— Мара! — От голоса Накари повеяло мертвенным холодом. — Кто там за занавесом? Живо отвечай, пока я снова не приказала тебя наказать! — Ее глаза полыхнули безумным огнем, и между полных губ на мгновение, словно змеиное жало, показался розовый язычок.

Однако подавленная происходящими событиями, бедная Мерилин утратила дар речи. Несчастная девушка сжалась в комок на полу, чудесные глаза наполнились ужасом, губы были крепко сжаты.

Накари, по-прежнему не отводя угрожающего взгляда от портьер, одной рукой что-то искала на стене позади себя, другая рука, с кинжалом, была угрожающе выставлена вперед (кстати, Кейн видел не так уж много мужчин, в чьих руках оружие смотрелось бы таким смертоносным). Наконец она нащупала витой шнур, свисавший со стены. Злобный рывок, и занавес разошелся, словно в театре. Тайное сделалось явным. Ее горящему взору предстал высокий жилистый белокожий мужчина, одетый в темные облегающие одежды.

Несколько мгновений длилась эта безумная сцена: прямо напротив друг друга замерли изможденный жилистый воин в заляпанной кровью, изодранной о камни одежде, сжимающий длинный пистолет, и повелительница кровожадных дикарей в по-варварски вызывающем роскошном наряде, со смертоносным кинжалом в руках. И между ними — скорчившееся в ужасе юное прелестное создание, стремившееся слиться с полом.

Кейн первым нарушил молчание.

— Не поднимай шума, Накари, не то умрешь. — Голос его был ровным и холодным.

У госпожи народа Черепов, ошеломленной, словно она увидела привидение, отнялся язык. Кейн

вышел из ниши и, мягко ступая, направился к ней. Черный зрачок его пистолета смотрел повелительно на дикарей точно в лоб.

— Ты?! — прошипела она, наконец опомнившись. — Ты не можешь быть не кем иным, как тем человеком, о котором рассказали мне стражи Моста-через-небо. Я не думаю, что кто-нибудь еще из твоего племени есть сейчас в Негари! Но ведь ты, по их словам, упал в пропасть! Как тебе удалось избежать...

— Тихо! — Резкий взмах рапирой заставил ее замолчать. Англичанин понимал, что чернокожая хищница никогда не видела пистолета и не знает, что это такое, зато отлично понимает смертоносную угрозу, исходящую от стального клинка. — Мерилин, — продолжал он по инерции пользоваться диалектом речных племен, — собери шнуры от занавеса и свяжи покрепче эту...

Пуританин тем временем обошел кровать и уже приближался к Накари. Та разжала безвольно повисшую руку, словно бы признавая свое поражение, и кинжал беззвучно упал на ковер. Кейн инстинктивно опустил взгляд. Когда же он поднял голову, то увидел, что с лица женщины сошло выражение беспомощности и ее глаза засветились обычным коварством. Кейн понял, что его обманули, но, прежде чем он успел спустить курок, Накари дернула какой-то шнур, и англичанин рухнул вниз, прямо в зияющий провал, разверзшийся у него под ногами.

По счастью, падать пришлось недолго, и Соломон приземлился на ноги. Сильный толчок бросил англичанина на колени, однако не помешал почувствовать чужое присутствие. Но что-либо предпринимать уже было поздно. На его голову обрушился

страшный удар, и последнее, что Кейн запомнил, прежде чем погрузиться в непроглядный мрак, был отчаянный крик Мерилин.

4

Кейн медленно выкарабкивался из черного омута беспамятства, в который его погрузила дубинка неведомого противника. Что-то мешало ему свободно двигать руками, и когда он попытался поднять их к раскалывающейся от боли голове, раздался металлический лязг.

Перед его открытыми глазами плыли разноцветные пятна, но Кейн не мог сказать, вызвано ли это просто отсутствием света или же зрение отказало ему в результате сокрушительного удара. Попробовав разобраться с остальными своими чувствами, пуританин определил, что лежит на каменном полу, холодном и сыром, и что на руках и ногах у него массивные железные кандалы, грубо выкованные и покрытые ржавчиной.

Кейн не мог даже приблизительно представить, сколько прошло времени с момента злополучного падения. Звонящую тишину нарушали лишь болезненное пульсирование крови в ушах да крысиный писк и цокот коготков этих завсегдатаев темниц и узилищ о камень. Машинально пуританин отметил потревожившее тьму красноватое мерцание. Оно росло, приближаясь, и наконец превратилось в факельное пламя — что же, по крайней мере, он не ослеп.

Когда безвестный факелonosец приблизился, рыжие отсветы огня заплясали на смуглом лице Накари. Ее рот кривился в язвительной и жестокой

усмешке. Кейн помотал головой, пытаясь стряхнуть дьявольское наваждение. Но фантом и не думал рассеиваться. Перед ним, во плоти, стояла сама королева Страны Черепов.

Теперь, когда появившийся свет дал ему возможность оглядеться, Кейн увидел, что лежит в маленькой и донельзя сырой нише, которой заканчивался каменный коридор. Тяжелые цепи, удерживающие его руки и ноги, были примкнуты к железным кольцам, надежно вделанным в гранитную стену.

Тем временем Накари вставила факел в ближайшее на стене коридора к Кейну бронзовое крепление. Без страха приблизившись к скованному мужчине, она встала прямо над ним. Взгляд бесстыжих глаз оценивающе скользил по телу пленника, но насмешки в нем не было. Скорее повелительница Негари что-то напряженно обдумывала.

— Итак, это ты бросил вызов моим воинам на утесах.— В ее голосе не было вопросительных интонаций.— Они сказали, что ты упал в пропасть. Неужели пожиратели падали осмелились солгать своей королеве? Чем ты подкупил их, чтобы заставить пойти на ложь? А если они сказали правду, значит, ты — могучий волшебник и сумел не только невредимым перелететь через провал, но и невидимым, опять же по воздуху, проникнуть ко мне во дворец? Тогда почему же ты упал в ловушку в этот раз? А может быть, ты никакой не волшебник, а тебе помогли проникнуть в Город Мертвых предатели? Отвечай!

Кейн не проронил ни звука, и Накари разразилась чудовищной бранью.

— Отвечай, не то я прикажу своим рабам сперва выколоть тебе один глаз, потом велю отрубить тебе руки и ноги, а остальное поджарить на мед-

ленном огне. А затем, когда ты вдоволь наглядишься на тот кусок мяса, в который превратится твое белокожее тело, я собственноручно выколю тебе оставшийся глаз! — И она с неженской силой и злобой пнула его в бок.

Кейн по-прежнему безмолвствовал, лишь его мрачные глубокие глаза, в которых разгоралось бешеное пламя ярости, сверлили лицо Накари. Постепенно ее взгляд утратил звериный блеск, на смеху которому пришлось недоумение, смешанное с чисто женским жгучим любопытством.

Усевшись на каменную скамью в ногах пленника, Накари поставила локти на колени и опустила на руки подбородок.

— Ты первый белый мужчина, которого я вижу в своей жизни, — задумчиво произнесла она. — Все ли они такие, как ты? Вряд ли, я слишком хорошо знаю мужчин своего народа — хвастливые, похотливые тугодумы. Не думаю, что белые мужчины чем-то отличаются от черных... Я слышала, что сурверные речные племена считают белокожих людей богами. Полная чушь! Они такие же люди, как мы. Кому, как не мне, знать об этом?

Но так же, как и я, владеющая всеми древними таинствами, белые люди имеют свои странности и свои тайны. Я много чего знаю из рассказов речных бродяг и рассказов крошки Мары. Я знаю, что у белых людей есть боевые жезлы, производящие звук, подобный грому, и убивающие стальными плевками на расстоянии. Та штука, которую ты держал направленной на меня... был ли это именно такой жезл?

Кейн позволил себе мрачную улыбку.

— Накари, которой ведомы все древние таинства, как я могу надеяться открыть нечто неведомое твоей премудрости?

— У тебя удивительные глаза,— не обращая ни малейшего внимания на его язвительные слова, продолжала повелительница Негари.— Удивительные... Бездонные и ледяные! Я не видела никого другого, кто держался бы так гордо и с таким достоинством, будто на тебе не цепи, а королевская мантия. И ты меня не боишься. Все мужчины, которых я встречала раньше, либо меня обожествляли, либо были сведены с ума моим телом. Но и тех и других я повергала в ужас... Но я знаю, ты никогда не преклонишь передо мной колени. Но и не влюбишься. Смотри же на мое тело.— Она игриво потянулась, демонстрируя Кейну безупречную фигуру.— Смотри пристальнее, смельчак! Или же я не прекрасна?

— Ты прекрасна,— вынужден был согласиться пуританин.

Накари улыбнулась, но тут же нахмурилась.

— Ты произнес это не так, как положено произносить похвалу. Я вижу в твоих глазах ненависть, не так ли?

Соломон Кейн ответил со всей откровенностью — он не стал бы врать даже на краю могилы:

— Я ненавижу тебя так, как только человек может ненавидеть ядовитую гадину.

Глаза Накари застила кровавая дымка безумия. Она так стиснула кулаки, что ее длинные ухоженные ногти впились до крови в ладони. Однако вспышка гнева миновала столь же быстро, сколь и разгорелась.

— Ты действительно смельчак,— спокойно кивнула головой черная госпожа Города Мертвых, соглашаясь со своей первоначальной оценкой пуританина.— Другой бы уже ползал передо мной на брюхе... Скажи, ты, наверное, великий вождь в своей стране?

Соломон Кейн ответил:

— Я всего лишь безземельный скиталец.

— А можешь,— медленно произнесла Накари,— стать властелином этих земель...

— Ты что, женщина, предлагаешь мне жизнь? — угрюмо расхохотался он.

— Гораздо больше, чем жизнь,— ответила королева.

Глаза англичанина сузились — повелительница Негари склонилась над ним, дрожа всем телом от едва сдерживаемого возбуждения, дыхание ее было горячим и порывистым.

— Скажи, Соломон Кейн, чего бы ты хотел больше всего на свете?

— Уйти отсюда и забрать с собой белую девушку, которую ты зовешь Марой,— решительно заявил пуританин.

Накари отшатнулась от него, зашипев, словно рассерженная кошка.

— Ее ты не получишь! — воскликнула она. — Мара — названная невеста Владыки. Даже я не могу теперь ее спасти... если такая мысль и пришла бы мне в голову. Забудь о ней, воин. О, я помогу тебе забыть о ней! Внемли же, чужестранец, речам Накари, повелительницы земли Негари! Ты говоришь, что ты безземельный скиталец, но я сделаю тебя царем! Весь мир ляжет к твоим ногам, стоит только этого пожелать!.. Молчи, молчи же, выслушай меня, не перебивая! — заторопилась она, желая высказать ему сразу все. Речь королевы была сбивчивой, она перескакивала с одного на другое, глаза ее сверкали, руки мелькали в воздухе. — Не думай, будто мне неизвестно, что происходит за пределами Страны Черепов. Моим воинам велено доставлять ко мне путешественников, пленников и рабов из самых даль-

них концов Черного Континента. Я знаю, что кроме этой страны горных хребтов, джунглей и рек есть на свете и иные края. Есть различные мягкотелые народы, живущие далеко-далеко за соленой водой. А также цари и царицы, которых следует завоевать и повергнуть в прах!

Да, я чувствую приближение заката Негари, миновали дни ее славы, иссякает древняя мощь, но сильный мужчина, который встанет рядом со мной, еще сможет раздуть подернутые пеплом угли и возродить былое могущество! Соломон Кейн, первый из равных мне мужчин, прими же мое предложение и воссядь рядом на Черном Троне! Сделай так, чтобы из твоей страны, лежащей на другом конце света, доставили волшебные громовые жезлы. Тогда мое воинство будет непобедимо! И пускай я лишь пока повелеваю серединными землями Африки, но вместе мы сможем объединить покорные моей воли племена и обернуть само время вспять, когда великая империя Негари простиралась от океана до океана!

Мы подчиним себе все племена речных и морских побережий, саванн, жителей пустынь и лесов. Но мы не будем уничтожать их, о нет! Из этих слабых людишек мы выкуем могучее войско, которое исполнит любой наш каприз! Я брошу всю Африку тебе под ноги, только раздели со мной власть! А потом мы всепожирающим пламенем обрушимся на остальной мир! И не будет силы, способной нас остановить!

Соломон почувствовал, как поколебалась его решимость. Быть может, во всем была виновата магия личности этой жестокой и таинственной женщины, та яростная, опаляющая сознание сила, наполнявшая каждое ее слово, а может, на него по-

действовали дьявольские чары чернокожей колдуньи. Но был — был! — тот миг, когда весь этот безумный, невероятный план показался ему не таким уж безумным и невероятным.

Вереница химерических видений предстала перед мысленным взором пуританина. Европа, раздираемая гражданскими и религиозными войнами. Европа, расколотая на враждебные друг другу союзы, ждущие лишь повода вцепиться друг другу в горло. Европа, которой направо и налево торгуют менялы-вожди, отринувшие христианскую добродетель. Европа, готовая развалиться на тысячи нежизнеспособных кусочков...

В ее нынешнем состоянии она действительно была готова пасть легкой добычей какой-нибудь новой, дикой и полной необузданных страстей расы завоевателей, покорных одной железной руке. Так почему бы ему, Соломону Кейну, не возглавить победоносное шествие черных легионов и не принести долгожданные мир и процветание многострадальному Старому Свету?

И был этот миг великим искушением Соломона Кейна, которому подверг его враг рода человеческого. Нечистый нашептывал свои заманчивые предложения прямо той части души, тлеющей огнем неутоленной жажды завоеваний и власти, что скрыта в любом мужчине. И кто знает, как могло все сложиться, если бы перед глазами пуританина не возникло прозрачное, полное тоски личико Мерилин Тэферел. Наваждение рассеялось, и Соломон с чувством выругался:

— Убирайся прочь, дочь Сатаны! Изыди, бесовка! Не дожидаться тебе вовеки, чтобы я уподобился зверю и повел твоих черных дьяволов против своего собственного народа! Изыди, заклинаю тебя име-

нем Господним! Хочешь моей дружбы, так освободи меня и отпусти со мной дитя невинное!

Накари взвилась, точно ужаленная. Глаза ее пылали животной яростью. Выхватив кинжал, женщина занесла стальной клинок над скованным пленником, с губ ее слетало звериное рычание. На мгновение лезвие замерло точно напротив сердца, готовое вонзиться в него, подобно молнии, но затем Накари опустила руку и рассмеялась.

— Освободить?.. Что ж, да будет по-твоему. Мара обретет свободу, когда Луна Черепов явит свой грозный лик над Черным Алтарем. Но ты не увидишь даже этого. Ты сгниешь заживо в этом каменном мешке, если тебя раньше не сожрут крысы. Нет, Соломон Кейн, ты не смельчак, ты — жалкий безумец! Ты отверг любовь величайшей царицы Африки, ты отверг мое предложение разделить власть над миром, ты оттолкнул меня, осыпав оскорбительной бранью! Ты предпочел настоящей женщине маленькую рабыню. Так знай же, до прихода Луны Черепов она по-прежнему моя вещь. И чтобы не умереть от скуки в ожидании милосердной кончины, можешь предаваться размышлениям о том, что я буду проделывать с ее бледным телом. Ах, какие я придумаю ей новые пытки, Кейн! Если я раньше только подвешивала ее за пальцы рук нагую и хлестала кнутом, пока она не лишалась сознания, то теперь я придумаю себе более изощренную забаву.

Кейн, больше не в состоянии выносить подобные слова, забился в оковах. Его муки лишь заставили жестокосердную Накари расхохотаться. Она подошла к факелу, вынула его из крепления и, обернувшись к англичанину, напоследок сказала:

— Итак, мой герой, может быть, пребывание в этих мерзких катакомбах научит тебя уму-разуму. А

пока подумай на досуге, от чего ты отказался. Ненависть ненавистью, но может статься, что, оказавшись в роскошных тронных чертогах Накари Негарийской и узрев их величие и великолепие, ты переменишь свое мнение и об их хозяйке. Весьма скоро я пришлю за тобой, а до тех пор постарайся сделать правильный выбор. Он весьма несложен: на одной чаше весов моя любовь и власть над могучей империей, на другой — медленное гниение у этих стен!

Шаги королевы Страны Черепов стихли, растворились во тьме последние блики пламени факела, и на Соломона Кейна навалились мрак и тишина. Но еще долго его разум терзали серебристые переливы полного яда смеха удаляющейся Накари.

* * *

Время во тьме подземелья тянулось мучительно долго. Вряд ли другой человек смог бы выдержать пребывание в цепях в абсолютной тьме и не сойти с ума. Лишь закаленный рассудок пуританина противостоял безумию, но и Кейну показалось, что прошли целые годы, прежде чем он увидел пятнышко света и появился здоровенный воин, принесший пленнику еду и разбавленное вино.

Кейн с жадностью проглотил предложенную пищу и провалился в глубокий сон без сновидений. Тяготы последних дней измотали его как физически, так и духовно. Проснувшись, он почувствовал себя, несмотря на тяжелые цепи, ограничивающие его движения, вполне отдохнувшим и свежим.

Англичанин еще пару раз засыпал и просыпался, пока за ним не явились двое громадных чернокожих копеечников. При свете принесенных ими факелов Кейн смог разглядеть, что воины эти отлича-

лись невероятно мускулистым сложением. Оба колосса были облачены лишь в набедренные повязки и головные уборы из страусовых перьев. Каждый держал в руке тяжелое копье с широким плоским наконечником.

— Великая Госпожа приказала привести тебя к ней, белый человек.— Вот и все, что он услышал от них, пока негры сбивали с него оковы. Он поднялся на ноги, наслаждаясь пусть краткой, но все же свободой. Острый ум его уже вовсю трудился, изыскивая пути спасения.

По-видимому, угрюмые стражи получили соответствующий инструктаж, так как не сводили с Соломона Кейна глаз и не опускали копий. Ему жестом было предложено идти впереди, а сами охранники настороженно двинулись сзади. Кейн всей спиной ощущал глядящие ему прямо между лопаток стальные острия. Несмотря на то что воинов было двое, причем вооруженных, а единственный пленник был только что освобожден от цепей, рисковать они не желали.

Скорей всего, здоровяки принадлежали к личной гвардии Накари, так как в них чувствовалась железная дисциплина и смертоносная сила. И тем не менее в обращенных на белого человека взглядах можно было прочесть не только подозрительность и угрозу, но и благоговение.

Казалось, каменному темному лабиринту не будет конца, причем стражники, не утруждая себя разговорами, указывали ему нужное направление, легонько покалывая копьями. Но вот они достигли узкой винтовой лестницы и, поднявшись по стертым от старости ступеням, вновь оказались в каком-то коридоре, затем преодолели еще одну лестницу... и очутились в том самом заставленном

колоссальными колоннами зале, в котором некогда оказался Кейн, едва выбравшись из потайного хода.

Его отконвоировали через зал, и их отряд двинулся вдоль стены. Напряженный и собранный Соломон Кейн еще издали узрел странную фантастическую фреску, невольно привлечшую его внимание. И тут Кейн узнал ее — сердце чуть не выпрыгнуло у пуританина из груди. Та самая!

Кейн сразу понял, что это и был его шанс. До фрески еще было идти и идти, и англичанин дюйм за дюймом начал забираться в сторону, пока и он, и его стражи не оказались рядом со стеной. Поравнявшись с фреской, Кейн поискал глазами свою метку: ага, вот и его крестик!

Невозможно описать словами изумление стражей, когда их пленник вдруг ахнул, словно человек, получивший в грудь удар копьем, схватился за сердце и, пошатнувшись, привалился к стене в поисках опоры. На всякий случай чернокожие воины отпрыгнули в разные стороны, но их пленник вскрикнул, подобно умирающему, и сполз по стене. Белый человек скорчился на полу в нелепой позе, затем завалился набок, подтянув под себя ноги, рот его был безвольно открыт.

Воины угрожающе кричали, замахивались копьями, даже для верности потыкали в скрюченное тело остриями, но все было тщетно. Судя по всему, их подопечный был мертв, хотя на его теле не было ран. Они были в ужасе, догадываясь, что с ними сделает Накари, когда узнает, что чужеземец погиб из-за их невнимательности. Чернокожие воины огляделись по сторонам в поисках возможного убийцы, но вокруг никого не было. Наконец они опустили оружие, и один из негров в растерянности склонился над бездыханным телом.

Именно в этот миг все и случилось. Стоило воину нагнуться пониже, Кейн изо всех сил ударил его обеими ногами, и массивный негр отлетел на несколько ярдов. Пуританин оказался на ногах чуть ли не раньше, чем тело неосмотрительного стражника ударилось о камни. Словно подброшенный стальной пружиной, англичанин подскочил ко второму воину и, прежде чем тот опомнился, нанес ему ужасающей силы удар в челюсть.

Кулак Кейна, по всем правилам английского бокса, точно поршень рванулся от бедра и, описав правильный полукруг, с громким треском соприкоснулся с подбородком мускулистого конвоира. Удар, в который были вложены немалое умение, весь вес мускулистого тела и испепеляющая ярость пуританина, оказался роковым. Раздался хруст кости, и огромный негр бесформенной кучей обрушился на пол, испустив дух или, в лучшем случае, потеряв сознание прежде, чем у него подогнулись колени.

Тем временем второй воин, оказавшийся настоящим бойцом — даже во время полета он не выпустил из рук копьё, — с ревом бросился на англичанина, нацелив свое оружие прямо ему в живот. Но еще раньше, чем он преодолел разделявшее их расстояние, судорожно мечущаяся рука Кейна нащупала потайную защелку и надавила на пружину.

Дальнейшее произошло в доли секунды. Как ни быстр был дикарь, движения Кейна оказались еще стремительнее. Того мгновения, которое потребовалось негру, чтобы перепрыгнуть через бездыханное тело соплеменника, оказалось англичанину вполне достаточно. Едва дверная панель поддавалась его усилиям, как он втиснул свое тело в открывающуюся щель. Боковым зрением Кейн успел еще заметить стальной отблеск, но когда стражник обрушил

на него копье, англичанин, извернувшись ужом, проскочил в отверстие, и острое лезвие лишь вспороло кожу на его плече.

Потайная дверь автоматически встала на место, скрыв беглеца от выпучившего в изумлении глаза воина. Тот так и замер, с отведенным для повторного удара копьем. Ему показалось, будто пленник попросту прошел сквозь толстую каменную стену. И если бы не алые капли на блестящем лезвии, можно было бы решить, что все произошедшее ему просто пригрезилось. Перед негарийцем не было ничего, кроме удивительного рисунка на камне. И сколько он ни наставлял себе шишек, пытаясь пройти сквозь стену, та так и не расступилась перед ним, как ранее перед Кейном.

5

Едва только панель встала на место, Кейн поспешно задвинул засов и, прижавшись спиной к двери, плотнее уперся ногами в каменный пол, готовясь удерживать ее сколько надо, противостоя целой орде кровожадных дикарей. Хвала судьбе, его опасения оказались напрасны. Англичанин разве что не со смехом прислушивался к возне чернокожего воина, который, судя по всему, просто с разбегу налетал на стену. Потом и эти звуки стихли.

Это еще более укрепило уверенность Кейна, что нынешнее население города не имело ни малейшего отношения к неведомым древним строителям. Иначе как было бы возможно, что эти люди столько времени прожили в каменном городе и не имели никакого понятия о системе потайных ходов и расположении тайных дверей?

Убедившись, что в ближайшее время погоня ему не грозит и он может не волноваться за свои тылы, Кейн продолжил свой путь по коридору, возобновив таким образом свое знакомство с тысячелетним царством пыли и мутного сероватого света.

Кейн размышлял о том, чего он добился на настоящий момент. Первое — он не только убедился, что Мерилин жива, но и выяснил, где она содержится. Второе — он благополучно избавился от кандалов, в которые его заковала Накари. Но тем не менее сердце его переполняли бессильная ярость и сознание неудачи.

Словно каленое железо, его жгла мысль, что Накари, может быть прямо сейчас, срывает злобу на незащитной девушке. Ну и что с того, что на данный момент он свободен? У него нет никакого оружия, он не знает устройства дворца, и его гоняют, словно крысу, по этим Богом проклятым коридорам. Чем, спрашивается, он в таком состоянии способен помочь даже себе, не говоря уже о крошке Мерилин?

Он закрипел зубами и выругался, ударив кулаком в каменную стену. Боль помогла ему прийти в чувство. Что проку в нытье и жалобах! Он стоял за правое дело. Следовательно, и уверенность пуританина в этом была абсолютно непоколебимой, Господь на его стороне. А уж он постарается изыскать возможность осуществить свои планы.

Сколько времени пробыл он во дворце? Ему казалось — века. Кейн потерял представление о ходе времени, но, судя по всему, во внешнем мире день был в самом разгаре. С тех пор как стражники оставили свои факелы у входа в мрачное подземелье, ему не попало ни одного зажженного факела.

ла или светильника. И тем не менее снаружи залы были, определенно, освещены солнечным светом.

Англичанину на глаза попалась узкая лесенка, круто поднимающаяся вверх и в сторону от главной галереи, по которой он шел. Он начал карабкаться по крутым ступенькам, и, к его радости, свет стал усиливаться. Наконец он смог увидеть сверкающее во всю силу африканское солнце. Лестница закончилась в маленьком донжоне с забранным толстыми железными прутьями окошком. Сквозь решетку виднелась небесная лазурь, щедро позолоченная солнечным светом.

Лица Кейна коснулся свежий ветерок, несущий тропические ароматы. Пряный воздух и вид неба опьянили англичанина, словно молодое вино, ему показалось, что впервые с тех пор, как он попал в Город Мертвых, ему довелось вздохнуть полной грудью. Он жадно вбирал в себя свежий, ничем не оскверненный воздух, очищая легкие от вековой пыли и удушающего тлена древней роскоши, среди которой ему довелось побывать.

Взгляду Кейна открылась совершенно невероятная волшебная картина. Он был уверен, что такого еще не видел ни один белый человек. Насколько хватало глаз направо и налево, вздымаясь к небесам, уходили громадные горные хребты. А у подножия черных кряжей теснились дворцы и замки, поражавшие своей нечеловеческой архитектурой. Нет, не под силу рукам человеческим было изваять подобные циклопические строения. Впечатление было такое, словно бы некие гиганты, явившиеся на Землю с другой планеты, породили эти арки и минареты на хмельном и безумном пиру творения.

Кейн понял, что еще удивляло его в чуждом зодчестве,— все здания являлись продолжением гра-

нитных скал, окружавших долину. Выяснив уже кое-что об устройстве дворца Некари, Кейн пришел к выводу, что невероятные замки служили лишь фасадами сооружений, уходивших глубоко внутрь скальных массивов. Он не исключал мысли, что подземный лабиринт, соединяющий их, образует единый город, вырубленный неведомым гением в толще скал. Сам же он сейчас находился внутри каменного пика, высоко поднимавшегося над скалами. Увы, в единственное небольшое оконце (которое, кстати, было невозможно заметить из долины) нельзя было рассмотреть всю панораму горной страны.

В самой же долине, далеко внизу, на узких и извилистых улицах странного города кишели толпы людей, занятых неведомой деятельностью. С такой высоты они казались Кейну черными муравьями. Наметанный глаз англичанина обратил внимание и на то, что почти со всех сторон — с восточной, северной и южной — нависающие над долиной скалы образовывали естественные непреодолимые бастионы; лишь на западе вход в долину перегораживала высоченная рукотворная стена.

День уже перевалил за середину, и пуританин с сожалением оторвался от окошка и устремился вниз по ступенькам.

И вновь шагал он по бескрайнему каменному лабиринту, покрытый пылью, в тусклом сером свете напоминая больше призрака, чем человека. Сколько он брел в никуда? Миля и миля остались за его спиной. При этом англичанин спускался все ниже и ниже, как будто гранитные коридоры уходили в сердце Земли. Ему казалось, что он движется по гигантской спирали. Судя по всему, он действительно спустился очень глубоко, потому что свечение потолка заметно поблекло, на стенах появилась чер-

ная слизь, а воздух стал совсем затхлым. Внезапно Кейн остановился, привлеченный едва различимым звуком. Он прислушался повнимательнее. Да, за стенкой явно раздавалось слабое, далекое звяканье. Пуританин вздрогнул: его печальный опыт неопровержимо доказывал, что так лязгать могли только цепи.

Кейн внимательно обследовал подозрительную стену, и вскоре его рука нащупала подозрительный выступ. Небольшое усилие, и вот уже панель потайной двери отходит в сторону, увлекаемая древним механизмом. Кем бы ни являлся этот пленник, он его потенциальный союзник. Недолго думая, Кейн шагнул в открывшийся проход.

Предчувствия его не обманули, он действительно оказался в тюремной камере. В стенной нише у массивных бронзовых дверей чадил потрескивавший факел, и в его неверном мерцающем свете англичанин разглядел лежащего на каменном полу человека. Тяжелыми цепями, надетыми на руки и на ноги, узник был прикован к кольцам, надежно вделанным в гранит. Его незавидное положение точь-в-точь напоминало недавний плен самого Кейна.

Сперва Соломону показалось, что закованный в цепи человек — туземец, тем более что он был темнокожим. Но ошибочность его выводов доказывало точеное, с тонкими чертами, лицо незнакомца. Кроме того, человек этот обладал высоким, поистине сократовским лбом, который не могли скрыть давно не стриженные прямые темные волосы. Ни один негр не мог иметь подобной внешности. Замершего на пороге англичанина рассматривали непреклонные, полные жизни глаза.

Таинственный пленник, севший при появлении Кейна, заговорил первым, обратившись к англича-

нину на неведомом тому языке. Речь его была удивительно чиста и мелодична, особенно в сравнении с гортанным говором известных пуританину негритянских племен. Соломон Кейн сперва попытался ответить ему по-английски, затем попробовал немецкий и французские языки, но было ясно, что незнакомец его не понимает. Тогда, в отчаянии, пуританин перешел на язык речных племен. К изумлению Кейна, его наконец поняли.

— Ты, вошедший в древнюю дверь,— незнакомец перешел на то же наречие,— кто ты? Я вижу, что ты не дикарь, и если бы не твоя бледная кожа, я вполне мог бы счесть тебя за одного из Древних. Откуда ты родом?

— Меня зовут Соломон Кейн,— вежливо представился англичанин,— и я, увы, такой же, как ты, пленник этого сатанинского города. А родом я из очень далеких краев, которые лежат за великим соленым океаном.

При этих словах глаза прикованного к стенам человека лихорадочно заблестели.

— Океан! Великий соленый Океан! Я никогда не погружался в твои грозные воды, ласкавшие берега прародины моих предков! Скорее, скорее, незнакомец, поведай мне, пересек ли ты, подобно им, сверкающую гладь голубого чудовища, ласкали ли твой взор золотые шпильки Атлантиды и багряные стены страны Му?

— Сказать по совести,— неуверенно начал Кейн,— в какие только края не заносила меня судьба, доводилось мне бывать даже в Индостане и Китае, но о странах, которые ты мне назвал, я слышу впервые.— Он с сожалением развел руками.

— Все мечты! — В голосе собеседника послышалась мука.— Пустые мечты! Порой я начинаю

сомневаться, существует ли этот мир на самом деле... Тень великой ночи уже падает и смущает мой разум. Знай, незнакомец, бывало, что одной только силой своего разума я превращал эти мрачные стены в зеленые колышущиеся пучины, и несмолкающий шепот таинственных океанических бездн наполнял мою душу, несмотря на то что я никогда не видел моря!

Кейн внутренне содрогнулся: похоже, длительное заключение не прошло для бедняги даром! Словно услышав мысли англичанина, тот поднял иссохшую руку, похожую на птичью лапу, и неожиданно крепко схватил его за руку.

— О ты, чья кожа так странно бледна! Видел ли ты Накари, проклятую демоницу, правящую этим рассыпающимся городом?

— Видел,— мрачно отозвался Кейн.— И теперь, словно жалкая крыса, удираю от ее головорезов.

— Ага! Я слышу в твоём голосе ненависть,— удовлетворенно заметил узник.— Я знаю, знаю! Ты ведь пришел, чтобы освободить ту маленькую белокожую рабыню, Мару?

— Да,— согласился Кейн.

— Внемли же мне,— с непонятной торжественностью начал темнокожий узник.— Смерть уже в двух шагах от меня. Ужасные пытки, которым подвергала меня Накари — будь проклято ее имя,— сделали свое дело. Я умираю, но вместе со мной мир покинет тень славы, сопутствующая моему народу. Ибо я — последний. Внемли же последнему живому голосу древней расы, которой больше не будет...

И Соломон Кейн, замерший на коленях рядом с умирающим человеком в зловещем полумраке темницы, сокрытой среди корней гор, услышал самую невероятную повесть из всех, касавшихся когда-

либо человеческого уха. Слова, срывавшиеся с уст удивительного рассказчика, несли весть о рассвете рода людского, затерявшегося в тумане времен. Несмотря на то что речь умирающего была ясной и четкой, порой пуританину казалось, что этот человек бредит. Англичанина бросало то в жар, то в холод при мысли о приоткрывшихся ему безднах времени и пространства.

* * *

— Много эонов тому назад — вряд ли кто может сосчитать минувшие с тех пор столетия, — так начал свой рассказ узник, — мой народ безраздельно властвовал над морем. Так давно это было, что сами воспоминания об этом стерлись из памяти рода людского. Далеко-далеко на западе лежала наша родина — дивная страна, с множеством могучих городов, красотой бросавших вызов самому небу. Золотые шпили мерцали среди звезд, пурпурные галеры бороздили волны морские по всему миру — от мест, где вода кипит под лучами полуденного солнца, до мест, где вода превращается в ледяную твердь. Несметные сокровища стекались в наши руки от закатного края до рассветного.

Цепь наших городов опоясала мир, наши колонии множились по всем странам и континентам. Поступь наших легионов заставляла содрогаться земли на севере и на юге, на западе и на востоке. Никто не мог устоять под их натиском. Мы усмиряли дикарей всех цветов кожи, обращая их в рабство. Дикари трудились на нас в рудных копях и на веслах галер, они рыли каналы и озеленяли пустыни. Наш достаток рос и приумножался, немыслимые произведения искусства выходили из-под рук наших скульпторов и зодчих.

Так владычествовал над миром народ блистающей Атлантиды. Мы были Морским Народом, и даже бездонные океанские пучины открывали нам свои тайны, покоряясь неведомой вам ныне магии. Нам были подвластны все таинства природы, все секреты моря и неба. Мы читали звездную книгу небес и постигали ее премудрость. И все же мы оставались детьми Океана, и он был первым среди богов, которым мы поклонялись.

Не забывали мы воздавать почести и Вальке и Хотаху, Хонену и Голгору. Множество юных девственниц, множество крепких телом юношей были принесены в жертву на их алтарях. Говорят, бывало, что дым множества жертвенников затмевал само солнце...

Не знаю, чем мы прогневали Океан, но однажды он пробудился и в бешенстве встряхнул седой пенистой гривой. Содрогнулись его глубины, и разверзлась земля, и поглотили воды троны владык земных. Изрыгнули бездонные пучины новую сушу, а Атлантида и великий континент Му канули в небытие. Безмолвные гады морские плещутся ныне в залах дворцов и храмов, навеки скрылись от взора смертных под водорослями и ракушками золотые купола топазовых башен. В одночасье исчезла прародина атлантов с лика Земли, а бесчисленные тысячелетия, прошедшие с тех пор, стерли их великие достижения из памяти человечества.

Не сразу мы отступили перед неумолимым натиском судьбы. Но постепенно вымирали колонии, утратившие свою столицу. Порабощенные варвары поднялись против своих владык, и полис за полисом обращался в руины под их напором. И вот уже в мире остался лишь единственный город, построенный атлантами, последний рубеж былого величия,

не дающий забыть о былой славе и грандиозных свершениях. Это была столица колонии Негари, простиравшейся от одного берега этого континента до другого.

Здесь, в Негари, все еще владычествовали мои предки, а пращуры Накари — будь проклята вовеки эта похотливая кошка! — ползали в пыли у них под ногами. Годы сменяли друг друга, проносились века... И вот исподволь упадок коснулся и Негари. Племя за племенем отказывались повиноваться своим слабеющим хозяевам. Наши границы отодвигались все дальше и дальше от океана. И в конце концов произошло так, что сынам Атлантиды больше некуда было отступать из сердца Черного Континента. Мы затворились в самом городе, последнем прибежище своей расы, отгороженном непроходимыми горами от остального мира.

Мы, некогда завоевавшие весь мир, ныне превратились в осажденных и тем не менее целое тысячелетие сдерживали натиск свирепых племен, передававших ненависть к бывшим угнетателям от поколения к поколению. Можешь поверить, чужеземец, Негари действительно был неприступен, ибо крепки и нерушимы были его стены, а оружие его защитников невообразимо совершенным. Беда пришла оттуда, откуда ее никто не ждал.

Дело в том, что перед тем, как окончательно отгородиться стеной от дикарей, атланты впустили внутрь городских стен своих рабов. Городом правили воители, ученые, художники и жрецы; физическим трудом они себя не обременяли. И это было нашим слабым местом, потому что оказалось, что жизнь города зависит от невольничьего труда.

Оберегаемое нашими медиками от болезней, получая достаточно пищи, чернокожее племя процве-

тало. Плодовитость этой породы оказалась совершенно невероятной, и через какое-то время поголовье рабов настолько выросло, что с ними трудно стало справляться. И в то время как росло их число, сынов Атлантиды становилось все меньше и меньше.

Но что было куда страшнее, кровь рабов и хозяев начала смешиваться, что неизбежно вело к вырождению расы атлантов. В конце концов чистоту крови сохранило лишь жречество, не осквернявшее себя соитием с дикарями, лишь немногим дальше ушедшими от животных. Увы, этой мудрой политики не придерживалась правящая династия, и вот уже на Черном Троне стали появляться власти-тели, в жилах которых крови атлантов была лишь малая толика. Эти недавновидные временщики впускали внутрь городских стен все больше и больше воинственных дикарей, ловко скрывавших свою кровожадную сущность под личинами слуг, наемников и торговцев.

И вот пробил час, когда разразилось всеобщее восстание, к которому презренная чернь готовилась загодя, и невежественные варвары вырезали всех многочисленных прямых потомков атлантов. Лишь для жрецов и членов жреческой касты было сделано исключение. Дикари называли их «плодыми идолов» и предпочли пленение убийству, так как ведали их мудрость и могущество, которого немало опасались. И в последующую тысячу лет в Негари правили чернокожие вожди варварских племен, но жрецы-атланты направляли их и руководили ими, ибо даже в плену они оставались господами своих господ.

Соломон Кейн заворуженно слушал его. Обладая живым воображением и будучи неисправимым

романтиком, он почти наяву видел все то, о чем рассказывал ему последний атлант. Внутренний огонь видений, проносившихся перед его мысленным взором, увлекал его в иные пространство и время.

— После того как потомки атлантов, кроме жречества, были преданы лютотой смерти, оскверненный трон древней Негари занял кровожадный монстр. По меркам дикарей, это действительно был великий владыка. Сильный и быстрый, как тигр, он вел себя подобно этому зверю, а его воины уподобляли себя леопардам. Они называли свое племя «негари», отняв таким образом у прежних своих хозяев самое их имя, и перед их воинственностью никто не мог устоять.

Огненным валом прокатились они от океана до океана, и дым пожаров, устроенных ими, скрыл саму землю от лика неба. Великая африканская река разлилась кровавым потоком, запруженная изуродованными телами племенных недругов. Новый владыка Негари основал великую империю, переименовав свой город в Город Мертвых.

Но короток век человеческий, и со смертью великого владыки новую империю постигла та же судьба, что и империю атлантов, — она рухнула под своей тяжестью. И тем не менее новые обитатели Города Мертвых были искусными воинами. Можно сказать, они были непобедимы. Атланты, их бывшие хозяева, канувшие в небытие вслед за своей прародиной Атлантидой, обучили своих рабов военному искусству и по силе им не было равных на всем Черном Континенте. Правда, кроме искусства нести смерть людям язычники не переняли у своих хозяев никаких других.

Лишенное единой власти государство раздирали племенные войны. Интриги и убийства в кровавой

чехарде носились и по дворцам, и по улицам, никто не мог чувствовать себя в безопасности даже в далеких пограничных селениях. И опять эти границы сжимались вокруг горной страны. На Черном Троне сплошной чередой сменяли друг дружку немощные правители, чей разум сжигало кровавое пламя безумия. И незримые, но оттого вызывающие еще большее почтение и суеверный ужас, продолжали тайно править диким племенем жрецы Атлантиды. Только их мудрые действия удерживали нацию от окончательного вырождения, а страну — от распада.

Да, мы оставались пленниками этого города, но по всей земле больше не было места, куда мы могли бы пойти. Словно призраки, пробирались мы тайными коридорами внутри стен и под землей, будучи в курсе всех интриг и событий, творя подлинную магию. Самое лучшее, что мы могли делать, — это поддерживать во всех заговорах царственный род — потомков того самого вождя, придавшего Негари, пускай и ненадолго, блеск древнего величия. Сколько ужасающих и мрачных тайн могли бы поведать эти стены, умей они говорить!

Знай же, что негарийцы отличаются от окрестных племен дикарей. Не пошла варварам на пользу кровь атлантов — в каждом из них тлеет искра скрытого до поры до времени, разъедающего мозг безумия. Они так долго и так ненасытно упивались страданиями побежденных, что превратились в племя двуногих свирепых зверей, непрестанно взыскующих крови. Эти нелюди оказались куда более страшными деспотами, чем их прежние хозяева. Мириады несчастных рабов расстались с жизнью, выполняя все их немислимые прихоти и сумасшедшие желания. Чернокожие наследники великой империи ат-

лантов превзошли все пределы мерзости и разврата. Само существо подданных Накари непрестанно требует все новой остроты ощущений, они, подобно вампирам, питают свое безумие болью и страданиями, в причинении которых достигли совершенства.

Словно клубок ядовитых змей, они одним своим присутствием оскорбляли эти великие горы. Вот уже минула тысяча лет, как эти дикари совершают набеги на окружающие племена, истребляя и порабощая народы рек и джунглей. Язык не поворачивается описать все те гнусности, которые они вытворяют с побежденными. Политика завоеваний, без которых не мыслили существования государства древние вожди Негари, сейчас выродилась в обыкновенный разбой.

И хотя границы владений Накари сузились почти до самой черты древних стен, она уверена в своей безнаказанности и силе и совсем не опасается вторжения извне. Увы, в этом омерзительная демоница права — ни одно африканское племя не может бросить вызов ее проклятому народу.

Варвары постепенно вырождались, но вместе с ними угасали и их тайные властелины, наследники древних таинств и знаний жрецов Атлантиды. А сто лет назад жрецы тоже смешали свою древнюю кровь с кровью своих рабов-повелителей. Но и это не помогло нам. Численность нашей касты уменьшалась и уменьшалась, пока не остался лишь единственный наследник некогда славного рода. И я, — о горе! — последний потомок атлантов, несу в своих жилах примесь дикарской крови.

Но я не терял надежды продлить дни Негари, чтобы хотя бы какая-то память о нас осталась на земле. Я творил волшебство и направлял руку ди-

ких царей, я — последний жрец Негари. Но так было до тех пор, пока не появилась эта демоница в облике женщины — Накари...

Кейн с заново вспыхнувшим интересом наклонился к нему поближе. Наконец-то удивительные события, начало которым было положено Бог знает сколько тысячелетий тому назад, добрались до современности, сразу же наполнившись дыханием жизни.

— Накари! — В голосе умирающего атланта была слышна смертельная ненависть. — Рабыня и дочь рабов! Жестоки подчас шутки богов, и одному Хотяу известно, с помощью каких безумных интриг эта ничтожная, похотливая кошка смогла взойти на Черный Трон, когда умер последний представитель правящей династии.

Она пленила меня, последнего из сынов Атлантиды, заковала в цепи и бросила умирать в этом каменном лабиринте. В ней не было ни страха, ни почтения перед могуществом жрецов-атлантов, ибо она сама была дочерью младшего служки-туземца. Без таких помощников, как это ни печально, мы не могли обойтись. Именно на них возлагалась вся рутинная работа и подготовка ритуалов. Им поручалось проводить незначительные жертвоприношения, гадать на потрохах гадов, птиц и животных (искусством чтения будущего по человеческим внутренностям, естественно, владели только истинные атланты), поддерживать негасимые огни в жертвенниках. Мы называли их — Стоящие Позади. Именно благодаря своему происхождению Накари многое знала о нас и о наших обычаях. И черная зависть выжигала ее изнутри.

Еще будучи ребенком, она исполняла ритуальные танцы во время Шествий Новой Луны. По-

взрослев, вошла в число Звездных Дев. Много тайн, пускай и не самых важных, узнала она и постигала все больше, пробираясь украдкой на тайные церемонии, во время которых жрецы-атланты свершали обряды, считавшиеся старинными еще в дни молодости мира.

Уцелевшие наследники Атлантиды по-прежнему поддерживали невообразимо древние культы Валки и Хотакха, Хонена и Голгора. Культи, недоступные пониманию невежественных дикарей, чьи предки с воплями ужаса умирали на алтарях этих богов. Так вышло, что из всех здешних варваров одна Накари, обладавшая хитростью гиены и мудростью змеи, не испытывала ужаса перед нами.

Ей удалось не только погубить последнего правителя Негари из древнего рода и самой занять его трон, но и подчинить себе жречество. И не только чернокожих, Стоящих Позади, но и многих оставшихся жрецов-атлантов. Впрочем, выведав у них все, что ей было нужно, Накари приказала их умертвить. И, можешь мне поверить, незнакомец, смерть их была ужасна. Она оставила в живых лишь меня, надеясь вывести всего лишь одну тайну, которую она не знала.

Мириады поколений дикарей выросли и умерли в этих стенах, но ни один из необразованных варваров так и не догадался о существовании системы тайных ходов и подземных галерей, секреты которых мы, жрецы, ревностно оберегали от черни на протяжении тысячелетий. Ни один — кроме Накари!

Недочеловеки! Глупое зверье! Безмозглые обезьяны! Эпохи минули с тех пор, как они поселились в городе, предназначенном для мудрых атлантов, но где им было постичь наши тайны! Даже

младшие жрецы не догадывались о бесконечных серых коридорах с самосветящимися потолками, о нескончаемой череде ходов и туннелей, сквозь которые когда-то, в незапамятные времена, грациозно проносились нечеловеческие силуэты удивительных существ.

Знай же, что пращуры возвели Негари с недоступным пониманию бесхвостых обезьян размахом, присущим зодчим древнего народа атлантов. Постарайся достойно принять и тот факт, что не только для простых смертных предназначались возводимые нами чертоги. Великий город посещали не только волшебные существа других, неведомых тебе планов бытия, но даже сами боги, порой нисходившие к почитавшим их атлантам! Нет, незнакомец, твой человеческий разум просто не в состоянии осознать, насколько глубоки и необычны секреты, хранимые этими древними стенами.

Нерушимое заклание лежало на нас, и никакие пытки кровожадных дикарей не могли заставить нас открыть эту тайну. Но увы! Сокрытые в глубинах скал коридоры оказались недоступны и для нас, прикованных к стенам тяжелыми цепями в мрачных подземельях Города Мертвых! Вот уже минуло столетие, как не тревожили пыль, покрывшую каменные полы, шаги человека. И все это время мы, а под конец один только я, томились в зловонном подземелье буквально на расстоянии дюжины шагов от спасения и свободы!

Что за пытка — сознать, что под сводами величественных храмов бестолково копошатся Стоящие Позади, оскорбляя своим невежеством неисповедимые древние святыни! И этих ничтожеств Накари облекла славой, по праву принадлежащей нам... мне! Воистину, незнакомец, перед тобой, бес-

сильно угасая в оковах, лежит последний верховный жрец исчезнувшей с лика Земли Атлантиды.

Близок мой час, и предрекаю я, что со смертью последнего атланта станет этого город действительно городом мертвых! О, я вижу, вижу! Страшен их рок, и кровавым будет конец! Валка и Хотах, Хонен и Голгор, древние позабытые боги, самая память о которых покинет этот мир вместе со мной, обрушат стены древнего города, отдавая дань памяти поклонявшемуся им народу. И тогда больше ни один смертный не сможет осквернить своим присутствием место, которое они некогда им почтили. Смешается с прахом брменная плоть населяющих Негари безумцев, и рассыплются в пыль алтари, на которых приносятся ныне жертвы бессильным языческим божкам. И верю я, что скоро омоют меня воды Великого Небесного Моря!..

Соломон Кейн решил, что это уже начался предсмертный бред. Разум атланта, некогда столь могучий и ясный, ныне окутывал мрак смерти.

— Скажи,— вмешался пуританин, пресекая поток грозных пророчеств, слетавших с уст ослабевшего рассудком жреца.— Ты упоминал о белокожей рабыне, которую дикари называют Марой. Что тебе известно о ней?

— Ее привезли в Негари несколько лет назад из очередного набега,— ответил атлант,— устроенного воинами Накари для пополнения числа рабов. Я ее достаточно хорошо запомнил, так как именно вскоре после ее появления в этом несчастном городе Накари обратилась против меня.

Последующие годы были горестны и темны. Каждый мой час был наполнен беспредельным страданием, а эта кровожадная хищница изобретала для меня все новые и новые пытки. Но самым страш-

ным моим мучением было изо дня в день созерцать потайную дверь, которой ты и воспользовался,— находящуюся рядом со мной, но такую же недостижимую, как луна. Незнакомец, ты даже не в состоянии представить, какие мучения я претерпел в руках проклятой Накари, пытавшейся вызнать тайну этой двери! Самым незначительным, через что мне пришлось пройти, были дыба и огонь!

Кейн содрогнулся.

— Скажи мне, жрец, не проделывала ли она нечто подобное с бедной девочкой? Она показалась мне совсем измученной, а ее глаза были наполнены болью и ужасом.

— Накари хвасталась, что заставляла ее не только удовлетворять свою скотскую похоть, но и плясать со Звездными Девами и принуждала лицезреть неопишуемые в своей гнусности кровавые обряды, свершавшиеся в зловещем Храме Тьмы, которой они поклоняются.

Твоей Маре пришлось провести годы среди проклятого племени, лишь внешне напоминающего людей. Эти безумцы ценят кровь дешевле воды и услаждают свой взор созерцанием казней и бесчеловечных пыток. Она видела зрелища, которые бы заставили ослепнуть и поседеть самых крепких из мужчин твоего племени. Этой девушке пришлось часами стоять рядом с алтарем, на котором умирающие жертвы заходились в криках боли в умелых руках Накари, и это не могло не оставить след в ее мозгу навечно.

Дикари, слепо перенявшие некогда обряды атлантов, за прошедшие века извратили их и ныне творят непотребные жертвоприношения во славу своих примитивных божков. И хотя суть древних церемоний поглотило неумолимое время, ритуаль-

ная магия их осталась такова, что не подготовленный должным образом человек не может взирать на них, не испытывая жуткого потрясения...

«Какое же облегчение, наверное, испытал мир, когда эта их Атлантида отправилась напрямик в тартарары,— с отвращением подумал Кейн.— Что за странную и, похоже, совершенно лишенную всего человеческого расу существ она породила?»

Вслух же он произнес:

— Но что это за Повелитель, о котором упоминала Накари? И что она имела в виду, когда обмолвилась, что Мара — его невеста?

— Это Накура... Накура! Его череп — средоточие зла, символ Смерти и Тьмы, которым они поклоняются. Посуди сам, незнакомец, что могут знать ничтожные профаны о великих богах Атлантиды, некогда избравших Морской Народ? Что могут знать невежественные язычники о грозных смертоносных богах, которых восславляли торжественные и исполненные глубокого смысла обряды их прежних господ? Разве доступно их скудному разуму учение о незримой сути, о невидимом глазом Духе, что правит стихиями и небесами и направляет ход светил? Они даже до сих пор не поняли, что самих по себе крови и предсмертных мучений жертвы совершенно недостаточно, чтобы угодить божеству. Все дело в подобающем ритуале, где нет места импровизации и личным эмоциям! Тупоголовым подданным Накари для поклонения нужен некий материальный предмет, желательно изваянный по их образу и подобию.

Накура... Он родился еще в те времена, когда этой страной правили вожди-атланты. Это был последний из действительно великих магов Негари! Неведомо, какие амбиции сжигали ужасающим пламенем столь совершенный мозг, но этот изменник

предал собственный народ, вступив в сговор с нашими рабами.

Без его помощи восстание варваров захлебнулось бы в собственной крови, но этот могучий маг не дал нашим жрецам не только воспользоваться древним оружием предков, но и обратиться за помощью к дружественным могучим существам из других планов бытия.

Ничего удивительного, что они бездумно следовали за ним, послушные его воли все те века, что он властвовал над ними. А когда он больше не смог сопротивляться смерти, они обожествили его. С самой вершины Башни Смерти взирает на мир его череп. И сама Тьма смотрит через его пустые глазницы. Именно череп стал символом и объектом той веры, на которой зиждется безумное миропонимание всего народа Негари.

О да, мы — атланты — воздавали должное Смерти. Но мы славили также и Жизнь! А эти люди поклоняются одной только Тьме, и все их поступки несут в мир только Тьму! Дети Смерти — вот как они себя называют. Череп же Накуры, от которого в мир до сих пор исходят эманации зла, служит им доказательством их избранности, вещественным свидетельством величия их народа...

— Ты к чему клонишь? — вновь прервал Кейн его бредовые излияния. — Что чертовы дикари собираются принести в жертву своему богомерзкому идолищу?

— Взойдет Луна Черепов, и Мара умрет на Черном Алтаре, чтобы напоить своей кровью проклятый череп.

— Во имя Господне! — вскричал пуританин вне себя от ярости. — Говори же скорее, что такое Луна Черепов?!

— Так они называют полную луну, пятна на которой делают ее похожей на скалящийся череп. Каждое ближайшее ко дню его смерти полнолуние, в момент, когда над парашютом Башни Смерти поднимается Луна Черепов, на Черном Алтаре умирает юная девственница. Там, где столетия назад молодые девушки приветствовали свою судьбу, вручая свои жизни Голгору! А теперь с высоты Башни, некогда олицетворявшей славу Голгора, покровителя атлантов, скалится череп бессовестного чародея, принесшего смерть собственному народу!

Непросвещенные дикари верят, что его разум витает поблизости, наслаждаясь успехами своего народа. И хотя с метафизической точки зрения некая магическая составляющая его личности действительно привязана к черепу, эти обезьяны считают, что дух Накуры снисходит до разговоров с ними. Впрочем, их наивная вера имеет под собой некоторую основу. Знай же, незнакомец, всякий раз, когда полная луна озаряет верхнюю площадку башни и стихают песнопения жрецов, из пустого черепа Накуры исходит громоподобный нечеловеческий глас. На неведомом дикому племени языке исчезнувшего народа он поет древний, как само время, священный гимн сынов Атлантиды, и при звуке его дикари простираются ниц.

Разве может прийти в тупые дикарские головы, что в стене башни существует тайный ход и по узким ступеням можно взойти в специальную нишу, расположенную как раз позади черепа. Именно в эту нишу тайно пробирается один из наследников Стоящих Позади, поющий гимн. В давно прошедшие времена этим жрецом был бы один из сынов Атлантиды, так что, по всем законам, небесным и

человеческим, провозглашать святые слова сейчас надлежало бы мне.

Мой разум смущен, а сердце скорбит безмерно! Дикарям не было никакого дела до древних тайн истинной веры, и нам приходилось соблюдать их скрытно. Внешне, дабы поддержать недалеких властителей и свое влияние на ход событий, мы вынуждены же были демонстрировать поклонение их кумиру, которого обожествляли эти охваченные кровавым безумием существа. Лишь политическая дальновидность заставляла нас приносить жертвы тому, проклинать само имя которого нам приходилось шепотом.

Но горе нам! Мы были лишены и этого права. Неугомонная Накари смогла раскрыть секрет, известный прежде лишь жрецам-атлантам. Так что по тайной лестнице поднимается теперь один из ее выкорышней, Стоящих Позади, чтобы невнятно пробормотать в особую трубу Святую Песнь, перевранных слов которой он даже не понимает! Исполненные великого смысла слова стали лишь пустым звуком в ушах каких-то недочеловеков. Скоро я уйду, и тогда в этом мире не останется ни одного человека, который был бы в состоянии оценить ужас и величие этих могучих слов!

У Кейна голова пошла кругом от услышанного. Его разум лихорадочно пытался породить хоть сколько-нибудь приемлемый план действий, отбрасывая один безумный вариант за другим. В первый раз за все те годы, которые он посвятил поискам похищенной Мэрилин, он чувствовал, что уперся в глухую стену. Дворец, вырубленный в скале, представлял собой невообразимо сложный лабиринт, разбираться в чудовищной путанице коридоров времени просто не осталось.

Тускло светящиеся коридоры — совершенно одинаковые на вид — уходили во все стороны. Но даже изучи он их все до последнего дюйма, как можно было вызволить Мерилин, несомненно надежно охраняемую в одной из каменных камер? А может, для нее уже наступил час испытаний на дьявольском алтаре? Или проклятая повелительница народа Черепа, снедаемая жаждой крови и мучений, дала-таки волю своей необузданной жестокости и замучила ее насмерть?

Кейн даже перестал вслушиваться в выпренное бормотание безумного атланта. Между тем тот обратился к нему с каким-то вопросом, и Кейн вынужден был отвлечься от безрадостных размышлений.

— Незнакомец, — говорил его собеседник, — воистину ли ты — человек из плоти и крови? Быть может, ты всего лишь один из легиона призраков, что так часто посещают меня в последнее время, беззвучно возникая во мраке моей темницы? Нет, я вижу, что ты — человек. Но для меня ты все же варвар, не многим отличный от чернокожего народа Накари.

Десятки и десятки тысяч лет тому назад, когда твои укутанные в звериные шкуры предки отбивались каменными топорами от саблезубых тигров и с грубо заточенными кольями охотились на мамонтов, золотые купола храмов моего народа уже возносились к небесам!.. Минуло время, они разрушены и позабыты, и мир окончательно скатился к варварству. Ну что ж, пора уходить и мне, последнему просвещенному, оставляя вам — дикарям — осененную тайной веков легенду... Без жалости расстаюсь я с тем миром, каким он стал в ваших руках...

Кейн поднялся на ноги и заметался по камере из угла в угол, словно тигр в клетке. Пальцы его инстинктивно сжимались у бедра в поисках рукоятки рапиры, которая сейчас находилась в руках дикарей. Багровая пелена ярости застила его глаза. «Господи, не оставляй меня своей милостью! Дай умереть в борьбе, стоя лицом к лицу с врагами, держа в руке добрый клинок, пускай и одному против всего дикого племени», — взмолился пуританин, стискивая в отчаянии голову руками.

— Когда я последний раз видел луну, — заговорил он сам с собой, — она была почти полна. Но сколько с тех пор минуло времени, мне неизвестно. Также я понятия не имею, сколько уже скитаюсь по коридорам этого Богом проклятого дворца! А сколько времени я провел в цепях ненавистной Накари? Может ли быть так, что полнолуние уже миновало и, Боже милосердный, Мерилин уже мертва?!

— Луна Черепов взойдет нынче ночью, — неожиданно пробормотал узник. — Я слышал, как мои тюремщики обсуждали предстоящую церемонию сегодня утром...

Англичанин встряхнул умирающего за плечи, вряд ли отдавая себе отчет, что он делает.

— Во имя своей ненависти к Накари, во имя любви к людям, во имя Господне, наконец, заклинаю тебя помочь мне спасти невинное создание! — вскричал Соломон Кейн.

— Во имя чего?! Выдуманных людьми богов? Любви к людям?.. — рассмеялся безумным смехом умирающий жрец. — Незнакомец, какое отношение к любви могут иметь поступки жреца Голгора Вседержителя? Что есть смертные, как не пища для уст богов? А боги не различают правых и виноватых.

Под моими руками с душераздирающими криками умирали девушки куда нежнее и прекрасней твоей белокожей дикарки, однако мое сердце оставалось глухо к их воплям. Но ненависть, ненависть! Это другое дело...— Странные глаза атланта буквально засветились ужасающим пламенем.— Во имя ненависти я готов рассказать тебе все, о чем ты хочешь узнать! Однако поторопись, человек, считанные минуты отделяют меня от путешествия к Хонену...

Вот мой совет: дождись восхода луны и отправляйся в Башню Смерти. Умертви шарлатана, укрывшегося у переговорной трубы в нише за черепом Накуры. Когда же полная луна поднимется точно над черной башней, дикари прервут свое песнопение, а жрец в маске в виде черепа занесет жертвенный нож над распятой на Черном Алтаре девушкой, громким голосом на языке, понятном народу, обратиться к молящимся варварам. Отвергни жертву, приготовленную ими, и потребуй взамен крови самой Накари, Повелительницы Негари!

А далее, незнакомец, рассчитывай лишь на собственные силы да уповай на удачу. Кто знает, может быть, тебе и посчастливится остаться в живых...— Блеск жизни начал угасать в глазах атланта.

— Скорее! — снова встряхнул его пуританин.— Скажи, как мне добраться до башни!

— За дверью, через которую ты вошел сюда, через двадцать шагов повернешь налево...— Голос узника становился все тише и тише, он уже еле слышно шептал, так что Кейну пришлось над ним склониться.— Еще через сотню шагов будет лестница... Дальше на самый верх... Окажешься в длинном коридоре... потом все время прямо еще полторы сотни шагов. Выйдешь к глухой стене... Это именно то, что тебе нужно. На расстоянии двух локтей от

пола тайная пружина... Откроешь дверь... которая ведет из дворца...

Атлант на некоторое время замолк, собираясь с силами. Наконец, когда уже Кейн почти потерял надежду, он продолжил:

— Ты окажешься в крытой галерее, что идет по скалам. Лишь об этом ходе смогла выведать проклятая Накари... Повернешь направо и пойдешь, пока не отсчитаешь пять сотен шагов... Здесь увидишь ход, который выведет тебя в Башню Смерти, прямо в нишу за черепом... Он идет прямо из-под скалы, в которой она вырезана... Будут... две лестницы... лестницы... лест...

Голос его окончательно затих. Обливаясь холодным потом, Кейн нагнулся над жрецом, грудь которого едва вздымалась, и затряс его изо всех сил. Тот, сделав невероятное усилие, сел. Глаза атланта вспыхнули неземным светом, он вытянул вперед левую руку, словно на что-то указывая.

— Море! — воскликнул он неожиданно сильным и ясным голосом. — Море! Я вижу золотые шпили Атлантиды и солнце, встающее из лазурных глубин! Я иду к тебе, море!

И будь проклят Соломон Кейн, если в этот момент камеру не наполнил плеск волн.

Пуританин опустил на пол обмякшее тело...

6

Задыхаясь от нечеловеческого напряжения и утирая пот со лба, Соломон Кейн, вздымая клубы пыли, мчался полутемными душными коридорами. Судя по времени, минувшему с тех пор, как он оглядывал горы в зарешеченное окошко, снаружи

должна была наступить ночь. Счет шел на минуты, так как кошмарная Луна Черепов уже начала свой роковой восход. Ага, вот наконец и нужная лестница.

Англичанин взлетел по ней, прыгая через ступеньки. Выбравшись в коридор, про который ему рассказал умирающий жрец, он отсчитал еще полторы сотни шагов и действительно оказался у глухой стены. Ему показалось бесконечно долгим время, в течение которого его пальцы ощупывали каменную поверхность, стараясь не пропустить ни одного квадратного дюйма. Наконец он нащупал едва выступающий из стены кусочек металла, по виду неотличимый от гранитных стен. Раздался скрежет камня о камень, потайная дверь отворилась, и Кейн высунул голову в коридор. Там было темно — похоже, потолок не был покрыт фосфоресцирующей краской древних мастеров Атлантиды.

Кейн решительно шагнул в коридор и, убедившись, что дверная панель прочно встала на место, двинулся на ощупь в кромешной темноте, стараясь не сбиться со счета. Через какое-то время света в коридоре прибавилось — он проникал откуда-то извне, — и Кейн смог разглядеть нужную ему лестницу. Он ступил на нее, поднялся на несколько ступенек... и в недоумении остановился. Он находился на небольшой площадке, откуда лестница расходилась направо и налево. Кейн выругался. Рок неумолимо отсчитывал мгновения, и он попросту не имел права на ошибку: времени исправить ее уже не будет. Как же выяснить, которая из лестниц приведет его к нише сообщника Накари?

К несчастью, легкие крылья смерти унесли душу последнего из атлантов прежде, чем тот успел поведать Кейну об этой развилке. Ладно, сожалеть,

что узник не протянул еще хотя бы несколько мгновений, было бесполезно.

Кейну не оставалось ничего другого, как положиться на удачу. Время раздумий миновало, он выбрал правую лестницу и ринулся вверх. Теперь ему было не до осторожности. Чутье подсказывало Кейну, что страшное жертвоприношение вот-вот должно начаться.

Когда перед ним открылся коридор, англичанин обратил внимание, что гранит стен сменился каменной кладкой. Наконец он покинул подземелье под Городом Мертвых и находился внутри какого-то рукотворного здания — хотел бы он верить, что это и была Башня Смерти. Пуританин с нетерпением ожидал появления следующей лестницы, и в самом деле она вскоре показалась. Но вместо того, чтобы вести вверх, ступени уходили вниз!

И в этот момент ушей Кейна коснулся неясный гул. Казалось, тяжелая вибрация исходила от толстых стен. Сперва он не понял, что это такое, но потом, к своему ужасу, опознал в звуке слитное скандирование тысяч голосов. У Черного Алтаря началась церемония встречи Луны Черепов.

Возвращаться назад было поздно, и Соломон Кейн помчался вперед во всю прыть. Повернув за угол, англичанин чуть не врезался в преграждавшую коридор каменную дверь. Как раз на уровне глаз в ней было проделано смотровое отверстие. Он приник к нему и... вздрогнул от ужаса. Он выбрал не ту лестницу! И она вывела его не в Башню Смерти, а в какое-то здание неподалеку.

Глазам его предстала потрясающая воображение безумная сцена. На широкой открытой площади — видимо, центральной площади Города Мертвых, — у подножия высоченной черной башни,

вздымавшейся над окружающими город горными хребтами, обнаженные чернокожие девушки извивались и корчились в невообразимом танце. Выстроенные в два длинных ряда танцовщицы раскачивались и подпрыгивали, но тем не менее оставались точно на своих местах, в унисон выкрикивая странные, режущие слух бессмысленные фразы.

Натертые маслом тела выгибались и скручивались в буйном причудливом ритме, взлетали и кружились факелы, которые негритянки держали в обеих руках. Лунный свет и огненные блики бесстыдно ласкали обнаженные тела.

Всю остальную площадь заполняла толпа негрийцев обоих полов. Между пляшущими девушками и краем толпы оставалась узкая полоса шириной не более дюжины шагов, заполненная огромным количеством факелов. Мятущиеся языки огня озаряли целое море залитых потом оскаленных лиц, отражаясь во множестве блестящих экстатичных глаз, обращенных вверх в предвкушении долгожданного мига, когда острое лезвие вспорет нежную кожу и рука жреца вознесет над толпой сочащееся кровью сердце. Время от времени вся толпа хором подхватывала выкрикиваемые Звездными Девами фразы.

Гигантской тенью, глыбой овеществленного мрака возвышалась над головами подданных Накари зловещая Башня Смерти. Совершенно ровную поверхность гигантской колонны из черного камня не нарушало ни одно отверстие или выступ, лишь высоко-высоко, вделанный в варварски изукрашенную раму, злобно скалился извечный символ смерти и тлена. Это и был череп Накуры!

Кейн вздрогнул — от него исходило отчетливое жутковатое свечение, подобное свечению болотных гнилушек! Однако пуританин решил, что «бо-

жественное свечение было организовано жрецами, таившимися внутри башни. Соломон Кейн машинально подивился, с помощью каких дьявольских составов жрецы умудрялись в течение столетий сохранять человеческий череп в целостности и сохранности.

Но и людское море, и башню, и череп пуританин удостоил лишь мимолетного взгляда. Не они привлекали его внимание и наполняли сердце ужасом. Над плотно сдвинутыми рядами молящихся возвышался огромный Черный Алтарь. А на нем...

— Мерилин! — сорвался с губ Кейна полустон-полувсхлип.

Худенькое белокожее тело было грубо распротерто на черной полированной поверхности. На какой-то миг англичанин ослеп, оглох и потерял способность не только двигаться, но и соображать. Отвратительное чувство полной беспомощности впервые в жизни охватило его. Но вовремя поспеть в нишу, где прятался мошенник жрец, было уже невозможно.

Бледное сияние полной луны тронуло верх башни, все четче обрисовывавшейся на фоне звездного неба. Луна неумолимо шествовала по небосводу. Луна Черепов.

Речитатив танцовщиц перешел в какой-то животный вой, подхваченный несметным количеством глоток. Ночь наполнилась зловещим рокотом там-тамов. Потрясенный Кейн спросил себя: уж не во внутренних ли кругах преисподней случилось ему оказаться?

Из каких невообразимых бездн времени дошел до наших дней этот жуткий, утративший истинный смысл обряд? Кейн понимал, что нынешние подданные Накари всего лишь по-обезьяньи копировали

ритуалы, бывшие в ходу у их прежних господ. И даже несмотря на овладевшее им отчаяние, пуританин содрогнулся при мысли, каким же на самом деле был этот обряд во всей своей значимости и полноте!

У алтаря, на котором молча лежала несчастная Мерилин, появилась уродливая жуткая тень. Это был огромный негр, совершенно обнаженный, если не считать маски в виде черепа на лице и пышного султана белоснежных перьев на голове. Толпа на мгновение стихла, но лишь для того, чтобы через миг взорваться безумными экстатическими криками.

Кейн почувствовал, как завибрировал камень под ногами. Уж не слитная ли мощь голосов заставила содрогнуться в страхе вековые камни?

Трясущимися руками он начал отодвигать засов. Ему оставалось лишь одно: безоружным выскочить на площадь и умереть подле Мерилин, коли уж ему не суждено избавить ее от смерти...

Тут поле зрения англичанина на мгновение перекрыл какой-то силуэт. Здоровенный чернокожий, судя по убранству и осанке — вождь, привалился к каменной стене прямо рядом с дверью, за которой скрывался пуританин. Буквально два-три фута отделяло Соломона Кейна от негра, лениво наблюдавшего за ликующей чернью, — несомненно, тот знал истинную цену происходящего.

Сердце Кейна бешено заколотилось. Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой! Из-под широких кожаных лент, перекрещивающихся на груди вождя, выглядывала рукоятка его пистолета!

Понятное дело, что отнятое у пуританина снаряжение поделили между собой отнюдь не рядовые воины. Несомненно также, что негры понятия не

имели, как пользоваться огнестрельным оружием. Должно быть, этот вождь просто прельстился необычной формой и грозным видом волшебного «громового жезла» белого воина и носил его при себе не как оружие, а как знак своего высокого положения. Задумывался ли этот суеверный дикарь о его истинном предназначении? Впрочем, практичного Кейна подобные вещи интересовали меньше всего. Главное, что его пистолет был рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Тем временем пол под ногами англичанина вновь содрогнулся, на этот раз еще сильнее.

Соломон Кейн осторожно потянул на себя ничем более не удерживаемую дверь и, точно гигантский тигр, не ведающий страха и пощады, замер за спиной ничего не подозревающего вождя.

Его мозг работал сейчас как никогда ясно. Пуританину был совершенно ясен ход дальнейших событий. У левого бедра чернокожего воина висел кинжал; спина его была обращена прямо к Кейну; бить придется сильно и точно в сердце, чтобы тот не успел поднять шума. Он изготовился, каждая мышца его сильного и ловкого тела напряглась.

Смерть оказалась милосердной к вождю. Негр даже не успел ничего почувствовать, когда Кейн, одновременно, правой рукой зажал ему рот, а левой единым точным движением выхватил длинный кинжал вождя.

Острое как бритва лезвие легко вошло между ребер негари́йца и поразило его точно в сердце. Могучий воин обмяк, не успев проронить ни звука, а пистолет Кейна вновь обрел прежнего хозяина. Беглый осмотр удовлетворил пуританина — оружие было по-прежнему заряжено, а кремень находился в целости и порядке.

Все произошло настолько быстро и тихо, что смерти вождя не заметила ни одна живая душа, тем более негры стояли спиной к зданию, откуда вышел англичанин. Кейну подумалось, что негарицы даже не обратили бы внимания, если бы вождь и вскрикнул. Они были полностью сосредоточены на жестоком действии, разворачивающемся у Черного Алтаря.

Как раз когда пуританин осторожно опустил на камни бездыханное тело, пение танцоров и вопли толпы разом стихли. На площадь перед Башней Смерти пала абсолютная тишина. Кровь бешено стучала у Соломона Кейна в висках, но он все-таки расслышал, как шуршит ночной ветер в мертвенно-белых перьях пышного плюмажа жреца в маске Смерти, замершего в ожидании ночного светила.

Над вершиной зловещей черной громадины засиял краешек лунного диска.

И тогда с высоты Башни Смерти послышался нечеловечески низкий рокочущий голос. Даже Кейн, прекрасно знавший, что это поет жрец, прильнувший ртом к специальной трубе за стеной, чуть было не поверил, что древний гимн неведомым богам исходит от оскаленного черепа Накуры. И пускай Стоящему Позади был неведом истинный смысл величественных слов, он умудрялся воспроизводить даже выговор давно истлевших Посвященных, хранителей традиций затонувшей Атлантиды. Голос жреца метался между гор, наполняясь то неведомым торжеством, то таинственной скорбью, и многочисленные эхо придавали ему гипнотическое сходство со звуками волн могучего океана, беспрестанно бьющего в песчаные берега.

Человек в маске выпрямился над алтарем во весь свой громадный рост и воздел над головой

неестественно длинный ритуальный нож. Кейн, к своему непередаваемому ужасу, узнал в блестящем клинке... свою верную рапиру!

Не раздумывая ни секунды, Соломон Кейн поднял руку с длинным пистолетом, прицелился, затаил дыхание и нажал на курок.

Нет, не в голого палача. В череп, который издевательски улыбался ему сверху. В доли секунды он увязал все то, что ему уже было известно о негарицах, с предсмертными словами последнего атланта, назвавшего череп Накуры «символом и объектом той веры, на которой зиждется безумное миропонимание всего народа Негари».

Словно божественный глас разорвал ночь звук выстрела, и, вторя ему, послышался сухой треск. Не иначе как руку пуританина направляло само Провидение, так как маленькая пуля вдребезги разнесла проклятый череп, который попросту исчез, взорвавшись мириадами мельчайших осколков. Кроме того, священная песнь сменилась предсмертным вскриком и стихла — уничтожив череп, пуля покാരала и того, кто за ним стоял.

Из ослабевших рук жреца в маске вывалилась рапира англичанина. Танцовщицы и добрая половина толпы в суеверном ужасе попадали наземь, остальные замерли, точно пораженные громом. Единственным, кто сохранил ледяное спокойствие, был Соломон Кейн. Воспользовавшись моментом всеобщего потрясения, он бросился к алтарю.

В следующее мгновение воцарился ад крошечный. От жуткого звериного рева, исторгнутого толпой, будто бы отшатнулась сама ночь. Столетия за столетиями лишь вера в покровительство Накуры, чья плоть, за исключением черепа, давно была пожрана могильными червями, удерживала погряз-

ших в разврате и кровавом насилии негарийцев от всеобщего помешательства. И вот их поганое божество было повержено, и не просто повержено, а рассыпалось прахом непосредственно у них на глазах, испустив напоследок предсмертный вопль. А этот звук, которым столь часто услаждали слух подданные Накари, они бы не перепутали ни с каким другим!

Если бы небо раскололось у них над головами, луна свалилась им на голову или наступил конец света, это бы не смогло произвести на негарийцев большего впечатления, чем смерть их бессмертного бога. Ужасающие кровавые видения, скрывавшиеся у каждого в глубинах разума, вырвались на свободу и зажили самостоятельной жизнью. Наследственная склонность к помешательству, о чем упоминал жрец, дождалась своего часа.

На глазах Кейна, словно по мановению волшебной палочки, целый народ обратился в стадо завывающих от ненависти, ужаса, страха и им подобных эмоций психопатов.

В мгновение ока площадь взорвалась кровавым насилием. Негры, и мужчины и женщины, с животными визгом и воплями накинулись друг на друга. Копья и кинжалы разили направо и налево, ногти и зубы вцеплялись в кровоточащие тела, огонь факелов заставлял человеческую плоть вздувать пузырями. Двуногие звери уничтожали друг друга, и никому не было пощады в дьявольской бойне. Должно быть, то же самое творилось на охваченных небесным огнем улицах Содома и Гоморры.

Кейна спасало только то, что никто не желал конкретно его смерти. Все воевали против всех, так что пуританину, всегда сохранявшему ясность

рассудка, сравнительно легко удавалось разделяться с отдельными врагами. Разряженный пистолет в его умелых руках обратился в дубинку — с этим единственным оружием он целенаправленно прокладывал себе путь сквозь безумный кровавый водоворот мятущихся тел. Удары сыпались на него со всех сторон, ногти полосовали его тело, перед глазами сверкали широкие лезвия, искры огня прожигали его камзол, но, несмотря ни на что, он пробивался к алтарю.

Англичанин был уже готов взойти по черным ступеням, когда ему наперерез, вырвавшись из общей свалки, метнулась гибкая фигура. Накари, владычица Негари, повредившаяся умом не менее своих подданных, устремилась на пуританина с окровавленным длинным кинжалом. В ее глазах, теперь действительно ставших глазами бешеной пантеры, металось жуткое пламя.

— Я узнала тебя, бледный демон Смерти! На сей раз тебе не скрыться! — завопила она.

Но добраться до Кейна Накари не успела. Путь ей преградил огромный воин, с ног до головы залитый своей и чужой кровью. Чернокожий гигант, вместо лица у которого зияла разверстая рана, слепо шаря вокруг руками, случайно наткнулся на свою повелительницу.

Накари разъяренно взревела и ужасающим ударом вспорола воина от паха до горла, но слепец уже сомкнул могучие руки в судорожной хватке. Неистовым предсмертным движением огромный негр взметнул женщину высоко над головой.

Крик агонии последней королевы Негари возвестил о конце ее правления и на мгновение перекрыл безумный шум побоища. Страшный удар о монолит Черного Алтаря превратил ее голову в

кровавое месиво и отбросил мертвое изломанное тело прямо под ноги Кейну.

Пуританин вихрем взмыл по каменным ступеням, вытертым ногами тысяч жрецов, вершивших кровавые жертвоприношения. Едва он приблизился к алтарю, громадный негр в маске Смерти, до сих пор пребывающий без движения, пробудился к жизни. Нагнувшись, он изловчился подхватить рапиру и ткнул ею в приближавшегося Соломона Кейна.

Но, во-первых, это не было привычным оружием мясника, а во-вторых, быстротой движений немногие из людей могли бы потягаться с пуританином. Мгновенный нырок вниз, стремительный разворот гибкого тела, и клинок безобидно просвистел над плечом англичанина. Оказавшись лицом к лицу со жрецом, Кейн покрепче ухватил тяжелый пистолет за дуло и обрушил беспощадный удар прямо в массу колышущихся перьев, сокрушив и убор, и череп под ним. Теперь жреца по праву украшала маска Смерти.

Прежде чем броситься к девушке, которая без малейшего движения лежала на алтаре, Кейн отшвырнул изуродованный ударами пистолет и вынул свою рапиру из руки мертвого Стоящего Позади. Рукоять привычно легла в ладонь, и пуританин сразу почувствовал себя уверенней.

Бедная крошка Мерилин не подавала признаков жизни, обратив смертельно бледный лик к равнодушному небу. Полная луна заливала своим сиянием апокалипсическую сцену: на черном камне бессильно простерлось белое тело, а вокруг бесновались залитые алой кровью черные демоны. Кейн, грешным делом, решил было, что жизнь покинула девуш-

ку, но, к невообразимому облегчению пуританина, его рука нащупала биение пульса на тонкой шее. Хвала Создателю, бедняжка лишь потеряла сознание. Да оно и к лучшему: на долю Мерилин уже и так досталось слишком много крови и насилия.

Он разрезал удерживающие Мерилин путы и со всей мыслимой нежностью поднял ее на руки... чтобы тут же опустить вновь: двигаясь прямо к нему, по ступеням ковыляло, невнятно стеная и бормоча, нечто невообразимое. Лишь с большим трудом в окровавленном изуродованном куске мяса можно было признать человеческую фигуру. Кейн не смог даже определить, какого она была пола. Агонизирующее существо наткнулось на выставленный Кейном клинок и, раздирая руками смертельную рану, опрокинулось обратно в багровый водоворот, из которого вынырнуло.

Вдруг скальная поверхность под ногами пуританина задрожала, черная глыба алтаря треснула с пушечным громом, и ужасающий толчок сбросил Соломона Кейна с каменных ступеней. Однако он не только не выпустил из рук Мерилин, но и уберёг ее от удара. На его глазах Башня Смерти накренилась, ее каменная поверхность пошла волнами.

Казалось, сам Гадес затеял жуткий и таинственный ритуал. Дуновение безымянного ужаса пропелестело над залитой кровью и заваленной человеческими внутренностями площадью. Этого дыхания Смерти не могли не почувствовать даже обезумевшие двуногие звери, рвавшие друг друга на части: вопли безумной ярости сменились такими же безумными воплями ужаса. И тут Башня Смерти снова покачнулась, еще сильнее, еще... Каменная колонна откололась от своего скального основания и, с величавой медлительностью, обрушилась на площадь с

таким грохотом, как если бы и впрямь с небес грянула луна.

Каменной лавиной пронеслись по площади громадные глыбы, превращая хрупкую человеческую плоть в кровавую кашу. Воздух наполнили смертельные, как шрапнель, острые осколки. Кейну показалось, что он попал внутрь гигантской мясорубки. Здоровенный булыжник разлетелся на куски прямо над головой пуританина, обдав его каменной крошкой.

— Землетрясение! — Пуританин перекинул через плечо бесчувственную Мерилин и громадными прыжками понесся вниз по каменной лестнице, которая корчилась и раскалывалась прямо у него под ногами. Придерживая девушку одной рукой, другой Кейн раздавал беспощадные удары. Его рапира летала, точно разящая молния, прорубая им с Мерилин кровавую просеку в плотных рядах дикарей. К этому времени негарийцы уже совершенно потеряли человеческое обличье, даже судороги самой земли не смогли пробудить их разум. Единственное, на что их еще хватало, так это убраться с дороги пуританина, который походил на их ожившего бога Смерти, с развевающимися волосами и разящей молнией-рапирой в руках.

Кейн так никогда и не смог заставить себя вспомнить все кровавые подробности этой адской гонки. В его памяти лишь остались обрывочные видения залитых резким лунным светом каменных улиц-ущелий, меж узких стен которых кипело всеобщее побоище. А вокруг охваченного кровавым разгулом Города Мертвых рушились древние горы, мало-помалу возводя над проклятым городом курган. Рассыпались в прах удивительные творения зодчих Атлантиды, величавые башни и минареты обрушивались

вниз, сметая людей и строения, а под ногами, не замирая ни на секунду, корчилась земля. В звуках разрушения и всеобщей гибели Кейну чудился холодный, безжалостный смех древних богов.

Странные двуногие существа, словно демоны преисподней, тянули к нему со всех сторон окровавленные когти и исчезали, отброшенные в небытие, из которого вышли, его стремительным клинком. Кейн, насколько было возможно, старался своим телом прикрыть девушку и от неразумной стихии, и от еще менее разумных двуногих...

И вот, когда даже его фантастическая выносливость уже была на исходе, перед Соломоном Кейном возникла западная стена Негари. Сейчас глянцеви́то-черную каменную кладку во всю высоту — насколько хватало глаз, — от подножия до парапета, пересекала зияющая трещина. Колоссальная стена содрогалась и потрескивала, вот-вот готовая рухнуть. Кейн, собрав последние силы, просто швырнул свое тело в темную расселину. Едва его ноги коснулись каменистой почвы, как каменная громада, словно черный вал прибоя, обрушилась вовнутрь. Стена, тысячелетиями спасавшая негарийцев от гнева людского, не смогла устоять перед гневом стихии.

Шатающийся от изнеможения мужчина с девушкой на руках брел по тропинке между холмами. Его одежда была порвана и залепана кровью, все тело покрывали раны и кровоподтеки, но на лице его было выражение умиротворенности. Дрожь земли постепенно утихала, в лицо человеку дул свежий ветер, высушивая капли крови и пота. А за его спиной остался похороненный под толщей камней проклятый город...

7

Первые солнечные лучи ласково коснулись лица Соломона Кейна. Далеко внизу, у подножия горного кряжа, свежей листвой шелестели деревья, приветствуя наступающее утро. Насколько хватало глаз простиралось такое спокойное на вид зеленое море. Глядя на эту мирную сцену, пуританин чувствовал, как его оставляют воспоминания о ночном кошмаре.

Ветер дул со стороны джунглей, и англичанин полной грудью вдыхал пряные ароматы. Muskusный запах пропитанной влагой растительности сейчас был для Кейна все равно что целительный бальзам. По крайней мере, это был добрый запах увядающей зелени, которая, перепрев, станет тучной почвой для новых растений. В нем не было примеси древней мерзости и запустения, которые источали стены Города Мертвых, а главное, он не нес сладковато-терпкого аромата крови... При одном только воспоминании об этом к горлу Кейна подкатил комок.

Соломон склонился над спящей Мерилин. Бедняжка покоилась на скудном ложе из веток, которые ему удалось наломать, и была заботливо укрыта его камзолом, напоминавшим больше, к сожалению, коллекцию дырок и прорех. Именно в этот момент девушка открыла глаза. Сперва она в ужасе озиралась вокруг, но лишь до тех пор, пока ее мятущийся взгляд не наткнулся на озаренное скупой улыбкой лицо Соломона Кейна. Мерилин разрыдалась и крепко обняла его за шею.

— О, капитан Кейн!.. Неужто нам и впрямь удалось покинуть живыми этот ужасный город? Теперь мне кажется, что это был лишь кошмарный сон...

После того как вы провалились в люк-ловушку в моей комнате, Накари велела заковать вас в цепи в подземелье.— При одном воспоминании об этом ужасе девушка вздрогнула.— Потом она спускалась к вам в темницу... она сама мне рассказала об этом. Оттуда Накари вернулась донельзя раздраженная и твердила, что вы — жалкий глупец. Дескать, она, королева Негари, предложила вам власть над миром, а вы ответили оскорблениями.

Она бесновалась, точно разъяренная кошка, топала ногами и брызгала слюной, а потом поклялась, что и одна, своими руками, возродит империю Великой Негари. Потом она с бранью накинулась на меня, обвиняя, что вы, мол, цените жалкую рабыню превыше властительницы великого народа. Я тщетно зывала о пощаде, но черная дьяволица сорвала с меня одежду и порола, пока я от боли и унижения не лишилась сознания.

Наверное, я чуть не умерла, потому что несколько дней пролежала без памяти... Смутно помню лишь обрывочные картины: вот пришли воины и сказали Накари, что вам удалось бежать. Они утверждали, что вы — могучий колдун, так как прямо на их глазах, словно бесплотный дух, просочились сквозь каменную стену, и что якобы копья вас не берут. Накари лично убила обоих стражников, которым было поручено доставить вас, капитан Кейн, из узилища. Она напоминала больше дикого зверя, чем человеческое существо. От жутких криков несчастных я вновь потеряла сознание.

Я приходила в себя и проваливалась в беспмятство много раз. Не знаю, сколько прошло времени, — поневоле теряешь счет дням и часам в этих комнатах и коридорах, куда никогда не проникает солнечный свет. Могу лишь сказать, что с того

момента, как я вас увидела, до того момента, когда меня повели к алтарю, прошло не менее нескольких дней. Весть о вашем побеге пришла лишь накануне... жертвоприношения.— Это слово ей далось с явным трудом.— Потом явилась Накари в сопровождении свиты Звездных Дев, чтобы рассказать во всех отвратительных подробностях, что меня ожидает...— Девушка снова всхлипнула и спрятала лицо в ладонях.— Я пыталась сопротивляться, но меня заставили выпить зелье, в которое, наверное, был подмешан дурман... Дальше все как в тумане. Помню бесконечные коридоры, мрачные черные покои, заставленные омерзительными изваяниями... Там меня облачают в белые одежды жертвы...

Я впала в странный транс и не могла пошевелить даже пальцем. Вокруг меня нагие женщины творили нечто омерзительное и непотребное... что предписывает им их кощунственная вера... Мой разум просто отказывался воспринимать происходящее, и я погрузилась в спасительное беспамятство. Когда я очнулась, то обнаружила себя привязанной к Черному Алтарю. Всюду горели факелы, истошно орали африканцы, постыдно извивались в ужасающем танце Звездные Девы. Но все это я припоминаю лишь смутно: должно быть, то были бредовые видения, вызванные наркотиком. То мне мерещился святающийся череп, взиравший на меня пустыми глазницами с черного неба, то обнаженный демон, с черепом вместо головы, сверкая багровыми угольями глаз, заносил надо мной серебряную молнию... Капитан Кейн, скажите, что было на самом деле и как вам удалось меня спасти?

— Увы, дитя мое, это был не бред,— нехотя признался Соломон.— Как раз в это время, изрядно проплутав по проклятым коридорам, я выбрался из

одного здания по соседству, хотя и рассчитывал оказаться к тебе поближе. Метким выстрелом из пистолета я разнес на мельчайшие частицы их мерзостный фетиш. От зрелища осыпающегося кусками богомерзкого черепа весь этот нечестивый народ, за грехи отцов с рождения наказанный проклятием сумасшествия, обратился сам против себя.

Пока дикари самозабвенно убивали друг дружку, я смог к тебе пробиться. Но только мне удалось освободить тебя от пут, дитя мое, началось страшное землетрясение. Перекинув тебя, крошка Мери, через плечо, я побежал прочь от жуткого капища. Мне повезло выйти точно к огромной трещине во внешней стене, что прикрывает Негари с запада. В последний момент, перед тем как подземный шторм до основания разрушил погрязший во скверне горod язычников, я с тобой на руках смог проскочить в зияющую расселину.

Благодарю Создателя за то, что ты не открывала глаз и не видела творящихся там ужасных событий,— закончил Кейн эту часть своего краткого повествования.— А потом я понес тебя прочь от Негари. Ты только раз открыла глаза, когда я пересекал Мост-через-небо — так называют эту природную арку над пропастью дикари. Можно сказать, он рассыпался у меня под ногами. Лишь мы оказались на другой стороне бездонного провала, последняя судорога земли обрушила его в бездну...

Больше нам ничего не мешало в целостности и сохранности добраться до этих утесов, но я не рискнул спускаться в темноте, потому что луна уже садилась. Тут ты по-настоящему очнулась и с криком прижалась к моей груди. Я постарался успокоить тебя, и потихоньку ты затихла, уснув нормальным, крепким сном.

— Что же мы будем делать теперь? — спросила его Мерилин.

— Теперь, дитя мое, мы отправляемся прямоком в Англию! — При имени родины прозрачные глаза Кейна наполнились радостным светом. — Видишь ли, мне трудно усидеть в стране, где я родился, больше нескольких месяце кряду. А вот тебе, крошка Мери, там самое место. И то сказать, как ни сильна во мне тяга к путешествиям, стоит лишь произнести «Англия», и сердце наполняется теплом и радостью...

— О милосердный Господь! — вырвалось у нее, и девушка воздела к небу сжатые маленькие ручки. — Попасть домой!.. Что может быть лучше, капитан Кейн! Ни о чем в жизни я не мечтала сильнее, чем об этом... Но скажите, неужто вы и впрямь верите, что мы преодолеем бесчисленные мили диких джунглей, отделяющие нас от побережья океана?

— Мерилин, крошка Мерилин, — сласковой укоризной ответил пуританин, глядя мозолистой ладонью ее золотистую головку. — Следовало бы тебе покрепче верить в Провидение Господне... да и в меня тоже. Верно, в одиночку человек ничтожен и слаб. Но с помощью Божией он творит чудеса. Пока же Господь не оставлял меня своей милостью, пробуждая во мне гнев великий и осеняя мой клинок своей благодатью. И верую я, что пребудет Он со мною и впредь!

Подумай, дитя мое, всего лишь несколько часов тому назад нам с тобой довелось стать свидетелями изгнания из нашего мира недоброй, дьявольской расы, закосневшей во зле. На наших глазах Господь уничтожил целую империю Зла. Человеческие существа умирали тысячами, сама земная твердь ходила ходуном, ниспровергая башни, тысячелетиями

оскорблявшие небеса. Кровавым дождем обрушился с неба гнев Господний, а мы вышли из этого ада целыми и невредимыми!

Только ли человеческой силе, ловкости и удаче обязаны мы нашим беспримерным спасением? О нет! Нас хранила и направляла могучая длань высшей Силы — могущественнейшей из Сил! Не она ли провела меня через полмира, выведя прямо к стенам этого сатанинского города, а оттуда аккуратно в твое узилище?! Не она ли вызволила меня из мрака темницы и помогла отыскать единственное во всем Городе Мертвых существо, оказавшееся способным поведать мне обо все, что я желал знать?! Не она ли заставила злого жреца, последнего сына вымершей расы атлантов, всю многовековую жизнь пособлявшему Врагу рода человеческого, послужить делу справедливости?! И не та ли самая Сила направила мой выстрел, а позже позволила невредимым пройти по улицам, охваченным хаосом разрушения, к городской стене?!

Подумай только, дитя мое, стоило бы мне выскокить к скалам, с трех сторон окружавшим бесовской город, уж верно, сейчас ни тебя, ни меня не было бы в живых! Грех роптать, Мерилин! Эта Сила помогла нам выбраться из обреченного города, а потом уберегла нас на мосту, который, стоило лишь мне с тобой на руках ступить на твердую землю, с грохотом отправился в бездонный провал! Неужто, маленькая, проведя нас невредимыми через подобные испытания и совершив ради нас столько чудес, Господь отведет от нас свою десницу? Да ни в коем разе!

Действительно, мир наш пока еще полон зла, пышным цветом распускающегося и в сердце человеческих поселений, и на пространствах дикой зем-

ли, но Господь наш снова и снова заносит меч своей справедливости, и повергает зло, и поддерживает правых, покуда мы верим в Него. И так будет впредь, пока наш мир воистину не станет лучшим из миров!

Говорю тебе, глупышка Мерилин, в добром здравии сойдем мы наземь с этих крутых утесов и пересечем кипящие диким зверьем и людоедами джунгли, а там и рукой подать до старого доброго Девоншира, где исстрадавшаяся родня будет счастлива принять тебя в лоно семьи...

Таковы были слова Соломона Кейна, и дышали они незыблемой верой. И вот уже изможденное личико Мерилин осветилось улыбкой — так может улыбаться ребенок, очнувшийся от страшного сна. У пуританина вырвался вздох облегчения. Перенесенные ужас и страдания понемногу гасли в глазах девушки, недалек был тот день (в чем Соломон был совершенно уверен), когда все пережитое в долгом плену и в самом деле будет восприниматься девушкой точно полузабытый кошмарный сон.

Англичанин лишь раз оглянулся туда, где за безучастными холмами под толщей скал навеки упокоился Негари. Тысячелетиями отравлявший смертью и ужасом эти благодатные края, Город Мертвых сгинул под собственными рухнувшими стенами и обвалившимися утесами. Не в этом ли заключался промысел Божий — долго горы обеспечивали неприступность сего змеиного гнезда, но они же и поставили точку в его судьбе, когда терпение небес истощилось.

И все же душа Кейна была не на месте, стоило только ему подумать о тех тысячах и тысячах человеческих существ, чьи перемолотые каменным штормом останки лежали среди руин. Но в памяти пуританина всплыли все чудовищные преступления

негарийцев, веками взывавшие об отмщении, и его глаза наполнились ледяным огнем.

Не сводя глаз с восходящего солнца, он начал нараспев цитировать Библию:

— «Тогда побежавший от крика ужаса упадет в яму; и кто выйдет из ямы, попадет в петлю; ибо окна с небесной высоты растворятся, и основания земли потрясутся.

Ты превратил город в груды камней, твердую крепость в развалины; чертогов иноплеменников уже не стало в городе; вовек не будет он восстановлен.

Да! Так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими, и сыновей твоих Я спасу.

И притеснителей твоих накормлю собственной их плотью. И они будут упоены кровию своею, как молодым вином...»

Мы ли не видели, каким напитком с жадностью упивались эти несчастные!.. Так все и было, как Он сказал, дитя мое,— заключил Кейн с тяжелым вздохом.— Но нет во мне радости, что довелось нам узреть своими глазами предсказанное пророком Исаией.

* * *

Соломон Кейн рука об руку с девушкой направился к краю утеса. Перед ним было то самое место, куда он взобрался посреди ночи несколько дней тому назад. Хотя пуританину казалось, что с тех пор минула целая вечность.

Одежда Кейна висела ключьями, он был весь изранен и покрыт синяками, но глаза этого невероятного человека сияли безмятежным спокойствием

и уверенностью в завтрашнем дне. Это были глаза человека, уверенного в своем небесном Пастыре.

Восходящее солнце заливало золотистым теплым сиянием две маленькие человеческие фигурки, скалы и зеленые джунгли, даруя обещание счастья и покоя.

КЛИНКИ БРАТСТВА

К

1

линки сшиблись с оглушительным стальным лязгом, высекая друг из друга искры. Поверх несущего смерть остро отточенного металла так же сыпали искрами две пары глаз: нагло поблескивающие черные и яростно горящие синие. Дыхание дерущихся мужчин с хрипом вырывалось сквозь стиснутые зубы.

Каблуки черных сапог вырывали куски почвы с травой,

впиваясь в землю: выпад, отскок, снова выпад, атака, уход...

Черноглазый дуэлянт провел комбинацию «ин-кварте», завершив ее стремительным ударом. Так могла бы ужалить кобра, но синеглазый юноша, внешне не прикладывая особых усилий, изящно отвел рапиру мощным поворотом запястья. Его рука даже не дрогнула, можно было подумать, что она обладает крепостью стали. Юноша, небрежно сменив позицию, подобно удару молнии обрушил рапиру на противника.

— Довольно, джентльмены!..

Клинки замерли в воздухе, и, предостерегающе подняв руку в перчатке, между противниками встал дородный мужчина. На нем была надета видная шляпа с широкой тульей, а вторая рука (тоже облаченная в перчатку) лежала на эфесе разукрашенной самоцветами рапиры.

— Довольно! — повторил он. — Властью, предоставленной мне, объявляю поединок законченным. Ваше дело улажено, честь восстановлена! Примиритесь, господа, клинки в ножны! Сэр Джордж ранен!

Черноглазый — а это и был сэр Джордж — недовольным движением убрал левую руку, с пальцев которой капала кровь, за спину.

— Отойдите прочь! — рявкнул он властно. И, изрыгнув хулу небесам, добавил: — Тоже мне рана! Пустая царапина! Я отказываюсь считать, что наши разногласия улажены. Это бой насмерть!..

— Верно, сэр Руперт, нам лучше продолжить. — Тихий и спокойный голос победителя не смог бы обмануть внимательного наблюдателя — молодой человек кипел от ярости, его синие глаза блестели, как лед. — Примирить нас сможет лишь смерть!

— Вы, молодые петушки, извольте-ка вложить свои рапиры в ножны! — громогласно изрек сэр Руперт. — Я, по праву мирового судьи и в присутствии свидетелей, объявляю поединок законченным! Господин лекарь, сейчас же займитесь раной сэра Джорджа. Джек Холлинстер, не заставляй меня повторять дважды, убери оружие с глаз моих долой! Я — Руперт Д'Арси, и не допущу смертоубийства в своем округе!

Молодой Холлинстер не стал препираться с темпераментным мировым судьей. Он ничего не ответил, но и клинок в ножны не убрал. Похлопывая лезвием по сапогам, юноша из-под насушенных бровей обвел всех присутствующих враждебным взглядом. Сэр Джордж тоже не торопился расставаться с рапирой до тех пор, пока к нему не подскочил один из его секундантов и не принялся что-то настойчиво шептать ему в ухо. Неприязненно поморщившись, сэр Джордж наконец покорился. Уступая секунданту, черноглазый мужчина нехотя передал ему рапиру и отдался заботам лекаря.

Дуэль происходила на самом краю унылой вересковой пустоши. Как раз в том месте, где гладкая, как стол, равнина переходила в песчаные дюны. За полоской пляжа, поросшего редкой чахлой травой и заваленного выбеленными обломками плавника, пенилось стылое море. Водная гладь была девственно пуста, за исключением одинокого белого паруса, в паре кабельтовых от берега. По ту сторону пустоши виднелись неказистые грязноватые домики маленькой деревушки, какие в изобилии были разбросаны по всему побережью.

Вычурные камзолы собравшихся в этот неурочный час людей, а тем более накал обуревавших их страстей являли собой разительный контраст с на-

вевавшим смертную тоску унылым пейзажем. Низкое осеннее солнце вспыхивало искрами на полированных клинках, наполняло жизнью самоцветы на рукоятях оружия, сверкало в серебряных пряжках камзолов и на золотом шитье заливчатски заломленной шляпы сэра Руперта.

Секунданты сэра Джорджа помогали ему облачаться в камзол, в то время как секундант его противника, которого сэр Руперт называл Джеком Холлинстером, — молодой человек крепкого телосложения в домотканой одежде — напрасно убеждал юношу сделать то же самое. Но Джек, гнев которого не нашел выхода, отказывался внимать голосу разума. Наконец, грубо оттолкнув своего секунданта, он сделал несколько стремительных шагов вдогонку успевшему отойти сэру Джорджу и, потрясая клинком, крикнул:

— Поберегитесь же, сэр Джордж Бануэй! За нанесенное оскорбление, суть которого вам отлично известна, вы едва ли отделаетесь жалкой царапиной на руке! Мы еще встретимся, и тогда-то вам не спрятаться за спину мирового судьи. Попомните мои слова, тогда уж никто не спасет вашу подлую душу! — Порыв ветра разнес эти яростные слова по всему берегу.

Сэр Джордж развернулся на пятках с чернейшим проклятием на устах. Сэр Руперт, проявивший завидную сноровку, кинулся ему наперерез, взревев:

— Да как вы смеете!..

Холлинстер оскалил зубы, повернулся спиной и, с лязгом вогнав шпагу в ножны, широко зашагал прочь. Мрачная гримаса исказила лицо сэра Джорджа, он, казалось, был готов ринуться за дерзким мальчишкой и раз и навсегда покончить с ним. Но

его удержал секундант, настойчиво что-то втолковывавший черноглазому мужчине, указывая рукой в сторону моря. Бануэй нашел глазами белый треугольник, словно зависший в воздухе между морем и небом, на мгновение задумался, а затем расслабился и утрюмо кивнул.

Холлинстер в бешенстве шагал по пляжу. И шляпу, и камзол он нес в руке. Промозглый ветер охлаждал его мокрые от пота волосы, но не мог остудить распаленного и взбудораженного юношу.

Рэндэл, его секундант, едва поспевал за другом, но также хранил молчание. Чем дальше молодые люди удалялись от места поединка, тем более дикими и утрюмыми становились места. Низкие облака затянули солнце, и вот уже серое небо, подобно свинцовой плите, нависало на миром. Громадные утрюмые скалы, поросшие мхом, возносившиеся над побережьем словно крепостные укрепления, глубоко вдавались в море. У их подножия ревел прибой, раз за разом обрушивая вскипающие волны на каменную твердыню.

Наконец Джек Холлинстер остановился, повернулся лицом к морю и, грозя тучам кулаком, принялся ругаться — хрипло, затейливо и витиевато. Надо заметить, что подобная брань была бы более уместна на устах портового грузчика, а не благородного джентльмена. Однако потрясенному его красноречием слушателю не составило труда понять, в чем заключается обида, причиненная Холлинстеру миром. Молодой человек возносил хулу небесам за то, что они не позволили пронзить его клинку черное сердце сэра Бануэя, презренного негодяя, лживого охальника и отъявленного мерзавца!

— Поди теперь заставь этого подлеца из подлецов сойтись со мною в честном поединке, после

того как он уже раз отведал моей стати,— закончил он, немного успокоившись.— Но, клянусь именем Господним...

— Ну, Джек, остыл бы ты... — Рэндэл переминался с ноги на ногу, чувствуя себя весьма неловко. Пускай он был ближайшим другом Холлинстера, но и ему становилось не по себе во время приступов черного бешенства, которым был порою подвержен молодой человек.— Сэру Джорджу и так хватит. Уж ты всыпал ему так всыпал, паршивец надолго запомнит. Да и вообще, стоит ли лишать жизни человека всего лишь за...

— Что?! — гневно вскричал Джек.— Стоит ли убивать за подобное деяние? Человека, может быть, и нет, а вот гнусную тварь — обязательно! Да я своими руками вырву черное сердце лжеца еще до того, как взойдет новая луна! Понимаешь ли ты, Рэндэл, что он прилюдно опорочил не кого-нибудь, а Мэри Гарвин? Титулованный негодяй посмел мусолить имя девушки, которую я люблю, над пивной кружкой в таверне!.. И ты полагаешь, я это должен ему спустить? Нет, смерть, и только смерть, может смыть нанесенное оскорбление!

— Да понимаю я, все понимаю,— вздохнул Рэндэл.— Еще бы мне не понимать, после того как я уже две дюжины раз кряду выслушал твою историю! Но знаю я и другое. Не ты ли выплеснул сэру Джорджу в физиономию кружку эля, влепил пощечину, опрокинул на него стол да еще и изловчился пнуть пару-тройку раз? Разве этого мало? Ты пойми, упрямая голова, что у сэра Джорджа большие связи. А кто ты такой? Знаю-знаю, сын отставного морского капитана... известный храбрец... воевал за границей! Мне вообще удивительно, как это сэр Джордж согласился драться с тобой. С его положением в

обществе было бы вполне достаточно кликнуть слуг и велеть им надавать тебе тумаков!

— Если бы он посмел так поступить,— скрипнул зубами Холлинстер, и на его скулах заиграли желваки,— я бы достал пистолет и всадил добрую пулю прямо промеж этих маслянистых глазок. Тебя послушать, Дик, так это я еще должен перед ним извиниться. Вечно ты проповедуешь правильный путь, всякие там кротость, воздержание и смирение. Только в тех местах, где я привык жить, больше полагаются на шпагу. Острая сталь и крепкая рука — вот тебе и суд, и закон. Да и кровь у всех мужчин в нашем роду горячая. И сейчас она взывает к отмщению!

Этому так называемому джентльмену прекрасно известно, как я люблю Мэри, что вовсе не помешало ему произносить непристойности о юной леди в моем присутствии! Видел бы ты его блудливую усмешечку, когда он говорил всяческие гнусности прямо мне в лицо! А ты говоришь — простить...

А знаешь, почему он себе позволил подобную выходку? Потому что у него денег — как зерна в амбаре. Уж в чем ты прав, так это в том, что у сэра Джорджа всего полно. И земля, и титулы, и семейные связи, и благородное происхождение. А я — из бедного рода, и все мое достояние — вот тут, в ножнах на поясе. Принадлежи я или Мэри к такому же знатному роду, как Бануэи, он бы никогда не осмелился...

— Как бы не так! — перебил юношу Рэндэл. — Ты хоть раз слышал, чтобы сэр Джордж о ком-нибудь отзывался пристойно? Он вполне заслужил ту дурную славу, которая за ним повсюду тянется. Этот человек подчиняется только своим собственным прихотям, и ничему более!

— Я не допущу, чтобы Мэри стала его очередной прихотью, — снова взвился Джек. — Конечно, в его власти надругаться над ней, подобно тому как он надругался над многими здешними молодыми девицами. Только сперва ему придется прикончить Джека Холлинстера. Знаешь что, Дик... не держи на меня зла, только, пожалуйста, оставь меня пока одного. Я и так не мастер работать языком, а сейчас у меня внутри вообще все кипит... Я тут остыну на ветерке...

Рэндэл помедлил.

— Только, ради всего святого, пообещай мне, что ты не бросишься искать сэра Джорджа...

Джек нетерпеливо отмахнулся:

— Клянусь тебе, что пойду совсем в другую сторону. Сэр Джордж направился домой нянчиться со своей царapiной и заливать горе.

— Джек, будь осторожен. Ты же знаешь, что у него в наших краях полно прихлебателей, а репутация у этих громил... Ты уверен, что хочешь остаться один?

Джек оскалился по-волчьи:

— Не переживай, дружище. Уж если он захочет расквитаться со мной подобным образом, то точно дождется темноты. Не такой он человек, чтобы нападать посреди белого дня!

Дик Рэндэл удалился по направлению к деревне, с сомнением покачивая головой. Джек же широко зашагал по песку, все дальше и дальше углубляясь в девственные просторы пустошей, стараясь уйти подальше от человеческого жилья. Промозглый морской бриз трепал его одежду, пробирая холодом до костей, но юноша упрямо не надевал камзол. Поднявшийся серый туман словно бы окутал мглой его душу, и молодой Холлинстер готов был

проклясть и погоду, и здешние места, да и весь человеческий род в придачу.

Его сердце рвалось из постылых родных краев в далекие жаркие страны. Ему было что вспомнить о знойном юге, который он повидал в своих странствиях, но другие образы вставали перед ним: смеющиеся девичьи глаза на прекрасном лице, обрамленном столь милыми его сердцу золотыми локонами. Эти чудесные васильковые очи источали такое тепло и обещание неземного блаженства, перед которыми меркли все радости лунных тропических ночей. Стоило лишь представить себе лицо любимой, и сумрачные пустоши словно бы озарил солнечный свет.

Однако волшебство прекрасного видения было разрушено другим образом. Перед мысленным взором Джека Холлинстера предстало злобное и насмешливое лицо Джорджа Бануэя, с черными безжалостными глазами и язвительно искривленным тонкогубым ртом под узкой щеточкой черных ухоженных усов. Юноша злобно выругался.

Поток хулф, срывающийся с его уст, оборвал низкий звучный голос, совершенно неожиданно раздавшийся из-за спины.

— Юноша, — сказал незнакомец, — не следует осквернять душу подобными словами. Речи твои шумливы, но бессмысленны.

Джек, схватившись за эфес шпаги, пружинисто развернулся. На большом плоском валуне сидел мужчина, которого он никогда не видел в здешних местах. Дождавшись, пока молодой человек повернется к нему лицом, мужчина поднялся, расправляя широкий черный плащ, висевший у него на руке.

Холлинстер изумленно разглядывал незнакомца. Да и было чему удивляться: этот человек просто

притягивал к себе взгляд. Надо сказать, что он был на несколько дюймов выше юноши, — а тот и сам был куда выше среднего роста. Кроме того, вызывало удивление сложение этого человека: на поджаром теле не было ни унции не то что жира — даже лишнего мяса. При этом мужчина не казался ни хрупким, ни изнеженным. Совсем напротив! Широкие плечи, мощная грудь, длинные жилистые руки и ноги — все свидетельствовало об исключительной физической силе, выносливости и быстроте. Джек, будучи опытным воином, в одно мгновение распознал в незнакомце прирожденного бойца и фехтовальщика. Длинная, тяжелая, без всяких украшений, простая рапира на поясе только подкрепляла его выводы.

Джеку как-то доводилось сталкиваться на бескрайних просторах сибирской тундры с огромными серыми волками, состоящими, казалось, из одних мускулов. Именно этих бесстрашных хищников и напоминал таинственный незнакомец.

Весьма примечательно было его лицо: вытянутое, гладко выбритое и неестественно бледное. В сочетании с чуть запавшими щеками бледность эта могла бы придать ему безжизненный и отталкивающий вид, если бы не глаза... О, если бы вы могли заглянуть в эти глаза! Они горели такой неукротимой волей и жизненной энергией, каких Джеку до сих пор не встречалось ни у одного человека.

Юноша смотрел в эти фантастические глаза целую вечность, ощущая их холодную гипнотическую власть... Но так и не смог бы сказать, какого они были цвета. На ум приходили льды древних ледников, бездонная синева северных морей, холодная прозрачность горного воздуха. Эти льдистые глаза, взиравшие на мир из-под густых черных бровей,

вполне могли бы принадлежать самому Старому Джентльмену¹.

Одежда незнакомца была темных тонов и удивительно скромной, полностью соответствуя его облику. На ней не было ни каких-либо украшений — даже пера на мягкой темной фетровой шляпе с широкими полями, — ни драгоценностей. На длинных сильных пальцах — ни перстня. Даже на рукояти рапиры не было ни единого самоцвета. Сам же клинок покоился в обыкновенных потертых кожаных ножнах. Аскетичность образа удивительного путника подчеркивало также отсутствие серебряных пуговиц на облегающем черном камзоле и блестящих пряжек на башмаках.

Единственным контрастным пятном, нарушавшим нарочитую мрачноватость одеяния, был широкий кушак, на восточный лад повязанный вокруг узкой талии. Из складок переливчатого зеленого шелка, явно дамасского происхождения, недвусмысленно выглядывали рукояти кинжалов и двух тяжелых пистолетов. Этот арсенал давал понять любому глупцу, не внявшему тяжелому взгляду, что от их владельца стоит держаться подальше.

Холлингстер безмолвно рассматривал странного пришельца, не в силах сообразить, что в этом пустынном месте делает столь странно одетый да еще до зубов вооруженный господин. Судя по внешнему виду, он принадлежал к пуританам, хотя Джек не был в этом до конца уверен.

— Сударь, как вы тут очутились? — начал Джек без обиняков. — Как вышло, что я вас заметил, только когда вы со мной заговорили? И наконец, соизвольте представиться!

¹ Так в Британии называют дьявола.

— Я попал сюда тем же способом, что и все порядочные люди, юный джентльмен.— Глубокий голос незнакомца был безукоризненно вежлив.— То есть пришел ногами. Что же касается твоего второго вопроса... Когда человек настолько поддался страстям, что начинает все упоминать имя Господне, то он не замечает ни друзей — что само по себе стыдно,— ни врагов. А вот это уже может довести его до беды.

— Да кто вы, в конце концов, и откуда?

— Имею честь носить имя Соломон Кейн, сударь. Я — англичанин, родом из Девоншира, хотя теперь и лишен дома...— Высокий мужчина накинул плащ и, небрежно в него запахнувшись, вновь уселся на камень.

Джек наморщил лоб, пытаясь сообразить, что если пуританин и вправду из Девоншира, то где он мог растерять столь характерный девонширский акцент? Судя по выговору, его родиной с равным успехом могли бы быть и южные графства, и северные. Кроме того, юноша был уверен, что ему уже доводилось слышать подобный акцент. Поэтому он спросил:

— Сэр, вам, наверное, довелось немало путешествовать?

— Не могу сказать, что ты ошибаешься, юный джентльмен. Случалось, Провидение направляло мой путь в весьма отдаленные края.

Тут Холлинстера осенило, и он уставился на своего странного собеседника с новым интересом.

— Сударь, а вы случайно не служили в чине капитана во французской армии, и если так, то не доводилось ли вам сражаться при...— Юноша назвал место.

На чело Кейна набежала тень.

— Истинно так,— ответил он.— Волей судьбы мне пришлось однажды возглавить банду отъявленных негодяев и головорезов, о чем я вспоминаю с величайшим стыдом... хотя в тот раз мы и дрались за справедливое дело. К моему сожалению, взятие города, о котором ты упомянул, было отмечено множеством вопиющих преступлений во имя этого правого дела. Именно тогда сердце мое отворотилось от... Впрочем, с тех пор утекло немало воды, смывшей с меня не одно кровавое воспоминание. Но уж коли речь зашла о воде, молодой джентльмен, что ты можешь сказать мне вон о том судне, бросившем вчера на рассвете якоря так далеко от берега? — Соломон Кейн махнул рукой в сторону моря, указав худым пальцем на белый парус.

Джек только головой покачал:

— Слишком далеко, сударь... Не могу ничего разглядеть. В деревню вроде никто не приплывал.

Он снова окунулся в сумрачные глубины взгляда Соломона Кейна, нисколько при этом не усомнившись, что глаза пуританина были способны с легкостью разобрать бронзовые буквы имени на борту далекого парусника. Пообщавшись с Кейном даже небольшое время, он уже начал подозревать, что для этого человека не было ничего невозможного.

— И в самом деле далековато,— согласился Кейн.— Но готов поспорить, я узнаю оснастку этого судна. В этом случае было бы неплохо повидаться с хозяином корабля!

Джек промолчал. На многие мили вокруг не было удобной гавани, но в тихую погоду корабль мог бы подойти к самому берегу и бросить якорь чуть ли не у самых скал. Действительно, кому он принадлежал? Скорее всего, контрабандистам. В эту малонаселенную часть побережья представители

королевской таможни наведывались нечасто, отчего здешние места стали удобным перевалочным пунктом для незаконной торговли.

— Не доводилось ли тебе слышать о некоем капитане по имени Джонас Хардрейкер, которого также называют Скопой, по имени хищной птицы-рыболова? — поинтересовался Соломон Кейн.

Холлинстер даже вадрогнул. Одно имя этого кровожадного пирата заставляло трепетать сердца отважных мореходов по обе стороны экватора и, к сожалению, было слишком хорошо известно на всех побережьях цивилизованного мира. Заинтригованный юноша тщетно пытался прочесть что-либо на лице пуританина. Его бездонные глаза оставались непроницаемы.

— Почему вы интересуетесь этим кровавым чудовищем? — спросил наконец Джек. — Когда я в последний раз про него слышал, считалось, что он бесчинствует где-то в Карибском море.

Кейн покачал головой:

— Ложь разносится быстрее ветра, обгоняя даже самое быстроходное судно, юный джентльмен. Скопа там, где его корабль, а паруса его корабля раздувает сам Сатана!

Соломон Кейн встал и поплотнее закутался в плащ.

— Пути Господни неисповедимы, и те, которыми мне было предначертано пройти, порой приводили меня в удивительные края, — сказал он тихо. — Иные были прекрасны, но большинство — горестны и пугающи. Не раз меня охватывало отчаяние и мне начинало казаться, что я обречен скитаться без цели и промысла свыше.

Но всегда, — голос его окреп, — стоило лишь поглубже задуматься о смысле происходящего со

мной, я этот высший промысел обнаруживал. Поверь мне на слово, юный джентльмен: после всепожирающего пламени геенны огненной самое жаркое пламя — это синее пламя мести, что ни днем ни ночью не отпускает сердце мужчины. И пламень этот можно залить только кровью.

Много раз доводилось мне избавлять недостойных милости Создателя от бремени бытия. Ибо Господь — моя опора и мой пастырь, и Его воля направляла и укрепляла мою руку против врагов моих.

С этими словами Соломон Кейн поклонился и удалился прочь широкими шагами. И даже самое чуткое ухо не услышало бы его поступи. А юноша, смятенный и растерянный, смотрел ему вслед...

2

Джек Холлинстер приподнялся в постели и помотал головой, отгоня прочь тягостные сновидения. Он оглядел комнату в поисках источника разбудившего его шума.

— Ш-ш-ш!.. — слышалось снова от окна, звук был не громче змеиного шипения.

Луна еще не взошла, и только обманчивый звездный свет позволил разглядеть Джеку в окне чьи-то голову и широкие плечи, отчетливо выделяющиеся на фоне неба.

Молодой человек выхватил рапиру из ножен, висевших на столбике кровати в изголовье, поднялся и направился к окну. Лишь подойдя поближе, он смог различить заросшую густой растительностью физиономию с маленькими блестящими глазками. Бородач тяжело дышал, словно после долгого бега.

— Слышь, парень, бери шпагу и давай за мной,— донесся до него настойчивый шепот.— Он ее сцапал!

— Да объясни ты толком! Кто сцапал? Кого?!

— Сэр Джордж! — Речь ночного посетителя была сумбурна.— Он, это, ей записочку-то послал за твоей подписью. Ну и пригласил малышку на Скалы. Она туда, а там уж наготове его живоглоты. Так они, это...

— Кого? Мэри Гарвин?! — Джека бросило в холодный пот.

— Господин, тише-тише! Ну кого же еще, как не ее...

У Джека все поплыло перед глазами. Он, глупец, ожидал, что нападут на него, не в силах предположить, что сэр Джордж настолько далеко зайдет в своей подлости, что осмелится на похищение незащищенной девушки!

— Да чтобы черти разорвали его черную душонку на тысячи кусочков,— скрипел он зубами, лихорадочно облачаясь в камзол.— Тебе известно, где эти негодяи держат Мэри?

— Так в доме сэра Джорджа, господин, где ж еще!

— А сам-то ты кто? — несколько запоздало поинтересовался Джек.

— Так я это, старина Сэм. Ну, тот самый, что следит за лошадьми в конюшне при таверне. Я, стало быть, только увидал, как они бедняжку того, ну сцапали, значит, так сразу и...

Холлинстер успел одеться и полез в окно, держа в руке обнаженную шпагу.

— Спасибо тебе, Сэм,— сказал он бородатому.— Если останусь в живых, век тебя не забуду.

Сэм улыбнулся, обнажив прокуренные желтые зубы:

— Погодите прощаться, господин, я с вами, подсоблю чем смогу. Мне, это, сэр Джордж... Ну навроде как должок один за ним! — И Сэм ухмыльнулся, умело крутанув выдавшей виды дубинкой.

— Тогда вперед! — решил Джек. — Нанесем визит этой каналье сэру Джорджу!

Фамильный особняк Бануэв стоял милях в двух от деревни, почти у самого моря. Этот старинный дом больше смахивал на замок. Однако обитал в нем сэр Джордж один, если не считать немногочисленную челядь, состоящую из ражих молодцов с рожами отъявленных висельников. Естественно, у него постоянно ошивалась пара-тройка дружков, выглядевших еще хуже слуг. Что касается деревенских, то лишь совсем пропащие дебоширы и выпивохи, обтяпывавшие с сэром Джорджем какие-то сомнительные делишки, переступали порог этого негостеприимного места.

Дом был огромен, мрачен и определенно нуждался в ремонте. Дубовые стены потемнели от времени и непогоды и могли бы, видимо, рассказать немало жутких историй, свидетелями которых они оказались. В общем, строение это пользовалось такой же дурной репутацией, что и его хозяин.

Стены вокруг особняка не было, ее роль выполняла неухоженная живая изгородь, а вместо парка вокруг дома было насажено какое-то количество беспорядочно растущих деревьев. Задняя дверь выходила прямо на пустоши, фасад же был обращен к морю и смотрел на дюны. Прямо за песчаной полосой, шириной ярдов в двести, разбиваясь о каменные глыбы, рокотал прибой.

В этом месте нагромождение острых, лишенных даже малейших следов растительности камней было особенно впечатляющим. Голые изломанные скалы, торчащие из воды, были заметно выше, чем где-либо по соседству. Деревенские утверждали, будто в этом каменном лабиринте таилась укрытая от человеческих глаз прелюбопытная пещерка. Правда это или вымысел, никто не знал, потому что сэр Джордж считал берег своим личным владением и слишком любопытные охотники до прогулок рисковали нарваться на пулю из мушкета его головорезов.

Сейчас, пробираясь со своим странным спутником через продуваемую всеми ветрами стылую пустошь, Джек не заметил в доме ни единого огонька. Появилась луна, заливая молочным светом пришедший с моря туман, который клубился вокруг гигантского особняка, придавая ему особо зловещий и неприступный вид.

Береговой линии вообще не было видно за фосфоресцирующей пеленой, а кусты и деревья в бледном лунном свете казались оставившими свои горы троллями и гоблинами, вышедшими на охоту. Один раз Джеку показалось, что он расслышал звяканье якорной цепи, и юноша подивился про себя: какой капитан решит в такую ночь бросать якорь у коварных скал, имевших среди моряков дурную славу. Равномерный рокот волн, обрушивающихся на берег, походил на пульс неведомого чудовища.

— Полезем вон в то окошко, сэр! — донесся хриплый шепот Сэма. — Вроде как все огонечки погашены, но он там, вот вам крест!

Они потихоньку подбирались к тихому безжизненному строению, и Джек машинально отметил, что вокруг не было выставлено никакой охраны. Неужели сэр Джордж был настолько уверен в себе,

что никого не поставил присматривать за подступа-ми к дому? Или караульные просто заснули на посту?

Оказавшись под окном, он осторожно потянул на себя массивные ставни. К его удивлению, дубовые створки распахнулись с поразительной легкостью. Весь фронтовой опыт Джека Холлинстера свидетельствовал о том, что ни одна операция не могла проходить так подозрительно легко и гладко! И тут на молодого человека обрушилось прозрение! Он начал было оборачиваться... Но поздно!

Юноша успел заметить опускающуюся на его голову дубинку усмехающегося презренного предателя. Джек не смог ни увернуться, ни как-либо отвести или смягчить удар. Последнее, что он видел, были сверкнувшие торжеством маленькие блестящие глазки. И весь мир взорвался ослепительным облаком, сменившимся полной тьмой.

3

Сознание возвращалось к нему мучительно медленно. Джек Холлинстер с трудом разогнал багровую пелену перед глазами и заморгал, пытаясь сфокусировать зрение. Голову раскалывала адская боль, яркий свет причинял страдания. Он зажмурился, но немилосердное сияние не давало ему покоя даже сквозь сомкнутые веки. Юноше казалось, что неведомые мучители терзают его мозг раскаленными щипцами; в ушах оглушительно пульсировала кровь, один за другим накатывали приступы тошноты. Словно сквозь пелену до него доносился неясный гул голов-сов. Джек попытался обхватить голову руками, но обнаружил, что связан. И тут он вспомнил все, что с ним произошло, и окончательно пришел в себя.

Он был грубо связан по рукам и ногам и лежал на жестком грязном полу, на который, судя по боли в избитом теле, просто был брошен. Оглядевшись, юноша разобрал, что находится в просторном погребке, забитом бочонками, ящиками, флягами и просмоленными кадучками. Довольно высокий потолок поддерживали толстенные дубовые балки, к одной из которых был подвешен масляный светильник. Именно его свет причинял Джеку столько неудобств.

Фонарь освещал лишь середину погреба, наполняя темные углы шевелящимися неясными тенями. Где-то на границе освещенного пространства молодой человек сумел разглядеть широкую каменную лестницу, уходящую наверх, а в дальнем конце просторного подвала угадывался темный зев коридора.

В погребе было полным-полно народу — никак не менее полутора дюжин человек. По большей части присутствующие были ему незнакомы, но он узнал смутную насмешливую физиономию Бануэя, багровую от выпивки рожу мерзавца Сэма, которому он так неосмотрительно доверился, и еще парочку деревенских бузотеров, ходивших в подручных у сэра Джорджа.

Наметанный глаз Холлинстера признал в остальных мужчинах моряков. Все они были как на подбор — обросшими бородами здоровяками в штанах из грубой парусины и носили золотые и серебряные кольца в ушах. Кое-кто из молодцов повязал головы пестрыми шелковыми платками ярких расцветок, что вовсе не делало их привлекательнее.

Все без исключения моряки были вооружены до зубов. Внимание Джека невольно притянули абордажные сабли с широкими бронзовыми гардами и

потертыми от частого употребления рукоятями. Бросались в глаза и украшенные драгоценными камнями кинжалы и пистолеты с серебряной насечкой. Большая часть этой подозрительной компании развлекалась игрой в кости, сопровождаемой обильным возлиянием спиртного и черной площадной бранью. Грубые загорелые лица мужчин, возбужденных вином, элем и азартной игрой, вызывали страх и отвращение.

Пираты!.. Никакой честный моряк не станет столь вызывающе наряжаться и украшать грубые штаны и простые моряцкие рубахи шелковыми кушаками, а на голые волосатые ноги, никогда не знавшие чулок, напяливать дорогие башмаки с серебряными пряжками. Кроме того, Джеку Холлинстеру как-то не приходилось встречать простых матросов, вооруженных столь дорогим оружием и обвешанных с ног до головы драгоценностями. На мозолистых грязных пальцах с обкусанными ногтями красовались массивные перстни и печати, драгоценные камни сверкали на золотых серьгах размером с добрую брошь, а в изукрашенных ножнах красовались кинжалы. Причем это были клинки, сработанные в Неаполе и Толедо, а вовсе не простые морские ножи, произведенные на абердинской оружейной мануфактуре. Показная роскошь, отсутствие вкуса, изрыгаемая чудовищная брань и облик законченных негодяев — все вместе безошибочно выдавало принадлежность этих людей к кровавому братству «джентльменов удачи».

Джек вспомнил о корабле, который он видел накануне вечером, и понял, что рокот якорной цепи отнюдь ему не померещился. Ему на память пришел странный давешний собеседник — Кейн, — и юноша уловил в словах пуританина новый зловецкий смысл.

Судя по всему, Кейн знал, что это пиратское судно. Интересно, что связывало этого человека с морскими разбойниками? Могло ли быть так, что его пуританская суровость была лишь маской, предназначенной скрыть зловещую сущность?

Раздумья Джека прервал человек, резавшийся в кости с сэром Джорджем. Мужчина внезапно повернулся к пленнику и устремил на него пронзительный взгляд. Высокий, поджарый, широкоплечий... Сердце молодого человека чуть не выскочило из груди — на какое-то страшное мгновение ему показалось, что это и есть человек, о котором он только что думал. Но нет, это был не Соломон Кейн. Когда первое изумление улеглось, Джек разглядел, что пират, хотя и сложенный подобно пуританину, во всех остальных отношениях являл собой полную противоположность девонширцу.

Его дорогая одежда смотрелась вызывающе безвкусно и была аляповато-яркой. Шелковый кушак, серебряные пряжки, золотая оторочка и тому подобные детали совершенно не гармонировали друг с другом. Торчавшие из-за широкого пояса рукояти кинжалов и пистолетов были усеяны драгоценными камнями, переливающимися всеми цветами радуги. Длинная рапира, тоже вся в золоте и самоцветах, крепилась в роскошной парчовой перевязи с многочисленными брошами. Особенно нелепо выглядели в расплюснутых, обожженных солнцем ушах изящные золотые серьги, украшенные крупными рубинами, отбрасывавшими кроваво-красные блики на смуглое лицо пирата.

Глубоко на лоб — почти по самые густые черные брови — была надвинута щегольски заломленная шляпа, из-под которой выбивался цветастый головной платок. На худом угрюмом лице этого

человека выделялся тонкий и острый, как лезвие ножа, нос, более походивший на ястребиный клюв. Глубоко посаженные серые глаза брезгливо взирали на мир. Игра света и тени придавала этим бесстрашным и беспощадным глазам убийцы странное выражение. Практически лишенный губ рот пирата кривился в злобной циничной усмешке, а его верхнюю губу украшали длинные вислые усы, столь любимые мажарскими драгунами.

— Эй, Джордж, ты посмотри, наш гость очухался! — заорал пират. В его резком голосе слышалось злобное веселье. — Клянусь бородой Зевса, Сэм, я, грешным делом, подумал, что ты его вообще прихлопнул. Однако и крепкая же голова у этого парня!

Пираты оторвались от игры и уставились на Джека — кто насмешливо, кто с любопытством. Лицо сэра Джорджа побагровело от злости, и он театральным жестом сунул под нос своему партнеру левую руку, на которой из-под помятого шелкового рукава виднелась повязка.

— В этом виноват проклятый мальчишка, — сказал он пирату, а потом повернулся к пленнику. — Ты даже не представляешь, Холлинстер, насколько оказался прав, когда сказал, что мы еще встретимся. Только вот встреча наша происходит несколько не так, как тебе хотелось бы, да? Это твою никчемную душонку теперь не спасет никакой мировой судья. Так что, приятель, опять ты оказался кругом в дураках... — Банузэй рассмеялся лающим смехом.

И тут раздался до боли знакомый голос, полный ужаса и муки:

— Джек!

Отчаяние охватило молодого человека, причиня куда более страшные муки, нежели все издевки

сэра Джорджа. Джек забилися на полу, выворачивая шею и силиась подняться.

От представшего его глазам зрелища у бедняги чуть не остановилось сердце. На заплеванном полу, присыпанном гнилой соломой, на коленях стояла девушка, привязанная за шею к тяжелому железному кольцу, ввинченному в дубовую сваю. Несчастное создание протягивало к нему руки; лицо девушки было совсем белое, глаза — круглые от страха, а прекрасные золотые волосы растрепались.

— Мэри!.. О Господи!.. — вырвалось у Джека.

Пираты отозвались на этот крик души взрывом глумливого хохота.

— Давайте-ка, парни, пропустим по стаканчику за влюбленную парочку! — проревел рослый пират, судя по всему их капитан, поднимая пенившуюся кружку. — За любовный успех! А также за то, чтобы парнишка не жадничал... А то как же это получается, парни, нам, что ли, любви не надобно? Вздумал, значит, потешиться с малышкой, а нас и не пригласил... Нехорошо, сам Бог велел делиться!

— Ты, мерзкий ублюдок! — взревел Джек, нечеловеческим усилием сумев подняться на колени. — Трус! Презренный жалкий бычий пузырь! Я бы такое устроил вам, трюмная сволочь, если бы у меня руки были свободны!.. Ну-ка развяжите меня, если в вашей своре хотя бы у одного мужика окажутся яйца! Снимите с меня веревки, и я вас разорву на части голыми руками! Да мой дед-инвалид смог бы раздавить подобных говнюков своей тощей задницей!..

— Клянусь Иудой! — восхитился один из пиратов. — А малый не робкого десятка! Можете вздернуть меня на нок-рее, если мужик не умеет выражаться как подобает! Ядро мне в требуху, капитан, но я считаю...

— Молчать! — брызжа слюной, закричал сэр Джордж, испытывавший ненависть к пленнику. — И ты заткнись, Холлинстер! Зря стараешься! Хочешь, чтобы я сошелся с тобой один на один? Даже и не мечтай! Я уже один раз оказал тебе честь, встретившись в поединке. Второго шанса я никому не даю. Теперь тебя ожидает смерть, более подходящая твоему низкому происхождению и положению.

Знаешь, — продолжил он с издевкой, — никто не знает, куда и зачем ты с такой поспешностью отбыл посреди ночи. И, поверь мне, никогда не узнает. У тебя ведь папаша был капитаном, да? Ну так море станет тебе самой подходящей могилой. Оно всегда помогало мне надежно прятать трупы. И будет помогать снова и снова, когда твои кости, мой деревенский дурачок, рассыплются в прах, разложившись на дне.

Что же касается тебя, сладкая моя... — Бануэй повернулся к насмерть перепуганной девушке, все еще протягивавшей руки к возлюбленному, — ты ведь не откажешься пожить со мной, в моем доме? Быть может, прямо в этом уютном погребе? Ну а потом, когда ты мне надоешь, мы с тобой попросту распрощаемся, не правда ли? — Он гнусно осклабился, а его деревенские прихвостни заржали.

— Надеюсь, это произойдет как раз через пару месяцев, когда мы снова тебя навестим, Джорджи, — внес свою лепту пиратский капитан. Все происходящее явно доставляло ему поистине дьявольское удовольствие. — В этот раз твоей милостью мне придется увозить труп — клянусь рогами Сатаны, препоганный груз! — так вот, чтобы в следующем рейсе у меня был пассажир посимпатичнее!

Сэр Джордж с кривой ухмылкой пригрозил ему пальцем:

— Ты никогда не упустишь своей выгоды!.. Стало быть, через два месяца она твоя, если к тому времени, конечно, не надумает помереть... Считай, договорились. Ты уходишь в море нынче перед рассветом, увозя в холстине кровавый кусок мяса, который я собираюсь сделать из него,— он встал и ударом ноги сбил Холлинстера на пол,— и выкинешь на глубине его за борт, так чтобы прибой никогда не вынес его на сушу. А через два месяца можешь забирать себе девку.

Лежа на полу, Джек ничего не мог поделать, кроме как слушать, как негодяи строят свои дьявольские планы, и сердце его обливалось кровью.

— Мэри, любовь моя,— тихо окликнул он девушку.— Как же вышло, что ты здесь очутилась?

— Один из деревенских принес мне записку,— прошептала она. Девушка так ослабла от страха и лишений, что говорить громко просто не могла,— и сказал, что это от тебя. Почерк был очень похож на твой... И стояла твоя подпись... Там было написано, что ты ранен и просишь меня прийти к Скалам. Я прибежала к морю, и там эти страшные люди схватили меня и затащили в пещеру, откуда по длинному туннелю приволокли сюда...

— Ну а что я говорил, твоя милость! — в восторге захлопал себя по ляжкам предатель Сэм.— Я же тебе говорил: коли доверишься мне, то не прогадаешь! Старина Сэм кого хошь обведет вокруг пальца. Дело — верняк! Малый поскакал за мной, что твой ягненок, разве что не заблеял. Ну здорово я словчил, ничего не скажешь. Нет, ну надо же быть таким дураком!..

— Заканчивай треп,— осадил Сэма еще один пират, худой и мрачный.— Не нравится мне все это. Дело говорю, кончать девку надо. Мы и так

здорово рискуем, из раза в раз швартуясь в здешних местах и сталкивая награбленное. А ну как обнаружат ее? Она же им напоет, как птичка! Ты уверен, кэп, что по эту сторону Ла-Манша мы сможем найти еще один такой укромный уголок для сбыта нашей добычи?

Сэр Джордж и капитан пиратов разом расхохотались.

— Брось, Аллардайн, не кипятись! Чего ты переживаешь? Кто ее станет разыскивать? Все подумают, что она просто сбежала со своим дружком. Джордж вот говорит, ее папаша далеко не в воссторе от дочкиного ухажера. В деревне через месяц вообще забудут про них обоих. А уж сюда заглянуть и вовсе никто не надумает. У тебя просто плохое настроение! Это оттого, что мы так далеко зашли на север. Будто мы первый раз в Ла-Манш заходим. Что, мы раньше не щекотали северян прямо под носом лордов Адмиралтейства? Не бери в голову, парень!

— Может, ты и прав, кэп,— буркнул Аллардайн,— а только мне все одно будет спокойней, когда мы уберемся отсюда подальше. Нет в этих краях Братству жизни, попомните мое слово! Чем скорее мы подадимся в Карибы, тем лучше! Нутром чую — беда нас здесь ждет. Смерть над нами парит черным облаком, а мы здесь как на ладони — ни укрыться, ни улизнуть.

Пираты встревоженно загудели, кто-то бросил:

— Пускай тебя черти поберут, Аллардайн! Болтай поменьше, чтобы не сглазить.

Первый помощник хмуро отозвался:

— Как окажемся на дне морском, все болтать перестанем! Я слышал, нет там нашему брату успокоения...

— Выше голову, парни! Причал Казней — скверное место для швартовки, но мы покамест держим курс прочь! — заржал капитан и дружески ткнул Аллардайна кулаком в плечо. — Пора выпить за невесту! За невесту Джорджа и мою... да и вашу тоже, сто чертей мне в клотик! Х-ха, да вы гляньте! Малышка просто сомлела от радости...

Первый помощник вдруг вскинул голову.

— Тихо вы! Что это там наверху? Никак вскрикнул кто?

Пираты примолкли. Руки привычно потянулись к оружию, а глаза устремились к массивной двери, преграждавшей путь в погреб.

Капитан передернул могучими плечами и раздраженно бросил:

— Я ни черта не слышал. Аллардайн, сказано же тебе, кончай воду мутить.

— Точно я слышал крик! А потом шум падающего тела! Парни, вы меня знаете, говорю вам, нынче ночью сама смерть вышла на охоту и бродит рядом в тумане!

— Слушай,— с холодным презрением сказал капитан, сбивая кинжалом горлышко винной бутылки,— в последнее время ты совсем превратился в мнительную бабу. Да в тебе скоро от мужика одни сапоги останутся. Вот я, например! Когда я чего боялся? Или о чем-то беспокоился?

— Нашел чем хвастаться,— не сдавался первый помощник.— Мало того, что ты сам всякий раз на рожон прешь, так еще за тобой по пятам тот двуногий волк день за днем мчится... Или ты уже забыл, что случилось два года тому назад?

Капитан надолго приложился к бутылке.

— Подумаешь! — фыркнул он наконец.— Мой след слишком долог и запутан даже для...

Тут на стол пала чья-то черная тень, и бутылка выскользнула из вмиг ослабевших пальцев пирата, разлетевшись на тысячи осколков. Видимо, уже зная, что он увидит, побледневший капитан медленно обернулся в полной тишине. Глаза всех присутствующих устремились к лестнице, что спускалась в погреб.

Никто не слышал ни скрипа петель, ни звуков открывающейся или закрывающейся двери. Но тем не менее на каменных ступенях стоял высокий мужчина, подобно смерти облаченный во все черное. Единственным ярким пятном на его одеянии был ярко-зеленый шелковый кушак. Из-под нахмуренных черных бровей в тени низко надвинутой фетровой шляпы, словно два осколка прозрачного хрусталя, льдисто блестели безжалостные зоркие глаза. В каждой руке человек в черном держал по тяжелому пистолету со взведенными курками.

Это был Соломон Кейн.

4

— Джонас Хардрейкер, даже и не думай пошевелиться. Сиди, где сидел, Бен Алтардайн! А вы, Джордж Бануэй, Джон Харкер, Черный Майк, Том-Бристолец, — руки на стол! Тот, кто не хочет отправиться напрямиком в ад, где вас ждут не дождутся, пусть лучше оставит в покое сабли и пистолеты. — Голос Соломона Кейна был лишен всякого выражения, но даже этим отъявленным негодяям и головорезам не пришлось в голову усомниться в его словах. Так могла бы говорить сама смерть.

Из полутора дюжин человек, находившихся в погребе, никто не двинулся с места — два черных пистолета Кейна означали мгновенную смерть, по

крайней мере двоим из них. Никто не хотел умирать. И лишь первый помощник Аллардайн, звериное чутье которого не подвело пирата и на этот раз, побелев от страха, выдохнул:

— Кейн! Я оказался прав! Когда ты близко, я ощущаю присутствие смерти в каждом дуновении воздуха. Вот что я имел в виду, Джонас. Ты меня не услышал тогда, два года назад, когда я тебе передал его слова; ты посмеялся надо мной и сейчас! А я тебя предупреждал, что он появляется, как тень, и убивает, как ангел смерти! В умении подкрадываться с ним не могут сравниться даже краснокожие дьяволы Нового Света. Ох, Джонас, Джонас, говорил я тебе: надо уходить...

Ледяной пламень глаз Кейна заставил его умолкнуть на полуслове.

— Да, Бен Аллардайн,— согласился пуританин.— Мы сталкивались с тобой в прежние времена, когда Береговое Братство еще не превратилось в свору насильников и вымогателей. И ты должен помнить мои разногласия с твоим прежним капитаном — на Тортуге и, позже, у мыса Горн. И помнишь, к чему это привело. Это был законченный негодяй, и душе его, вне всякого сомнения, воздастся по заслугам в аду, куда препроводила его моя мушкетная пуля.

Прав ты и насчет моего умения подкрадываться. Что же, мне действительно некоторое время довелось пожить в Дариенне и в определенной степени приобщиться к науке скрытного передвижения. Но вынужден тебя разочаровать: к вашему брату пирату не сумеет подкрасться незамеченным лишь младенец. Те, что караулили снаружи, попросту не заметили меня в тумане, а тот морской волк, что с взведенным мушкетом и саблей наголо сторожил дверь в это логово, не замечал меня до тех пор,

пока я не перерезал ему горло. Впрочем, его кончина была быстрой и относительно безболезненной. Он только разок взвизгнул...

Капитан Хардрейкер разразился потоком отборного сквернословия, а потом спросил:

— Чего тебе здесь надо, будь ты проклят?!

Соломон Кейн устремил на него взгляд, от которого в жилах стыла кровь. Взгляд этот не оставлял ни малейшего сомнения в судьбе пирата.

— Как мы только что выяснили, кое-кто из твоего экипажа, Джонас Хардрейкер, известный также под кличкой Скопа, помнит меня по прежним временам.— Пуританин по-прежнему сохранял невозмутимость, но тем не менее в голосе его слышалась подлинная страсть.— Да и тебе прекрасно известно, зачем я последовал за тобой с Гривы в Португалию, а оттуда — в Англию.

Два года назад в Карибском море ты взял на abordаж клиппер под названием «Летучее Сердце», шедший из Дувра... На его борту была некая юная леди, дочь... впрочем, это уже неважно. Я уверен, что ты хорошо помнишь ее. Случилось так, что ее пожилой отец был моим близким другом, и я знал эту леди еще очаровательным ребенком... Этому прекрасному созданию было суждено вырасти красавицей и погибнуть во цвете лет в твоих грязных лапах, похотливое животное!

После того как ты перебил весь экипаж и пассажиров несчастного судна, девушка стала твоей добычей и вскорости умерла. Смерть проявила к ней больше милосердия, чем ты. Узнав о ее судьбе, мой добрый друг повредился рассудком и через несколько месяцев присоединился к ней на небесах. Братьев у нее не было — только немощный отец. Некому было отомстить за нее...

— За исключением тебя, конечно, сэр Галахад? — язвительно поинтересовался Скопа.

— За исключением меня, кровавый изверг! — неожиданно взорвался Кейн, и такова оказалась мощь его голоса, что у всех заложило уши, а прозвучавшая в нем угроза заставила этих законченных негодяев подскочить и затрястись от страха.

Что могло напугать пиратов больше, чем вид человека, исполненного стального самообладания и непоколебимой воли, на миг давшего волю обуревавшей его безудержной ярости? Именно сейчас в полной мере проявилась подлинная сущность Соломона Кейна — неумолимого паладина давно минувших времен. Буря страстей пуританина улеглась так же внезапно, как и разразилась, и вот уже перед пиратами вновь стоял твердый как сталь и такой же смертоносный человек с ледяными глазами. Черный раструб одного пистолета был нацелен капитану Хардрейкеру прямо в сердце, другой пистолет, точно гипнотизирующий глаз змеи, переходил с одного пирата на другого. И тот, кто оказывался под прицелом Кейна, белел как полотно.

— Помолись напоследок, пират, — прежним бесцветным голосом проговорил Кейн. — Ибо твоя грешная жизнь подошла к концу...

И в первый раз лицо Скопы исказила гримаса страха.

— Господи Боже! — выдохнул он, и капли пота выступили у него на лбу. — Ты что, просто пристрелишь меня, как шакала, не предоставив мне шанса...

— Ни единого, Джонас Хардрейкер, — равнодушно ответил Соломон Кейн, и ни рука, ни голос его при этом не дрогнули. — Причем сделаю это с радостным сердцем. Есть ли под солнцем преступление, которое ты не совершил бы? Доколе тебе

испытывать терпение Господне, ты — черная клякса в Книге деяний людских! Давал ли ты пощаду слабым, миловал ли беспомощных? Так что прояви хотя бы напоследок храбрость и прими достойно уготовленную тебе участь.

Пирату потребовалось страшное усилие, но он таки сумел взять себя в руки.

— Я всю жизнь проявлял храбрость, чего не скажешь о тебе, пуританин! Здесь только один трус — и это ты!

Ледяные глаза Кейна лишь на мгновение подернулись пеленой гнева. Этот человек поистине подавил в себе эмоции.

— Это ты трус, — продолжал капитан пиратов: ему терять уже было нечего.

Никто не мог назвать Скопу глупцом, и, поняв, что ему удалось нащупать в непреступной духовной броне Соломона Кейна единственное уязвимое место — гордыню, он во что бы то ни стало решил добраться до пуританина. Тот, конечно, никогда не хвастался своими подвигами, которые предпочитал называть деяниями, но очень гордился тем, что никто и никогда не мог упрекнуть его в трусости.

— Может, я и заслуживаю смерти, Господь нас рассудит, — говорил между тем капитан Хардрейкер, внимательно наблюдая за пуританином. — Но что скажут о тебе люди, узнав, что ты даже не предоставил мне возможности постоять за себя? Да тебя все сочтут отъявленным трусом!

— Людской приговор есть суета сует. — Тень набежала на лицо Кейна. — К тому же люди знают, трус я или нет.

— А я — нет! Застрели меня, и я отправлюсь на тот свет с мыслью о том, что ты трусливый пес, какие бы сказки ты сам про себя ни расска-

зывал! — торжествующе выкрикнул в лицо Кейну пират.

При всем своем мужестве и благородстве, Соломон Кейн оставался человеком и обладал слабостями, присущими роду людскому. Тщетно пытался он сам себя убедить, что негодяй пытается лишь получить шанс спасти свою шкуру. Сердцем он понимал — нажми он сейчас на курок, и омерзительные насмешки Скопы-Хардрейкера будут преследовать его до конца жизни. Он утрюмо кивнул:

— Да будет так. Ты получишь свой шанс, хотя Господу всеблагому известно, что ты его не заслуживаешь! Выбирай оружие!

Глаза Скопы сузились... О фехтовальном искусстве Кейна среди членов Берегового Братства и прочих «джентльменов удачи» ходили легенды. С другой стороны, если остановиться на пистолетах, у него, Джонаса Хардрейкера, не будет ни малейшей возможности пустить в ход свою не менее известные ловкость и силу...

— Ножи! — объявил он наконец, оскалившись в свирепой гримасе.

Кейн, не опуская пистолета, некоторое время мрачно смотрел на пирата. Затем его бледное лицо тронула едва заметная злобная усмешка.

— Ты объявил свой выбор, — кивнул он. — Нож едва ли можно назвать оружием джентльменов... Тем не менее он может принести смерть, которую никто не назовет ни быстрой, ни милосердной...

Пуританин повелительно махнул вторым пистолетом в сторону флибустьеров:

— Оружие на пол! — Тем ничего не оставалось, кроме как повиноваться. — Освободить юношу и девушку!

Когда его приказание было в точности исполнено, Джек растер затекшие члены, ощупал рану на голове — волосы слиплись в кровавый колтун, а затем обнял всхлипывающую девушку.

— Пусть она уйдет, — прошептал он, но Соломон Кейн отрицательно покачал головой:

— В таком состоянии ей никак не миновать стражу, стоящую возле дома. Боюсь, я не могу на это пойти.

Девонширец кивком головы указал Джеку на ступеньку за своей спиной и велел вместе с девушкой занять там место. Хардрейкер под бдительным взглядом Кейна выложил свой богатый арсенал на стол и, раздевшись до пояса, вышел на середину подвала. Вручив юноше свои пистолеты, Кейн быстрым движением освободился от пояса с рапирой и камзола, сложив их у ног, сверху аккуратно положив шляпу.

— Приглядывай за этим отребьем, пока я не управлюсь с их заводилой, — велел он юноше. — Если кто-то потянется за оружием, просто жми на курок. Если увидишь, что я упал, хватай девушку и беги отсюда. Но Господь не допустит, чтобы я проиграл: меня ведет синее пламя мести...

Двое высоких мужчин замерли друг против друга. Кейн — с непокрытой головой и в одной рубашке, Скопа — обнаженный по пояс, но в шелковом головном платке, рубины кровавыми каплями покачивались в его ушах. Пират был вооружен длинным кривым турецким кинжалом, который он держал острием вверх, Кейн же сжимал прямой, узкий, обоюдоострый кинжал, который выставил вперед наподобие рапиры. Оба мужчины прошли суровую школу боя на ножах, и ни один из противников не опускал оружия книзу, как это предписывается ко-

дексом благородных дуэлей. То, что требуют напыщенные манеры светских хлыщей, редко бывает полезным в настоящем бою.

* * *

Коптящий масляный фонарь освещал жуткую сцену, достойную готического романа. Бледный юноша с окровавленной головой, стоящий на выщербленных каменных ступенях, сжимает два смертоносных пистолета. Рядом, отчаянно вцепившись в любимого, всхлипывает алатокудрая красавица. А в трех-четыре ярдах от них, у стены, кровожадно скалятся гнусные демонические рожи. Дикарский беспощадный блеск глаз. И стальные блики на острых лезвиях между воинами. Две гибкие фигуры, по-кошачьи мягко переступая, кружат около друг друга, а изломанные тени, словно танцующие духи, повторяют каждое движение бойцов...

— Давай покажи, на что ты способен, пуританин! — Пират оскорблениями старался вывести противника из равновесия. — Вспомни свою девку, Фетровая Шляпа!

— Я о ней никогда не забывал, ты, порождение Зла, — соизволил ответить Кейн. — Знай, мразь, твоей душе скоро предстоит угодить в адское пекло, но есть огонь и Огонь... — По смертоносным клинкам пробегали дрожащие сиреневые отсветы. — Так вот, лишь пламень преисподней не может быть погашен кровью! — С этими словами Кейн нанес противнику неожиданный удар.

Капитан Хардрейкер отвел в сторону выпад пуританина и, в свою очередь, прыгнул вперед, попытавшись провести атаку снизу вверх. Кейн без особого труда провернул кинжал в руке и отбил кривой клинок противника. Пират, распрямившийся, как

стальная пружина, отскочил — ему едва удалось увернуться от контрвыпада.

Кейн, как чудовищная молотилка, обрушивал на Скопу удар за ударом, вынуждая того отступать к стене. С кем бы пуританину ни приходилось драться, он признавал лишь одну стратегию — наступление. Его кинжал, точно змеиное жало, то устремлялся в лицо пирату, то мелькал у его живота, то грозил горлу. Скопа уже не помышлял об атаке, все его силы уходили на то, чтобы уберечься от ран. Было ясно, что подобное состязание не сможет продлиться долго — слишком неравны были силы. Впрочем, любой поединок на ножах жесток и, как правило, скоротечен. Нож — страшное оружие, использование которого не подразумевает ни длительной искусной интриги, ни ничейного результата. Мгновенная схватка заканчивается кровавой гибелью слабейшего.

Близость смерти придала Скопе сил, и, в безумии обреченного, он железной хваткой вцепился в правую кисть Кейна и нанес тому страшный удар в живот. Вернее, попытался нанести. Невероятная реакция пуританина позволила ему перехватить руку пирата, пусть и ценой глубокого пореза на предплечье. Кейн остановил острое лезвие буквально в дюйме от своего живота. Так соперники и застыли, словно два изваяния, впившись взглядами друг другу в глаза. Лишь вздувшиеся мускулы да хриплое дыхание выдавали безумное напряжение.

Подобное единоборство было отнюдь не в духе пуританина. Кейну импонировал иной стиль боя, позволявший максимально быстро отправить врага в ад: прыжки, отскоки, стремительные нападения и контратака, при которых все дело решают сила и проворность рук и ног да верность глаза. Но если

его сопернику захотелось продлить себе жизнь, померившись с ним физической силой, — да будет так.

Похоже, Джонас Хардрейкер уже усомнился в правильности выбранного им пути, но было поздно. Никогда прежде пират, не раз отстаивавший свое право быть капитаном в смертельных поединках, не встречал человека, превосходившего его крепостью мускулов. Проклятый пуританин словно был выкован из железа! Скопа вложил все свои силы в хватку рук и опору широко расставленных ног.

Соломон Кейн, без труда раскусивший замысел противника, ловким движением пальцев перевернул клинок. Когда Хардрейкер вцепился в занесенную руку пуританина, кинжал смотрел вверх, теперь же Соломон нацелился острием прямо пирату в грудь. Ему оставалось лишь преодолеть сопротивление Скопы, удерживающего его запястье, и вогнуть острую сталь прямо в черное сердце. Однако приходилось следить и за кинжалом Хардрейкера, который находился в опасной близости от его живота. Если пират сумеет превозмочь хватку пуританина, его кривой нож легко вспорет живот Кейна.

Противники обливались потом от нечеловеческого напряжения. Их лица превратились в маски, мускулы взбугрились узлами на руках и ногах, на висках набухли жилы. Кольцо зрителей выдавало себя лишь дыханием, в волнении вырывавшимся сквозь зубы.

Какое-то время казалось, что ни тому ни другому не удастся нарушить установившегося равновесия, но постепенно Соломон Кейн начал теснить капитана Хардрейкера. И вот пират начал прогибаться назад, заваливаясь навзничь. Его тонкие губы задергались в нелепой гримасе, только это была не

улыбка, а оскал, вызванный судорогами напряженных до пределов возможного мышц. Глаза Скопы полезли из орбит, а побелевшее смуглое лицо приобрело жутковатое сходство с Веселым Роджером...

Невероятная сила Кейна превосходила любое сопротивление, которое могло быть ему оказано. Капитан Хардрейкер медленно заваливался на спину, словно дерево, чьи корни, подмытые водой, мало-помалу вырываются из земли, теряя опору. Он судорожно дышал, в груди его kloкотало, флибустьер прикладывал отчаянные усилия, пытаясь хотя бы отвоевать утраченное. Но тщетно! Дюйм за дюймом он уступал Кейну, пока наконец (Холлинстер, до боли сжимавший пистолеты, мог поклясться, что миновали часы) его спина не оказалась плотно прижатой к липкой от пролитого вина и пива дубовой столешнице. Неумолимый Кейн нависал над ним, подобно Немезиде.

Правая рука Джонаса Хардрейкера по-прежнему сжимала кинжал, левая намертво вцепилась в правое запястье Кейна. Но вот Соломон, не ослабляя хватки на руке Скопы, державшей кинжал, начал опускать правую руку. От этого усилия он лишь чаще задышал. Так же медленно, как только что он клонил пирата на стол, Кейн начал опускать к его груди свой клинок. На подгибающейся левой руке пирата, точно натянутые канаты, подергивались перенапряженные мышцы, но самое большее, чего он смог добиться, это на пару секунд замедлить движение руки пуританина. Обернуть же вспять ход этого неумолимого поршня было невозможно! Скопа попытался правой рукой достать Кейна своим кривым кинжалом, но левая рука пуританина, несмотря на заливавшую ее кровь, удерживала негодяя надежнее стального капкана.

Вот уже острие зависло в каком-то дюйме от конвульсивно вздымающейся груди пирата, и блеск стальных глаз Кейна ничем не уступал зловещему блеску его оружия. Еще немного — и нож пронзит сердце злодея, отправив прямым в преисподнюю. Последним отчаянным усилием Скопа остановил кинжал... Кто мог сказать, что сейчас видели его побелевшие безумные глаза? Они еще были устремлены на смертоносное острие, в котором для капитана Хардрейкера сосредоточился в этот миг весь мир, но уже смотрели в вечность. Остекленевший взор пирата был обращен внутрь себя. Говорят, перед умирающим проходит вся его жизнь.

Что открылось Джонасу Хардрейкеру в эти предсмертные мгновения? Горящие корабли, над которыми жадно смыкаются ненасытные морские пучины?.. Дымное зарево над прибрежными селениями, крики людей, в ужасе мечущихся по улицам, и черные вестники смерти в алых бликах огня, со смехом и богохульствами на устах услаждающие безжалостные лезвия человеческой кровью?.. Может быть, вздыбленный, исхлестанный ветрами океан в синем зареве молний, посылаемых разгневанными небесами?.. И пламя, пламя, пламя... жирный черный дым, стелющийся над руинами... человеческие фигурки, нелепо дергающиеся на нок-рее... и другие, пытающиеся дышать водой, протаскиваемые под килем?.. Или же белое девичье лицо, чьи истерзанные губы пытались произнести слова молитвы?..

На губах Хардрейкера выступила кровавая пена, и он испустил ужасающий вопль. Кейн выиграл еще полдюйма, и его кинжал вошел в грудь пирата. Мэри Гарвин, стоявшая за спиной Джека Холлинстера, отвернулась и, зажмурив глаза, заткнула уши пальцами, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Еще живой, капитан Хардрейкер отбросил бесполезное оружие и вцепился в кисть пуританина обеими руками, пытаясь остановить убивающий его клинок. Однако Соломон словно бы и не заметил этого. Корчившийся и извивающийся пират никак не желал сдаваться и принять неизбежный конец. Он до последнего момента продолжал на что-то надеяться, и клинок Соломона Кейна, преодолевая одну за другой доли дюйма, погружался в человеческую плоть, пока не достиг сердца.

Все, кто присутствовал при этом событии, обливались потом и шептали молитвы, и только ледяные глаза пуританина не изменили своего выражения. Он в этот момент видел лишь залитую кровью корабельную палубу, на которой хрупкая юная девушка, еще почти ребенок, тщетно молила о милосердии...

Стоны и крики капитана Хардрейкера совершенно перестали напоминать человеческие, перейдя в назойливый, сводящий с ума визг. Это не был крик труса, отказывающегося примириться с неизбежным. Нет, это был вой живого существа, утасяющего в страшной агонии. И только когда крестовина кинжала соприкоснулась с мускулистой грудью пирата, вой неожиданно перешел в булькающий хрип и умолк навсегда.

Кровь хлынула с посеревших губ Скопы, и запястье, которое сжимал Кейн, разом обмякло. И только после этого разжались пальцы капитана Хардрейкера. Смерть навечно успокоила пирата, та самая смерть, которой он так ревностно служил.

Тишина окутала все происходящее погребальным саваном. Кейн выдернул кинжал из мертвого

тела. Из раны толчком выплеснулась кровь и змейкой поползла по загорелой коже, стекая на стол. Пуританин брезгливо взмахнул кинжалом, стряхивая с него алые капли. Полированное лезвие отразило свет фонаря, и Джеку Холлинстеру на мгновение показалось, что его охватило синее пламя. То самое синее пламя, которое можно погасить кровью.

Кейн уже накинул камзол и потянулся к рапире, когда молодой человек стряхнул с глаз наваждение — как раз вовремя, чтобы заметить, как негодяй Сэм норовит извлечь из-за спины припрятанный пистолет. Реакция юноши была мгновенной. Оглушительно грянул выстрел. Мошенник вскрикнул в агонии, его пальцы инстинктивно сжались, спуская курок. И надо же было стать, чтобы Сэм стоял точно под фонарем, подвешенным к балке! Выстрел негодяя никому не причинил вреда, но корчившийся в предсмертных судорогах человек угодил тяжелым стволом в единственный источник света, разбив стеклянный фонарь вдребезги. Погреб погрузился в полную тьму.

Поднялся невероятный гвалт, и посыпались проклятия, каких Холлинстеру не доводилось слышать и в армии. Юноше показалось, что сам ад сорвался с цепи: переворачивались бочонки и скамейки, бились посуда и бутылки, падали налетающие друг на друга люди. Пираты лихорадочно нашаривали брошенное на пол оружие, и вот уже зазвенела сталь и раздалась пистолетные выстрелы. Вспышки пламени выхватывали из тьмы озверевшие рожи. Пираты, не думая о том, что могут угодить в дружков, палили наугад, одержимые единственным желанием убить страшного Кейна. Пули и во тьме находили цель: раздался жуткий вопль, однако голос явно не принадлежал пуританину.

Джек крепко ухватив Мэри за руку, буквально потащил девушку за собой по ступеням. Он оскальзывался и спотыкался на липких ступенях, но все-таки сумел добраться до самого верха и распахнуть тяжелую дверь. Мрак рассеялся, и Холлинстер, невольно бросивший взгляд назад, в неверном свете фонаря разглядел человека у себя за спиной и толпу смутных фигур, карабкавшихся следом.

Юноша вскинул пистолет, но ему на руку легла тяжелая ладонь, и послышался шепот пуританина:

— Спокойнее, мой юный друг, это я, Кейн. Скорее забирай девушку — и наружу!

Молодой человек повиновался, и пуританин, выскочив следом, ловко захлопнул тяжелую дубовую дверь прямо перед носом у завывающей оравы разбойников, мчавшейся по следам беглецов. Он опустил массивную железную щеколду и поспешно отступил в сторону. Дверь заходила ходуном под ударами рук и ног разбойников, которые бранились и выкрикивали угрозы. Затем раздались звуки пистолетных выстрелов, и от двери начали отлетать щепки, однако свинец был не в силах пробить навывлет твердую дубовую древесину.

— Что теперь? — спросил Джек у высокого пуританина.

Только тут юноша заметил ярко разодетого мертвеца с перерезанным от уха до уха горлом, валявшегося прямо на середине коридора. Это, без сомнения, и был охранявший погреб часовой, освобожденный кинжалом Соломона Кейна от бренной нечестивой жизни.

Пуританин, небрежно отпихнув труп ногой с дороги, направился по коридору к лестнице, жестом приглашая парочку следовать за собой. Одолев

короткий пролет деревянной лестницы с резными перилам, они оказались в каком-то затемненном коридоре, который, в свою очередь, вывел их в просторную комнату. Заставленное роскошной мебелью помещение освещала единственная свеча, стоявшая в подсвечнике на столе.

— Обождите меня здесь,— велел Кейн, видимо уже знакомый с планировкой особняка Бануэев.— Большинство злодеев надежно заперты внизу, но есть еще человек пять или шесть наружной стражи. Туман помог мне прокрасться мимо них, но теперь ярко светит луна, и нам следует вести себя осторожно. Я пойду посмотрю из окон, не видать ли кого...— И Кейн бесшумно, как призрак, растворился в тени.

* * *

Оставшись вдвоем с любимой, Джек с нежной жалостью посмотрел на Мэри. Подобная ночь была бы суровым испытанием для крепкого мужчины, не говоря уже о хрупкой женщине. А его Мэри была почти что ребенком и ни разу в жизни не видела не то что насилия, но даже грубого обращения! Бедняжка была до того бледна, что Джек усомнился, вернутся ли вообще когда-нибудь краски жизни на эти бескровные щечки, которые раньше горели задорным румянцем. В широко распахнутых глазах девушки все еще стоял ужас пережитого. Но с каким безграничным доверием и обожанием смотрела она на своего возлюбленного! Да любой мужчина без тени сомнения отдал бы жизнь за такой взгляд!

Джек бережно привлек ее к себе.

— Мэри, радость моя...— начал он нежно, но осекся — девушка смотрела за его плечо.

Ее огромные глаза стали еще больше, и она закричала от ужаса. Холлинстер услышал лязг металлического засова.

Юноша стремительно развернулся... В стене комнаты, где только что была декоративная резная деревянная панель, зиял черный провал. Из потайного хода выскользнула человеческая фигура в запыленной одежде. Бледное пламя свечи выхватило из мрака искаженное животной злобой лицо Джорджа Бануэя, глаза его горели лихорадочным блеском, в руке он сжимал пистолет. Джек мгновенно оттолкнул девушку прочь и сам схватился за оставленный ему Кейном пистолет. Два выстрела слились в один...

Холлинстер почувствовал, как пуля обожгла ему щеку — это было похоже на прикосновение бритвы, только докрасна раскаленной. Сэру Джорджу, казалось, пришлось хуже. Молодой человек видел, как из его камзола на груди вырвало клоч ткани. Бануэй рухнул на пол. Он попытался выругаться, но вместо брани с его уст сорвался лишь стонущий вскрик. Джек обернулся к насмерть перепуганной девушке, однако сэра Джордж, пошатываясь, сумел подняться на ноги. Он жадно хватал ртом воздух — удар пули выбил из его легких воздух. Однако впечатление раненого он не производил, да и крови на его теле Джек не заметил.

Юноша застыл в изумлении. Как же так? Ведь он только что всадил пулю в упор в этого негодяя!

Тех нескольких мгновений, пока Джек стоял столбом, переводя удивленный взгляд с дымящегося пистолета на сэра Джорджа, хватило последнему, чтобы подскочить к молодому человеку и огреть его рукояткой разряженного пистолета по голове. Сильный удар поверг Холлинстера на пол. Всего

через пару секунд юноша вновь оказался на ногах, но за это время Банузэй успел схватить Мэри Гарвин за руку и силком затащить ее в потайной ход. Исчезая, он опустил рычаг, и деревянная панель встала на место.

Холлинстер в бессильной ярости замолотил по стене кулаками. В таком положении его и застал Кейн, примчавшийся на выстрел. Чтобы составить картину произошедшего, ему потребовалось всего нескольких слов юноши, щедро приправленных проклятиями.

— Не иначе как над ним рука Сатаны! — бушевал несчастный юноша, вновь потерявший только что обретенную любимую. — Я же прямо в грудь ему попал, а ему хоть бы что! Ну что я за глупец такой! Надо было ринуться на него и стволom по черепу! А я стоял, точно слепой идиот, вместо того чтобы...

— Я тоже хорош, совсем упустил из виду, что в этой крысиной норе тайных ходов, как в сыре — дырок, — сказал пуританин. — Так, так, так... Этот наверняка ведет в погреб... Я бы не стал спешить, юный джентльмен, — остановил он Холлинстера, готового наброситься на стенную панель с абордажной саблей мертвого пирата, которую захватил для него Кейн. — Если нам удастся взломать или отомкнуть эту дверь и попасть в проклятый погреб, нас просто перестреляют, как кроликов. В этом случае мы ничем уже не сможем помочь крошке Мэри. Лучше успокойся и выслушай меня.

Ты обратил внимание на темный коридор, что ведет из погреба? Так вот, сдается мне, это тот самый туннель, что выходит к скалам на морском берегу. Банузэй не первый год имеет дело с контрабандистами и пиратами. Однако никто никогда не

видел, чтобы в дом или из дома вносили или выносили какие-нибудь подозрительные грузы. Следует предположить, что должен быть туннель, связывающий подвал с берегом, по которому доставляют пиратскую добычу. И еще. Разбойники, а с ними и сэр Джордж, которому теперь в Англии точно не жить, воспользуются именно этим туннелем, чтобы достичь корабля Хардрейкера. Если мы поспешим, то успеем перехватить их на берегу.

— В точности так, сэр. Мэри сказала, что ее препроводили в погреб как раз тем туннелем, про который вы говорите. Во имя Господа живого, не будем терять времени! — взмолился юноша, покрываясь холодным потом. — Стоит бедняжке Мэри попасть к этим скотам на корабль, и мы ее никогда уже не увидим!..

— Твоя рана снова кровоточит, — обеспокоенно заметил пуританин.

— Бог с ней! — вскричал юноша. — Не будем медлить!..

5

Юноша последовал за Соломоном Кейном, который торопливо направился к парадным дверям, распахнул их и выскочил из дома.

Туман отступил, ярко светила луна. В двухстах ярдах от них находились изломанные черные скалы берега. За ними светился серебром длинный, хищных обводов, корабль, покачивающийся на волнах в безопасном отдалении от окруженных белой пеной камней. Надо сказать, что караульных, которым бы полагалось охранять пиратское логово, не было видно. То ли разбойники сбежали на корабль, когда

услышали пистолетные выстрелы, то ли у них имелся приказ вернуться к этому часу на берег.

Впрочем, Кейну с Холлинстером было на это наплевать. Главное, сейчас никто не встал на их пути. К сожалению, черные зловещие скалы, так неприятно напоминавшие руины брошенных человеком домов, скрывали от их глаз происходящее сейчас на узкой песчаной полосе у кромки воды.

Двое мужчин бросились бегом по пустоши в сторону моря. По внешнему виду Кейна нельзя было сказать, что пуританин только что пережил смертельный поединок, потребовавший от него концентрации всех сил. Создавалось впечатление, что девонширец создан не из плоти и крови, а из стальных стержней и пружин. После того как он побывал в жерновах жизни и смерти, отчаянная гонка на две сотни ярдов даже не заставила его запыхаться. Молодой же Холлинстер едва передвигал ноги. Силы его подточила не столько потеря крови, сколько переживания, которых бы достало и на троих. Только любовь к Мэри и мрачная решимость вызволить невинное создание из лап алчных насильников еще поддерживали силы этого упряма.

Они уже приближались к Скалам, когда услышали злобную ругань, заставившую их вспомнить об осторожности. Холлинстер, дошедший почти до бредового состояния, готов был перепрыгнуть через валуны и с ходу наброситься на всякого, кто бы там ни оказался. Кейну с трудом удалось его удержать от этой затеи. Вместо этого они тихонько взобрались на вершину каменной гряды и посмотрели вниз.

Удобно разместившимся на каменном выступе Джеку Холлинстеру и Соломону Кейну был хорошо виден вход в маленькую пещеру, надежно укрытую

от постороннего глаза в нагромождении камней. В резком лунном свете они разглядели и охваченный суею корабль капитана Хардрейкера — пираты ставили паруса, спешно собираясь сниматься с якоря. Только что от берега отвалила одна шлюпка, и мерные удары весел несли ее к кораблю. Вторая шлюпка была полна людей, и пираты нетерпеливо ожидали на веслах, в то время как их предводители о чем-то спорили на берегу.

Стало ясно, что команда Скопы, не мешкая, поспешила через туннель на берег моря. Если бы мстительный сэр Джордж не задержался ради поимки девчонки — в чем ему, увь, сопутствовала удача, — разбойники уже успели бы убраться восвояси. Непосредственно под Холлинстером и Кейном, на чистом песке, сэр Джордж Бануэй и Бен Аллардайн схлестнулись в яростном споре. У их ног, связанная по рукам и ногам, лежала Мэри. Заметив девушку, Джек едва не сиганул вниз, но тяжелая рука пуританина прижала его к скале.

— А я говорю, девка отправится на корабль! — донесся до них сварливый голос Бануэя.

— А я говорю — нет! — стоял на своем Аллардайн. — Добром это не кончится! Или ты уже забыл плавающего в луже собственной крови капитана Хардрейкера? И спрашивается, из-за чего? Все из-за баб! Говорю тебе, женщины — это источник скверны, они сеют между мужчинами вражду и раздор. Возьми мы ее на корабль, и еще до рассвета не менее дюжины моих дьяволов перережут глотки друг другу! Послушай доброго совета, прикончи ее прямо здесь...

Пират наклонился над девушкой. Сэр Джордж повалил его ударом ноги и выхватил рапиру, но этого Джек Холлинстер уже не видел. Вывернув-

шпсь из-под руки Кейна, он вскочил и, подняв абордажную саблю, очертя голову ринулся вниз. При виде вооруженного мужчины пираты в лодке отчаянно заголосили, полагая, что на них вот-вот со скал обрушится отряд королевской пехоты. Страх за свои шкуры заставил их налечь на весла и пуститься наутек, предоставив своего старшего и покровителя своей судьбе.

Холлинстер приземлился на ноги, но неумолимая инерция бросила его на колени в мягкий песок. Однако эффект неожиданности был на его стороне, и, моментально вскочив, он обрушился на двух негодяев, в недоумении таращивших на него глаза. Не успев ничего понять, Аллардайн рухнул с раскроенным черепом. Его смерть сыграла на руку сэру Джорджу, заставив негодяя опомниться. Второй удар Джека предназначался Бануэю, но тот смог его парировать.

Абордажная сабля — оружие достаточно неуклюжее, в силу своей специфики отнюдь не предназначенное для искусного фехтования. Накануне Джек уже доказал, что с прямым и легким клинком Бануэй ему не соперник. Но к тяжелой кривой сабле юноша не привык, к тому же он порядком ослабел от потери крови. Бануэй был в гораздо лучшей форме.

Тем не менее юноше удалось заставить дворянина уйти в глухую оборону, настолько истов и стремителен был его натиск. Однако, несмотря на решимость и ненависть, гнавшие его в бой, силы стали покидать Джека. Смуглое лицо Бануэя исказила торжествующая гримаса. Он принялся раз за разом доставать Холлинстера, нанося ему удары то в грудь, то в щеку, то в бедро... И хотя эти раны сами по себе были неопасны, из них тоже текла кровь, еще больше ослабляя Джека.

Наконец, потешив вволю свою кровавую душу, сэр Джордж легко увернулся от неуклюжего выпада молодого человека и приготовился нанести завершающий удар. Его подвела самоуверенность: он попросту поскользнулся на песке, потерял равновесие и вместо удара нелепо замахал руками, пытаясь удержаться на ногах. В этот миг ему было не до обороны. Глаза Джека заливали пот и кровь, но все же он не упустил свой шанс.

Собрав все свои силы для последней атаки, юноша ринулся вперед и, размахнувшись, как дровосек, обрушил тяжелое лезвие на бок Джорджа Бануэя. Удар пришелся как раз в подреберье и, по идее, должен был развалить мерзавца пополам. Но вместо этого... само лезвие разлетелось, точно стеклянное! Потрясенный Джек упал на колени, и из его онемевшей руки вывалилась бесполезная рукоять оружия.

Сэр Джордж перевел дух и с торжествующим криком бросился на своего заклятого врага. Его клинок уже со свистом рассекал воздух, метя беззащитному юноше прямо в сердце, когда на его пути вдруг выросла стальная преграда! Какая-то немыслимая сила с легкостью отмела в сторону рапиру Бануэя.

Холлинстер осел на песок бесформенной кучей и судорожно хватал ртом соленый морской воздух. Соломон Кейн показался ему черной тучей, нависшей над сэром Джорджем Бануэем, а неотвратимая, как судьба, длинная рапира пуританина — молнией. Дворянин пятился под шквалом ударов, отчаянно пытаясь сохранить жизнь.

В холодном лунном свете длинные клинки казались отлитыми из жидкого серебра, но Холлинсте-

ру сейчас было не до невероятного поединка. Юноша склонился над лишившейся чувств девушкой и трясущимися, ослабевшими пальцами пытался освободить ее от веревок. И лишь после того, как ему это удалось, он обернулся в сторону сражающихся мужчин.

Джек имел определенное представление о фехтовальном искусстве Соломона Кейна из множества ходивших о девонширце легенд, но теперь судьба дала ему возможность увидеть мастерство пуританина воочию. Его самого нельзя было назвать слабым фехтовальщиком, но Кейн действительно творил чудеса. Холлинстер даже пожалел, что пуританину не досталось более достойного соперника!

Несмотря на то что сэр Джордж слыл отменным фехтовальщиком и имел славу опасного дуэлянта, Кейн превосходил его по всем статьям. И ситуацию определяло даже не то, что пуританин был выше, сильнее и имел более длинные руки, — нет, он был гораздо искуснее. И гораздо быстрее. Соломон Кейн был крупнее и тяжелее Бануэя, но при этом двигался с поражающей воображение скоростью. Что же касается умения, то дворянин по сравнению с ним казался неуклюжим кадетом. Мастерство Кейна было настолько отточено, что он не делал ни одного лишнего движения. Кроме того, пуританин дрался совершенно бесстрастно. Все это до определенной степени лишало его стиль зрелищности — ни тебе головокружных финтов, акробатических уходов или театральных выпадов, от которых бы захватывало дух, но зато не оставляло ни малейшего сомнения в его смертельной эффективности.

Стальной клинок неизменно оказывался в том месте, где это было нужно. Ни долей дюйма ниже или выше, ни долей дюйма левее или правее. Не

было такой уловки, которая могла бы сбить пуританина с толку и заставить его отступить. Холлинстеру случалось видеть более, так сказать, блестящих и эффектных фехтовальщиков — как в Англии, так и на Континенте, — чем Кейн. Но, увидев своими глазами, как виртуозно владеет рапирой пуританин, он мог с уверенностью сказать, что Соломон Кейн был из них всех самым безупречным, самым хитрым... и самым опасным.

Юноша ни секунды не сомневался, что Кейн мог бы одним точным ударом завершить поединок, но у пуританина были другие намерения. Он наступал и наступал, выписывая сверкающие узоры острием своего клинка перед лицом сэра Джорджа с такой скоростью, что тот уже не помышлял ни о чем, кроме защиты... и говорил.

Голос его был совершенно ровен и спокоен, находясь в пугающем контрасте с бешено летающей рукой. Невозможно было понять, как *такой* голос и *такая* рука могли принадлежать одному и тому же человеку.

— Нет, сэр, вам не стоит подставлять грудь. Я видел, что случилось с саблей юного джентльмена. Мой клинок выкован лучшими мастерами, но я не собираюсь им рисковать... Не подумайте, что я намерен вас стыдить. Мне самому не раз доводилось носить под камзолом кольчужную рубаху, хотя и не такую прочную, как ваша... По крайней мере, она вряд ли бы остановила выпущенную в упор пулю. Но, как бы там ни было, Господь наш в своей бесконечной мудрости сотворил человека таким образом, что не все жизненно важные органы помещаются у него в грудной клетке. Достоинно сожаления, что ваше владение рапирой не слишком хорошо, сэр Джордж, но, боюсь, этого уже не исправить.

Право, мне почти стыдно вас убивать. С другой стороны, когда человек давит ногой ядовитую гадину, его менее всего заботит, к какому виду она принадлежит...

Эти небольшая речь была произнесена просто, искренне и серьезно, без малейших следов язвительности или злобы. Успев уже понять характер пуританина, Джек знал, что в устах Кейна эти слова никак не могли быть насмешкой, предназначенной заставить соперника потерять голову. Видимо, это почувствовал и сэр Джордж. Дворянин и так был бледен как смерть, после этих же слов он вовсе посерел.

Бануэй двигался, как испорченная марионетка, руки его отказывались повиноваться командам возбужденного мозга, мышцы сводило судорогами от усталости.

А одетый в черное Соломон Кейн стал казаться сэру Джорджу самым Повелителем Тьмы, которому тот служил всю свою грешную жизнь. С какой-то сверхъестественной легкостью и небрежностью пуританин сводил на нет все его самые отчаянные усилия обороняться.

Неожиданно Кейн на мгновение замер. Он пожал плечами, как если бы ему предстояло малоприятное дело, которое тем не менее необходимо совершить, причем как можно скорее. Сэр Джордж, опустив руки, судорожно хватал ртом воздух, даже не в силах пошевелиться.

— Довольно! — разнесся над песчаным побережьем низкий голос пуританина, заглушив даже рокот прибоя.— Не будем затягивать это худое дело!

То, что за этим последовало, произошло слишком быстро, чтобы успел среагировать человеческий глаз. Холлинстер окончательно уверился, что

видит работу фехтовального гения. Кейн мог быть и взрывным, и блистательным, когда того требовали обстоятельства, но вовсе не собирался придавать шик тому, что считал необходимой, пускай и скверной, работой. Джек увидел лишь смазанное движение от бедра — словно бы в руках Кейна была серебряная молния... И вот уже сэр Джордж Бануэй, мертвее мертвого, лежал у ног пуританина. Тоненькая струйка крови вытекала из его пустой левой глазницы на песок.

— Прямо в мозг, — сумрачно вымолвил Кейн, вытирая о рубашку покойного рапиру, на кончике которой темнела одна-единственная капелька крови. — Он так и не узнал, что сразило его, и не почувствовал боли. Милостив наш Создатель, даровавший ему такой легкий конец! Но меня не радует победа — он был далеко не ровня мне. Пускай этот человек и был завзятым мерзавцем, но... Что ж! Господь милосердный рассудит нас с ним в день Страшного Суда...

Успевшая прийти в себя Мэри, счастливая, что наконец все закончилось, всхлипывала в объятиях Джека. Между тем за каменной грядой небо осветилось странным заревом, а чуть позже послышалось и характерное гудение пламени.

— Смотрите, горит особняк Бануэев! — привлек Холлинстер внимание погрузившегося в мрачные думы Кейна.

Над черной крышей мрачного строения стелился жирный дым и проносились языки огня. Ударяя, пираты подпалили дом, справедливо полагая, что огонь скроет все следы их преступной деятельности. Вскоре разбушевавшаяся огненная стихия заставила даже померкнуть луну. На черные воды легли багровые блики. Пиратский ко-

рабль, на всех парусах уходивший от берега, казалось, плыл в кровавом потоке. Алое зарево пало на его паруса.

— Через моря крови лежит его путь! — воскликнул Соломон Кейн. Суеверия и поэзия, дремавшие в его душе, сплывались в слова пророчества, как это с ним изредка случалось. — Кровава будет стезя его, и проляжет она через воды смерти! Хаос и разрушения станут провожатыми дьявольского судна, сам ад следует за ним! Страшен будет конец его и черна посмертная участь!..

Затем, отвернувшись от жуткого зрелища, пуританин, напоминавший сейчас библейского пророка, склонился над Джеком и его возлюбленной.

— Я бы перевязал твои раны, мой юный друг, — сказал он неожиданно ласково, — но, говоря по правде, они не очень серьезны. Я также слышу доносящийся с пустыни топот копыт — скоро подоспеют твои друзья. Труды и испытания порождают силу, счастье и покой. Кто знает, может быть, благодаря этой ужасной ночи, которую вам довелось вместе пережить, дальнейший ваш путь будет легок и прям!

— Но кто же вы, милостивый сударь? — воскликнула девушка, ловя его руку и прижимая к губам твердую ладонь. — Кого нам вспоминать в благодарственных молитвах?..

— Молитвы должно возносить Господу. С меня же достаточно того, что ты цела и невредима и находишься в безопасности, в достойных руках, а твой преследователь навсегда оставил тебя, малышка, — с нежностью ответил мужчина в черном. — Теперь ты выйдешь замуж за этого славного юношу и родишь ему крепких сынков и прекрасных дочурок.

— Но кто вы? — не отступала Мэри. — Откуда вы пришли и что здесь ищете? И куда направитесь дальше?

— Я — вечный странник. — В холодных глазах высокого мужчины зажегся странный, неуловимый, почти мистический огонек. — Пришел я из-за заката, а суждено мне уйти за рассвет, куда путь мой проложил Господь. Ищу же я... спасение души, наверное. Я прошел до самого конца дороги, имя которой мечь. Теперь пойду по другой — она зовется жизнь... А сейчас я должен оставить вас. Близок рассвет, и дорога зовет...

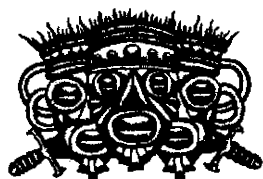
Пускай мы с вами больше никогда не встретимся, но знайте: я сделал лишь то, что должно было быть сделано. Труды мои завершены, и тот, кто пролил кровь, умер. Но есть и другая кровь, взывающая об отмщении, а значит, есть кровавый след, требующий возмездия. Господь избрал меня своим орудием, а орудие не в силах по собственной воле покинуть направляющую его руку. Пока под солнцем торжествует зло и приумножаются горе и страдания, пока злодеи торгуют людьми, убивают мужчин и глумятся над женщинами, пока обижают слабых и беззащитных — людей ли, животных... до тех пор не знать мне отдыха и успокоения, не ведать мира ни за сытным столом, ни в теплой постели. Прощайте!

— Останьтесь! — Джек вскочил, не выдержав слов, опаляющих душу огнем. Глаза его наполнились слезами.

— Останьтесь! — вторила любимому Мэри, протягивая вслед удаляющейся темной фигуре руки.

Но Соломон Кейн уже растворился в сумерках, что предвещают грядущий рассвет, и ветер заглушил шорох его шагов.

ХОЛМЫ СМЕРТИ

Н'

1

Лонга отправлял ветку за веткой в весело потрескивающий костер, и жадно пожирающие смолистую древесину языки пламени выхватывали из темноты лица двух очень разных мужчин. Одним из них был чернокожий старик Н'Лонга, могущественнейший колдун вуду, родом из племен Невольничьего Берега. Его лицо испещрили сотни морщин, а иссохшее согбенное тело казалось хрупким

и немощным. Однако имевшие неосторожность бросить ему вызов могли бы рассказать, что это далеко не так. Если бы остались живы. Багровые отблески пламени плясали на ожерелье колдуна, сделанном из фаланг человеческих пальцев.

Второй человек явно был англосаксонского происхождения, и звали его Соломон Кейн. Ростлый широкоплечий мужчина носил облегающие черные одежды пуританина, но и в них умудрялся выглядеть поистине величаво. Его голову украшала мягкая фетровая шляпа без перьев — этот удивительный человек вообще не признавал никаких украшений. Широкие поля сейчас бросали густую тень на бледное неулыбчивое лицо, на котором выделялись задумчивые льдистые глаза.

— Твоя снова приходит, белый брат, — с удовлетворением пробормотал колдун на том упрощенном английском, которым пользуются для общения чернокожие и белые, живущие на Западном Побережье Африки.

Надо сказать, тщеславный колдун невероятно гордился знанием этого языка и говорил только на нем, хотя его собеседник в совершенстве владел местным диалектом.

— Много лун сменять друг друга с того дня, когда мы кровью скреплять братство. Твоя уходит на закат, но снова возвращаться!

— Твоя правда. — Низкий голос Кейна звучал совсем глухо. — Мрачна твоя страна, Н'Лонга, мрачны, гибельны, кровавы и ее тайны, и ограждают ее черная завеса ужаса и кровавые тени смерти. Но все же я вернулся...

Старый колдун не счел нужным ответить, а лишь поворошил в костре палкой. Помолчав немного, Кейн продолжил:

— Там расстилаются неизведанные просторы...— Худой палец ткнул в непроглядно темную стену деревьев.— Там ждут своего часа непостижимые тайны и опаснейшие приключения. Однажды я уже бросил вызов здешним дебрям. Та попытка едва не стоила мне жизни, но я уцелел. С тех пор что-то вошло в мою кровь... что-то прокралось в душу и грызет меня изнутри, словно нечистая совесть.

Джунгли! Их зловещие темные просторы манят меня как магнит, и я нигде не могу обрести покоя. Все мои мысли полны джунглями — я услышал их зов даже по ту сторону Великой Соленой Воды. И вот я здесь. С первыми лучами солнца я отправлюсь в самое сердце Черного Континента. Что уготовлено мне в таинственных глубинах Африки? Великие подвиги или беда? Но по мне, лучше уж смерть, чем эта изматывающая и неизбывная тоска по неведомому, этот черный огонь, что выжигает меня изнутри, заставляя желать невозможного...

— Они звать,— понимающе кивнул чернокожий колдун.— Это душа джунглей звать тебя, брат. По ночам она приходит к моя хижина, смотреть на нее тысячами глаз и нашептывать старому Н'Лонга о странном. Так! Зов джунглей! Мы с тобой одной крови, ты и я. Моя — Н'Лонга, великий творец вуду, твоя — Соломон, великий воин. Все, кто слышать зов Черный бог, ходить в джунгли. Моя тоже ходить туда. Теперь твоя должен ходить. Может, твоя оставаться жить и приобретать мудрость, может, твоя погибать и терять жизнь... Решать неназываемый Черный... Твоя верить, что моя повелевать духами?

— Я не знаю, как ты это делаешь, и не хочу даже думать, что за этим стоит,— хмуро ответил

Кейн.— Но я не могу отрицать то, что видел собственными глазами. Например, как твоя душа по собственной воле оставила плотскую оболочку и на время наполнила жизнью мертвое тело, чтобы покарать злодея Сонгу.

— Так быть! Ибо моя — Н'Лонга, величайший жрец Черного бога! А теперь твоя смотреть: моя будет творить вуду.

Кейн заворожено следил за действиями склонившегося над огнем старика. Руки африканского колдуна, напевно читающего какие-то заклинания, выделяли плавные странные пассы, и пламя, подобно щенку, ластилось к его пальцам. Кейну показалось, что огонь меняет свой цвет, а костер приобретает странную глубину. Постепенно веки пуританина налились неподъемной тяжестью, а глаза застил туман, сквозь который угадывался черный на фоне белого огня силуэт Н'Лонги. Потом все пропало...

Англичанин вздрогнул и проснулся, рука его инстинктивно потянулась к пистолету за поясом. Старый Н'Лонга довольно ухмылялся, глядя на него поверх огня.

Полуночная тьма сменилась предрассветными сумерками. В руках колдуна сейчас был длинный посох, вырезанный из черного, весьма странного на вид дерева. Верхний его конец венчал массивный набалдашник в виде головы кошки, нижний конец представлял острие. Всю поверхность дерева покрывала поразительная резьба, какую доводилось видеть англичанину. Удивительные узоры чем-то напомнили Кейну те, что он видел в проклятом Негари.

— Величайший талисман вуду, — гордо пояснил Н'Лонга, торжественно вручая посох англичанину. —

Твоя верить, что он спасать тебя, когда не помогать ни длинный нож, ни боевые жезлы. — Он кивнул на оружие пуританина. — Когда твой нуждаться в мой совет, положить на посох грудь, скрестить руки и уснуть. Мой дух приходить и помогать тебе.

Опять колдовство? Кейн подозрительно взвесил кадуцей на руке. Посох оказался не слишком тяжелым, но, судя по всему, твердостью не уступал железу. Кейн одобрительно хмыкнул — пускай Н'Лонга сколько хочет распинается насчет его волшебных свойств, но это и впрямь была полезная вещь — и верная опора, и доброе оружие.

Тем временем первые лучи солнца тронули верхушки деревьев. Начинался новый день.

2

Человек остановился и внимательно огляделся по сторонам. Позади него — как раз на расстоянии хорошего броска копьем — зеленой стеной возвышались пышные джунгли, впереди цепью вздымались голые, неприветливые холмы, усеянные крупными валунами, а вокруг расстилалась саванна, на которой соседствовали отдельные лесные деревья, корявые кусты и колючие кактусы. Немилосердно палило солнце, и в раскаленном мареве казалось, что вершины холмов вздымаются и опадают, подобно морским волнам.

Соломон Кейн перекинул мушкет из-за спины на бок и положил правую руку на приклад. Его запавшие глаза, натянувшаяся на скулах кожа, изрядно потрепанное платье — все свидетельствовало о длительном и многотрудном путешествии через леса.

Путник настороженно всматривался в неестественно тихий ландшафт — слишком уж плотной была тишина. Единственным свидетельством, что здесь была какая-никакая жизнь, служили стервятники, лениво парившие над холмами в теплых струях восходящих воздушных потоков. Кейн еще пару дней назад обратил внимание на многочисленность племени крылатых пожирателей падали. Но сейчас они воспринимались как дурное предзнаменование.

Несмотря на то что солнце перевалило за полдень, мощь его слепящих лучей ничуть не уменьшилась. Соломон отер пот со лба и двинулся вперед, не убирая руки с приклада. Он шел без конкретной цели, просто брел себе куда глаза глядят. Здесь, посредине страны, даже не нанесенной на карту, все направления были равноценны.

Вот уже несколько месяцев он совершал странное паломничество в глубь Африканского континента. Первые дни им двигала уверенность, замешанная наполовину на несгибаемом мужестве, наполовину — на незнании.

То, что он тогда избежал гибели, служило доказательством тому, что его вели некие высшие силы. Зато теперь, закаленный опасностями и лишениями беспримерного одиночного путешествия, он готов был на равных состязаться с любым из многочисленных свирепых созданий, что населяли эти первозданные места.

Читая следы зверей, как открытую книгу, Кейн обратил внимание, что животные избегали луговины, которую он сейчас пересекал. За исключением явно случайного львиного следа, ему не попалось ни одного отпечатка звериной лапы. Лишь стервятники безмолвными стражами застыли на ветках низкорослых деревьев.

Внезапно, все как одна, птицы захлопали крыльями и, сорвавшись с ветвей, устремились к островку особенно густой и высокой травы. Стервятники с клеточком кружили над зарослями, то пытаясь сесть, то снова взмывая кверху.

Похоже, какой-то хищник вышел на охоту и вовсе не собирался делиться с любителями дармового угощения, решил про себя Кейн. Вызывало удивление лишь то, что не было слышно рычания и рева, обычного для подобных сцен. Именно последнее обстоятельство подвигло пуританина направиться в ту сторону.

Через считанные минуты англичанин раздвинул высохшие стебли, доходившие ему до плеча, — а надо сказать, что он был весьма немалого роста, — и его глазам предстало жуткое зрелище. На небольшой зеленой полянке, уставившись в небо мертвыми глазами, лежал чернокожий мужчина.

Но куда больше поразила англичанина огромная темная змея, свернувшаяся клубком на груди у мертвеца. Увидев появившегося человека, змея приподняла голову, посмотрела ему прямо в глаза и с такой быстротой ускользнула в траву, что Кейн не сумел даже приблизительно определить ее породу.

Что-то не так было с этой змеей. И вдруг Кейна, несмотря на адскую жару, бросило в холод: у невероятного гада были совершенно человеческие глаза, серые, с круглым зрачком!

Кейн еще раз внимательно оглядел труп, отмечая про себя, что руки и ноги мертвеца были вывернуты под неестественными для человеческого тела углами. Судя по всему, у бедняги были переломаны кости. Однако плоть не была разорвана и истерзана, как непременно случилось бы, окажись виновником гибели негра лев или леопард.

Англичанин посмотрел вверх, на кружащих в ожидании поживы поедателей мертвечины. Внимание птиц было явно привлечено движением вниз. По травяному морю шла волна, отмечавшая путь существа, убившего чернокожего и, несомненно, спугнутого появлением Кейна.

Пуританин невольно задался вопросом, чего ради стервятники, чья пища — мертвые тела, стали бы кого-то преследовать? Что за тварь выслеживали они в траве? Впрочем, сия древняя земля была богата тайнами и почище этой.

Кейну не оставалось ничего другого, как пожать плечами и, перехватив мушкет поудобнее, продолжить путь. За прошедшие с момента расставания со старым Н'Лонгой месяцы, он испытал уже великое множество приключений, но тем не менее необъяснимая жажда неведомого, которую старый колдун называл «зовом джунглей», по сей день гнала его вперед.

Давным-давно он покинул края, населенные лесными племенами, и теперь единственным для него ориентиром служили звериные тропы, но что-то заставляло его идти и идти вперед.

Разбираться в природе этого влечения пуританину было недосуг. Скорей всего, он свел бы свои объяснения либо к божественному водительству, либо к деяниям Сатаны, известному охотнику завлекать людей навстречу гибели. На самом же деле все было гораздо проще — его гнала вперед неуемная натура путешественника и авантюриста. В нем возобладал тот дух странствий, что заставляет колесить по белу свету цыган с их расписными кибитками и что побуждал викингов пускаться в драккарах через бескрайние просторы океана. Должно быть, это был отголосок того примитивного инстинкта,

что ведет перелетных птиц во время их долгого пути.

Сама саванна и холмы за ней выглядели достаточно неприглядно, чтобы он не строил иллюзий о доступности пищи и воды в этих суровых краях. С другой стороны, ему успели до смерти надоесть удрушающая влажная жара непролазных джунглей и бесконечная путаница лиан и узловатых корневищ. Голые, проклятые вечным солнцем холмы в данный момент казались ему меньшим злом, чем постоянная гнилостная сырость зеленого ада. Хотя, покосившись на выжженные плоские вершины, Кейн начал подозревать, что через не столь уж долгое время начнет считать наоборот. Соломон вздохнул и двинулся дальше.

Посох Н'Лонги по-прежнему был при нем. Пуританина периодически терзали угрызения совести, что он не мог найти в себе силы отбросить предмет, происхождение которого он полагал откровенно дьявольским. Но что-то удерживало его от того, чтобы выбросить подарок старика. Кроме того, он уже не раз выручал англичанина в самых разных ситуациях.

Его раздумья неожиданно прервала какая-то возня, поднимавшаяся в траве перед ним. Верхушки высоченных стеблей пришли в бурное движение, и ленивая полуденная тишина была разорвана пронзительным воплем страха. Вслед за ним раздался громовой рев, от которого у Кейна заложило уши.

Море травы перед англичанином разошлось, и прямо на него выскочила хрупкая тоненькая человеческая фигурка, мчавшаяся, словно сухая былинка, подхваченная бурей. Это оказалась совсем юная очаровательная девушка цвета кофе, на ко-

торой не было ничего, кроме короткой юбочки из перьев.

А прямо за ней, неумолимо настигая жертву, гигантскими прыжками несясь лев. Огромного хищника по праву можно было назвать царем зверей. Его желтая грива развевалась по ветру, с оскаленных клыков капала слюна.

Девчушка с криком рухнула к ногам англичанина и, ничего не соображая от ужаса, уткнулась ему в колени, инстинктивно ища спасения. Отбросив колдовской посох, Кейн, не теряя времени даром, но и не суетясь без толку, вскинул к плечу мушкет, прицелился в оскаленную морду гигантской кошки и, когда хищник замер перед очередным прыжком, хладнокровно спустил курок.

Бабах! От грохота выстрела девушка отчаянно вскрикнула и, закрывая голову руками, вжалась в землю. Стальные мышцы взметнули льва в воздух, но его прыжок прервала пуля. Гигантский хищник, словно на лету наткнувшийся на стену, перекувырнулся, тяжело грянул оземь и больше уже не шевелился.

Кейн, по давно выработавшейся привычке, сперва перезарядил свое оружие и лишь потом уделил внимание распростершейся у его ног девушки. На первый взгляд бедняжка казалась едва ли не мертвей льва, которого он только что застрелил, однако, нащупав биение жилки на шее, англичанин понял, что та только лишилась чувств.

Соломон брызнул девушке в лицо водой из фляги. Негритянка зашевелилась, открыла глаза и села. Когда она подняла взгляд на своего спасителя, ее глаза наполнились ужасом, и, несмотря на то что ноги ее едва держали, девушка попыталась броситься прочь.

Кейн протянул руку, чтобы удержать ее, и она сейчас же покорно замерла, съежившись на земле и дрожа всем телом. Англичанин лишь теперь сообразил, какое действие мог оказать на суеверную африканку, никогда не встречавшую белого человека, грохот огнестрельного оружия и цвет его кожи. Он про себя усмехнулся: не иначе как бедолага решила, что наткнулась на какое-нибудь волшебное существо, на которых был так богат местный фольклор.

Он опустил руку и ободряюще улыбнулся девушке. Надо сказать, что та была на редкость стройненькой, с отличной фигурой; кожа ее отливала насыщенным коричневым цветом, а вот черты лица были поразительно тонкими и приятными. Не иначе берберийская кровь, решил Кейн.

Он заговорил с девушкой на диалекте речных племен — довольно несложном и широко распространенном наречии, которое за годы скитаний по Черному Континенту он освоил в совершенстве. К его радости, этот язык оказался в ходу и в дебрях северной Африки. Девушка его поняла и, пускай и запинаясь, смогла ему ответить. Как позже стало известно пуританину, местные племена, хотя и нерегулярно, все же торговали с речными народами востока слоновой костью и невольниками и понимали их говор.

После того как девушка немного успокоилась, они даже смогли поговорить.

— Моя деревня вон там, — отвечая на вопрос англичанина, пояснила девушка, махнув гибкой рукой на юг, в сторону огибавших холмы джунглей. — Меня зовут Зунна... Мама выпорола меня за то, что я разбила горшок. А я рассердилась и решила убежать в лес, пускай им будет хуже! — Затем она

шмыгнула носом и сказала: — Мне страшно... Отпусти меня домой к маме, белый человек!

— Без сомнения, ты можешь идти куда хочешь, дитя мое, — развел руками Кейн. — Но я непременно должен проводить тебя. А что, если тебе встретится еще один лев? Однако пускай тебе будет впредь наука. В следующий раз ты крепко подумаешь, стоит ли убегать из дому.

Девушка всхлипнула, все еще дрожа от страха.

— Ты, наверное, великий дух?

— Нет, Зунна, я всего лишь человек, хотя цвет моей кожи и отличается от твоего. А теперь пойдем, покажешь мне, где живет твое племя.

Смутлая дикарка поднялась, опасливо поглядывая на белого мужчину сквозь путаницу прямых волос. Сейчас она очень напоминала англичанину пугливую зверушку. Девушка пошла впереди, а пуританин, пристально вглядываясь в раскинувшееся перед ним море травы, двинулся следом. Вскоре девушка вывела Кейна на звериную тропу, на которой ее и подстерег лев.

Деревня, по словам Зунны, располагалась на юго-востоке, а тропа шла вдоль края джунглей, вокруг холмов. Солнце между тем клонилось к горизонту, и вскоре над саванной зазвучал рык львов, являвшихся, по сути своей, ночными хищниками. Кейн время от времени косился на заходящее светило — ему вовсе не улыбалось оказаться застигнутым ночью на открытом пространстве.

Наконец, определившись, он взял девушку за руку и решительно повернул к ближайшему холму, от которого их отделяло не более пары сотен ярдов, благо на его склоне англичанин разглядел темный провал, который вполне мог оказаться пещерой.

— Вот что, Зунна,— сказал он девушке.— Похоже, нам никак не достичь твоего селения до наступления темноты. Если же мы останемся на месте, нас разорвут львы. Смотри, вон там я вижу что-то вроде пещеры, в которой мы могли бы...

Лицо девушки даже посерело от страха.

— Нет, господин, только не туда! Пускай уж нас лучше заедят львы, только давайте не пойдем к холмам!

— Чушь! — нетерпеливо перебил ее Кейн.— Сейчас совершенно неуместно забивать голову вашими дурацкими суевериями. Мы пойдем в пещеру, спокойно переночуем, и с утра ты сама посмеешься над своими страхами.

Девушка не пыталась больше спорить и покорно последовала за ним. Они без труда поднялись по пологому склону — глаза не подвели Кейна, там и вправду находился вход в небольшую пещеру. Стены ее были из твердого камня, а пол — из плотного, слежавшегося песка.

— Собери побольше сухой травы, Зунна. Надо разжечь костер, который убережет нас от диких зверей. Только смотри не отходи от меня далеко и берегись львов,— распорядился Соломон Кейн, приклоня заряженный мушкет к большому валуну у самого входа.— Перестань трястись, девочка, и давай принеси веток, а я приготовлю нам ужин. У меня в сумке найдется довольно вяленого мяса, а во фляге — воды.

Зунна странно покосилась на него, а потом, не сказав ни слова, пошла вниз по склону. Кейн наломал росшего поблизости сухостоя, отметив про себя, до какой степени иссушило солнце некогда сочную зелень. Сложив сухие стебли кучкой, он извлек из сумки кремень с кресалом и высек искру. Глядя, с

какой легкостью огонь пожирает сухую траву, Кейн задумался о том, где бы набрать столько травы, чтобы хватило на всю ночь... и тут заметил, что он больше не один.

Не раз на своем веку сталкиваясь с самыми странными, порой непостижимыми вещами, пуританин считал, что на свете не так уж многого стоит бояться. Но тут уж и он вздрогнул, а сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Прямо перед ним молча и неподвижно стояли двое мужчин. Что было удивительно, так это то, что пуританин даже не слышал, как они подошли.

Оба незнакомца были на редкость рослые, однако до крайности изможденные и совершенно нагие. Англичанин даже приблизительно не мог сказать, к какой народности они принадлежат. Их черная кожа казалось словно припорошенной пылью и имела болезненный пепельно-серый оттенок.

Но больше всего его поразили их лица: высокие узкие лбы, донельзя толстые и отвисшие носы — ну точь-в-точь хоботки и ненормально большие глаза — слишком красные для человека. Парочка будто пребывала в оцепенении — на их начисто лишенных мимики лицах самостоятельной жизнью жили лишь красные, пылающие, словно адские уголья, глаза.

Бог знает, какой болезнью страдают несчастные туземцы, подумал Кейн. В колонии прокаженных на Макао ему довелось видеть еще и не такое. Пуританин заговорил с ними на языке речных племен, но незнакомцы ему не ответили. Тогда пуританин пригласил жестом присесть их у огня и разделить с ним трапезу. Неожиданно они опустили на корточки у входа в пещеру, держась по возможности дальше от догоравшего костра, и замерли, точно два изваяния.

Кейн покопался в своей сумке и принялся извлекать оттуда полоски вяленого мяса. Когда он вновь глянул на своих молчаливых гостей, ему показалось, что их интересовал не столько он, сколько уже начавшие подергиваться пеплом угольки.

Багровый диск заходящего солнца коснулся западного горизонта, и саванна озарилась неистовым алым сиянием, превратившим на миг бескрайние заросли жухлой травы в волнуемое кровавое море.

Кейн стоял на коленях, когда увидел появившуюся из-за холма Зунну. В руках у девушки была большая охапка травы и хвороста. И, несмотря на сумерки и разделявшее их приличное расстояние, пуританин четко увидел, как ее глаза округлились от ужаса. Сухостой полетел наземь, и тишину прорезал истошный крик, явно призванный предупредить его об ужасной опасности.

Его натренированное тело действовало словно по своей воле: увидев краем глаза нависающие над ним угрожающие тени, он стремительно, точно леопард, нырнул вперед, к своим нехитрым пожиткам, ухватил посох Н'Лонга и перевернулся на спину. Магический жезл словно бы сам собой рванулся вверх, и пуританин вогнал его в грудь наступающего врага с такой яростью, что черное острие вышло у нападавшего прямо между лопатками. Однако подняться он уже не успел — на него навалился второй негр, норовя вцепиться в горло костлявыми руками.

Нанеся уроду сильнейший удар обеими ногами в живот, англичанин перекинул его через себя. Падение, казалось, нисколько не причинило вреда серокожему, и тот тут же вскочил на ноги, вновь бросившись на Соломона Кейна. Ногти, подобные когтям, царапали Кейну лицо, красные глаза горели нечеловеческой злобой. Отбросив от себя противника це-

лой серией зубодробительных ударов, Кейн наконец смог извлечь из-за пояса пистолет. Недрогнувшей рукой он упер дуло прямо в грудь врагу и спустил курок. Ослепительно сверкнуло пламя, и выстрел на несколько футов отбросил коварного врага. Но не успел англичанин облегченно выдохнуть, как поверженное было тело зашевелилось и начало подниматься — в его груди зияла здоровенная дырища, из которой, как ни странно, не выступило ни капли крови. Обнажив похожие на иглы зубы, толстые губы негра разошлись в ужасающей ухмылке!

Длинная рука обхватила растерявшегося на мгновение англичанина за плечи, другая вцепилась в его волосы. Соломон почувствовал, как превосходящая человеческую сила заставляет его шею выгибаться назад, грозя сломать позвоночник. Пуританин мертвой хваткой стиснул запястья нападавшего, но плоть под его пальцами была тверже дерева.

Кейн понял, что так долго продолжаться не может: скоро его шея просто-напросто треснет, как сухая хворостина. Стараясь разорвать стальной захват, он рванулся назад всем телом, вложив в движение все свои силы.

Его попытка увенчалась успехом лишь отчасти, и они оба повалились на песок, причем его неуязвимый противник оказался сверху и снова пустил в ход острые, как лезвия, когти. Удерживая монстра на расстоянии одной рукой, второй Кейн нащупал выроненный им пистолет и что было сил обрушил длинный стальной ствол на голову противнику. Он ясно различил хруст сминаемой железом кости. Но все было тщетно — серый лик исказила все та же издевательская ухмылка!

Чуть ли не впервые в жизни Соломон Кейн был близок к панике — насколько вообще этот удиви-

тельный человек мог запаниковать. Ни один смертный не смог бы остаться в живых после двух подобных ранений... Что из этого следовало?.. И Кейн с ужасающей отчетливостью осознал, что его враг — ни больше ни меньше — адское создание из воинства самого Сатаны!

Другой человек от подобной бы мысли впал в шок, потеряв способность сопротивляться, но Соломон, избравший делом всей жизни борьбу со злом — во всех его проявлениях, — лишь удвоил усилия! Ему не только удалось разорвать смертоносные объятия ожившего мертвеца, но и откатиться вместе с красноглазым демоном прямо в тлеющие угли.

Кейн едва ощущал шедшее от них тепло, зато его противник выгнулся дугой. Его рот широко распахнулся, на этот раз от невыносимой муки. Дьявольская хватка негра разом ослабла, и Кейн живо отскочил прочь.

Странное существо только-только начало отползать от костра, пытаясь встать на колени, когда пуританин, в свою очередь, ринулся в атаку. Так охотничья собака насккивает на медведя, пока не прикончит превосходящего ее силой хищника. Двумя ногами он со всего маху приземлился точно на спину врагу, вбивая серое тело в угли, а его железные руки сомкнулись на жилистой шее в убийственном борцовском захвате. Крепкие мускулы англичанина вздулись в неимоверном напряжении, и Кейн бешеным рывком свернул противнику шею, так что кошмарная красноглазая рожа смотрела теперь за спину. Лишь после этого неуязвимая доселе тварь перестала шевелиться, но Кейн весьма сомневался, что она и впрямь издохла: красные глаза все еще светились дьявольским огнем.

Оглядевшись, англичанин увидел девушку-туземку, с ужасом замершую у входа в пещеру и так и не решившуюся в нее зайти. Поискав глазами свой посох, Кейн обнаружил его под кучкой серой пыли, в которой виднелось несколько ноздреватых костей, истлевших прямо на его глазах. Пуританин некоторое время ошалело пялился на волшебный подарок Н'Лонги, от невероятности увиденного его голова шла кругом. И тут его словно осенило. Одним движением подхватив замечательный посох, он подскочил к красноглазому. Решительно нахмурив брови, англичанин воздел черный жезл над головой и с размаху вонзил его в грудь сатанинскому отродью.

Исполинское тело превратилось в зловонный прах быстрее, чем он смог прочитать «Отче наш». С отворачиванием пуританин смотрел на превращавшую в тлен серую плоть. Видимо, то же самое произошло и с первым существом, которого Кейн проткнул посохом, только в пылу боя англичанин этого не увидел.

3

— Боже милосердный! — воскликнул Кейн. — Так они действительно были мертвы все это время... Вот я и сподобился увидеть доподлинных вампиров! Этих мертворожденных отпрысков врага рода человеческого!

Зунна подползла и прижалась к его коленям.

— Это ходячие мертвецы — магруды, господин, — разрыдалась она. — Я должна была предупредить тебя...

Все еще пораженный до глубины души, Кейн спросил:

— Но почему они не набросились на меня, пока я их не увидел?

— Магруды боятся огня, господин. Они выжидали, пока угли совсем не погаснут.

— А откуда вообще взялись твои клятые магруды?

— С холмов, господин. Там, в укромных убежищах среди скал и в пещерах, эти твари кишмя кишат. Их там сотни! Питаются же эти создания человеческой. Умертвив человеческое существо, магруды пожирают его душу. Да, господин, так оно и есть, они хватают ее своим хоботом, как только она выходит из тела! Мы их так и называем — магруды — пожиратели душ... Послушайте меня, господин. Там, где холмы вздымаются выше всего, за их безжизненными громадами сокрыт безмолвный каменный город. Раньше в нем жили те, кого вы, господин, называете вампирами, а мы — магрудами. Это было так давно, что у меня не хватит пальцев показать, сколько поколений сменилось с тех пор. Тогда они еще были людьми, но не такими, как мы: их народ бесчисленные века правил здешними краями. Когда же предки моего народа пошли на них войной и истребили большую часть, их колдуны свершили над убитыми войнами какие-то жуткие обряды, чтобы они могли сражаться и мертвыми... От этого они и стали... такими, как сейчас.

Постепенно их народ вымер окончательно, и вот уже столетия племена джунглей не знают покоя от пожирателей душ. Как только начинает утихать полуденный жар, спускаются они со своих холмов и лесными тропами пробираются в наши селения, и ничто ни в силах спасти облюбованную ими жертву. Все живые существа спешат убраться с их дороги. Над ними не властно ни человеческое

оружие, ни само время. И лишь огонь способен их уничтожить...

— Не только огонь, дитя мое, но и вот эта штукавина, и, клянусь именем Господним, она станет их окончательной гибелью,— мрачно и вместе с тем торжественно промолвил Кейн. Он с новым интересом повертел в руках подарок старого колдуна.— Да обратится одно черное волшебство против другого! Не знаю уж, к каким неопишемым чарам прибег Н'Лонга и к каким темным силам воззвал, но...

— Просто не может быть такого, чтобы один смертный, пусть даже великий воин, одолел в одиночку сразу двух магрудов. Значит, ты все-таки из богов,— вслух рассудила Зунна.

Тут девушка рухнула на колени и воздела руки в мольбе:

— Умоляю тебя, господин, избавь мой бедный народ от проклятия! Бежать нам отсюда некуда, иначе бы мы давно уже оставили эти страшные места. Редкая ночь проходит без того, чтобы пожиратели душ остались без добычи! Нас не спасают ни острые стрелы, ни высокие ограды. Не раз все мужчины нашего племени собирались на них походом под прикрытием полуденного солнца, но коварные магруды отсиживаются днем за высокими стенами своего города, и там уж их никому не достать. А ночь — это их время! Повсюду смерть, и мы ничего не можем с этим поделать. Хорошо еще, что магруды не догадались напасть на нас разом,— тогда все наше племя было бы изничтожено!

Кейн подумал, что причина подобной «недогадливости» проклятых чудищ объясняется их элементарной заботой об источнике пропитания, но не стал говорить это Зунне. В его груди вспыхнул тот

божественный огонь, что веками заставлял воинов и пророков вступать в неравный бой со Злом. И тогда, глядя на исполненное сумасшедшей надежды лицо девушки, он дал себе зарок положить конец деяниям детей Тьмы хотя бы в этом месте.

— Давай-ка поужинаем,— улыбнулся он.— А потом запалим хороший костер у входа в пещеру. Бог даст, пламя отгонит от нас всякого рода хищников.

* * *

Пламя весело горело, разгоняя тьму. Соломон Кейн, положив посох на колени, привалился к стене. Подперев голову руками, он невидящим взглядом смотрел на огонь. Зунна благоговейно держалась в тени, не смея побеспокоить размышления могучего героя, несомненно строившего планы, как справиться с коварными магрудами.

Между тем Соломон Кейн, как это бывало с ним в трудные минуты, искал наставления свыше.

— Господь мой,— шептали его губы.— Не оставь меня своей помощью! Укрепи десницу мою силой освободить от древнего проклятия малых сих. Дай мне сразиться с порождениями Сатаны, неподвластными оружию смертных! Крепок мой дух, но я не знаю, как совладать с нечистью. Огонь их уничтожает, свернутая шея лишает возможности двигаться, а колдовской посох вуду заставляет обращаться в прах. Но сотни и сотни их таятся в проклятом городе! Вразуми меня, Пастырь мой, как мне в одиночку возобладать над адскими полчищами, расползающимися окрест из этих холмов!

Время шло своим чередом. Холмы содрогались от львиного рыка, а ночь снаружи была полна таинственного шелеста, невнятного бормотания и едва

слышного шороха крадущихся шагов. Зунна уже спала, трогательно свернувшись клубочком и подложив под голову кулачки, а Кейн все сидел, вглядываясь в огонь, словно надеясь увидеть в нем огненные письмена божественного откровения. Время от времени пуританин прерывал свои размышления и подкидывал веток в огонь. Пламя взвивалось до потолка пещеры, и тогда можно было различить на границе света и тьмы алчные красные глаза, подталкивающие его к одному лишь решению.

Кейн разбудил девушку с первыми лучами солнца.

— Просыпайся, дитя мое... Мне понадобится твоя помощь, маленькая. Да не прогневаю я Господа, но придется мне прибегнуть к богопротивному волхвованию, — вздохнул он. — Что-то мне говорит, что бесовщину без бесовщины не одолеть. Смотри же, Зунна, чтобы огонь не угас, и немедленно разбуди меня, коли явятся проклятые твари!

Дождавшись испуганного кивка, Соломон улегся навзничь на ровный песок и опустил посох вуду себе на грудь, скрестив поверх руки — в точности как наказывал ему Н'Лонга. После бессонной ночи задремать ему не составило никакого труда.

Стоило лишь пуританину преодолеть грань между явью и сном, он обнаружил себя стоящим на слегка фосфоресцирующей тропе. Все вокруг терялось в непроницаемом клубящемся тумане. Будто что-то потянуло его вперед, потому что ноги начали двигаться по собственной воле, и буквально через несколько шагов он встретил Н'Лонгу. Колдун был точно таким же, как в жизни: при виде белого брата он довольно улыбнулся. Вот только голос колдуна оказался необычайно гулким и сильным: казалось, слова, выходящие у него изо рта, повиса-

ют в воздухе, вспыхивают огненными буквами и намертво впечатываются в сознание англичанина.

А сказал ему колдун следующее: «Когда поднимется солнце и ночные твари уберутся в свои норы, вели девчонке отправиться к себе в деревню. Пусть не позже полудня приведет в эту пещеру своего возлюбленного. Когда тот окажется здесь, уложи мальчишку с посохом в руках, как только что ты сам лег».

После этого Н'Лонга хихикнул и неожиданно толкнул Кейна в грудь. В его глазах все завертелось, и англичанин проснулся.

Соломон испытывал изрядное недоумение: ни разу в жизни ему не виделось такого яркого и реалистичного сна! Удивительно, но во сне колдун обращался к нему на чистейшем английском, отбросив привычные корявые фразы. Кейну только и оставалось, что развести руками. Сколько раз он слышал от Н'Лонги, будто тот может послать свою душу куда угодно — место и время для него не имели значения, — но другое дело было убедиться в этом самому.

Кейн решил не ломать голову над задачей, заведомо не имеющей решения.

— Зунна, — сказал он. — Я провожу тебя до края джунглей. Ты должна будешь быстро сбегать в деревню и привести в эту пещеру своего возлюбленного.

— Краана? — поинтересовалась она.

— Мне неизвестно его имя, девушка. — Англичанин улыбнулся ее наивности. — Давай ешь, и пошли.

Солнце постепенно подбиралось к зениту, а Соломон Кейн сидел в пещере и ждал. Без всяких приключений добрались они до лесной опушки, откуда девушка отправилась в деревню одна. Наказ

Н'Лонги был соблюден, и Кейн вернулся обратно в пещеру, хотя его и беспокоили возможные опасности, подстерегающие в зарослях одинокую путницу. И теперь, ожидая возвращения молодых людей, пуританин в который раз задавал себе вопрос, не подвергнется ли его душа вечному проклятию из-за того, что он связался с черной магией язычника. И тот факт, что они с Н'Лонгой являлись кровными побратимами, ничего не менял.

Часы пролетели в бесплодных раздумьях, пока наконец сонную тишину не нарушил звук шагов. Кейн положил руку на приклад мушкета, но в пещеру вошла Зунна, а следом за ней — высокий бронзовокожий парень, той же берберийской крови, что и девушка. Атлетическому сложению юноши позавидовал бы сам Геркулес. Кейна поразили его глаза — это были не глаза безжалостного охотника, а глаза мечтателя, и взирал он на англичанина с почтением, переходившим в благоговейный страх. Видать, впечатлительная Зунна не пожалела слов, описывая могущество белого бога.

Соломон, все еще терзаясь угрызениями совести, велел юноше лечь наземь и вложил ему в руки посох. Зунна присела рядом на корточки, следя за его манипуляциями широко раскрытыми глазами. Кейн отступил немного назад — вроде все было сделано так, как указывал во сне старый чудодей. Пуританин испытывал сложные чувства: с одной стороны, он стыдился нелепого действия, с другой — ему было интересно посмотреть, что сотворит могучий жрец вуду на этот раз.

И тут, к его неописуемому ужасу, тело Краана свела судорога, юноша тяжело вздохнул, затем ослабился — и замер без малейших признаков жизни.

Зунна пронзительно завизжала и вскочила на ноги.

— Ты убил Краана! — И девушка бросилась на англичанина, который, однако, не меньше ее был ошеломлен случившимся.

Но не успела Зунна сделать и двух шагов, как у нее подкосились ноги, она провела рукой по лбу... а потом, обмякнув, повалилась на песчаный пол, бессильно вытянувшись рядом с телом возлюбленного.

Едва только Зунна затихла, Краан открыл глаза, посмотрел на замершего с открытым ртом Кейна и усмехнулся. Хитрой, исполненной мудрости веков усмешкой, которая совершенно противоестественно выглядела на наивном юношеском лице. Соломон даже вздрогнул — теперь эти глаза никто бы не смог назвать глазами фантазера. Это были жесткие, змеиные глаза знающего себе цену мужчины. Господи всемогущий, да ведь глазами юноши на англичанина смотрел Н'Лонга.

— Ах-хх, — потянулся Краан и до невозможности знакомым голосом спросил: — Почему мой побратим не здоровается со старым Н'Лонгой?

Кейн мог только открывать и закрывать рот. Юноша — язык больше не поворачивался называть его Крааном — встал с земли. Движения его были слегка неуклюжими, словно колдун привыкал к новому, непривычному обличку. Осмотрев свое тело — тело юного атлета, он удовлетворенно похлопал себя по груди.

— Моя — Н'Лонга! — знакомо коверкая слова заявил колдун. — Моя — великий творец вуду! Твоя не узнавать побратим? Так?

— Чтоб тебя! — возмущенно плюнул себе под ноги наконец опомнившийся Кейн. — Сатана, вот

ты кто. Так как прикажешь тебя называть — Краан или Н'Лонга?

— Моя — Н'Лонга! — явно поддразнивая собеседника, заверил пуританина колдун. — Моя старая тело спать внутри дома духов на Побережье, за много переходов от эта земля. Моя только мало-мало позаимствовать тела Краана. Н'Лонга только отправить свой дух, куда звать белый брат, и выгнать дух Краана из его дома: раз — и готово!

— Ты хочешь сказать, что это несчастный юноша... умер?!

— Зачем умирать? — удивился колдун. — Моя мало-мало отправить его в волшебное путешествие в мир духов. Так? И душа его девочки отправить с ним, чтобы мальчик не скучать. Время приходить, и они оба возвращаться в свой тело.

— Все эти твои штучки — дело рук нечистого, — раздраженно бросил Кейн. — Впрочем, я, к сожалению, видел, как ты проделывал и худшую бесовщину... Так все-таки, где ты сейчас находишься — в деревне на Западном Побережье или здесь?

— Белый брат, моя — Н'Лонга. А Н'Лонга находится в теле Краана. Моя — величайший колдун вуду, моя — разные тело, как украшения: человек, дух, зверь. Тут, внутри, сейчас Н'Лонга! — Он выразительно постучал себя по груди. — Но скоро вернуться мальчик, и снова жить как раньше. Твоя моя понимать, так?

Кейн только кивнул. Не в первый раз он убеждался, что судьба занесла его в древнюю страну ужасов и волшебства. В неизведанных глубинах Черного Континента не было место невозможно-му. Так почему бы старческому голосу Н'Лонги не звучать из широченной груди Краана, а по-змеино-

му мудрым глазам, в которых не было и тени улыбки, не смотреть с молодого лица?

— Моя давно знать эти места,— деловито продолжил Н'Лонга.— Мертвый колдун знать действительно могучий вуду. Твоя ничего не говорить, наша незачем тратить время... моя и так знать — белый брат решить убивать все ходячая мертвая магруда. Так?

— Ты не ошибаешься. Подобная мерзость противна божественной природе,— хмуро ответил Солломон Кейн.— В моей стране тоже встречаются подобные существа, правда достаточно редко и не в таких количествах, их называют вампирами... Но мне даже в самых страшных кошмарах не снилось, что может существовать целый народ вампиров.

4

— Теперь,— заявил Н'Лонга,— наша отправляться искать каменный город.

Кейн удивленно спросил:

— Я думал, ты попросту пошлешь свой дух истреблять вампиров!

— Если бы магруда иметь душу, моя так и сделать, однако моя покидать магруда — магруда опять пожирать души,— невозмутимо пояснил колдун.— Твоя спать, завтра двигаться в нелегкий путь.

Солнце уже село, огонь у входа в пещеру потрескивал и странно мерцал. Кейн покосился на Зунну, та вроде бы даже не дышала — со стороны казалось, что девушка просто спит.

— Разбуди меня в полночь,— вымолвил англичанин.— Я сменю тебя и покараулю до рассвета.

Но когда наконец он проснулся от прикосновения руки к своему плечу, в саванну уже пришли предрассветные сумерки.

— Наша ходить вперед, — жизнерадостно заявил колдун.

— А как же девушка? Ты уверен, что она... что с ней все в порядке?

— Твоя не волноваться, брат по крови.

— Но ведь не можем же мы, во имя Господа нашего, бросить беззащитную женщину на съедение разной нечисти, — не унимался Кейн. — Тут и днем полно хищников, львы например!

— Ни одна такой лев сюда не приходит. Слишком силен запах магруда, и огня — тоже. Зверь не любить запах огня, но еще больше он бояться ходячий мертвец. Зверь сюда не ходить, и — тут он взял черный посох и положил его поперек входа в пещеру, — ни один магруда его не перешагнуть.

Кейн с сомнением глянул на колдуна:

— Ты и вправду думаешь, что этот костыль ее защитит?

— Костыль?! — фыркнул Н'Лонга. — Твоя думать, это просто деревянная палка? В эта посох — могучее волшебство! Твоя сам видеть, как магруда становиться горстка пыли, а потом еще одна. Те, кого твоя называть «вампиры», даже близко не смочь подойти к великому посоху вуду! Брат думать, почему моя дать твоя волшебный жезл? Не только в холмах магурдов встречать ходячий мертвец, когда тени черны. Не все мертвецы жить здесь. Но все они желать теплый кровь и человеческий душа. Когда они не питать себя, они гнить, как трухлявый пень.

— Ну так наделал бы побольше таких жезлов, да и раздал бы добрым людям! — раздраженно ответил пуританин.

— Моя не мастерить посох! — Н'Лонга затряс головой. — Моя не уметь делать такой большой волшебство! Посох приходит из древняя времена. Теперь даже духи не знать, какая много-много древняя! Когда мы сидеть у костра на Побережье, я заставляя белая брат спать, а сам творить великое вуду и призвать посох охранять побратим. Сегодня наша только ходить смотреть, сегодня посох оставлять охранять девчонку. Так?

Кейн неохотно подчинился и последовал за колдуном, но все-таки не удержался и оглянулся на тоненькое тело, вытянувшееся на полу пещеры. Он ни в жизнь не согласился бы вот так оставить беззащитное существо, если бы в глубине души не был уверен, что Зунна уже мертва. Он ведь прикоснулся к ней ладонью — тело было холодным.

По мере того как солнце карабкалось вверх по небосклону, путники забирались все дальше и дальше в глубь безжизненных холмов. Они взбирались по выжженным солнцем глиняным склонам, преодолевали крутые подъемы, выискивая проходы между гигантскими валунами и обходя глубокие расщелины. Холмы снизу доверху оказались изрыты темными зловещими норами, и Кейн с опаской пробирался мимо их разверстых входов. У пуританина мурашки бегали по спине от одной только мысли о монстрах, могущих таиться внутри. Тем более после того, как Н'Лонга «успокоил» его, жизнерадостно сказав:

— В здешних пещерах, однако, много-много магруда! Обычно мертвая человек спать до заката в темноте, но иногда они выходить и днем!

Солнце палило немилосердно, обрушивая волны невыносимого жара на голые склоны. словно тень древнего проклятия над холмами вампиров повисла

тишина. Пока путешественники продвигались беспрепятственно, хотя англичанин готов был поклясться, что пару раз видел, как при их приближении за камнями стремительно скрывались серые тени.

— Я открыть белый брат тайну, почему магруда днем прятаться в пещерах, — заметив его волнение, хихикнул Н'Лонга. — Если ходячая мертвец чего бояться, так это стервятник. Смерть не обмануть такая мудрая птица! Так? Стервятник чувствовать дохлятина, лежи она тихо или мало-мало ходить! Умный птица души не чаять в мертвый человек — как видеть, сразу налетать, рвать его на кусочки и много-много кушать!

Откровение колдуна заставило Кейн в сердцах хлопнуть себя по бедру шляпой.

— Боже милостивый! — вскричал пуританин. — Да будет ли когда-нибудь предел ужасам, наводняющим африканские дебри? Воистину в этих местах правят бал силы Тьмы. Доколе подобная бесовщина будет испытывать терпение Небес?

Глаза Кейна вспыхнули безумным огнем. Ужасающая жара, безлюдье и сознание того, что со всех сторон на него жадно пялятся глаза могильной нечисти, — все это оказалось слишком даже для его стальных нервов.

— Твоя лучше скоро-скоро надевать смешная шляпа на голову, — сдерживая усмешку, сочувственно посоветовал Н'Лонга. — Если белый брат не поберечься, солнце напекать ему голову и старый Н'Лонга тащить его на себе!

До Кейна дошел комизм ситуации — африканский мумбо-юмбо успокаивает образованного европейца, разволновавшегося, точно дитя неразумное. К нему тотчас же вернулись обычное спокойствие и невозмутимость. Он поправил муш-

кет, с которым решительно не желал расставаться, несмотря на уговоры колдуна, — доброе оружие никогда не бывает лишним, — но ничего не ответил.

Наконец они поднялись на очередную каменистую вершину, и перед ними открылась котловина, окруженная со всех сторон холмами. В самом ее центре находился мертвый город. Наметанный взгляд Кейна сразу определил невероятную древность непривычной архитектуры. И могучие неприступные стены, и здания были сложены из тщательно пригнанных титанических каменных блоков, но неумолимое время постепенно превращало в руины, казалось бы, вечные сооружения. Широкие улицы заросли той же высоченной травой, что сплошь заплонила котловину и склоны окрестных холмов. Но сколько Соломон ни вглядывался в травяное море, он не заметил ни малейших признаков движения.

— Так вот их крепость, — задумчиво протянул Соломон Кейн. — Но почему они днем предпочитают скрываться в пещерах?

— Кто знать, о чем думать мертвый? Может, в одна нехорошая ночь большая камень упасть и кого-то раздавить? Тут бывать, что от старости рассыпаться целое каменное жилище. Может, магруда терпеть не может друг друга? А может, наоборот, большой магруда кушать меньший?

— Какая здесь царит тишина, — невольно понижая голос, заметил пуританин. — Вот что называется гнетущей тишиной...

— Мертвая человек не шуметь и не говорить, — пожал плечами Н'Лонга. — Днем они тихо-тихо сидеть в пещерах, а ночью тихо-тихо бродить. Может, когда лесное племя приходит на них войной, магруда забираться в своя каменная крепость и укрываться за стенами?

Кейн, соглашаясь, кивнул. Пускай стены мертвого города местами наполовину обвалились, они все еще были достаточно толсты и высоки, чтобы вампиры сколь угодно долго могли противостоять целой армии воинов, вооруженных лишь луками и копьями. А уж ночью, когда наступит их время, пожирающие души демоны с легкостью бы сеяли смерть среди людей, которым нечего было противопоставить бесовской мощи.

— Кровный брат! — неожиданно прервал размышления пуританина колдун. — Я много-много думать большая многотрудная волшебство. Твоя брат молчать и охранять мой покой.

Н'Лонга сел скрестив ноги и сосредоточенно замер. Англичанин послушно устроился на нагретом солнцем камне и с интересом огляделся вокруг, коли уж ему предоставилась такая возможность.

Далеко на юге начинались зеленые джунгли, сливающиеся с синевой неба на далеком горизонте. С такого расстояния безбрежный океан листвы выглядел удивительно мирно и привлекательно. Быть может, особое очарование придавал ему затаившийся со всех сторон Ужас.

Насладившись удивительными ландшафтами северной Африки, Кейн перевел взгляд на Н'Лонгу. Тот сидел на корточках и кончиком кинжала выцарапывал на спекшейся глине странные узоры. Соломон наблюдал за движениями его рук, думая про себя о том, с какой легкостью расправились бы с ними вампиры, если хотя бы полдюжины тварей выбрались из своих нор на свет Божий.

Воистину говорят: о нечистом речь — нечистый навстречь! Сидевшего на корточках колдуна накрыла чья-то жуткая тень!

Кейн, остававшийся на чеку в любых ситуациях, среагировал мгновенно. Стремительности его прыжка позавидовал бы горный леопард. В следующее мгновение приклад его мушкета обрушился на мерзкую харю подкравшегося к колдуну чудовища. Магруд зашатался, и Кейн, не давая проклятой твари опомниться, погнался на него назад, осыпая могучими ударами, каждый из которых уложил наповал бы нормального человека. И хотя Кейн дрался бешено и яростно, он сохранял хладнокровие и преследовал определенную цель.

Когда он вынудил магруда отступить к самому краю утеса, тот понял, что задумал человек, но изменить уже ничего не смог. Вампир забил в воздухе руками, пытаясь сохранить равновесие, но мощный пинок пуританина помог ему отправиться в пропасть. Пролетев сотню футов, магруд рухнул на камни и остался лежать на них, извиваясь, как расплюснутая пиявка. Кейн обернулся и увидел, что колдун уже был на ногах. Его сжатые кулаки были устремлены к небу.

Кейн не понял, что для этого послужило причиной, но окрестные холмы словно извергли из себя серую блевотину. Магруды просто перли из всех щелей, выбираясь на солнечный свет, — жуткие молчаливые фигуры, они словно полчища гигантских, серых, молчаливых крыс бежали вверх по склону, перепрыгивая через валуны. Алчущие взгляды мириадов красных глаз сошлись на двух людях — черном и белом. И по-прежнему стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов.

Именно так пуританин и представлял себе Судный День, когда, повинаясь слову Господнему, мертвецы восстанут из гробов. Только вот разразился Страшный Суд задолго до срока.

Н'Лонга взмахом руки указал побратиму на крутой скальный массив по соседству, и друзья изо всех сил рванули к нему, уклоняясь от тянувшихся к ним со всех сторон когтистых лап. Приходилось демонстрировать чудеса ловкости и проворства, чтобы избежать хватки магрудов, но Кейна уже украшали две-три сильные царапины. Они пробежали мимо пещер, откуда все лезли и лезли смахивающие на мумии чудовища, присоединяясь к погоне. Их красные глаза горели огнем неутоленного голода.

Пуританин и колдун успели миновать склон холма и вскарабкаться на скальный гребень, прежде чем их настигла основная масса магрудов. Теперь вампиры могли нападать на них лишь с одной стороны — карабкаясь по узкой каменной расщелине. На какой-то миг мерзкие твари замерли в неуверенности, но голод гнал их вперед.

Мушкет в руках Кейна превратился в дубинку, которой он с остервенением сбивал с края утеса когтистые лапы магрудов. Пока пуританин успевал справляться с накатывающей волной, но время шло, а он уставал все больше и больше. Наконец твари отхлынули, давая англичанину передышку. Кейн отер пот со лба, сердце его бешено билось в такт мыслям: «Мне... никогда... их... не... убить!»

Проклятые твари поперли сплошным потоком. Он был вынужден уступить их бешеному натиску. Одеревеневшие от времени плоть и кости разлетались под его сокрушительными ударами. Пуританин сбивал мертвецов с ног, отбрасывал прочь, но они как ни в чем не бывало поднимались и снова лезли вперед. Господи всемогущий, не может же это продолжаться вечно! Чем, разрази его гром, занят Н'Лонга? Несмотря на увлеченность боем, Соломон таки

выкроил мгновение, чтобы бросить быстрый взгляд через плечо: колдун стоял на самой вершине скалы, запрокинув голову и воздев руки, словно бы взывая к неким силам.

Кейн тотчас вернулся к своим проблемам, в его глазах вновь зарябило море тошнотворных серых рож с горящими угольями глаз. Пока его спасало лишь то, что подоспевшие последними магруды не могли пробиться вперед.

Те вампиры, что атаковали в первых рядах, были уже вовсе не похожи на человеческие существа — черепа проломлены, лица разможены, руки и ноги переломаны. Однако твари не оставляли попыток, причем многие — ползком, добраться до человеческой плоти.

Пуританин с головы до ног был вымазан кровью, сочившейся из многочисленных мелких — и не очень — ран, запах которой доводил ходячих мертвецов до неистовства. Давно иссохшие жилы вампиров уже не могли выдать ни капельки жизненных соков.

Сзади неожиданно прозвучал пронзительный сильный крик. Чем бы ни занимался Н'Лонга, он закончил свое дело. Казалось, его голос взлетел до небес и, отразившись от их поверхности, вернулся обратно, заглушив омерзительный хруст сминаемых костей и треск мушкетного приклада, врезающегося в одеревеневшие тела магрудов.

Но вот Кейн не устоял перед новым натиском магрудов, мушкет оказался вырван из его рук, а крючковатые пальцы вцепились в него со всех сторон. Толпа серых демонов повалила англичанина, и тот оказался погребенным под грудой костлявых тел. Острые когти рвали его плоть, к свежим ранам жадно приникали омерзительные сухие губы магру-

дов. Каким-то чудом пуританину удалось стряхнуть с себя нечисть и подняться на ноги. Он, растерзанный, залитый кровью, отогнал было от себя пожирателей душ взмахом покореженного мушкета, но вновь был сбит с ног.

«Вот и все! Прими, Господь, мою грешную душу!» — подумалось Кейну. В следующий миг пуританин перестал ощущать судорожную хватку десятков намертво вцепившихся в него магрудов, и мир вокруг него заполнился странным шелестящим гулом. Англичанин решил, что так, должно быть, умирают...

Однако он явно еще был живым. Почувствовав, что действительно свободен, Кейн, шатаясь, умудрился подняться на ноги. И хотя силы его иссякли, сдаваться он не собирался и, более того, был преисполнен решимости продолжать неравный бой, пока его не остановит смерть. Кровь заливала его глаза, и он не видел ничего вокруг. Наконец он протер глаза и... замер на месте.

Вся свора магрудов в беспорядке удирала вниз по склону. А прямо на головы ходячих мертвецов пикировали огромные птицы! Стервятники!.. Стало быть, ему вовсе не померещилось хлопанье тысяч крыльев. Кейн никогда в жизни не мог подумать, что когда-нибудь испытает столь великую радость при виде этих пожирателей падали!

Крылатые создания алчно рвали свои жертвы, на лету погружая длинные изогнутые когти и клювы в сухую плоть и буквально пожирая бегущих магрудов. Соломон, глядя на эту вакханалику смерти, расхохотался безумным смехом.

— Вот вам, дети Сатаны! Небеса не проведешь! Уж стервятники-то отличат мертвое от живого!

Н'Лонга стоял на вершине скалы, точно Моисей, говорящий с Богом, а над ним реяли громадные

черные птицы. Руки колдуна мелькали в воздухе, как будто он сам собирался взмыть в небо, и, уносясь вдаль, с губ слетали странные слова неведомого языка. Отвечая на его призыв, со всех сторон света к Н'Лонге устремились стервятники. Кейн даже приблизительно не смог бы сказать, сколько уже пожирателей падали слетелось на пир, подобного которому они еще не знали!

Заслоненное неисчислимым множеством гигантских птиц, померкло синее небо, и среди бела дня на землю пали сумерки. От хлопанья мириадом крыльев поднялся свирепый ветер, взметнувший в воздух клубы пыли. Пуританин оказался свидетелем совершенно фантастического зрелища: птицы садились на камни и просто на голые склоны и, помогая себе крыльями, врывались в узкие жерла пещер, откуда слышалось лишь устрашающее клецанье мощных клювов. На тех же магрудов, что пытались покинуть пещеры, с неба обрушивались десятки изголодавшихся пожирателей мертвечины, и крепкие когти в клочья раздирали ходячих мертвецов, так долго наводивших ужас на все живое в этих краях.

Смерть, которую красноглазые твари обманывали вот уже сотни лет, нашла-таки способ получить свое. В поисках спасения магруды устремились к городу, веками служившему им защитой. Инстинкт самосохранения заставлял чудиц искать защиты среди полуразрушенных стен, за которыми они не раз отсиживались, пережидая отчаянные набеги воинов племени Зунны и Краана.

А Н'Лонга наблюдал за тем, как мчавшихся к своему городу вампиров на бегу склеивают пернатые хищники. Его глаза горели дьявольской радостью, и колдун смеялся так, что эхо его зловещего хохота испуганно билось между холмами.

Наконец все уцелевшие магруды, а надо сказать, что их осталось еще не так уж и мало, собрались в мертвом городе, над которым грозно бурлила черная туча птиц. Те же стервятники, что не кружили в небе, бесконечными рядами расселись на стенах обреченного города. Воздух наполнял яростный клекот и вызывающий дрожь жуткий скрежет. Сперва пуританин никак не мог понять, что это были за звуки, но потом смекнул, что мудрые птицы точат когти и клювы о камень...

И тут Н'Лонга, рассмеявшись особенно жутко, что-то прошептал и подкинул в воздух горсть листьев, принесенных с собой. На пуританина со всех сторон обрушились тугие струи воздуха, и ветер подхватил сухие листочки, которые вдруг вспыхнули ярким белым пламенем.словно огненный дождь они обрушились на долину, рассыпавшись веером искр. Иссушенная трава вспыхнула одновременно со всех сторон долины вампиров.

Кейн мрачно усмехнулся, полностью разделяя яростное веселье Н'Лонги. Пуританин всем своим существом ощутил Ужас, жутким покрывалом павший на безмолвный город внизу под ногами.

— Давай гори жарче! — обратился он к огню. — Гори, трава! Недаром тебя сушило жаркое солнце, недаром тебя обходили грозовые тучи!

Пожар распространялся с умопомрачительной скоростью, огненный багрово-черный вал со всех сторон неся к каменным стенам. Даже стоя на вершине утеса в полной безопасности, англичанин чувствовал то жуткое напряжение, с которым следили за приближением огненного приboя сотни глаз, укрывшихся за высокими и толстыми стенами магрудов. Вот уже пламенный дракон достиг каменных стен. Соломон напрягся в ожидании неминуемой

развязки. Стервятники, сидящие на стенах, неохотно поднялись в воздух и присоединились к своим кружащимся в воздухе собратьям. И вдруг неведомо откуда на долину обрушился страшный порыв ветра. Он подхватил пламя, и оно разом вскинулось до небес по всему периметру стен, обьяв город алыми лепестками. Даже с такого расстояния до ушей англичанина донесся грозный рев огня.

И вот уже вспыхнул травостой, заполнявший улицы. Город в несколько секунд превратился в кратер вулкана. Багровая вихрящаяся пелена затянула улицы и дома, и сквозь огненную завесу Кейн с Н'Лонгой наблюдали за мятущимися в огненном пекле серыми тенями. Магруды кидались из стороны в сторону, тщетно ища спасения, падали и корчились, превращаясь в жаркие клубки пламени. Жирная тошнотворная сажа хлопьями падала с неба. Вонь сделалась невыносимой.

Соломон Кейн замер, не в силах оторвать взгляда от гибнущего города. Черные фигурки отчаянно сражались со смертью, пропадая одна за другой. Представшее его глазам зрелище напоминало геенну огненную. Так, видимо, бьются души грешников в огненном котле...

Пламя вздымалось на добрую сотню футов в высоту, и неожиданно его рев заглушил жуткий, леденящий кровь вопль. Так мог бы стенать какой-нибудь демон, бьющийся в тенетах небытия. Это, умирая в огне, подал голос один из магрудов, нарушивший заклятие молчания, веками довлевшее над его племенем. Вибрирующий нечеловеческий крик плыл над Городом Безмолвия — предсмертный вопль навсегда уходящей в бездны ада расы...

Пламя неожиданно спало. Степной пожар окзался столь же кратковременным, сколь и свире-

пым. Долина превратилась в выжженную бесплодную пустыню, а город — в бесформенный навал дымящегося, закопченного камня. На прямых и ровных улицах даже зоркий глаз пуританина не смог выискать ни одного тела — мертвая века́ плоть магрудов полностью обратилась в прах и пепел. Стервятники еще кружились плотными стаями, но и они начинали потихоньку рассеиваться. Умные птицы понимали, что после прожорливой огненной стихии им поживиться будет нечем.

Стаи стервятников, хлопая крыльями, разлетались во все стороны на поиски новой добычи.

Соломон с наслаждением вглядывался в синее безоблачное небо... Его девственно-чистая голубизна, подобно целительному морскому ветру, изгоняла из сознания пуританина жуткие образы. И вот уже зазвучали птичьи голоса, а откуда-то из холмов донесся лавинный рык — дыхание жизни вновь наполнило места, где еще недавно владычествовала смерть.

5

Кейн с наслаждением развалился на камне рядом с пещерой, где они оставили Зунну, а Н'Лонга хлопотал над ним, изучая многочисленные раны. Остатки платья пуританина свисали с плеч кровавыми клочьями, руки и грудь были покрыты глубокими царапинами и страшными синяками, но судьба его уберегла от действительно серьезных повреждений.

— Твоя и моя — два могучие воина! — в обычной хвастливой манере, так раздражавшей пуританина, объявил Н'Лонга. Правда, на этот раз Кейн вполне разделял его восторг. — Теперь город древ-

ний магруда затих навсегда. Холмы спать спокойно, их больше не тревожить ходячий мертвец!

— Я все-таки не понимаю, как ты проделываешь свои фокусы.— Пуританин почесал в затылке.— Н'Лонга, ты можешь толком объяснить, как ты разговаривал со мной во сне? Как ты можешь находиться телом Бог знает где, а душой — тут? И как, во имя все святого, тебе удалось накликать стервятников?

Колдун перестал хихикать и бахвалиться.

— Мы с тобой кровные братья.— Н'Лонга перешел с пиджин-инглиш, владением которым страшно гордился, на язык речных племен, который прекрасно знал англичанин.— Я так стар, брат мой, что, вздумай я тебе открыть свой истинный возраст, ты обозвал бы меня лжецом. И всю свою неимоверно долгую жизнь я посвятил овладению магией вуду. Сперва я лишь смиренно сидел у ног могучих кудесников востока и юга. Позже я начал под их руководством изучать Мастерство. Пришло время, и мой учитель, чтобы проверить, насколько я прочен, продал меня в рабство на плантации сахарного тростника. Но и там я продолжал постигать источники мощи вуду.

Брат мой, могу ли я тебе в двух словах растолковать то, на изучение чего потратил всю свою жизнь, а стал понимать лишь к старости? Я бессилен объяснить тебе даже такую сравнительно простую вещь, как лишенные души магруды-вампиры веками избегали разложения, поддерживая свое существование жизнями других людей.

Попытайся представить, что, когда я впадаю в своего рода особый транс, моя душа мчится над джунглями и речными заводьями, горами и долинами, чтобы потолковать с душами других существ — и необязательно человеческих. А теперь попытайся

понять, что ты в своих руках держишь величайший талисман вуду, хранящий древнее великое волшебство. Я знаю о твоих приключениях в подземельях Негари. Так вот, этот магический жезл был создан невообразимыми силами в те времена, когда атланты были не более чем дикими обезьянами. Дух любого мага притягивается этим посохом так же верно, как стрелка компаса белых людей указывает на север.

Кейн заворуженно слушал своего побратима. С таким Н'Лонгой он еще не сталкивался. Пуританин пристально вглядывался в бездонные древние зрачки колдуна, и в их мерцающих глубинах ему впервые увиделась огромная мудрость и печаль, так непохожие на алчный безумный блеск глаз адептов чернокнижия. Пуританин почувствовал, будто заглянул в таинственные, прозревающие грядущие события глаза библейского патриарха. На мгновение его душу наполнила сладкая томительная боль сопричастности к великим тайнам.

— Для меня не составило никакого труда, — продолжал Н'Лонга, — поговорить с тобой во сне, а потом отправить в волшебное путешествие души Зунны и Краана. Вскоре они в целости и сохранности вернутся из страны духов, и молодые люди проснутся, сохраняя в памяти лишь причудливые грезы и даже не подозревая, что с ними случилось в действительности.

Мой нетерпеливый брат, все склоняется перед волшебством, и ветра, и звери, и птицы повинуются волшебному слову. Там, в холмах, я совершил могучее вуду, призывая стервятников, и крылатые хозяева поднебесья не замедлили явиться на мой зов.

Я сам — плоть от плоти того мира, который несведущие зовут волшебным, и законы других пла-

нов бытия мне ясны и понятны. Но могу ли я сделать их такими для тебя? Кровный мой брат, ты воистину могучий воин, не знающий себе равных крепостью духа, но во всем, что касается магии, ты подобен новорожденному младенцу. Но как толковать сокровенные тайны оккультных знаний такому младенцу?

Брат мой, я даже не говорю о том, что есть тайны, которые должны оставаться тайнами, дабы светила не поколебались на своих орбитах и не пошатнулись основы мироздания. А ты хочешь просто удовлетворить свое любопытство... Ты называешь мою магию черной и подразумеваешь, что я вступил в сговор с теми силами, которые ты, по незнанию, именуешь адскими. Но посуди сам: будь я закоренелым злодеем, а моя сила — от Сатаны, неужто я не оставил бы себе прекрасное молодое тело юного Краана, вместо того чтобы вернуться в свое собственное, сморщенное и иссохшее? Но ведь у меня и в мыслях не было так поступить. Вот видишь, все не так просто, как может показаться со стороны...

Что же до посоха вуду, пусть он останется при тебе, кровный брат. Он убережет тебя и от злых колдунов, и от лесных хищников, и от действительно ужасающих сил, перед которыми твои бесы показались бы безрогими ягнятами. Как некогда служил верой и правдой одному из самых могучих волшебников, которого также звали Соломоном.

А мне уже, пожалуй, пора возвращаться в дом духов, где спит мое настоящее тело... Куда ты направишься дальше, побратим?

Соломон Кейн махнул рукой на восток:

— Зов джунглей манит меня дальше и дальше...

Н'Лонга понимающе кивнул и протянул пуританину руку, по обычаю белых людей. Кейн, не разду-

мывая, крепко сжал сильную ладонь. Глаза колдуна вновь хитро заблестели, но англичанин уже прекрасно знал, что это была лишь одна из масок мудрого и опасного существа. Его больше не мог обмануть смех в глазах дракона.

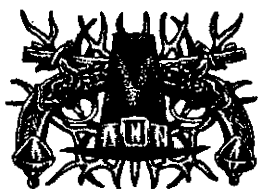
— Моя пора уходить, кровная брат,— сказал колдун, привычно коверкая слова (как ни странно, этот воистину могучий маг гордился знанием пиджин-инглиша, как восьмилетний ребенок — коллекцией солдатиков).— Твоя смотреть внимательно, держать нос по ветру! Так? Черная душа джунглей смотреть и смотреть, как бы ты оступиться! Главное, твоя не забывать о могучий посох вуду, брат! Ну, наша договориться! Так! — И с этими словами Н'Лонга опустил на песок.

Прямо на глазах Соломона юношеское лицо разгладилось, глаза покинули хитрый блеск и змеиную мудрость умудренного жизнью старца. Перед Кейном снова был простой симпатичный юноша из безвестной африканской деревни. Пуританин, который вроде бы должен был уже привыкнуть ко всяческим чудесам, все же вздрогнул. Ему явственно привиделось, как далеко-далеко отсюда, на океанском побережье, в хижине духов старого Н'Лонги, зашевелилось, пробуждаясь после сна, подобного смерти, сморщенное высохшее тело. И, представив себе выражение глаз могучего заклинателя вуду, Кейн вздрогнул еще раз.

Между тем Краан сел, зевнул и потянулся. Глаза его еще наполняли отголоски волшебных снов. Рядом с ним зашевелилась просыпающаяся Зунна.

— Прости, господин.— Краан в смущении прижал руку к сердцу.— Мы тут, кажется, задремали...

КРЫЛЬЯ В НОЧИ

1

першись на покрытый диковинной резьбой черный посох Н'Лонги, Соломон Кейн хмуро разглядывал мертвое селение. С тех пор как он оставил за спиной Невольничий Берег, двинувшись вслед за солнцем, прошло немало времени. В своих странствиях по загадочному Черному Континенту пуританин не раз натыкался на опустевшие деревни. Но ни одна из них не походила на эту.

Ее жителей погубил не голод — поблизости буйно зеленели заброшенные рисовые чеки. До этих краев, хвала Создателю, еще не добрались работорговцы-мавры. Судя по всему, причиной гибели этого племени не была и вспышка какой-либо болезни. Многие хижины уже обвалились, на заросших травой проходах между ними в изобилии белели человеческие кости, большинство которых были погрызены дикими зверями — тут явно было чем поживиться шакалам и гиенам. Разглядывая расколотые кости и тарачившиеся в небо пустыми глазницами пробитые черепа, Кейн уверился, что некоторое время назад тут кипела кровавая бойня. Должно быть, местные жители стали жертвами одной из жестоких африканских племенных войн.

Но пуританину не давал покоя вопрос: почему нападавшие пренебрегли добычей? Там и сям на земле валялись попорченные непогодой кожаные щиты, поломанные копья, с которых никто не потрудился снять железные наконечники, являвшие собой немалую ценность. На шее одного скелета с раздавленной грудной клеткой поблескивало ожерелье из стеклянных и каменных бус — ценный трофей для любого чернокожего дикаря.

Что-то не так было и с хижинами. Англичанин присмотрелся повнимательнее: так и есть, вязанные из пучков соломы крыши большинства из строений были раздерганы и разворошены. Может быть, это гигантские стервятники пытались добраться до мертвецов внутри?

И тут он увидел то, что заставило его замереть от удивления. Сразу за поваленными остатками изгороди с восточной стороны деревушки возвышался исполинский баобаб. До высоты шестидесяти футов его толстый ствол был абсолютно гладким — вска-

рабкаться по нему было невозможно. И тем не менее на обломанном суку издевательски красовался скелет, кем-то явно специально помещенный туда. Мурашки пробежали по спине Кейна, почувствовавшего студеное прикосновение тайны. Каким образом эти бранные останки оказались на такой высоте? С какой целью кто-то потратил столько усилий, чтобы их туда закинуть?

Кейн недоуменно покачал головой, а его правая рука невольно легла на пояс, поближе к рукояткам черных длинноствольных пистолетов, эфесу тяжелой рапиры и кинжалу. Пуританин не ощущал того страха, который обязательно бы охватил обычного человека, столкнувшегося лицом к лицу с Безымянным Неизвестным. Годы странствий по удивительным странам, столкновения с необычными существами закалили его тело, разум и душу, придав им крепость и гибкость оружейной стали.

Высокий, поджарый, словно леопард, — и такой же опасный — мужчина был одет в темное платье пуританина. Широкие плечи, длинные и крепкие руки виртуоза-фехтовальщика, нервы-канаты, железные мускулы и бездонные прозрачные глаза — портрет не прирожденного убийцы, но фанатичного борца с малейшими проявлениями зла и несправедливости.

Лесные заросли с их острыми шипами и цепкими лианами обошлись с путешественником безжалостно. Одежда и мягкая фетровая шляпа без пера были изодраны в клочья. Сапоги из толстой кожи стоптались и прохудились. Свирепое африканское солнце опалило до черноты его грудь и плечи, но худое лицо аскета, удивлявшее неестественной бледностью, казалось, было нечувствительно к жарким лучам.

За спиной англичанина остались непролазные заросли зеленого ада, откуда он бежал, точно загнанный волк. А по его следам, отставая лишь на несколько часов пути, спешили черные людоеды, подпиливающие зубы, чтобы сподручнее было терзать человеческую плоть. До сих пор порывы ветра доносили до ушей пуританина отголоски переклички тамтамов, чей низкий рокот разносился над джунглями и саванной, опережая белого путника. В их жутковатом перестуке явственно слышались ненависть, жажда крови и неутоленный голод.

В памяти Кейна еще свежи были воспоминания о бегстве из краев крадущейся гибели. Слишком поздно он разобрался наконец, что нелегкая завела его в земли каннибалов. Вот уже третий день он бежал, не разбирая дороги, сквозь густые джунгли, насыщенные миазмами гниения. Где ползком, где по деревьям, он пробирался вперед, путая следы, чуя на своем затылке дыхание смерти.

Накануне англичанин далеко оторвался от кровожадных дикарей, под покровом ночи далеко углубившись в саванну, и даже смог себе устроить небольшой привал. И хотя с самого рассвета пуританин не видел и не слышал своих преследователей, он не верил, что негры отказались от погони.

Еще раз настороженно оглядевшись, Соломон Кейн поудобнее перехватил посох вуду и двинулся дальше. В паре сотен футов за баобабом начиналось редколесье, затем опять плавно переходящее в саванну. Волнующееся на ветру море травы простиралось до тянувшейся с севера на юг гряды невысоких холмов, причем густая растительность порой превышала человеческий рост. Холмы постепенно переходили в предгорья, сменяемые, в свою очередь, горной цепью, охватывающей полукольцом

восточный горизонт. Безжизненные голые скалы впивались острыми пиками в синее небо, и их изломанные очертания живо напомнили Кейну черные отроги Негари. Налево и направо, насколько хватал глаз, уходила зеленая лесистая равнина. Судя по всему, он вышел на колоссальное плато, с востока замкнутое горами, а с запада — саванной.

Путешественник, казалось, не ведал усталости, волчьей рысью покрывая милю за милей. Невидимые, но оттого не менее опасные каннибалы преследовали его по пятам. Кейну вовсе не улыбалось встречаться с черными дьяволами на открытой местности. Не стоило надеяться, что выстрел из пистолета отпугнет дикарей и заставит их отказаться от жестокой охоты на двуногую дичь: их примитивные мозги не воспримут выстрел как нечто опасное. Что до рукопашной, то даже такой боец, как Соломон Кейн, которого сам сэр Фрэнсис Дрейк называл «девошпирским королем клинка», не смог бы в одиночку выстоять против целого племени. И тут уж ему никоим образом не помог бы волшебный посох, потому что его противниками являлись обыкновенные человеческие существа.

Солнце неумоимо совершало свой дневной путь, осталась далеко за спиной деревня с ее неразгаданной тайной смертей. На плато царила мертвая тишина. Зловещее безмолвие даже не нарушали птичьих трели, Кейну лишь раз довелось увидеть мелькнувшего в кронах безголосого ару. Единственными звуками, пожалуй, были шорох листвы на ветру да далекий перестук тамтамов. Надо сказать, сам Кейн двигался совершенно бесшумно, ступая подобно гигантской хищной кошке.

И вдруг взгляд англичанина выхватил среди деревьев нечто, заставившее сердце колотиться чаще.

На его пути встал Ужас. Короткая перебежка, и пуританину открылось омерзительное зрелище, вынудившее даже этого видавшего виды человека содрогнуться от ужаса. Посредине большой поляны торчал столб, к которому было безжалостно прикручено то, в чем с большим трудом можно было опознать человеческое существо.

В какие только переделки не попадал Кейн за свою нелегкую жизнь. Ему довелось влачить полуголодное существование будучи прикованным к тяжелому веслу турецкой галеры, надрываться на тростниковых плантациях в арабских колониях, драться с краснокожими дьяволами Нового Света, узнать крепость бича из воловых жил в застенках испанской инквизиции. Так что он по собственному печальному опыту знал, какими злобными демонами могут оказаться люди. Но теперь и он замер в ужасе, едва сдерживая тошноту.

Самым страшным были даже не раны сами по себе, а тот факт, что эти человеческие останки еще жили. При его приближении поднялась упавшая на истерзанную грудь изуродованная голова и из лишенного губ рта вырвался надрывный всхлип. Заслышав шаги англичанина, изуродованный негр забился в судорогах ужаса, надсадно засипел и, казалось, что-то попытался отыскать в небе пустыми глазами. Постепенно он затих, неестественно напряженный, словно в ожидании новых мук.

— Не надо меня бояться,— обратился к несчастному на диалекте речных племен Кейн.— Я не причиню тебе зла. Я — друг!

Честно говоря, пуританин не надеялся, что его слова дойдут до изувеченного человека, однако они нашли отклик в угасающем, полубезумном рассудке негра. Тот разразился нечленораздельным безум-

ным бормотанием, слова перемежались всхлипами и проклятиями. Он говорил на наречии, родственном языку речных племен, поэтому пуританин смог его понять. Из слов обреченного англичанин уяснил, что тот уже много лун томится у дьявольского столба, который он называл Столбом Скорби. Видимо, рассудок чернокожего не перенес ужасающих мук, выпавших на его долю, и тот сошел с ума, потому что все время твердил про каких-то злых тварей, сходящих с неба, чтобы удовлетворить свои бесчеловечные прихоти. Наверное, таким способом в его поврежденном мозгу запечатлелись образы племени неведомых мучителей. Их названия — акаана — Кейн раньше никогда не слышал.

Однако вовсе не загадочные акаана привязали бедолагу к Столбу Скорби. Израненный страдалец бессвязно бормотал про жреца Гору, затянувшего веревки, чтобы они врезались в тело (Кейн подивился, что воспоминание об этом негр пронес через все пытки). Потом, к ужасу пуританина, несчастный поведал о своем брате, помогавшем его привязывать. И вдруг негр судорожно задержался — англичанин было решил, что это агония, — однако тот навзрыд зарыдал. Из пустых глазниц по лишенному кожи лицу текли кровавые слезы, а из изувеченного рта сыпались бессвязные слова.

Англичанин как мог осторожнее перерезал веревки, впившиеся в тело жертвы, однако изувеченный человек выл и скулил, словно подыхающая собака. Кейн отметил, что все раны были нанесены не стальными или каменными лезвиями, а, скорее, когтями или зубами. Неужели и в этом краю хозяйничали каннибалы? Наконец нелегкий труд был завершен, и пуританин уложил пленника мерзкого столба на мягкую траву, прикрыв его лицо от солнца и

насекомых своей шляпой. Негр мучительно втягивал в себя воздух, из жутких ран на груди и на горле выходили кровавые пузыри. Кейн отстегнул флягу и влил в изуродованный рот последние капли воды.

— Расскажи мне об этих дьяволах,— сказал он, присаживаясь на корточки рядом с истерзанным телом.— Клянусь господом нашим, я покараю их за учиненное над тобой злодеяние, и им не поможет даже их хозяин — Сатана.

Вряд ли умирающий понимал его слова. А затем случилось нечто: длиннохвостый ара, со свойственным всему попугайскому племени любопытством, вылетел из кроны ближайшего дерева и закружил над головой пуританина, громко хлопая крыльями. Трудно сказать, что услышал в этих звуках негр, но он забился на траве и страшно закричал. Этого леденящего кровь вопля пуританину уж не забыть до конца своих дней.

— Крылья! Крылья! Они летят! Не хочу!!! Оставьте меня! Крылья!

У несчастного хлынула кровью горлом, и он умер.

Кейн встал и отер со лба холодный пот. Ни одна ветка, ни один листок не шелохнулись в полуденной жары. Словно колдовское заклятие на мир обрушилась тишина. Англичанин задумчиво смотрел на черную враждебную стену далеких гор, преграждающих путь саванне. Он не мог сказать, почему так думает, но твердо был уверен, что некогда на эти горы было наложено страшное проклятие, — он это чувствовал всей душой.

Пуританин поднял бездыханное тело, некогда исполненное силы и радости и от которого сей-

час остались кожа да кости, и перенес его к ближайшим деревьям. Складывая окоченевшие руки на груди, Кейн еще раз подивился ужасным ранам. Помолившись за упокой этой некрещеной души, он завалил мертвеца крупными камнями, чтобы хотя бы после смерти несчастного не потревожили алчные шакалы.

Едва он закончил свою работу, какой-то посторонний звук перебил ход его мрачных мыслей и заставил вспомнить о собственном положении. То ли едва уловимый звук, то ли сверхъестественное чутье заставили белого человека обернуться. И в высокой траве на противоположном конце поляны Кейн углядел мерзкую черную харю — изрытая оспинами грубая кожа; человеческая кость, пронизывающая плоский нос; вывернутые толстые губы; оскаленные заостренные зубы-клыки, хорошо различимые даже на таком расстоянии; тупые злобные глаза-бусинки; низкий скошенный лоб, над которым топорщилась жесткая щетка кучерявых волос. Не успел негр раствориться в траве, Кейн стремительным прыжком уже оказался под защитой деревьев и помчался, как гончая, лавируя между стволами. Кожа на его спине напряглась в ожидании торжествующего вопля каннибалов, которые, размахивая копытами, вот-вот устремятся за ним.

Однако ничего подобного не произошло. Кейн пришел к неутешительному выводу, что людоеды, подобно некоторым хищникам, преследуют его не спеша, но неустанно, давая жертве время почувствовать весь ужас ее положения. Его лицо исказила кривая улыбка — проклятые дикари явно просчитались. Он — Соломон Кейн — никогда не побежит в панике. Когда он поймет, что не сможет спастись, то встретит чертовых людоедов лицом к

лицу и постарается отправиться на тот свет с достойной свитой. Его англосаксонская доблестная натура и так протестовала при мысли о необходимости бегства от полутолых варваров, пускай и стократ превосходящих его числом.

Через некоторое время пуританин перешел на шаг. Его чуткие уши не уловили звуков погони, но обострившееся чутье подсказывало: враг кружит поблизости, выжидая удобной минуты, чтобы напасть без всякого риска для собственной шкуры. Англичанин безрадостно хмыкнул: по крайней мере, его рапира научила каннибалов избегать прямой атаки. Если же они решат взять его измором, то убедятся, насколько уступают их мышцы железным мускулам белого человека. Пусть только придет ночь, а там, если будет угодно Господу, удастся улизнуть.

Солнце клонилось к западу, и Кейна терзал голод. Последний раз ему удалось сжевать кусочек сушеного мяса на утреннем привале, и с тех пор у него маковой росинки во рту не было. Счастье еще, что на равнине в изобилии попадались родники и его не мучила жажда. Один раз пуританину показалось, что между деревьями виднеется крыша большой хижины, но он постарался как можно дальше уйти оттуда. Трудно было поверить, что здешние места обитаемы, но англичанину вовсе не улыбалось наткнуться на кровожадных монстров акаана. Судя по несчастной жертве Столба Скорби, это племя ничем не отличалось от его преследователей.

Местность становилась все более и более пересеченной. Кейну приходилось то обходить глубокие овраги, то карабкаться по крутым склонам. Пуританин приближался к отрогам безмолвных гор.

С тех пор как он покинул поляну, он ни разу больше не увидел преследователей. Оглядываясь, он замечал лишь неясное движение, смутную тень, шевеление листвы, колыхание травы да изредка слышал треск ветки или хруст камня. Кейн недоумевал: почему людоеды так осторожны? Почему дикари так упорно скрываются, вместо того чтобы броситься на одинокую жертву и не закончить дело в честном бою?

Короткие сумерки сменились ночью, на черном африканском небе высыпали мириады ярких звезд. Кейн наконец достиг предгорий и начал подниматься по склону одного из отрогов невидимых гор, глыбой мрака заслонявших звездное небо.

Первоначально именно эти горы были его целью. Англичанин не только надеялся там скрыться от преследователей, но и найти проход сквозь каменные громады, чтобы не терять времени на обход протяженного горного массива. Однако теперь он начал сомневаться, что его выбор был мудрым. Соломон всей кожей ощущал дыхание древнего зла, его наполняло необъяснимое отвращение к этим столь мирным на вид местам. Казалось, сама атмосфера предгорий пропитана присутствием некоего отвратительного бесовства.

Луны еще не было, и Кейн пробирался по каменистому склону, освещенному лишь подмигивающими звездами. Плотное марево тяжелых испарений экваториальных тропиков придавало им неприятный алый отсвет. По какой-то причине внимание Кейна привлекла необычайно густая рощица, попавшаяся на его пути. Он остановился, вслушиваясь в непонятный тихий звук, вовсе не похожий на шум ночного ветра. К тому же пуританин обратил внимание, что ни одна ветка не шевельнулась.

Соломон, напряженно вглядывающийся в темноту, краем глаза уловил метнувшуюся к нему тень. Предупрежденный бликами звезд на клинке, пуританин вовремя успел уклониться от удара. Чья-то сильная жилистая рука вцепилась ему в горло, а в плечо впились острые зубы.

Пытаясь одной рукой разжать хватку по-звериному рычащего людоеда, второй рукой Кейн буквально чудом отбил щербатый клинок, распоровший ему рубашку на груди.

За то мгновение, пока проклятый каннибал собирался для новой атаки, пуританин успел выхватить кинжал. Его спина напряглась в ожидании удара копьем, но негры-преследователи отчего-то медлили. Сцепившись, мужчины кружили по траве, напрягая все силы, стараясь всадить нож друг в друга. Однако теперь время работало на англичанина, значительно превосходившего силой и ростом людоеда.

Ожесточенно борясь, они оказались на середине освещенной блеском звезд поляны, и Кейн смог рассмотреть своего противника: пронзенный костью плоский нос, заостренные зубы. Завывая, как злобный демон, негр норовил вцепиться зубами в горло пуританина. Содрогнувшись от омерзения, Соломон единым мощным рывком потряхнул с себя липкие руки чернокожего и отточенным движением вонзил свой кинжал прямо в грудь людоеду. Тот, испустив ужасающий вопль, забился в агонии. В воздухе разнесся резкий запах крови.

И в эту же секунду удар огромных крыльев, обрушившихся с неба, оглушил Кейна, сбив пуританина с ног. Еще миг, и его противник исчез, завывая от боли и смертельного ужаса. Кейн вскочил на ноги и огляделся — на поляне он был один. Крик

смертельно раненного каннибала затихал где-то *над головой*.

Пуританин до рези в глазах вглядывался в ночное небо. Ему показалось, что он различает отвратительное страшное Нечто — человеческие конечности, громадные крылья, смутный силуэт. Тварь, однако, исчезла так быстро, что он задумался, не было ли это видение плодом его разыгравшегося воображения.

Однако его горло еще саднило от хватки сильных пальцев, а на плече кровоточил глубокий укус. Подобрав оброненный в самом начале схватки посох Н'Лонги, пуританин нашарил им в потоптанной траве зазубренный нож каннибала. Но окончательно убедил его в реальности происходящего окровавленный кинжал в собственных руках.

Крылья! Крылья ночи! И вдруг все произошедшее с ним за последний день выстроилось в голове пуританина в единую картину. Скелет на баобабе; развороченные соломенные крыши; изуродованный негр, раны которого были оставлены не ножом и не копьем, кричащий о крыльях! Похоже, сам того не ведая, он забрел в охотничьи уголья гигантских птиц, избравших своей добычей людей! Но если это птицы, почему они сразу не склевали того несчастного, привязанного к Столбу Скорби? Может быть, страшные акаана приручили этих крылатых бестий и заставили служить их себе, как сторожевых собак? Но в глубине души Кейн не верил, что какая бы то ни было птица может походить на ужасающую тень, заслонившую звезды.

«Что же, во имя Господа нашего, здесь происходит? — в замешательстве подумал пуританин. — И куда, в конце концов, подевались каннибалы, так долго гнавшиеся за мной. Неужели их обратило в

бегство смерть одного-единственного соплеменника? Пожав плечами, Кейн проверил свои пистолеты и тронулся дальше. Вряд ли в ночной тьме жители равнин рискнут подниматься за ним в горы.

Соломону Кейну нужно было отдохнуть и выспаться, пусть даже за ним по пятам гонятся все демоны Старого Света. Донесшийся с запада далекий рык предупредил его, что ночные хищники вышли на охоту. Сочтя, что он уже достаточно удалился от того места, где его подкараулил людоед, Кейн выбрал для ночного пристанища рощу погуще. Там он изобразил на высокое дерево с развилкой, в которой мог уместиться. Ни одному хищнику до него теперь было не допрыгнуть, а пышная крона из переплетенных ветвей надежно защищала его от любого крылатого создания. Что до змей и леопардов, с ними он встречался тысячу раз и знал, как обходиться с этими созданиями. Кроме того, Кейн всегда спал вполглаза.

Соломон Кейн заснул, но сон его был тяжелым. Пуританина терзали невразумительные кошмары, наполненные животного ужаса перед неведомыми чудовищами, пришедшими из доисторических эпох, когда еще не было человека. Наконец бесформенные видения обрели столь ясные образы, будто все происходящее не снилось Кейну, а происходило с ним наяву.

Англичанину грезилось, что он просыпается, хватаясь за пистолет, — он так долго вел жизнь одинокого волка, что хвататься за оружие стало его естественной реакцией на внезапное пробуждение. И будто на толстой ветке перед ним материализовалось странное, едва различимое существо — плоть от плоти черных теней. Существо было тощее, костистое, высокое и удивительно бесфор-

менное. Оно настолько сливалось с темнотой, что выдавало себя лишь длинными, раскосыми, наполненными дьявольским огнем глазами. Монстр уставился на человека тяжелым и — жадным, что ли? — взглядом. Его вертикальные зрачки впились в глаза пуританина, пытаясь подчинить его душу. Кейн с легкостью стряхнул бесовское наваждение, и демон отступил. Глаза его наполнились некоторой неуверенностью, и он ушел по ветке, шагая словно человек. Затем тварь распахнула гигантские кожистые серые крылья и прыгнула во тьму.

С бьющимся сердцем Соломон вскочил на ноги — морок медленно рассеивался.

Окруженному густыми ветвями человеку показалось, что он находится в настоящем готическом склепе. Кейн огляделся — он был совершенно один. Конечно, это всего лишь сон... Но образ отвратительного создания оказался столь выразителен и мерзостен, что, казалось, обрел самостоятельное существование.

И вдруг Кейн учуял в ночном воздухе едва уловимую вонь, отдаленно напоминавшую тяжелый запах, присущий стервятникам. Он прислушался: дыхание ветра, шелест листьев, скрип ветвей — ничего более. Человек снова задремал, а высоко над ним в звездном небе черная тень кружила и кружила, словно кондор, терпеливо ожидающий добычи.

2

Кейн проснулся, когда солнце уже розовым светом осияло горную гряду на востоке. Спускаясь с дерева, он еще раз подивился необычайной четкости ночного кошмара. Пуританин быстро вымылся и

утолил жажду у родника, а горсть лесных ягод помогла на время забыть о голоде.

Глянув в сторону гор, он зловеще прищурился. Решимость во что бы то ни стало до них добраться еще более в нем окрепла. И дело было не только в том, что они лежали на его пути, но и в том, что он всегда принимал брошенный ему вызов зла, в какой бы форме оно ни встречалось на его пути. А именно в той стороне, сомнений не оставалось, свил себе гнездо — в прямом смысле этого слова — враг рода человеческого. Пуританин расценивал само существование неведомого зла как оскорбление, нанесенное Господу, и был полон решимости на него ответить.

Недолгого сна англичанину вполне хватило, чтобы восстановить силы. Шаг его стал вновь широк и упруг. Оставив за спиной лесок, где на него снизошло откровение Божие — а в этом он не сомневался, — Кейн бодро двинулся вперед. Постепенно на его пути деревьев становилось все меньше и меньше, и вот пуританин уже достиг подножия гор.

Достаточно высоко поднявшись по каменистому склону, Соломон на мгновение остановился, чтобы обозреть оставленную за спиной равнину. С такой высоты его ястребиные глаза с легкостью смогли различить вымершую деревню — пригоршню кубиков, брошенных рукой титана на крошечную полянку, и воткнутую рядом с ними щепку гигантского баобаба.

И вдруг в небе прямо над ним мелькнул какой-то силуэт, и на Кейна, хлопая огромными крыльями, начала пикировать совершенно немыслимая тварь! Словно бы из середины ослепительного солнечного диска на него низвергалось черное, напоминающее уродливого нетопыря страшилище.

Кейн успел разглядеть развернутые огромные крылья и меж ними костистое тело с мерзкой харей — жуткой пародией на человеческий лик. Пуританин был донельзя ошеломлен таким ужасающим подтверждением истинности его ночных кошмаров: он совершенно не ожидал нападения среди бела дня охотящегося по ночам крылатого чудовища.

Однако это отнюдь не помешало ему выхватить из-за пояса тяжелый черный пистолет и твердой рукой послать меткую пулю навстречу демону. Чудище бешено забило крыльями, перекувырнулось в воздухе и бесформенной кучей рухнуло прямо к ногам Соломона.

Пуританин, сжимая дымящийся пистолет, с омерзением разглядывал труп. Дьявольское создание словно прямиком вышло из черных пучин ада, однако добрый свинец послал его обратно. Кейн изумленно покачал головой. В какие только ужасающие места его не заносила судьба, какие только невероятные создания ему не встречались, но такую пакость он видел впервые.

Существо это сложением напоминало человека, но было не по-человечески худым и высоким, не меньше шести с половиной — семи футов. Несомненно, тварь обладала легким костяком, подобно птичьему, чтобы летать.

Удлиненная, узкая, лысая голова лишь отдаленно походила на человеческую: маленькие, заостренные, плотно прилегающие к черепу уши; раскосые желтые глаза, подернутые пеленой смерти; узкий крючковатый, как клюв ястреба, нос. Рот же более напоминал глубокую рану — искривленные в по-смертной гримасе губы обнажали покрытые кровавой пеной волчьи клыки.

И все же у нагой твари было много общего с человеком. Широкие сильные плечи, жилистая шея, длинные мускулистые руки с противопоставленными большими пальцами. Однако вместо ногтей летающий демон обладал острыми кривыми когтями. Но особенно отвратительно выглядел торс летающего человека — с килеобразной грудью и тонкими гибкими ребрами. Длинные паучьи ноги заканчивались большими цепкими, похожими на обезьяньи ступнями.

Кейн с интересом изучил спину необычного существа. Прямо из его плеч вырастали два огромных крыла. Они вовсе не походили на крылья бабочки или птицы, а казались точной копией крыльев летучей мыши — складчатая кожа с проступающими кровеносными сосудами была натянута на костный скелет. Нижний их конец крепился к узким бедрам. Их размах, как прикинул пуританин, был не меньше полутора дюжин футов.

Англичанин брезгливо поднял чудовище, подержал на весу, невольно вздрагивая от прикосновения, омерзительно гладкой кожистой перепонки крыльев. Как он и ожидал, весило крылатое создание чуть меньше половины того, что весил бы человек такого роста. Отбросив подальше сраженное пулей чудовище, Кейн покачал головой. Выходит-таки, его сон был явью и это или подобное ему создание сидело рядом с ним на ветке...

Его размышления самым неожиданным образом были прерваны. Не успел пуританин ничего понять, как на его плечи обрушилась страшная тяжесть и тонкие сильные пальцы вцепились ему в горло. Соломон Кейн, умудренный опытом бродяга джунглей, совершил непростительную ошибку — поддавшись досужему удивлению и любопытству, он потерял бдительность!

Новый монстр, обрушившийся на него с неба, терзал его спину. Кейн невероятным усилием разомкнул стальную хватку и, развернувшись, оказался к нападающему лицом к лицу. Он увидел отвратительную злобную харю, торжествующе скалившуюся меж трепещущих крыльев. Времени выхватить второй пистолет уже не было. К нему метнулись сильные руки, и пуританин ощутил, как дьявольские когти впиваются ему в грудь. Чудище забило крыльями, ноги Кейна потеряли опору, и под пуританином разверзлась пустота.

Крылатое порождение ада обвило ноги человека своими, а руками раздирало ему грудь. Истекающие слюной острые клыки клацали у самого горла пуританина, пытаясь впиться в яремную жилу. Англичанин, стиснув жилистую шею демона правой рукой, удерживал мерзкую пасть на расстоянии, отчаянно напаривая кинжал второй рукой.

Тварь, тяжело взмахивая крыльями, медленно поднималась вверх. На мгновение глянув вниз, Соломон увидел, что они уже высоко вознеслись над кронами деревьев. Он больше не надеялся выйти из схватки в небесах живым. Даже если он убьет своего противника, то неминуемо расшибется в лепешку при падении. Однако сжигавшая его огненная ярость заставляла его — пускай и ценой собственной жизни — уничтожить врага.

Изю всех сил стиснув худую шею крылатой бестии, Кейн изловчился выхватить кинжал и вогнал его по самую рукоять в бок чудовища. Человек-нетопырь забился в конвульсиях, из его горла, стиснутого железной рукой пуританина, вырвался хриплый писк. Тварь бешено извивалась, отчаянно колотила крыльями, мотала и дергала головой, тщетно пытаясь освободиться. Раз за разом не желающий

сдохнуть демон вонзал ужасные клыки в человеческую плоть, терзал мощными когтями грудь и лицо Соломона. Но израненный, обливающийся кровью Кейн, стиснув от жуткой боли зубы, с иступленным упорством истинного британца, все сильнее сжимал ненавистное горло и методично погружал кинжал в тело чудовища.

И ни один из них не ведал, что далеко-далеко под ними испуганные глаза наблюдали за развернувшейся в небесах схваткой.

Тем временем воздушные потоки увлекли сцепившихся в смертельном объятии противников в сторону плоскогорья. Слабеющие крылья чудовища уже не могли выдерживать тяжесть двух тел, и окровавленный ком стремительно неся к земле. Но ни один из них не обращал на это внимания: глаза крылатого человека застила надвигающаяся смерть, а лицо Кейна было залито кровью, клочок кожи свисал со лба. Для свирепо истерзанного англичанина сейчас весь мир сжался до ослепительного багрового пятна, в которое требовалось всаживать кинжал. Снова и снова! Снова и снова!

Судорожные удары крыльев гибнущей бестии еще какое-то время удерживали их над кронами вековых деревьев. Соломон Кейн почувствовал, что хватка когтей и оплетающих его ног ослабевает, а удары врага становятся все тише. Но и его силы тоже были на исходе. Последним усилием пуританин вонзил кинжал прямо в килеобразную грудь чудовища и со свирепой радостью ощутил, как отточенное лезвие вошло точно в черное сердце крылатого человека.

Тот забился в агонии, а затем его крылья, будто лишенные ветра паруса, бессильно обвисли. Победитель и побежденный камнем рухнули вниз. Неис-

товый ветер на мгновение сдул кровь с глаз пуританина, и сквозь багровый туман Кейн успел разглядеть несущиеся ему навстречу ветки. Соломон успел почувствовать, как бешено хлещут упругие прутья по его телу, раздирая в клочья одежду, и растопырить руки, чтобы хоть как-то замедлить падение. Затем ужасающий удар головой о что-то твердое — и тьма...

3

Не меньше тысячи лет Кейн мчался по огненно-черным безмолвным коридорам ночи. В непроницаемой тьме над ним демоны с дьявольским смехом вспарывали воздух огромными крыльями. Под покровом мглы он бился с армией Сатаны, как бьется загнанная в угол крыса с нетопырями-вампирами. Бесплотные рты нашептывали ему в уши чудовищные богохульства и непотребные тайны, а под его ищущими опоры ногами хрустели человеческие кости.

Пробуждение от жутких видений оказалось внезапным. Тошнотворные кривляющиеся хари перед его глазами вдруг сменились круглым симпатичным чернокожим лицом.

Оглядевшись, пуританин понял, что лежит в чистой уютной хижине. От бурлящего над очагом котелка исходили дразнящие ароматы, и Кейн понял, что ужасно проголодался. Также он понял, что вряд ли сможет поесть без посторонней помощи. Никогда еще англичанин не чувствовал себя таким болезненным и слабым — поднятая к перевязанной голове рука тряслась, а некогда загорелая кожа на ней была серого цвета.

Над ним, разглядывая белого человека, стояли двое мужчин. Один из них был толст и улыбчив, второй — высокий воин с угрюмым лицом.

— Он пришел в себя, Куроба, — сказал толстяк. — Его душа вернулась в тело.

Худой кивнул и что-то крикнул, обращаясь к кому-то на улице.

— Где я нахожусь? — спросил Кейн, пытаясь приподняться. — Сколько времени я был без сознания?

Толстый негр заставил его лечь, положив ему на лоб мягкую, как у женщины, ладонь.

— В последней деревне народа богонда, — грустно сказал он. — Мы нашли тебя под деревьями на плато. Ты был жутко изранен, и никто не верил, что ты выживешь. Много дней ты пролежал без памяти, в горячке. Но теперь худшее позади... Тебе нужно поесть.

Толстяк наполнил глиняную миску из кипевшего над огнем котелка, и Соломон жадно набросился на еду.

— Смотри, Куроба, он ест, как голодный леопард, — подвиглся толстяк, как понял пуританин, бывший здесь кем-то вроде доктора. — И один на тысячу не выжил бы после таких ран.

— Но и один на тысячу не смог бы убить в воздухе так изранившего его акаана, — ответил хмурый воин. — Так-то, Гору.

Словно молния вспыхнула в голове у пуританина. Сперва он подумал: акаана... Конечно же, так назывались крылатые твари, а вовсе не какое-то дикое племя, как он сперва подумал! А потом...

— Гору?! — выкрикнул англичанин. — Жрец, что обрекает людей на жуткую смерть у Столба Скорби?

Кейн хотел вскочить, прикончить толстого негра, но накатившая слабость заставила его рухнуть обратно на циновки. Хижина закружилась перед его глазами, и вскоре, бессильно сжимая кулаки, он уснул.

Когда Соломон проснулся, то обнаружил сидящую рядом с ним на корточках юную чернокожую девушку. Как выяснилось, звали ее Найела и Гору поручил ей ухаживать за белым человека. Несмотря на то что Кейн отказывался от ее помощи, девушка покормила его с ложки.

Так повторялось несколько раз. Когда же к Кейну начали возвращаться силы, он засыпал девушку расспросами. Найела, явно благоговевшая перед англичанином, отвечала робко, но на удивление рассудительно.

Была она родом из племени богонда, которым правили вождь Куроба и жрец Гору. Ни один человек из их народа до сих пор не то что не видел людей с белой кожей, но даже и не слышал об их существовании. Суеверные дикари до сих пор его побаивались, так как считали, что обычный человек не выжил бы после таких ран.

Англичанин поразился, когда узнал, сколько дней пролежал в беспомощности. Однако ему невероятно повезло, что он не переломал себе все кости — жуткий удар смягчили ветки, сквозь которые он пролетел, и мертвое тело акаана. Когда же Кейн спросил о Гору, Найела тут же за ним сбегала.

Толстый жрец вошел в хижину, неся все оружие пуританина.

— Кое-что мы нашли рядом с твоим телом, — заметив направление его взгляда, сказал негр. — Кое-что у тела акаана, которого ты поразил огнем и дымом из громового жезла. Я бы мог решить, что

ты бог, но боги не истекают кровью и не бьются в лихорадке. Так кто же ты, белый человек?

— Ты прав, жрец, — я не бог, — ответил Кейн. — Я такой же человек, как и ты, и мы отличаемся лишь цветом кожи. Я пришел из самой лучшей и самой могучей страны, что лежит далеко-далеко за соленой водой. Зовут меня Соломон Кейн, и я безземельный скиталец. Теперь ты объясни мне, жрец, вот что. От умирающего у страшного столба человека я слышал твое имя. Но у тебя доброе лицо, и ты не похож на злодея. Так что, во имя Господа нашего, здесь происходит?

Тень набежала на лицо чернокожего.

— Отдыхай и набирайся сил, странник. Кем бы ты ни был — человеком ли, духом ли, они тебе понадобятся. Когда я сочту, что ты достаточно окреп, поверь, ты все узнаешь о страшном проклятии, довлеющем над этим древним краем.

Еще целую неделю после этого разговора Кейн набирал вес и силы с обычной для него скоростью, безмерно удивляя богондцев. Гору и Куроба долгие часы просиживали у его ложа, неторопливо посвящая пуританина в удивительные и страшные тайны.

Племя богондцев пришло в эти горы из других мест. Шесть поколений назад их предки поселились на этом плоскогорье и дали ему имя своей далекой родины. Там, в Старой Богонде далеко на юге, их племя жило на берегу великой реки и было достаточно сильным. Но бесконечные войны с соседями подорвали могущество племени. Когда однажды те объединились и совершили опустошительный набег на Старую Богонду, от их племени и почти ничего не осталось.

Гору поведал Соломону легенду о великом исходе. Тысячи и тысячи лиг джунглей, саванн, бо-

лот и пустынь прошли богондцы, неустанно отбивая нападения врагов, и нигде не было им пристанища. В конце концов, с тяжелыми боями пробившись через земли каннибалов, они пришли сюда, где обрели долгожданный покой. В этом пустынном месте им не угрожали набеги врагов. По крайней мере, так им тогда показалось. Но вышло так, что богондцы стали узниками этих мест, откуда ни им, ни их потомками не вырваться вовек. Злая судьба привела их в ужасную страну Акаана. Их предки слишком поздно сообразили, отчего так издевательски хохотали людоеды, не ставшие их преследовать на плато.

Племя богонда оказалось в плодородных землях, богатых водой. Тут в изобилии паслись тучные стада коз и диких свиней. Сначала люди вволю охотились на свиней, но потом, по весьма серьезным причинам, о которых Кейн узнает чуть позже, пришлось их оберегать. Зеленая саванна меж плоскогорьем и джунглями давала приют множеству буйволов и антилоп. Из хищников же здесь водились только львы, которые крайне редко забредали на плоскогорье — им вполне хватало пищи и на равнине. Однако недаром слово «богонда» переводится как «убийца львов», и через несколько лун большие кошки научились вообще избегать гор. Но вскоре, увы, предкам Гору пришлось узнать, что бояться следовало не львов...

Когда выяснилось, что воинственные каннибалы оставили их в покое и не собираются пересекать саванну, измученные долгими странствиями и многими лишениями люди выстроили две деревни — Верхнюю и Нижнюю Богонды. Так вот, Соломон Кейн находился сейчас в Верхней Богонде, а виденные им руины — все, что осталось от Нижней.

Но стоило несчастным чернокожим вздохнуть с облегчением, выяснилось, что они угодили в центр охотничьих угодий адского племени крылатых чудовищ, чьи клыки и когти были остры и безжалостны.

Поначалу люди слышали лишь шум огромных крыльев по ночам и видели диковинные силуэты, заслонявшие звезды или пересекавшие лик луны. Затем стали пропадать дети, и, наконец, один молодой охотник не вернулся с ночной охоты в горах. А наутро безжалостно изувеченное тело упало с неба прямо в центр деревни, и от прогремевшего с небес сатанинского хохота кровь застыла в жилах перепуганных негров. И скоро богондцы полностью осознали весь ужас положения, в котором оказались.

Если поначалу крылатый народ боялся людей, отсиживался днем в пещерах и лишь по ночам выбирался на охоту, со временем проклятые твари набрались наглости.

В один ужасный день молодой воин подстрелил из лука одно такое чудовище, из поднебесья извергающее нечистоты на деревню. Но акаана уже выяснили, что плоть человеческая слаба, а главное — сладка. Предсмертный вопль твари призвал целую стаю его поганых сородичей. Они налетели на смелого стрелка и разорвали его в клочья прямо на глазах односельчан.

Испуганные люди решили покинуть дьявольские края. Сотня воинов отправилась в горы, чтобы найти проход, — еще раз биться со свирепыми каннибалами племя себе позволить не могло. Но все их усилия оказались тщетны. Пути наружу не было, со всех сторон плоскогорье окружали лишь крутые скалы. Все, что удалось отыскать богондцам, так

это усеянные пещерами обрывы, где гнездились отвратительные акаана.

Разразившаяся тогда битва между людьми и крылатыми демонами завершилась сокрушительным поражением чернокожих. Луки и копья негров оказались бессильны против ужасающих клыков и когтей чудовищ. Из отряда смельчаков, отправившихся на разведку, не уцелел ни один. Акаана преследовали убегающих и растерзали последнего на расстоянии полета стрелы от деревни.

Выяснив таким ужасным образом, что путь через горы им заказан, люди решили пробиваться той дорогой, по которой пришли сюда. Но на равнине им преградили путь каннибалы, и после страшной, длившейся весь день битвы жалкие остатки богондцев были вынуждены вернуться назад. Гору рассказал: пока шла кровавая бойня, в небе роились ужасные монстры. Казалось, сами небеса заливаются адским смехом — так веселились акаана, глядя, как одни человеческие существа истребляют других.

В этом сражении мощь племени была безнадежно подорвана, богондцы понесли ужасающие потери. Оставшиеся в живых после двух сражений залечили раны и с природным фатализмом черного человека приняли неизбежное. От некогда многочисленного и могучего племени осталось не более полутора тысяч человек — и это считая женщин, стариков и детей! Несчастные создания построили хижины, стали возделывать рис и овощи, приспособившись к жизни в тени смерти.

В те далекие времена народ крылатых акаана был гораздо крупнее и многочисленнее, и при желании мерзкие твари могли бы известить племя богондцев под корень. Ни один воин не смог бы выстоять в поединке один на один против акаана. С

дьявольской скоростью акаана обрушивались на людей с неба, а случись им промахнуться, мощные крылья уносили их прочь от любой опасности.

Тут Кейн прервал жреца, поинтересовавшись, почему негры не убивали проклятых тварей из луков. Гору пояснил, что нужны твердая рука и меткость, чтобы в воздухе поразить летящих с огромной скоростью акаана. Кроме того, хитрые бестии держатся так высоко и обладают такой прочной кожей, что стрела, выпущенная с земли, как правило, не наносит им ни царапины.

Пуританин, вспомнив, что практически все негры были никудышными стрелками, не стал ничего возражать. Вдобавок не знавшие стали дикари изготавливали наконечники для своих стрел из острых каменных сколов и костей или, в лучшем случае, мягкого кованого железа. Он с тоской подумал о достижениях лучников и мушкетеров в битвах при Пуатье и Азенкуре. Дорого бы он дал, чтобы иметь здесь сотню английских лучников или отряд королевских мушкетеров.

Гору продолжил свой печальный рассказ, и перед пуританином начала вырисовываться отвратительная, зловещая картина. Акаана вовсе не собирались полностью уничтожить народ богонда. Основной их пищей все же были свиньи и козы, которыми изобиловали окрестности плоскогорья. Иногда они охотились на антилоп саванны, но вообще-то избегали открытых пространств и боялись львов. Не залетали, впрочем, они и в джунгли, где им было не размахнуться. Народ крылатых созданий держался отрогов и плоскогорья. Что за края лежали за горным хребтом, в Богонде никто не знал, но, судя по всему, для проклятых акаана они не представляли интереса.

Так вот, акаана позволили людям обосноваться из тех соображений, по каким люди запускают мальков в пруды и позволяют плодиться диким животным,— для собственной надобности. Но кроме того, что акаана были людоедами, они еще обладали патологической злобой и извращенным чувством юмора. Жуткие твари получали удовольствие, мучая и истязая людей. И потому в горах по сей день раздаются отчаянные вопли, заставляющие людей втягивать головы и обливаться холодным потом.

Уже сменилось не одно поколение, как люди научились не дразнить своих пастухов. Да и акаана довольствовались тем, что время от времени похищали ребенка-другого или нападали на застигнутых ночью за пределами деревенской изгороди людей. В хижины они не врывались, и вообще кружили высоко над деревней, не спускаясь на улицы. Богонда жила более-менее беспечно — вплоть до недавнего времени.

Толстый негр пояснил англичанину, что народ акаана вырождается и вымирает, причем довольно быстро. Он надеялся, что остатки народа богонда переживут крылатых бестий. Но, добавил Гору с обычным для чернокожих фатализмом, только для того, чтобы уцелевшие угодили в котлы нагрянувших на плоскогорье людоедов. По его подсчетам, крылатых тварей сейчас осталось никак не более полутора сотен. На недоуменный же вопрос пуританина, отчего в этом случае воинам не устроить великую охоту и не истребить крылатых дьяволов до последнего, жрец горько усмехнулся и повторил уже слышанное Кейном об их ужасающей силе и ловкости. К тому же сейчас в Верхней Богонде обитает не более четырехсот душ, и акаана для них

единственная защита от кровожадных людоедов западных земель.

За последние тридцать лет племя потеряло больше народу, чем когда-либо. По мере того как число акаана уменьшалось, росла их злоба. Похищения людей становились все более частыми и наглыми, а высоко в горах, в мрачных пещерах акаана, беспрестанно шла оргия убийств и каннибализма. Гору поведал о нападениях и на охотников, и на работавших в поле женщин. Рассказал он и о том, что дующий с гор ночной ветер доносит до их ушей ужасающие крики жертв и замораживающий в жилах кровь хохот. Крылатые людоеды устраивали под звездами неопишимо омерзительные пиршества, а с мрачных небес на головы несчастных негров падали обглоданные руки и ноги и оторванные головы.

Потом грянула Великая засуха, а за ней — Великий голод. Высохли даже самые обильные ключи, погибли на корню посевы майса и риса, маниоки и батата. Антилопы, олени и буйволы — главный источник мяса для богондцев — ушли вглубь джунглей на поиски воды, а на плоскогорье пришли львы — голод поборол их страх перед людьми. Множество людей умерли от голода и болезней, а оставшимся в живых пришлось начать охотиться на свиней — традиционную пищу акаана. Чудовища от этого впали в форменное неистовство, потому что засуха и львы и так изрядно уменьшили поголовье хрюшек.

Наконец засуха миновала, но непоправимое уже случилось. Жалкие остатки некогда огромных стад бродили по плоскогорью, животные сделались пугливыми, и подобраться к ним стало практически невозможно. Негры съели свиней, акаана принялись поедать негров. С этих самых пор сравнительно спокойная жизнь чернокожих стала адом.

Не выдержав подобного душегубства, жители нижней деревни взбунтовались. Полторы сотни богондцев, полуобезумевших от притеснений, поднялись против своих жестоких владык. Парочка акаана, решивших поживиться оставленным без присмотра ребенком, была засыпана градом стрел из луков.

Одна из крылатых тварей была убита наповал, второй, раненной, удалось убраться восвояси. Затем люди Нижней Богонды вооружились кто чем мог и, забаррикадировавшись в хижинах, стали ожидать своей участи.

Беда обрушилась на несчастных чернокожих ночью. Поборов свой страх перед строениями, акаана налетели на деревню всей стаей. Верхнюю Богонду разбудили вопли, означавшие конец Нижней. Всю ночь охваченные ужасом люди племени Гору и Куробы протряслись в своих жалких укрытиях, вынужденные слушать леденящие кровь завывания и вопли, становившиеся все более редкими и хриплыми. Наконец стихли и они.

Голос жреца прервался. Гору замолчал, стараясь унять дрожь от бередящих душу воспоминаний и изгнать из своего сознания отголоски дьявольского пиршества.

А на рассвете жители Верхней Богонды увидели направлявшуюся в их сторону дьявольскую стаю. Акаана летели медленно, тяжело взмахивая крыльями, словно насытившиеся грифы. На фоне предрасветного неба они, словно черные демоны ада, немолимо приближались к деревне.

— Мы уже попрощались друг с другом, — сказал Гору, — но проклятые твари только высыпали на деревню невообразимо изуродованные головы наших соплеменников.

Кейн лишь сочувственно сжал его плечо. Глубокие глаза пуританина светились ледяной решимостью сильнее, чем когда-либо прежде.

Много дней и ночей люди тряслись от страха, ожидая бесславной кончины. Наконец непрерывное ожидание смерти побудило их к жестокому решению. Богондцы стали тянуть жребий, и того, кому выпала горестная доля, привязывали к находящемуся на полпути между деревьями столбу, получившему название Столба Скорби. Запуганные негры решили, что подобную покорность акаана сочтут подобающей и жители Верхней Богонды избегнут страшной участи соплеменников.

Интересно, что этот обычай народ Гору перенял у каннибалов, некогда почитавших летающих бестий за богов и каждую луну приносивших им человеческую жертву. Однако, обнаружив случайно, что акаана можно убить, каннибалы перестали считать людей-нетопырей богами.

Тут Гору сделал паузу в своем повествовании и прочитал Кейну целую лекцию, почему ни одно смертное существо недостойно божественных почестей, как бы ни было оно злобно и могущественно. Надо сказать, что пуританин и раньше не мог взять в толк дикарских суеверий. Не уловил он особой разницы и в этот раз.

Предки Гору время от времени приносили крылатому народу жертву, чтобы задобрить его, но постоянным ритуалом это все же не стало. Лишь в последнее время, не видя другого выхода, народ богонда возвел ужасающее жертвоприношение в обычай. Акаана привыкли получать свою жертву, и каждое новолуние все молодые богондцы тянули жребий, и вытянувшие его юноша или девушка оказывались у столба.

Кейн, за свою жизнь научившийся безошибочно разбираться в людях, внимательно следил за лицом жреца. И когда Гору заговорил о вынужденных жертвах, пуританин увидел, что его боль и горе непритворны. Но сама мысль о том, что создания Божьи по доброй воле медленно, но неотвратимо исчезали в утробах адских тварей, привела его в ужас.

Выслушав историю Гору, пуританин поведал о несчастном, которого нашел, миновав мертвую деревню. Жрец кивнул, и на глаза у него навернулись слезы. Не один день и не одну ночь жертва претерпевала неопишуемые мучения у страшного столба, пока акаана утоляли свою демоническую жажду крови.

До сей поры ежемесячные жертвоприношения отводили гибель от верхней деревни. На плоскогорье осталось еще небольшое количество свиней, да время от времени зазевавшийся ребенок исчезал в пещерах редющего мерзкого племени.

— Неужели каннибалы никогда не поднимаются на плоскогорье? — поинтересовался Кейн.

— Чувствуя себя хозяевами джунглей, в саванну они никогда не заходят. К тому же кровожадным дикарям до сих пор неведомы истинная сила и численность крылатых тварей, — утвердительно кивнул Гору.

— Но за мной они гнались до самого подножия гор! — удивился пуританин.

— Людоед был один-одинешенек, — покачал головой толстый негр. — Наши воины прошли по его следам почти до самых джунглей. Должно быть, этот безумный смельчак превозмог в охотничьем азарте страх перед ужасным плоскогорьем.

Избегавший божбы пуританин лишь скрипнул зубами. Невыносимым стыдом обожгла его мысль,

что он — Соломон Кейн — сломя голову убегал от одного-единственного преследователя! Неудивительно, что тот крался так осторожно и напал лишь с наступлением темноты, да и то из засады.

— Почему же акаана схватили тогда не меня, а людоеда? И почему на меня не напали ночью, когда я спал в развилке? — вслух подумал Кейн.

— Людоед был ранен, а эти твари, подобно гиенам, со всех сторон собираются на запах крови. Однако они очень осторожны. Доселе им не встречалось ни одно человеческое существо, не побывавшее от них в ужасе. Видимо, акаана решили понаблюдать за тобой и застать врасплох на открытом месте, где ветки деревьев не смогут помешать их крыльям.

— Жрец, что же это за твари и откуда, во имя Господа нашего, они взялись? — спросил Кейн.

Гору пожал плечами. Его предки застали акаана здесь и до того ничего о них не слышали. Если же знали людоеды, то, по вполне понятным причинам, делиться этими сведениями с богондцами они не стали. Все, что его люди выяснили к настоящему времени, это то, что акаана жили в пещерах, нагие, как звери, не знали огня и ремесел, ели сырое мясо. Однако крылатые твари обладали чем-то вроде языка и признавали власть какого-то своего вождя.

— По счастью, — добавил он, — большая часть злобных демонов погибла во времена Великого голода — тогда у них сильный пожирал слабейшего. Однако уцелевшие стали быстро вымирать — уже несколько лет мы не замечали среди людей-нетопырей ни самок, ни молодых особей. Очевидно, что люди-нетопыри скоро исчезнут, впрочем, народ Богонды переживет их не надолго... — печально закончил толстый жрец.

Пуританин вдруг поразился одному давнему воспоминанию. Много лет тому назад, когда он только познакомился с Н'Лонгой, тот как-то рассказал ему легенду, которую Кейн считал очевидным вымыслом. Так вот, старый колдун тогда говорил, что в незапамятные времена над их страной пронеслась целая туча крылатых демонов. Они летели не один час, и от множества их крыльев великая тьма пала на землю. Ужасные существа пришли откуда-то с севера и исчезли на юге. И лишь воля неназываемого Черного бога не дала им опуститься.

Жрецам вуду было известно, что на заре рода человеческого великое множество подобных тварей обитало на берегу бескрайнего соленого озера, лежащего далеко к северу от Западного Побережья. Н'Лонга говорил Кейну, что это было еще в те времена, когда Черным Континентом правили Звероподобные боги.

Так вот, некий великий вождь прогневался на чудовищ и повел свое могучее племя на них войной. Его подданные перебили из луков и пращей великое множество злобных бестий, вынудив оставшихся сорваться с насиженных мест и бежать от гнева вождя — Н'Ясунна было его имя — на юг. Кроме того, этот величайший из воителей древности приплыл на огромном каноэ, в котором одновременно гребли веслами сотня воинов, отчего этот челн мчался по водам быстрее стрелы.

Кейн вздрогнул от ледяного прикосновения Истины, перед которой оказывались бессильны само Время и Пространство и которой не было ни малейшего дела до человеческих веры или безверия. Пуританин понял, что еще одна старая зловещая легенда оказалась доподлинной. Чем могло быть это большое соленое озеро, как не Средиземным

морем, и кем был великий воитель Н'Ясунна, как не предводителем аргонавтов Ясоном, одолевшим гарпий и прогнавшим их не только к архипелагу Стрoфады, но и в Африку?

Старое языческое предание самым невероятным образом подтвердилось, думал пуританин. Его разум был смущен нахлынувшими догадками. Если миф о гарпиях оказался чистой правдой, то не могли ли оказаться такой же правдой и многие другие истории? Например, легенды о Гидре, кентаврах, Химере, Медузе, Пане и сатирах? Может быть, правдивы все старинные легенды, повествующие о кошмарных злых существах с клыками, когтями, рогами и крыльями? Неужели прав был Н'Лонга, убеждавший пуританина в существовании древних звериных богов? О, Африка, Африка, Черный Континент, край теней и страхов, последнее прибежище порождений мрака, изгнанных с севера великими героями древности!

Кейн очнулся от размышлений. Толстый Горуробко и осторожно потрогал его за рукав.

— Ты великий воин, Соломон,— сказал негр.— Избавь нас от акаана! Если ты и не бог, то силой равен богу! Мои люди принесли твой посох. Я не смею ступить на темные пути вуду, но моих знаний вполне достаточно, чтобы увидеть мощь этого талисмана, служившего скипетром великих императоров и жезлом могущественнейших жрецов.

Белый воин, ты повелеваешь волшебными громовыми посохами, что посылают смерть с дымом и огнем,— Найела видела, как ты убил двух акаана, причем одного из них в воздухе. Ты станешь нашим повелителем... богом... кем только пожелаешь! Уже миновал месяц, как ты в Богонде. Пришло время жертвы, но у проклятого столба никого нет. Акаа-

на остерегаются летать над деревней. Мы сбросили ярмо скотской покорности, понадеявшись на твою защиту!

Пуританин, до глубины души пораженный невероятной просьбой, прижал руки к груди.

— Жрец, ты сам не понимаешь, чего требуешь! — воскликнул он. — Видит Бог, сердце мое полно решимости избавить от древнего зла эти края, но я не всемогущ. Я могу из пистолетов, которые ты называешь волшебными жезлами, убить нескольких чудовищ, но порошу у меня почти не осталось. Будь у меня приличное количество пороха и мушкет, охота удалась бы на славу, но мушкет я утратил, сражаясь с ходячими мертвецами-магрудами в Городе Безмолвия. И даже если нам удастся избавиться от летающих людоедов, что мы будем делать с двуногими?

— Мы верим, ты сможешь нам помочь! Эти твари тебя боятся! — крикнул незаметно подошедший к собеседникам Куроба.

Вместе с ним появились красавица Найела и ее возлюбленный юноша Лога, которому на этот раз выпал страшный жребий. Они умоляюще смотрели на Соломона. В устремленных на него взглядах людей было столько веры и надежды, что ни один истинный британец не смог бы ответить отказом этим несчастным. Помочь попавшим в беду людям для пуританина было делом чести. Кейн оперся волевым подбородком на кулак и тяжело вздохнул:

— Хорошо. Если вы считаете, что я могу послужить живым щитом, охраняющим ваш народ, я до конца дней моих останусь в Богонде.

• • •

Неделя проходила за неделей, но Кейн так и не смог приспособиться к жизни в убогой африкан-

ской деревушке. И дело было вовсе не в людях: богондцы оказались на удивление добрым и душевным народом. Их природное жизнелюбие было подавлено долгой жизнью под сенью страха, но теперь, с приходом великого воина (которым они полагали Соломона), они зажили новыми надеждами.

Сердце англичанина щемило от того непритворного почтения и уважения, которые к нему проявляли местные жители. Негры распевали песни о его подвигах, работая в поле, с его именем танцевали вокруг костров, провожали его взглядами, полными восхищения и обожания. Пуританина же мучило острое чувство собственной бесполезности и беспомощности. Он прекрасно понимал, что окажется плохой защитой, когда — а это был лишь вопрос времени — крылатые монстры обрушатся на селение с небес.

И тем не менее пока он не мог ничего изменить. Во сне англичанин видел белых чаек, кружащих в синем-синем небе, высоко над склонами такого далекого Девоншира. Когда же он просыпался, зов джунглей разрывал ему сердце — с такой силой его манили неизведанные земли. Но он оставался в Богонде, не переставая ломать голову, нащупывая надежный план истребления людей-нетопырей. Часами он просиживал, опершись на посох вуду, надеясь, что, быть может, черная магия придет на помощь бессильному разуму белого человека. Но и бесценный дар Н'Лонги ничем ему не помог.

Лишь однажды Кейну удалось вызвать старого колдуна, находящегося сейчас за многие сотни лиг от него. Но Н'Лонга объяснил, что посох может помочь пуританину только в том случае, когда его противниками окажутся сверхъестественные силы. А гарпии-акаана отнюдь такими не являлись.

Пуританин перебирал в уме все известные ему охотничьи премудрости, но как, скажите на милость, можно было поймать в ловушку дьявольски хитрых крылатых существ?

Рык львов служил своеобразным аккомпанементом его мрачным мыслям. На плоскогорье осталось так мало людей, что здесь стремительно возрастало поголовье хищников, не боявшихся ничего, кроме копий охотников. Кейн криво ухмыльнулся. Причиной его неприятностей были вовсе не львы — их-то можно было выследить и истребить поодиночке...

На некотором отдалении от остальных построек возвышалась большая хижина Гору, в которой некогда собирался совет племени. Кейн подумывал даже об использовании колдовских фетишей, но жрец, безрадостно махнув рукой, объяснил, что, хотя мощь сосредоточенного в них волшебства и велика, они могут успешно противостоять лишь злым духам. Против крылатых, равно как и двуногих, тварей из плоти и крови фетиши были бессильны.

4

Ужасные вопли вырвали Кейна из изматывающего сна, наполненного гнетущими сновидениями. Сперва он не мог понять, сон это или явь, но ни один сон не может оказаться страшнее, чем жизнь. Прямо за дверями его хижины страшной смертью гибли люди. Пуританин всегда спал с оружием под подушкой, поэтому он не терял времени на сборы. Натянув сапоги и накинув камзол, он в одно мгновение оказался на улице.

Тут же кто-то припал к его ногам, обхватил их и забормотал. В неверном свете звезд пуританин с

трудом распознал в чернокожем молодого Логу — лицо юноши было обезображено до неузнаваемости. Не успел Кейн ничего сказать, как тело несчастного обмякло и Лога испустил дух.

Ночь была наполнена какофонией звуков, со всех сторон доносились пронзительные крики боли, вопли ужаса и бесчеловечный сатанинский хохот монстров акаана. Англичанин высвободился из хватки мертвых рук и побежал на свет меркнувшего костра на центральной площади деревни. Было новолуние, и под покровом ночи он мог различить лишь мельтешащие в воздухе гигантские тени; перепончатые крылья людей-нетопырей заслоняли звезды.

Кейн выхватил из костра горящую головню и закинул ее на крышу ближайшей хижины. Сухая солома моментально занялась, и взметнувшийся столб пламени высветил разразившийся на улицах Богонды ад. От такого кошмарного зрелища пуританин застыл в ужасе: крылатые душегубы носились над улицами, десятками пикируя на головы ничего не соображающих от страха людей, разметывали крыши, чтобы добраться до тех, кто тщился найти спасение с хлипких строений.

Разразившись потоком черной брани, англичанин согнал с себя оцепенение и выхватил пистолет. Он навел длинный ствол на метнувшуюся к нему с оскаленной пастью и горящими адским пламенем глазами гарпию и нажал на курок. Голова образины, точно перезрелый гранат, взорвалась облаком кровавых брызг. Мертвый акаана рухнул прямо в костер, и воздух наполнился запахом паленой плоти.

Испустив дикий вопль, пуританин ринулся в бой. В его крови вспыхнул огонь всепожирающей ярости предков — язычников-саксов. Впитавшие с мо-

локом матери безропотность и покорность негры, привыкшие к столетиям унижения и страха, уже были неспособны к организованному отпору. Они десятками, словно овцы на бойне, гибли от ужасающих клыков и когтей, и лишь немногие, обезумевшие от ненависти, пытались сопротивляться. Но луки ночью оказались бесполезны, а дьявольское проворство чудовищ помогало им уворачиваться от копий и топоров. Подлетев кверху, акаана избегали удара, а потом пикировали, вапили жертву на землю и вспарывали ей живот длинными острыми когтями.

В пылу сражения Соломон не сразу увидел Куробу — вождь, прижавшись спиной к стене хижины, отбивался он нападающих на него чудовищ. Под ногами его уже лежал труп акаана, оказавшегося недостаточно проворным. Здоровенным двуручным топором высокий негр отмахивался не менее чем от полудюжины гарпий. Англичанин метнулся ему на помощь, но его заставил остановиться тихий жалобный стон.

Буквально в дюжине футов от пуританина, на траве, под тушей здоровенного акаана, извивалась окровавленная Найела. Гаснущий молящий взгляд девушки встретился со взглядом Соломона Кейна. Выругавшись, англичанин, выпалил из второго пистолета. Судорожно забив в пыли крыльями, мерзкое создание откатилось от девушки.

Одним прыжком Кейн подскочил к Найеле и присел на корточки рядом с ней, но было уже слишком поздно... Бедняжка поцеловала руку, поддерживающую ее голову, и глаза ее закрылись навсегда.

Пуританин бережно уложил тело на землю и поискал взглядом Куробу, но увидел лишь кровавое

месиво под ногами гнусных бестий. Свет померк в глазах пуританина. Издав ужасающий вопль, на мгновение перекрывший шум резни, он, сжимая одной рукой рапиру, а другой кинжал, ринулся в бой. Невероятно быстрым движением он вспорол кинжалом жесткое брюхо ближайшего к нему акаана, а горло другого пронзил рапирой. Оставив за спиной извивающихся и вопящих чудовищ, обезумевший человек устремился на поиски новых врагов.

Повсюду вокруг Соломона в муках умирали жители Богонды. Завывающие и улюлюкающие демоны, словно ястребы за куропатками, гонялись за мечущимися в панике чернокожими. Многие богондцы пытались найти убежище в хижинах, но монстры срывали крыши или выламывали двери. К счастью, Кейну не довелось увидеть происходившее внутри их.

Низвергнутый в пучины отчаяния, англичанин был уверен, что именно он стал виновником трагедии. Поверив в сопричастность белого человека к их божествам, богондцы перестали ублажать своих палачей ежемесячными жертвами и теперь несли за это кару. Именно он, Соломон Кейн, виноват в том, что не смог их уберечь. Самым страшным испытанием для пуританина были полные муки глаза негров. В глазах этих не было злобы или гнева, только боль и немой укор — он был их пастырем, но не сумел защитить свою паству.

Не разбирая пути, словно ангел смерти, неся англичанин по улицам, раздавая гибельные удары направо и налево. Монстры, заведев белокожего убийцу, бросали своих покорных жертв и пытались ускользнуть. Но обожравшимся человеческой плоти демонам скрыться от ярости пуританина было нелегко.

Сквозь застилавшую его глаза багровую пелену (и ее причиной был не пожар, охвативший деревню) Кейн разглядел, как гарпия, схватив обнаженную женщину, повалила ее на землю, впившись в горло волчьими клыками. Англичанин сделал выпад, и раненая тварь, бросив захлебывающуюся кровью негритянку, взмыла вверх. Но не тут-то было! Пуританин, завывая как дьявол, отбросил рапиру, совершил безумный прыжок, обхватил руками и ногами тело акаана и впился зубами ему в глотку.

Кейн снова сражался в воздухе, но на сей раз он был хозяином положения. Суеверный страх сковал недалекий умишко гарпии. Дьявольское создание даже не пыталось использовать свои клыки и когти, а лишь отчаянно силилось вырваться из стальной хватки врага, рвавшего ей зубами глотку. Оно дико верещало и взбивало воздух крыльями до тех пор, пока Кейн не опомнился настолько, чтобы использовать вместо зубов кинжал. Стальное острие нашло гнусное сердце, и гарпия рухнула вниз.

По счастью, они угодили на соломенную крышу, смягчившую падение. Соломон и мертвое чудище пробили ее и упали на извивающиеся тела. Отблески пожара попадали в хижину через выломанную дверь, и в их красноватом свете англичанин увидел окровавленные клыки в разверстой пасти акаана, пожиравшего еще не успевшего умереть негра. Пуританин выплыл из мутно-багрового омута безумия, его стальные пальцы сомкнулись на горле монстра, и их хватку не смогли разомкнуть ни когти, ни удары крыльев. Соломон разжал сведенные судорогой руки, только когда ощутил, что акаана отдал дьяволу свою черную душу.

Снаружи доносились звуки резни. Кейн устремился прочь из наполненной мертвецами хижины.

На бегу он подхватил какое-то оружие — это оказался топор — и выбежал на улицу. Гарпия попыталась взлететь из-под самых ног Соломона, но он, даже не замедляя бег, рубанул слепча проклятую бестию. Пуританин, завывая в бешенстве, неся с окровавленным топором дальше, а за его спиной билось в агонии обезглавленное тело акаана. Однако больше противников ему не нашлось. Крылатые твари улетали. У акаана пропала всякая охота драться с белокожим безумцем, еще более диким в своей ярости, чем они.

Но адские твари взмывали в ночное небо не одни. В когтях акаана сжимали еще трепетавшие человеческие тела. Ночное небо оглашалось криками боли и тщетными мольбами. Кейн, потрясая окровавленным топором, метался во все стороны, пока наконец не остался один-одинешенек в заваленной трупами деревне. Запрокинув голову к равнодушным звездам, он посылал вслед монстрам страшные проклятия, а на лицо ему падали теплые соленые капли.

В поднебесье затихали последние отголоски кровавого пиршества демонов, смолкли предсмертные вопли людей и дьявольский хохот акаана, закончился кровавый дождь. Соломона покинули последние проблески рассудка. Он бормотал что-то бессвязное, время от времени дико вопил и раз за разом обрушивал топор на поверженных гарпий.

Чем выглядел сейчас в глазах Богов попирающий мертвые тела человек, залитый кровью с ног до головы, грозящий своим жалким топором самим небесам и выкрикивающий ужасные проклятия крылатым демонам ночи? Можно сказать, что он олицетворял собой все человечество.

5

Пришел рассвет, вершины гор озарились бледно-розовым светом, и солнечные лучи пали на то, что некогда было последним приютом народа богонда. Уцелело большинство хижин, лишь незначительная их часть превратилась в груды тлеющих углей — в том числе и хижина Соломона Кейна, но крыши всех без исключения строений были сорваны. Улицы были завалены трупами и залиты кровью. Пуританин, опираясь на окровавленный топор, наполненными безумием глазами равнодушно взирал на сию обитель смерти. Хотя грудь, лицо и руки англичанина покрывала кровь из многочисленных ран, он не чувствовал боли.

Кейн машинально подсчитал количество убитых акаана — их оказалось ровно две дюжины — десяток уничтожил лично он, остальных — негры. Но народ Богонды был истреблен полностью. Ни один из нескольких сотен несчастных чернокожих не дожил до утра, а насытившиеся гарпии улетели в свои пещеры.

Не соображая, что и зачем он делает, Кейн отправился собирать свое оружие. Собрав пистолеты, кинжал, рапиру и посох Н'Лонги, он вышел из деревни и направился к хижине Гору. Но и там его поджидало омерзительное зрелище. Теща свой палаческий нрав, гарпии не отказали себе в кровавом удовольствии. На колу перед входом в дом духов была насажена изуродованная голова толстого жреца. Щеки, губы и язык Гору были вырваны, и лишь не потерявшие еще живого блеска глаза взирали на Кейна взглядом обиженного ребенка. Они показались пуританину средоточием вселенской скорби и тоски.

Кейн оглянулся на уничтоженную Богонду, потом вновь посмотрел в мертвые глаза ее вождя и погрозил небу кулаком. Глаза его бешено вращались, на губах выступила пена. Соломон предавал проклятию небо и землю, все высшие и низшие сферы. Человек проклинал холодные звезды и жаркое солнце, равнодушную луну и насмешливый ветер; человек проклинал плетущие нити судьбы руки и высшую предопределенность; человек проклинал все, что любил, и все, что ненавидел. Умолкшие города, залитые водами океанов века назад, и каждое мгновение минувших эпох — все проклинал Соломон Кейн. Этот сумасшедший взрыв проклятий адресовался не только богам и демонам, для которых человечество служит разменной монетой в их древнем, как сама Вечность, противостоянии, но и человеку, что живет слепцом и добровольно подставляет свою шею под стальные челюсти выдуманных им же божков.

Наконец пуританин бессильно рухнул на землю.

Из оцепенения его вывел львиный рык. Глаза Соломона хитро блеснули, у него созрел отменный план. Обильные всходы ненависти и безумия в его мозгу дали отличный урожай. Кейн отрекся про себя от только что произнесенных проклятий. Пусть лукавые боги и сделали человека ставкой своих игрищ, они же и отпустили ему хитроумия и жестокости больше, чем любому другому живому существу.

— Ты оставайся здесь, — сказал голове Гору Соломон. — Тебя высушит солнце, продубит холодная утренняя роса, я буду отгонять от тебя стервятников и гиен, и ты своими глазами увидишь смерть губителей твоего народа. Да, я оказался не в состоянии спасти племя богонда. Но, клянусь Богом жи-

вым, отомстить за вас мне по силам. Может, человек действительно только игрушка в руках созданий Тьмы, что раскинула свои громадные крылья над миром, но и повелителей Зла может постигнуть неудача. Вскоре тебе, мой друг Гору, предстоит самому в этом убедиться.

В течение следующих недель Кейн, как сомнамбула, трудился не покладая рук. Пуританин принимался за работу с первыми лучами солнца, а после заката, к моменту восхода луны, просто падал от усталости и засыпал. Неоднократно он ранил себя, но совершенно не замечал своих ран, которые заживали сами по себе, как на диком звере.

Англичанин спускался в низины и рубил там бамбук, таскал наверх огромные охапки длинных толстых стеблей. Он валил толстые деревья, нарезал гибкие лианы, служившие ему вместо веревок. Из всего этого Кейн возводил прочную просторную клеть прямо внутри хижины Гору, причем толщина бревен, которые шли на ее крышу, ничем не уступала толщине бревен, из которых возводились стены. Зато когда он закончил свой титанический труд, воздвигнутые им стены смогли бы удержать даже бешеного слона.

Тем временем на плоскогорье устремились целые прайды львов, у которых, кроме богондцев, не было естественных врагов. В результате через несколько месяцев и так не очень большие стада свиней сократились еще больше. А тех хрюшек, которым хватило везения или ума скрыться от гривастых хищников, методично истреблял Кейн, скармливая туши шакалам.

Несмотря на свое сумеречное состояние, англичанин оставался человеком незлым, и эта жестокая резня ему глубоко претила. Пуританин осознавал,

что несчастные звери все равно стали бы добычей львов, но, что бы он ни чувствовал, без этой бойни было не обойтись, она была неотъемлемой частью его плана. В этой войне не было невинных, и Кейн приказал своему сердцу стать тверже гранита.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Кейн методично воплощал свой невероятный план в жизнь. В редкие минуты отдыха англичанин разговаривал со сморщенной, мумифицированной головой Гору. Невероятно, но глаза жреца ничуть не изменились. И при солнечном свете, и при лунном они все время смотрели на англичанина как живые. Уже много-много позже, когда сама память об этих месяцах сумасшествия подернулась пеленой забвения и возвращалась лишь в ночных кошмарах, Кейн не раз задумывался, действительно ли они с мертвой головой вели разговоры о необычайных и таинственных вещах.

И постоянно в небе над его головой кружили акаана. Но ненавистные создания ни разу не побеспокоили пуританина, даже когда он с пистолетами под рукой укладывался спать в хижине Гору. Монстры опасались его умения посылать смерть с огнем и дымом.

Пуританин обратил внимание, что сперва гарпии летали неспешно и вяло, отягощенные пожранной плотью несчастных чернокожих, унесенных в пещеры той страшной ночью. Но время шло, и акаана худели. Им приходилось все дальше залетать в поисках пищи.

Каждый раз, глядя на них, Кейн раздражался безумным лающим смехом. Отвратительные создания своими бесчеловечными поступками сами уготовили себе страшную ловушку. Раньше ему не удалось бы привести в исполнение задуманное, но теперь

не было ни людей, ни свиней, которых можно было бы сожрать. На всем плоскогорье не осталось ныне ни одного живого существа, которое могло бы стать добычей людей-нетопырей. Причин, по которым они даже не пробовали перелетать через горы, англичанин даже не пытался доискиваться. Может, там были густые джунгли, а может, и безжизненные лавовые поля — сейчас Кейна это совершенно не интересовало.

Крылатый народ пробовал было охотиться в саванне на антилоп, но львы живо охладили их пыл, разорвав на мелкие части неудачливых охотников. Гигантские кошки отнюдь не походили на беззащитных чернокожих или свиней, и у акаана не имелось ни малейших шансов с ними справиться.

Наконец голод переселил страх, и акаана с каждой ночью стали подлетать все ближе и ближе. Кейн с великой ненавистью следил за сверкающими в темноте жадными глазами. И выжидал... Когда он понял, что гарпии вот-вот отважатся на самоубийственную атаку, он решил, что настал его час.

Изредка семейства огромных лесных буйволов, нападать на которых опасались даже львы, не говоря уж о крылатой нечисти, забредали на плоскогорье, чтобы вволю попасть на заброшенных рисовых полях.

С невероятным трудом и риском для жизни Кейну удалось отбить от стада молодого бычка и с помощью камней и горящих пучков травы погнать его в сторону хижины Гору. Но даже один-единственный буйвол оказался чрезвычайно опасным созданием, и несколько раз англичанину едва удалось ускользнуть от рогов разъяренного животного. Наконец Соломон застрелил строптивого буйвола практически у самых дверей хижины.

Дул сильный западный ветер. Кейн слил кровь из освежеванного зверя на землю у дверей, чтобы гарпии почувствовали ее запах у себя в пещерах. Затем он разрубил тушу на части и свалил куски кровотокащей плоти кучей в углу хижины Гору, а сам спрятался в подготовленном укрытии поблизости и стал ждать.

Ждать ему пришлось недолго. Утреннюю тишину потревожил шум крыльев, и вскоре огромная стая мерзких акаана уже кружила над деревней. Судя по количеству крылатых бестий, решил Кейн, запах крови привлек все племя оголодавших чудовищ. Гарпии расселись вокруг хижины. Соломон с болезненным интересом разглядывал этих удивительных существ, непохожих как на человека, так и на библейских демонов.

Окутанные огромными, перепончатыми, кожистыми крыльями, акаана столпились у входа в хижину и о чем-то переговаривались пронзительными скрипучими голосами, так непохожими на голоса людей. На их гротескных лицах лежала печать древнего Зла, и Кейн понял, что на самом деле ничего человеческого в этих уродливых существах не было.

Крылатая раса являлась непотребным вывертом природы, ужасающим порождением некоего юного разума, смело экспериментирующего с живыми формами. А может быть, если Кейн правильно понял полные скрытого смысла намеки старого колдуна с Невольничьего Берега, гарпии являлись продуктом богомерзкого грешного брака людей со зверями? Или просто тупиковой ветвью неразумной эволюции, о которой в последнее время столько спорили натурфилософы?

Сам же пуританин склонялся к мысли, что правы были те древние философы, которые утверждали,

что человек — суть высшая форма развития животного. И коли природа сподобилась породить такое множество видов разнообразнейших живых существ, логично предположить, что и человек был отнюдь не уникальным творением. Наверняка Homo Sapiens, к виду которого относился и Соломон Кейн, не являлся первым хозяином Земли, быть может, и не последним.

Несмотря на то что гарпии чувствовали свежую убоину, они колебались. Этих полумразумных созданий останавливало врожденное недоверие к строениям. Несколько бестий опустили на крышу и попытались растащить ее, но Кейн строил на совесть, и они вскоре оставили свои попытки.

Наконец один из акаана, не в силах больше противостоять дурманящему запаху свежей крови, с пронзительным визгом бросился внутрь хижины и впился острыми клыками в буйволиное мясо. В этот же момент, словно по команде, за ним ринулись остальные акаана, отпихивая друг друга от вожака кусков. Подождав, пока последняя тварь скроется в хижине, Соломон протянул руку и изо всех сил рванул длинную лиану. Дверь, связанная из прочных бамбуковых стеблей, с грохотом захлопнулась, а тяжелое дубовое бревно рухнуло в выдолбленный в утоптанной почве паз и намертво ее заклинило.

Пуританин вылез из замаскированной ветками ямы и посмотрел на небо. В пронзительной синеве не было видно ни одной темной точки, и, если учесть, что сейчас в хижине находилось не менее полутора сотен гарпий, в ловушку было поймано все племя крылатых созданий. Соломон вытащил из поясного кошелья кремень и кресало и высек искру на пучки высушенной травы и просмоленного суш-

няка, которыми снаружи были заботливо обложены стены дома духов. При этом руки пуританина были тверды, а лицо — совершенно спокойным.

По периметру хижины Гору взметнулось свирепое пламя. Изнутри донесся беспокойный гомон — твари сообразили, что попались. Еще миг — и все строение было охвачено огнем. Сухие бамбуковые стволы горели, как порох. На пуританина обрушились волны жара.

Почуявшие дым твари завизжали. Кейн молча стоял, вглядываясь слезящимися от дыма глазами в багровое пульсирующее пламя, и слушал, как акаана бьются о стены, пытаясь их проломить. И тут, впервые за все это время, он улыбнулся — жестоко и безрадостно.

Сильный ветер раздувал пламя, внутри хижины было сущее пекло. Стены дрожали от ударов, но толстые бревна выстояли. Мечущиеся внутри пылающей хижины акаана почувствовали приближение смерти. Их душераздирающие отчаянные крики казались пуританину сладкой музыкой. Потрясая кулаками, он захохотал, и смех его был ужасен. Пронзительные крики гарпий заглушили даже рев огня и треск дерева, а потом, когда жадные языки пламени прорвались внутрь, вой сменился жалобными стонами и криками боли. Огонь жарко пылал, валила жирная копоть, окрест разносилась омерзительная вонь горелого мяса.

Первой прогорела крыша, и Кейн сквозь пелену дыма временами видел, как, судорожно взмахивая опаленными крыльями, какой-нибудь монстр пытался взлететь. Тогда он равнодушно прицеливался и стрелял. Когда огонь разгорелся в полную силу, Соломону показалось, что исчезающая в пламени голова Гору оскалилась, и ужасающий человечес-

кий смех слился с завывающим пламенем — но всем известно, что огонь и дым порой порождают удивительные иллюзии...

Постепенно буйство огненной стихии затихло. С дымящимся пистолетом в руке и посохом вуду в другой, пуританин замер над тлеющими головнями, навсегда избавившими род людской от легендарных чудовищ.

Как некогда герой древнего эпоса, изгнавший гарпий из Старого Света, теперь Кейн-триумфатор попирает ногами прах омерзительных созданий. Слово крупинки песка в песочных часах исчезают в прошлом великие империи, гибнут целые племена чернокожих, гибнут даже демоны прошлого, и надо всем возвышается белый потомок героев древности. Неотделимо одно звено цепи защитников рода людского от другого, и неважно, ходит ли паладин человечества в воловьей шкуре и рогатом шлеме или же одет он в сапоги и камзол, двуручный ли топор держит в руке или тяжелую рапиру, дориец он, сакс или англичанин, зовут его Ясон, Хенгист или же Соломон Кейн.

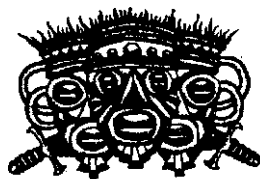
Неподвижный, словно изваяние, стоял пуританин, а клубы дыма возносились к утреннему небу. На плоскогорье перерывались львы. Медленно, словно солнечный свет, пробивающийся сквозь туман и мглу, к человеку возвращался рассудок.

— Не существует такого уголка, куда бы не дошел свет Божьих лампад, — угрюмо произнес Кейн. — Немало еще мрачных, забытых всеми мест, где царит Зло, но оно не бессмертно. Ночь неизбежно сменяется днем, и говорим мы: «Да сгинет мгла!» Воистину неисповедимы твои пути, Господь мой, но кто я такой, чтобы усомниться в высшей мудрости? Мои ноги несли меня в страну Зла, но

твоя простертая длань уберегла меня от смерти и сделала меня бичом своим, карающим Зло. Над людскими душами еще распростерты широкие крылья страшных чудовищ, и сильные ко Злу искушают человеческие сердца. Но грянет день, и свершится воля твоя, тени растают, и Князь Тьмы навечно будет низвергнут в самые глубины ада. А пока этого не произошло, люди лишь в собственном сердце должны видеть опору в борьбе с химерами, и тогда, с Господней помощью, смогут они противостоять проискам Повелителя Мух.

С этими словами Соломон Кейн повернулся спиной к изнедавшей столько горя долине и устремил свой взор в сторону молчаливых гор. Сердце пуританина вновь наполнил беззвучный зов странствий, летящий из-за них. Он разместил поудобнее за поясом свои пистолеты, поправил рапиру и, опираясь на волшебный посох, направился на восток. Скоро его черный силуэт затерялся на фоне восходящего солнца.

УЖАС ПИРАМИДЫ

С

оломон Кейн угрюмо рассматривал мертвую чернокожую девушку, лежащую на тропе. По возрасту еще подросток, она и в смерти сохранила детскую угловатость. Но ее худенькое тельце и не успевшие затянуться смертной пеленой глаза, в которых навечно застыло выражение отчаяния, свидетельствовали о мучениях, выпавших на долю несчастной. Пуританин подумал, что смерть

оказалась милосерднее к этому ребенку, нежели люди.

Своим наметанным глазом Кейн первым делом обратил внимание на раны, оставленные тяжелыми кандалами на тонких кистях и лодыжках. На спине негритянки виднелись глубокие крестообразные рубцы, оставленные бичом из воловьей кожи, а на шее — следы невольничьего ярма. Соломон смотрел на мертвую рабыню, и его бездонные ледяные глаза наполнялись недобрым, идущим изнутри блеском. Если бы в них сейчас мог взглянуть тот зверь, что довел несчастное дитя до такого состояния, он проклял бы день, в который появился на свет.

— Неужто от этой мрази нигде нет спасения? — пробормотал он. — Даже в этот забытый Богом край добрались...

Прищурившись, он глянул на восток. Практически на самом горизонте две крошечные черные точки выписывали круги в ярко-синем небе.

— Стервятники, — продолжал разговаривать сам с собой англичанин. — Стервятники отмечают их кровавую тропу. Воистину эти сатанинские отродья несут с собой смерть и разрушение, и само Зло следует за ними. Что же, вострепешите, исчадия ада, ибо не минует вас чаша гнева Господня! Несутся уже за вами по пятам безжалостные псы ненависти, и спущены тетивы тугих луков возмездия. Преисполнены вы, могущественные ко злу, великой гордыни, и кровавыми слезами умывается чернокожее племя под вашим игом. Но уже близко отмщение, и не в силах человеческих отворотить его, как не в силах человеческих остановить багряный расцвет, сменяющий ночную мглу!

Пуританин проверил тяжелые пистолеты, заткнутые за широкий зеленый кушак, мимоходом

прикоснулся к кинжалу и привычно положил руку на потертую рукоять тяжелой рапиры, неизменной его спутницы. Широкий, упругим, но удивительно мягким шагом — так мог бы двигаться леопард — он направился на восток, а черная тень бежала перед ним по лесной тропе. Нутряная дикая ярость наполняла обычно холодные глаза Соломона грозным блеском — так могла бы светиться раскаленная вулканическая лава, до поры до времени сдерживаемая тушей ледника. Его рука, сжимавшая длинный, резной, черный посох с набалдашником в виде головы кошки, была тверже железа.

Несколько часов быстрой ходьбы — и англичанин слышал впереди себя обычный шум, сопровождающий невольничьему каравану. Сопровождаемая погонщиками колонна рабов медленно и тяжело двигалась через джунгли. Окрестности оглашали жалобные вскрики рабов, вопли и ругань надсмотрщиков и резкие, как выстрелы, щелчки бичей. Через час Кейн уже нагнал караван. Он беззвучно, словно дух леса, скользил между деревьями параллельно тропе. Оставаясь незамеченным, англичанин внимательно изучал своих врагов. Соломон немало времени провел в Дариенне и не только покрыл себя славой в сражениях с краснокожими дьяволами, но и многое перенял из их охотничьего искусства.

Добыча работорговцев в этот раз оказалась не очень-то большой. Чуть более сотни негров, в основном юношей и молодых женщин, с трудом переставляя ноги, брели по тропе. Все они были совершенно обнажены, за исключением грубого и тяжелого деревянного ярма, надетого на шею. С помощью этих бесчеловечных приспособлений несчастные чернокожие были скованы попарно, при-

чем все колодки соединяла железная цепь, так что получалась одна длинная колонна.

Рабовладельцев было человек восемьдесят — пятнадцать арабов и около семидесяти негров. Оружие черных работорговцев и своеобразные головные уборы из перьев говорили об их принадлежности к одному из союзных торговцам живым товаром восточных племен. Арабы огнем и мечом прошлись по Восточному побережью, заставив обращенные в мусульманство племена служить себе верой и правдой.

Пятеро магометан и при них две с половиной дюжины негров возглавляли караван, еще пятеро с остальными туземцами двигались сзади. Остальные арабы сновали вдоль жуткой процессии, безжалостно подгоняя рабов бранью, пинками и ударами тяжелых бичей. Особенно погонщики веселились, когда удачный удар хлыста рассекал плоть и брызгала кровь. Кейн машинально отметил, что эти охотники за живым товаром были не только мерзавцами, но и заведомыми идиотами. При таком ужасающем обращении со своей добычей арабам удастся довести до Восточного побережья в лучшем случае половину рабов.

Впрочем, оставалось все еще непонятно, откуда тут вообще могли взяться работорговцы. Здешные не столь уж густонаселенные места лежали существенно южнее обычных для их набегов территорий. Впрочем, англичанину было прекрасно известно, как далеко может завести человека жажда наживы. Не раз и не два он сталкивался с этими лишенными совести злодеями, которых язык не поворачивался назвать людьми. Глядя на исполосованные вздувшимися рубцами спины чернокожих невольников, он почувствовал, как у него самого

заныли старые шрамы от плетки-семихвостки — недобрая память о турецкой галере. Но сто крат большее жгла Соломона Кейна застарелая ненависть...

Пуританин следовал за караваном, перемещаясь от дерева к дереву словно тень среди теней. Его мозг напряженно трудился, выискивая малейший шанс заставить события идти по своему плану. Но как, во имя Господа живого, можно было в одиночку бросить вызов столь многочисленной банде отъявленных головорезов? Тем паче что все арабы и многие из их чернокожих прихвостней были вооружены мушкетами.

Конечно, это были неуклюжие фитильные конструкции, ни в какое сравнение не идущие с самонавейшими пистолетами пуританина, но и они являлись вполне действенным оружием, годным не только для того, чтобы устрашать пугливых и необразованных туземцев. И лишь у пышно разодетой пятерки во главе каравана за широкими матерчатыми кушаками Кейн разглядел оружие более грозное — длинноствольные, богато разукрашенные пистолеты мавританской или турецкой работы.

Лига сменяла лигу, а бессильная ярость ржавчиной разъедала душу пуританина. Каждый удар бича, каждый безжалостный тычок, казалось, обрушивались на его плоть. Бывает, удушливая жара и тяжелые тропические испарения творят с человеком странные вещи. Самые обычные мысли или переживания неким необъяснимым образом приобретают чудовищные, гипертрофированные пропорции. Простое раздражение оборачивается животной необузданной яростью, а вспышка гнева может привести к кровавому смертоубийству. В такой момент глаза совершенно обычного человека завлакивает багровая пелена и из мирного обывателя он

превращается в жестокого душегуба. Сколько раз сам Кейн становился свидетелем, когда впадавший в амок человек потом отказывался поверить в деяния рук своих.

Надо сказать, что пуританин во всех отношениях не являлся заурядной личностью. И с недавшая его ярость, настоящая на годах ненависти, и при обычных условиях ввергла бы менее стойкого человека в пучины безумия. А что сейчас происходило в его воспаленном рассудке, и описать невозможно. Англичанин трясся, словно в приступе малярии, в глазах его вспыхивали цветные пятна, а окружающее постепенно затягивало кровавое море. И тем не менее стальная воля пуританина смогла бы удержать его в рамках, если бы не случайность... Но как бы выглядел наш мир, если бы в нем не происходили подобные случайности? Да и происходит ли во вселенной что-либо действительно случайное?

У одной из рабынь, идущей в начале колонны невольников, молодой стройной негритянки, неожиданно подвернулась нога. Девушка не удержала равновесия и повалилась на землю, увлекая за собой своего соседа по ярму. В мгновение ока оказавшийся рядом высокий горбоносый араб тотчас же злобно заорал на нее и принялся охаживать несчастную бичом. Второй невольник — мужчина, — более крепкий и выносливый, смог подняться на колени, но негритянка совершенно выбилась из сил и лишь корчилась на земле, всхлипывая под ударами кнута. Встать на ноги она уже не могла. На помощь арабу поспешили чернокожие помощники, и на беззащитное тело обрушился шквал ударов.

Девушка была неплохо развита физически, и ей надо было всего-то немного воды и полчаса отдыха,

чтобы она могла идти дальше. Но в планы торговцев живым товаром не входило давать рабам время на отдых. Тот, кто не мог идти дальше, умирал. Соломон, глядя на истязание, до крови изгрыз кулак, пытаясь сохранить остатки самообладания. Наконец щелканье бичей стихло, и пуританин вознес благодарственную молитву Богу, избавившему несчастное дитя от лютых страданий. Теперь, скрепя сердце, он ожидал быстрого милосердного удара кинжалом.

Но вздох облегчения оказался преждевременным. К ужасу Кейна, арабам взбрело в голову позаваться. Если уж товару не суждено быть выставленным на продажу и они понесут убытки, то прежде, чем его выбросить, не грех попользоваться им самим, рассудили работоторговцы. Так отчего бы, по крайней мере, не получить удовольствие? От развернувшегося дальше у пуританина кровь застыла в жилах.

На призывный крик горбоносого араба сбегались все его приятели. Маленькие глазки на бородастых лицах магометан маслянисто блестели, ноздри раздувались в предвкушении удовольствия. Чернокожие прихвостни арабов столпились кучей за спинами своих хозяев, глаза их кровожадно поблескивали. Судя по всему, негры надеялись, что, когда господам наскучит потеха, они бросят кость своим псам. Несчастливая рабыня поняла намерения надсмотрщиков, и джунгли огласились жалобными криками и плачем. Кейна просто скрутило в узел, когда он сообразил, какого рода смерть была уготована девушке.

Между тем горбоносый уже пинком заставил бедняжку встать на колени и склонился над ней...

Соломон высоко ценил свою жизнь, но ему порой доводилось, не раздумывая, бросать ее на чашу

весов судьбы и ради некрещеного младенца языческого племени, и даже спасая какое-нибудь неразумное создание. Сейчас же ставка была неизмеримо выше: он мог потерять шанс выручить целую сотню невольников. Но Соломон Кейн не был бы собой, если бы не бросился на помощь слабому и угнетенному.

За Кейна все решили инстинкты. Прежде чем пуританин сообразил, что делает, в его руке уже дымился разряженный пистолет. Голова насильника взорвалась, точно перезрелый кокос, а его превратившиеся в кровавую кашу мозги оказались на дорогих одеяниях ждавших своей очереди арабов.

Говоря по правде, Кейн был потрясен своим поступком ничуть не меньше, чем работорговцы. Однако привыкшие ко всяким неожиданностям злодеи быстро опомнились и разразились воплями ярости. Те, кто был вооружен мушкетами, быстро привели их в боевую готовность, и тяжелые пули зашлепали по деревьям, сбивая ветки. Остальные же, обнажив кривые сабли и подбадривая себя дикими криками, вломились в окружающие дорогу кусты, устремившись на невидимого врага.

Увы, именно эта их мгновенная реакция на выстрел и сгубила пуританина. Промедли работорговцы хотя бы чуть-чуть, умевший становиться невидимым Кейн просто бы растворился в зеленых зарослях. Теперь же ему ничего не оставалось, как сойтись с негодьями в открытом бою. Коли так назначено Провидением, он постарается продать свою жизнь как можно дороже.

Неприятель приближался, и англичанина подхватила мутно-багровая волна боевого неистовства. Торговцы «черным деревом» замерли от неожиданности, когда на них из-за деревьев набросился мрач-

ный, как ангел смерти, высокий, жилистый, белый мужчина. Это промедление стоило жизни сразу двум работорговцам. Один из них пал с пулей в сердце, второй, обливаясь кровью, рухнул наземь, зажимая распоротый живот. Но их изумление быстро прошло, и они, вопя что есть мочи, со всех сторон устремились к безумцу, посмевавшему бросить вызов их мощи.

Соломон Кейн прижался спиной к толстому дереву, и его длинная рапира затянула песнь смерти. Стальной клинок метался в воздухе, словно безумный мотылек, и вот еще один араб опрокинулся на спину — горло его было проткнуто насквозь. На Кейна наседали огромный коренастый магометанин, заросший диким волосом, и трое его не менее свирепых чернокожих псов. Каждый усердно пытался всадить в англичанина либо лезвие, либо пулю, однако они мешали друг другу. Пуританин, призвав на помощь все свое мастерство, искусно отражал выпады тяжелых клинков и уворачивался от пуль.

Его тяжелая рапира достойно противостояла кривым ятаганам. Движение, настолько быстрое, что его не смог уловить человеческий глаз, и волосатый араб упал мертвым. Он даже не успел ничего почувствовать — кончик рапиры нашел дорогу к его черному сердцу и тут же выпорхнул обратно, чтобы через глазницу войти в мозг бестолково размахивающего своей саблей чернокожего воина. Еще один негр отбросил в сторону свое оружие и прыгнул на англичанина, желая схватиться с этим искусным фехтовальщиком в рукопашную.

Не прерывая ни на секунду плетения стального кружева, англичанин, припав на колено, длинным кинжалом вспорол ему живот. Дико вереща, негр отступил, безуспешно пытаясь засунуть обратно

вываливающиеся кишки, и сбил с ног своего соплеменника.

Соломон был вознагражден мгновенной передышкой. Подоспевшие на помощь своим работорговцы не спешили расстаться с жизнью на острие рапиры бешеного англичанина. Однако сейчас же у самой головы пуританина в дерево с омерзительным чмоканьем впиалась тяжелая пуля, и он изогнулся к прыжку в самую гущу врагов, чтобы отпирать в ад хотя бы еще несколько негодяев.

Резкий гортанный оклик заставил опуститься жерла мушкетов и пистолетов. К месту отчаянного поединка спешил сам шейх, возглавлявший эту экспедицию. Подбадривая своих подчиненных бранью и ударами хлыста, араб велел им во что бы то ни стало взять неверного живьем. В ответ Соломон метнул свой кинжал, но счастье от него отвернулось — острая сталь лишь рассекла тюрбан шейха и вонзилась в глаз стоявшего за его плечом воина.

Разъяренный шейх выхватил из-за расшитого золотом кушака пистолеты, грозя своим людям смертью, если они немедленно не схватят дерзкого неприятеля. Выкрикивая имя своего аллаха, магометане устремились к Кейну. Один из них так разогнался, что не смог вовремя остановиться и со всего ходу налетел на рапиру англичанина. Бежавший за ним воин, с опытностью безжалостного убийцы, двумя руками наподдал соплеменнику в спину так, что тот с ужасающими воплями и визгом наделся на клинок, упершись грудью в гарду и лишив англичанина маневра.

Кейн ничего не успел сделать: на него навалилась куча неприятелей, и он был попросту задавлен числом. Десятки рук вцепились в него со всех сторон, и Соломон пожалел о брошенном им в шейха

кинжала. Но даже и без него скрутить пуританина было делом нелегким.

Кейн прекрасно владел приемами бокса, а его кулаки по крепости могли поспорить с гранитом. Кровь заливала лица нападавших, свирепые удары ломали носы и крошили зубы. Один из работорговцев, согнувшись в три погибели, откатился назад: страшный удар коленом в пах лишил негра мужского достоинства. И даже тогда, когда Кейна повалили и прижали его руки к земле, лишив возможности работать кулаками, англичанин, извернувшись ужом, сомкнул свои длинные сильные пальцы на чьем-то горле. И такова была его хватка, что сильные мужчины с трудом смогли их разогнуть, а посиневшая жертва еще долго хрипела и растирала помятую шею.

И лишь когда, все в поту и крови после изнурительной схватки, арабы сыromятными ремнями скрутили Кейна по рукам и ногам, шейх, засовывая за шелковый кушак пистолеты, подошел взглянуть на пленника самолично. Лежа на земле, Кейн угрюмо смотрел снизу вверх на высокого сухопарого араба, разглядывая костистое лицо, обрамленное курчавой, черной как деготь бородой. И пристальный взгляд ледяных глаз пуританина заставил потупиться наглые глазки магометанина.

— Я — шейх Хасим ибн Саид, — надменно заявил араб. — А ты кто таков?

— Мое имя — Соломон Кейн, нехристь, — с ненавистью прорычал пуританин, переходя на арабский, которым вполне прилично владел. — И знай, собака, что перед тобой англичанин!

В темных глазах арабского шейха замерцали странные искры.

— Как же, как же, весьма наслышан о тебе, Сулейман Кейхан, — переименовал он имя англичани-

на на восточный манер,— и о твоих подвигах. Ходят слухи, что ты потопил не одну турецкую галеру и даже вынудил берберийских корсаров бежать поджав хвост от твоего гнева...

Соломон Кейн не снизошел до ответа, и Хасим пожал плечами.

— Знаешь ли ты, что найдутся желающие заплатить за тебя цену большую, нежели стоит все это отребье? — Шейх презрительно махнул рукой в сторону невольников. — Быть может, я даже в Стамбул тебя отвезу. Сам турецкий папа не откажется иметь в услужении подобного тебе человека. А может быть, я уступлю тебя своему давнему другу, мореплавателю по имени Кемаль Бей. Да ты его сам должен хорошо знать! У этого почтенного купца нет одного глаза, а лицо пересекает уродливый шрам, который, как утверждают недобрые языки, ему подарил некий беглый галерный гребец. Ты можешь мне не поверить, но самое слово «англичанин» приводит его в неистовство. Пожалуй, я так и сделаю! Вот кто не пожалеет денег, чтобы тебя приобрести. Смотри, франк, какую я тебе честь оказываю: ты пойдешь без ярма и не в общей веренице, а в сопровождении собственного караула. Ты будешь совершенно свободен, не считая рук, конечно...

Кейн и на этот раз ничего не ответил арабу. По знаку шейха его поставили на ноги и освободили от пут, оставив только руки намертво стянутыми за спиной. На шею англичанину набросили пеньковую веревку, которую вручили дюжему высоченному арабу с огромным изогнутым ятаганом.

— Надеюсь, франк, тебе удобно? — глумливо осведомился шейх, и его свита довольно заржала.

На этот раз Соломон заговорил низким невыразительным голосом, но страшна была таящаяся в нем угроза.

— Я бы, пожалуй, рискнул спасением своей бесмертной души, чтобы выйти в одиночку и безоружным против твоего кривого клинка и не менее кривого языка и голыми руками вырвать твое гнусное сердце из груди, негодяй,— сплонул себе под ноги англичанин.

И такая страшная ненависть горела в его глазах, что закаленный превратностями судьбы шейх, привыкший считать себя пупом земли, побледнел и невольно отпрянул, словно отшатнувшись от разъяренной и смертельно ядовитой змеи.

Вскоре, конечно, Хасим вновь обрел привычный спесивый вид и, отдав несколько приказаний своим подручным, вернулся на свое место во главе колонны.

При всей завидности своего положения, пуританин возблагодарил судьбу, что заминка, вызванная его нападением и последующим за ним пленением, позволила девушке, едва столь гнусным образом не расставшейся с жизнью, более-менее прийти в себя и передохнуть. Негритянку все еще водило из стороны в сторону, но идти она все же могла. К тому же близилась ночь, а это означало, что довольно скоро работорговцам придется останавливаться на ночевку.

Караван двинулся, и англичанин побрел по тропе. Его страж держался в нескольких шагах позади, не отпуская рукояти своего грозного клинка. Кейн обратил внимание — и это некоторым образом ему польстило, — что еще трое вооруженных пистолетами арабов неотступно следовали за ним. Работорговцы имели уже возможность понять, с кем связа-

лись — число магометан сократилось на треть, — и больше рисковать не желали.

Но даже более, чем охрана, пуританина беспокоила судьба его оружия. Его пистолеты, кинжал и рапиру, изготовленные, надо сказать, лучшими мастерами своего дела, по праву сильного захватил Хасим. Шейх, однако, презрительно зашвырнул в кусты посох Н'Лонги, и один из разряженных негров немедленно кинулся за ним, чтобы присвоить себе увенчанный головой кошки талисман вуду.

Через некоторое время Соломон обратил внимание, что рядом с ним держится еще один из арабов, худой седобородый старик ученого вида. Судя по взглядам, которые магометанин на него кидал, Кейн понял, что его персона весьма чем-то интересует старика. Пуританин задумался о причинах такого странного интереса.

Не посох ли вуду был тому причиной? Судя по всему, старик моментально отобрал подарок Н'Лонги у завладевшего им чернокожего воина и теперь бережно держал в руках черное резное древко.

— Я Хаджи Юсуф и ничего против тебя не имею, — не смотря на англичанина, шепотом произнес седобородый. — Я не участвовал в нападении на тебя и предпочел бы быть твоим другом, если бы ты мне оказал такую честь... Прошу тебя, франк, открой мне тайну появления этого посоха. И каким образом этот необычный предмет попал к тебе в руки?

Первым желанием Кейна было послать странного араба в геенну огненную. Но он слишком хорошо разбирался в людях, чтобы не отметить нотку искреннего благоговения в голосе Хаджи Юсуфа. Да и в любом случае не помешает иметь в стане неприятеля человека, который питает к нему не-

поддельный, пускай и корыстный, интерес. Поэтому Соломон Кейн также тихо ответил:

— Мне этот посох вручил мой кровный побратим. Среди племен Невольничьего Берега он слышит могущественным колдуном вуду. Его имя — Н'Лонга.

Кивнув, седобородый магометанин что-то пробормотал себе в бороду, а потом велел ближайшему воину бежать в начало каравана с наказом Хасиму немедленно явиться сюда. Рослый шейх не замедлил появиться. Он уверенно шествовал вдоль вереницы невольников, позвякивая многочисленным холодным оружием, своим и Кейна.

— Смотри, Хасим! — сказал Хаджи Юсуф, потрясая в воздухе посохом вуду. — Вот что ты отбросил, не ведая, какое великое чудо попало в твои руки!

— Дурацкая деревяшка, — буркнул шейх. — Тоже мне посох, кошка тут еще какая-то дурная. К чему мне эта поделка неверных?

Седобородый даже подскочил от возмущения:

— Да этот посох старше нашего мира! Ты даже не в силах представить, какая могучая магия заключена в этом жезле, который, по неразумению своему, называешь деревяшкой! Я встречал упоминания о нем в древних, как пески Аравии, суфийских книгах, одетых в железные переплеты. Этим посохом старались завладеть могучие колдуны Магриба, мечтавшие повелевать миром. Сам Пророк — мир с ним! — пусть и аллегорически, упоминает про него в Писании!

Да будет тебе, Хасим, известно, что то священное животное, которое украшает магический артефакт и которое ты обозвал «дурной кошкой» не что иное, как лик великой богини, которой по-

клонялись просвещенные египтяне! Подумать только, давным-давно, еще прежде, чем в мир пришел Мохаммед, прежде даже, чем были возведены стены Иерусалима, жрецы Баст по великим праздникам торжественно выносили этот жезл и пред ним простирались ниц сами фараоны! Именно с его помощью Муса, нареченный неверными Моисеем, творил чудеса ко благу своего народа. Этот великий жезл повелевает стихиями, и с его помощью тот же Моисей заставил расступиться воды Черного моря. Многие столетия служил он царским скипетром Израиля и Иудей, и не знал тогда еврейский народ горя и бед.

Наше великое прошлое неразрывно связано с этим магическим посохом. Это с его помощью Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — победил магрибинских колдунов и поборников Иблиса и обуздal лютых ифритов и могучих джиннов! Одумайся, пока не поздно, Хасим ибн Саид, ведь не случайно древний жезл власти вновь в руках человека, носящего имя Сулейман!

Произнося эту речь, впавший в религиозное неистовство старый Юсуф размахивал руками, сверкал глазами и подскакивал, но Хасим в ответ лишь равнодушно пожал плечами.

— Твой посох, даже если и тот самый, не помещал египтянам поработить евреев. Не помешает он и мне распоряжаться по своему желанию этим человеком. — Шейх кивнул в сторону Кейна. — Что бы ты ни говорил, старый безумец, все твои мудрые книги вместе с этой деревяшкой не стоят столько, сколько один этот длинный клинок, которым Сулейман Кейхан, — араб опять глянул на Соломона, — отправил в райские купчи моих лучших бойцов!

Юсуф осуждающе покачал головой.

— Не стоит смеяться над тем, что не понимаешь, Хасим ибн Саид. Когда-нибудь ты встретишься с силой, пред которой будут бессильны и твое золото, и твоя сабля, и твои пули. Поступай как знаешь, шейх, но я тебя предупреждаю, что лучше оставить этого франка в покое. Он хранил у себя жезл, носящий следы прикосновений Сулеймана, Мусы и великих мудрецов Египта! Кто знает, какая магия перешла от него к этому человеку?

Я пока сохраню у себя священный жезл. Постарайся представить хотя бы на миг, Хасим, с чем ты столкнулся. Этот посох старше нашего мира! Еще до утверждения на земле детей Адама им владели волшебные существа, обитавшие среди вечного безмолвия в удивительных городах на дне моря. А им, в свою очередь, он достался в наследство от Мира Изначальных.

Эта вещь несет в себе великие тайны и великое волшебство, о которых человечество — Аллах милосерден! — не догадывается. Когда Вселенная едва вступила в свою юность, ею правили странные владыки и еще более странные жрецы. В те времена, а это было миллионы и миллионы лет назад, существовало Изначальное Зло, куда более смертоносное и отвратительное, чем в наши. И единственным оружием против сил Абсолютной Тьмы, которые старше Вселенной, был этот посох!.. Разум содрогается и отказывается постигать разверзшиеся перед ним бездны времени и знания!

Терпение Хасима, вынужденного слушать подобную белиберду, истощилось. Шейх плюнул под ноги седобородому и, повернувшись, зашагал прочь. Однако это вовсе не помешало старому Юсуфу продолжать за ним по пятам, продолжая отстаивать свою правоту.

Многое из того, что он только что услышал, для пуританина было откровением, но и без того Кейн кое-что знал о силах, которые таил в себе удивительный посох вуду. Поэтому у англичанина не было ни малейшего повода подвергать сомнению утверждения старика, какими бы фантастическими они ни казались на первый взгляд.

Чего только стоил один вид посоха! Жезл был деревянный, но на земле не существовало деревьев с такой черной, легкой и невероятно прочной древесины. Стоило лишь провести по его поверхности ладонью, чтобы убедиться: дерево, из которого был изготовлен посох, росло совершенно в другом мире. Кроме того, поверхность посоха была испещрена неведомыми знаками и символами какого-то языка, забытого еще во времена падения Содома и Гоморры. Но чутье подсказывало Кейну, что по отношению к чудовищной древности самого посоха эти позднейшие добавления выглядели примерно так же, как нацарапанные на камнях Стоунхенджа английские надписи.

А с каким удивительным искусством была выполнена кошачья голова! Иногда, разглядывая голову чудесного зверька, Кейну казалось, что с ней что-то было не так. Похоже, невероятно давно изображение было иным. И лишь в более поздние времена египетский резчик — кости его уже давным-давно истлели — просто переделал кошачью мордочку, подгоняя ее под каноническое изображение богини Баст. О том же, каково было первоначальное изображение, Кейн даже гадать не пытался. Не один раз он пытался постичь разумом сокрытые в посохе тайны, но человеческое воображение пасовало перед пропастью времен, вызывавшей почти физическое головокружение. Неудивительно, что у пури-

танина со временем отпало всяческое желание к подобным экспериментам.

На джунгли пали сумерки. Немилосердно палившее дневное светило нырнуло за кроны лесных великанов и готовилось уступить место луне. Рабов к этому времени страшно мучила жажда; стенания и плач скованных невольников возносились к глухим небесам. Люди, цепляясь друг за друга и шатаясь от изнеможения, едва могли идти. Пуританин несколько раз становился свидетелем, как работорговцы безжалостно убивали тех, кто падал с ног. Поэтому тех, кто ослабел настолько, что был не в состоянии передвигаться самостоятельно, волокли за собой соседи по ярму. По счастью, когда чернокожие пленники уже дошли до предела сил, солнце, словно сжалившись над людьми, перевалило небесный окоем. На джунгли навалилась тропическая ночь, и был объявлен привал.

Караванщики-арабы споро разбили палатки и расставили стражу из чернокожих помощников. Рабам выдали по горсточке еды и глотку воды — ровно столько, чтобы они не передохли от голода и жажды. Невольники растянулись на земле, устраиваясь кто как мог, так как работорговцам даже в голову не пришло освободить их от оков. Над поляной повисла тишина, нарушаемая лишь стонами и вскриками.

Кейна покормили, так и не развязав ему рук, и дали вволю воды. Пуританин принял к плошке, чувствуя на себе алчные взгляды многострадальных рабов. Англичанина одолевали муки совести: какое он имел право наслаждаться тем, в чем было отказано этим несчастным? А вода истощенным неграм была куда нужнее, чем Соломону. Кейн отказался от воды, утолив свою жажду едва наполовину.

Бивак разбили на широкой поляне, со всех сторон окруженной зеленой стеной зарослей. Когда арабы закончили свою трапезу, а чернокожие магометане еще вовсю предавались обжорству, старый Юсуф подошел к Кейну, чтобы вновь расспросить его о посохе Н'Лонги. Англичанин терпеливо отвечал на его многочисленные вопросы, что само по себе было удивительно, принимая во внимание его жгучую ненависть к той кровожадной расе, к которой принадлежал седобородый.

Они достаточно мирно беседовали, когда к ним подошел Хасим и с презрением уставился сверху вниз. Этот человек, по мнению пуританина, как нельзя лучше являл собой символ зловещей и воинственной религии. Смелый, безжалостный, слепо уверовавший в свою избранность, никому не верящий и ни перед чем не отступающий, шейх считал себя пупом земли и ни в грош не ставил жизни других человеческих существ; ему плевать было на могущественнейших правителей христианского мира.

— Воистину, Хаджи, на старости лет впал ты в детство, — поддел он старика. — Никак не можешь перестать носиться со своей палкой? Да ты говори, говори, все равно Сулейману деваться некуда! — Шейх рассмеялся каркающим смехом, довольный своей шуткой.

У старого мудреца даже борода затряслась от гнева. Он воздел посох, словно призывая небо в свидетели.

— Такие насмешки, Хасим ибн Саид, не приличествуют человеку твоего положения, — резко ответил Юсуф. — Не искушай милость Аллаха! Сейчас мы находимся в самом сердце зловещей и неизведанной страны. В этих краях, быть может, нашли себе пристанище демоны, изгнанные Сулейманом

ибн Даудом — мир с ними обоими! — в незапамятные времена из благословенной Аравии. Скажу тебе, шейх, что надо быть последним невеждой, чтобы не признать в этом посохе наследие чужого мира. И если этот посох, который ты неразумно обзываешь деревяшкой, сохранился до сего дня, кто может сказать, что еще осязаемое или бесплотное пережило тяжелую поступь Времени?

Задумайся, Хасим, хотя бы о том, когда и кем проложена через дикие джунгли тропа, которой мы следуем. А ведь чьи-то ноги ступали по ней еще прежде, чем на Восток пришли сельджуки, а на Запад — Рем и Ромул. Легенды гласят, что именно этим путем шествовал победоносный Сулейман, гоня творения Иблиса из Азии на запад, где вверг демонов в надежные узилища, которые запечатал могучим волшебством. Или, к примеру, знаешь ли...

Дикий вопль оборвал отповедь Юсуфа. Из темных джунглей, ломаясь сквозь кусты, вылетел воин, мчавшийся так, словно за ним гнались демоны, о которых только что говорил седобородый мудрец. Негр, выпучив бельма глаз, отчаянно размахивал руками и разевал рот, тщетно пытаясь выдать из себя хоть несколько слов. Его искаженное непередаваемым ужасом лицо могло напугать кого угодно.

Торговцы живым товаром вмиг оказались на ногах, судорожно сжимая в руках мушкеты, сабли и копья. Хасим грубо выругался.

— Это Али, которого я отправил добыть мяса. На льва, что ли, напоролся... — предположил шейх.

Однако джунгли хранили безмолвие, и никакого львиного рыка не последовало. Тем временем чернокожий воин добежал до Хасима и рухнул к его ногам. Негр трясся, что-то бормотал и показывал в

сторону непроглядных зарослей. Сжимая в руках оружие, работорговцы напряженно вглядывались туда, ожидая появления неведомого врага или врагов, пока не спешивших проявить свое присутствие...

Наконец Али успокоился настолько, чтобы что-то объяснить Хасиму.

— Он говорит, будто наткнулся там, в джунглях, на какой-то зловеющий мавзолей,— мрачно объяснил шейх своим спутникам.— Но что именно его напугало, и сам понять не может. Говорит, будто ни с того ни с сего одолел его великий ужас и опомнился он, дескать, только здесь, в лагере.

Хасим злобно отпихнул жмущегося к его ногам дикаря.

— Пшел прочь, трусливый пес! Все ты врешь, скотина! — гаркнул он.

Однако собравшиеся вокруг него соплеменники-арабы, похоже, не очень-то разделяли уверенность шейха. А среди чернокожих магометан и вовсе поднялась самая настоящая паника.

— Как бы черномазые не разбежались со страху,— озабоченно проговорил коренастый бородатый араб, видимо помощник Хасима. Он с тревогой смотрел на сбившихся в кучу союзников, которые возбужденно переговаривались по-своему. Даже невооруженным глазом было видно, что негры перепуганы до смерти.— Шайтан нас попугал здесь остановиться... Хасим, надо уходить,— продолжил бородатый.— Тут и впрямь скверное место. Пускай Али и недоумок, испугавшийся собственной тени, но лучше нам пройти еще пару лиг, оно вернее будет...

— Вам, малодушным, вернее будет на ковре в гареме,— огрызнулся Хасим.— Но будь по-вашему! Я велю перенести лагерь, чтобы избавить вас от ваших страхов. Но прежде чем мы покинем эти

места, я хочу посмотреть, что там находится. Живо берите бичи, поднимайте рабов. Сделаем крюк через джунгли, взглянем, что там еще за мавзолей. А вдруг там гробница какого-нибудь великого царя? Если там пока еще не побывали искатели сокровищ, нас ждет великая добыча. Приготовить мушкеты и сабли! — отдал Хасим команду чернокожему воинству. — Держаться поближе друг к другу, чтобы никому не было страшно!

Несчастные невольники, едва успевшие забыться тяжелым сном, осыпаемые безжалостными ударами, вынуждены были подняться на ноги и вновь тащиться куда-то в неизвестность. Участи их можно было только посочувствовать, так как перепуганные надсмотрщики вовсю орудовали кнутами, пытаясь свирепостью заглушить собственный страх. Чернокожие магометане весьма неохотно повиновались даже Хасиму, которого отчаянно боялись. На их лицах читалось огромное напряжение, и они старались держаться поближе к арабам.

Тем временем над деревьями появилась полная луна. Ночное светило казалось неестественно большим, мрачным, кроваво-красного оттенка. Зловещий резкий свет залил джунгли, разгоняя клубящиеся тени. Все еще вздрагивающий Али, в которого само присутствие Хасима вселяло уверенность, указывал путь. Что бы его ни напугало, оно было далеко, а могучий грозный хозяин — рядом.

Люди пробирались между деревьями, пока наконец перед ними не открылась большая, неестественно круглая поляна. Вековые деревья, вздымающие к небесам свои кроны окрест нее, стояли каким-то зловеще-симметричным строем, а их ветви, направленные к центру странной прогатины, были сухие и странно скрюченные. Больше всего Кейна порази-

ло, что зловещая проплешина начисто была лишена растительности. Монотонность серой глины не нарушали ни травинка, ни кустик, ни цветок, ни мох, ни даже лишайник. Все живое здесь было истреблено, будто недавно здесь горел сильнейший огонь. А посередине этого заповедника смерти находилось то, что Али называл мавзолеем. С точки зрения англичанина, строение это больше напоминало пирамиду.

Это было чудовищное сооружение, сложенное из плотно пригнанных друг к другу исполинских каменных блоков, прямо-таки разившее первобытным злом. Кейну сразу же пришли на ум слышанные им от Н'Лонги истории о жутких вещах, будто бы по сию пору случающихся на таинственных просторах Черного Континента. И если пуританин раньше считал их страшилками для суеверных дикарей, сейчас он был готов без колебания в них поверить. Казалось, сама смерть правила этим местом вот уже множество столетий. И тем не менее Соломон шестым чувством уловил волны ала, расходящиеся от пирамиды словно бы в такт медленному биению сердца некоего гигантского чудовища, запертого внутри каменных стен.

Безучастные ко всему происходящему, до смерти уставшие рабы молча и терпеливо остановились под деревьями, едва их перестали подгонять удары бичей. Черные же магометане замерли на месте, сбившись в кучу и испуганно что-то лопоча. Зрелище черной пирамиды начисто лишило их мужества. Побуждаемые Хасимом арабы двинулись вперед, направляясь к каменному строению. Юсуф отобрал у стражника, приставленного к англичанину, веревку и сам повел Соломона. Так водят страшного зубастого мастифа: злобное создание чрезвычайно

опасно, но в случае необходимости оно же и защитит.

Хасим был донельзя доволен.

— Я оказался прав, здесь покоится какой-нибудь могущественнейший султан! — постукивая ножами по стенам пирамидального строения, заявил шейх.

— Странные это камни. Уж больно они черны и зловещи... — бормотал себе под нос Юсуф. — И откуда только они здесь могли взяться? Опять же, зачем возводить усыпальницу великого султана на расстоянии многих дней пути от ближайшего человеческого селения? Я понимаю еще, будь здесь, вокруг, развалины древнего города... Что-то тут не так...

Наклонившись, седобородый мудрец принялся изучать тяжелую, явно металлическую дверь, запертую на массивный замок. Стыки железного полотна с камнем были запечатаны, вернее сказать, заплавлены каким-то неведомым образом. На самой двери бледно светились какие-то символы, в которых пуританин с некоторым трудом опознал буквы древнееврейского алфавита. Несомненно их тоже узнавший араб, охваченный дурными предчувствиями, покачал головой.

— Я не могу прочитать, что здесь написано, — обратился он к Хасиму, кадык старика подергиваясь. — Только сдается мне, что оно и к лучшему. Ни к чему смертному отягощать себя подобными знаниями. Древние владыки, наделенные великим разумом и силой, пожелали наложить нерушимое заклятие на эти двери, что бы они ни скрывали. Внемли хоть раз доводам разума, Хасим ибн Саид! Нужно поскорее уходить отсюда, пока нас не покарал гнев Аллаха. Древнее зло таится здесь, и до сих пор оно

не обессилело и исполнено ненависти к сынам Адама...

Но охваченный золотым безумием шейх лишь отмахнулся от доводов старого книгочея.

— Кто бы ни лежал здесь, он не исповедовал истинную веру, — объявил он во всеуслышание. — Так почему бы нам не воспользоваться его богатствами, которыми, без всякого сомнения, изобилует усыпальница неверного? Вперед, неустрашимые тигры ислама, за этими дверями нас ждет великая добыча!

Кое-кто из магометан, больше доверявших мудрости Юсуфа, чем жадности своего шейха, с сомнением качал головой, но слово Хасима было законом. Шейх подозвал к себе одного из своих соплеменников. Подошедший к нему араб был совершенно лыс, а на его могучих руках и торсе бугрились огромные мышцы. В руках он сжимал самый большой боевой молот, какой когда-либо доводилось видеть Соломону.

Великан занес молот над головой, и... его остановил предостерегающий крик Кейна.

Пуританин мог поклясться; что в этот момент услышал нечто совершенно невозможное. Сомневаться в древности сего зловещего каменного сооружения не приходилось. Также было ясно, что запечатанный многие сотни или даже тысячи лет тому назад вход в пирамиду с тех пор ни разу не открывался. И тем не менее до ушей Соломона донесся явственный звук шагов за дверью! Туда и обратно, от стены к стене, нечто невообразимо отвратительное мерило шагами свою тюрьму.

Словно ледяные пальцы ужаса проникли внутрь черепа англичанина. Теперь он сам не мог бы сказать, прозвучал ли звук таинственных шагов, напол-

нивших жутью его душу, на самом деле или же в глубинах его мозга, как не раз бывало прежде, пробудились какие-то неведомые способности. Но только одно пуританин знал наверняка: само его существо содрогалось в такт ужасающей размеренной поступи некоего дьявольского создания. Создания, терпеливо ожидающего своего часа за черными стенами...

И настолько было ужасно это нескончаемое и монотонное движение, что пуританин не смог удержаться, предупреждая своих кровных врагов.

— Остановитесь! — выкрикнул он. — Хасим! Будь я проклят, но там внутри нас поджидает какая-то нечисть!

Хасим предостерегающе вскинул руку, повелевая здоровенному арабу остановиться. Шейх внимательно прислушался... Остальные арабы тоже напрягли слух. Над выжженной поляной повисла такая плотная тишина, что ее, казалось, можно было резать ножом.

— Клянусь колючим хвостом Иблиса, я ничего не слышу, — проворчал какой-то бородатый воин.

— Я тоже ничего не слышу! — отозвался его одноглазый сосед.

Все новые голоса присоединялись к ним:

— И я...

— Я тоже! Да проклятый франк спятил от страха!

— Может быть, ты что-нибудь слышал? — с обманчивой мягкостью поинтересовался Хасим у Юсуфа.

Старый мудрец в неуверенности сжимал и разжимал руки. Ему явно тоже было не по себе.

— Нет, Хасим, я ничего не слышал... — Он замолчал. — Но может быть, стоит прислушаться к словам Сулеймана? — выдавил он из себя наконец.

Кейн и сам спросил себя, не могли ли ему шаги померещиться. Но в глубине души он твердо признавал, что его разум сейчас был ясен и тверд. Более того, пуританин вполне отдавал себе отчет в том, что своей сверхъестественной чувствительностью он обязан одной ужасающей ночи в безымянной деревне на побережье, куда его много лет назад занесли поиски Ле Лу, и долгим общением с посохом вуду, который сейчас сжимали дрожащие от страха тощие пальцы арабского мудреца.

Хасим пренебрежительно рассмеялся и опустил руку, давая команду великану продолжить свою работу. Молот с чудовищным грохотом обрушился на железную поверхность. В одно мгновение на двери потухло слабое мерцание литер, а мгlistые джунгли наполнились странным эхом, напоминавшим, скорее, стон демона.

Раз за разом обрушивался на дверь тяжелый копер, направляемый всей мощью могучего тела. А в перерывах между ударами Кейн все так же ясно, как и в первый раз, слышал медленные глухие шаги, ритм которых не изменился ни на йоту. Предчувствие чего-то непоправимого крепло в душе пуританина. И в этот момент он, Соломон Кейн, ни разу в жизни не убоявшийся врага — ни адской твари, ни человека, ощутил, как когтистая лапа сверхъестественного ужаса сжимает его сердце...

Ужас этот не имел совершенно ничего общего с заурядным телесным страхом, так же, как не имела монотонная поступь смерти ничего общего с шагами любого, пускай и самого смертоносного, из известных Кейну хищников. Англичанин не мог сказать, что там скрывалось внутри, но живые существа так не ходят. Дверь в дьявольскую пирамиду уж слишком походила на вход в ад, и с той стороны

нарушителей магического заклęcia поджидала неведомая, безымянная тварь.

От грозного чернокаменного строения на пуританина повеяло гнилостным ледяным дыханием абсолютного Зла, вышедшего из мира Изначальной Тьмы, настолько древнего, что в человеческом языке не было для обозначения подобных отрезков времени соответствующего термина. Соломон почувствовал, как волосы его зашевелились, словно при грозе: слишком хорошо ему были знакомы подобные вещи. И хотя Соломон до сих пор не смог понять, *слышит* он шлепающие шаги ушами или же омерзительные звуки каким-то образом проецируются прямо в его мозгу, пуританин был абсолютно уверен в их реальности.

Дверь оказалась на удивление прочной и долго отказывалась подчиняться силачу арабу. Несколько раз он даже присаживался передохнуть. Но тем не менее тяжелые удары молотом сделали свое дело — старинный замок наконец поддался, петли с металлическим скрежетом лопнули. Дверь провалилась вовнутрь.

И тогда Юсуф закричал.

Нет, из разверзшегося черного провала не выскочил ни страшный хищник, ни материализовавшийся демон. Людей, стоящих у входа в пирамиду, накрыла волна непередаваемого зловония, смрада запредельного разложения. Арабы, находившиеся ближе к дверям, зашли в безудержной рвоте. Казалось, невыносимая вонь расходилась осязаемыми волнами, будто из самого сердца тьмы тугими струями хлестала черная кровь. Этот запах, в полном смысле этого слова, можно было назвать запахом Зла. И тут из зловонных недр пирамиды изшел Ужас.

Хасим ибн Саид, первым подошедший к дверям, стал и первой его жертвой. Надо сказать, что смертельно перепуганный араб все же попытался оказать Ужасу Пирамиды сопротивление. Когда на него обрушилось нечто невидимое, но ужасающее, шейх, в тщетных попытках освободиться, пустил в ход свой ятаган. Но острый клинок лишь со свистом рассекал что-то податливое, как воздух, и такое же бесплотное. Кейн сморгнул, не в силах поверить своим глазам: с телом работаровца происходили страшные метаморфозы. Казалось, магометанин угодил прямиком в объятия смерти. Его тело стремительно разлагалось, теряя форму и превращаясь в склизкую жижу. Это был хаос полного распада...

Старый Юсуф завопил, словно душа грешника на Страшном Суде. Обронив посох, седобородый книгочей помчался в джунгли, обгоняя собственный визг. Его соплеменники, обезумевшие от страха, сломя голову неслись за ним, наступая на пятки завывающим от нечеловеческого ужаса чернокожим. Лишь бритый гигант, оказавшийся не таким расторопным, как остальные, разделил судьбу своего шейха. Не бежали только скованные чернокожие невольники. Неподвижные, беспомощные и беззащитные, они могли только жалобно скулить.

Как зачарованный Соломон смотрел на Хасима. Шейх повис в нескольких футах над землей, его обволакивало пульсирующее багровое Нечто, бесформенное и нематериальное. На его искаженном немыслимым ужасом лице выделялись безумные глаза, смотревшие в глубины ада. Слуха пуританина достиг омерзительный хруст распилющихся костей, и тело шейха скрутилось узлом, словно белье в руках прачки. Понимание, что подобная смерть может постигнуть и его, наполнило мускулы Кейна

невероятной силой. На лице пуританина вздулись от чудовищного напряжения жилы, и — о чудо! — веревки поддались и лопнули. Первым делом Соломон подхватил с земли брошенный Юсуфом посох.

Тем временем демоническое создание отбросило страшно исковерканные и выжатые словно лимон тела арабов прочь. Ужас Пирамиды обратил свое внимание на англичанина. Сопровождаемый миазмами тошнотворной вони, он направился в сторону Кейна. Демон постоянно перетекал из одной формы в другую и больше всего походил на парившее в воздухе облако крови. Но в то же время казалось, что жуткая тварь неумолимо движется вперед, неуклюже переступая невидимыми ногами. И ни на секунду в голове Кейна не смолкала злоежащая поступь!

Соломон ощутил, как в его позвоночник впиваются ледяные иглы ужаса. Но пуританин не побоялся. Ни мгновения не сомневаясь в верности своего выбора, он, с именем Господа на устах, замахнулся древним посохом и погрузил черное острие прямо в центр кровавого облака. Кейн почувствовал, как под его ударом корчится и рвется нечто нематериальное, не имеющее даже права находиться в этом мире. В следующий миг на Соломона обрушилась волна невыносимой боли, а в мозг словно ударила черная молния. У него потемнело в глазах, он зашатался и рухнул на колени, сжимая обеими руками грозившую лопнуть от боли голову. На мгновение ему показалось, что он присутствует при гибели мира. Но какая-то загадочная часть его души знала, что это был всего лишь предсмертный вопль чудовищного порождения Изначальной Тьмы.

Не в силах пошевелить хотя бы пальцем, англичанин наблюдал, как корчится в воздухе немисли-

мая тварь. Багрянец угасал, сменяясь гниlostным блеском. И по мере того, как меркли цвета страшного облака, стихал в голове пуританина и беззвучный крик демона, изгнанного могуществом посоха за грань Бытия. Прямо на глазах человека могущественнейшее существо низвергалось в беспредельные бездны Несуществования, которым нет названия и в которые уходят мертвые боги.

Потрясенный до глубины души, Кейн ошеломленно глядел на бесформенные огромные углубления в мертвой земле у своих ног. Они да изуродованные человеческие останки — вот и все, что напоминало о полуматериальном невероятном демоне, чуть было не вырвавшемся в мир из тысячелетнего заточения в черной пирамиде. И это он, Соломон Кейн, отправил Разрушителя обратно в черные бездны, породившие его у начала времен, сделав в одиночку то, чего не смогли бы добиться все пушки флота Британии. По сути дела, мир спас лишь один-единственный удар его посоха. Того самого посоха, что некогда, в руках величайшего царя и волшебника древности — тоже Соломона, избавил мир от подобной нечисти. Видимо, легендарный правитель не без умысла заключил последнего демона Тьмы в узилище, где тот пребывал бы до конца времен, если бы руки невежд вновь не выпустили его во Вселенную.

В который уже раз Кейн убедился в правдивости древних легенд. Царь Соломон и в самом деле очистил от демонов благословенную Аравию. Но почему он уничтожил их не всех? Зачем ему понадобилось оставлять в нашем мире последнего из Разрушителей? Неужто существовали в мире и такие силы, для борьбы с которыми Соломон нуждался в столь страшном оружии? А может быть, просто

у него не хватило сил, чтобы изгнать из нашего времени и пространства это создание?

Ответа на эти вопросы у пуританина не было. Да и было ли это теперь столь важно? Круг времен замкнулся, и он, Кейн, завершил сегодня то, что многие века назад начал его легендарный тезка.

Кейн содрогнулся, подумав, что только что победил нематериальное существо, которое нельзя было назвать ни живым, ни мертвым в привычном понимании этих слов.

И вновь на него снизошло откровение, как это уже с ним случалось и в заполненных пылью веков подземных коридорах Негари, Черного Города, возведенных атлантами; и среди изрыгтых пещерами магрудов Холмов Мертвых; и в уничтоженной акаана деревне Богонда. С необычайной остротой и ясностью пуританин осознал, что человек — это всего лишь одна из мириадных возможных форм жизни, а его мир — лишь один из бесконечной череды планов бытия и что многообразие уровней мироздания вовсе не ограничивается привычным нам материальным миром.

Люди, в непомерной гордыне своей, считают, что именно они — повелители планеты, названной ими Земля. Но на самом деле они всего лишь личинки, копошащиеся в куче гниющих отбросов. Человечество было лишь наиболее удачливым в данное время выводком таких личинок. Но сколько подобных червячков приходило на смену друг другу, на безостановочном пути этой планеты сквозь пространство и время?

В голове Кейна выкристаллизовалась простая и страшная в своей простоте мысль. Что дало человеку право самонадеянно полагать себя первой личинкой из созданных? Или самой удачной? Что дало

ему право вообще полагать себя венцом мироздания?

Кейн покачал головой, с благоговением рассматривая подарок Н'Лонги. Его понимание мира поднялось на новую высоту, и пуританин наконец-то увидел в старинном жезле не дьявольский атрибут черной магии, но меч Добра и Света, коему до конца времен предназначено сдерживать натиск сил Зла и Тьмы, защищая от них жизнь *любых* разумных существ. «Воистину неисповедимы пути Господни!» — подумал Кейн, исполнившись благоговения.

Он подошел к изувеченным телам Хасима и араба-молотобойца. Человеческая плоть превратилось в нечто непередаваемое, оскверненное безмянным злом, чему не место было под солнцем. Подсунув под то, что осталось от работорговцев посох, Кейн зашвырнул останки в темное нутро пирамиды и затворил за собой дверь.

Пуританин погрузился в мысли о тщете всего сущего... но его окликнул тихий робкий голос. К стыду англичанина, у него начисто вылетела из головы судьба несчастных невольников. Едва живые от усталости и пережитого ужаса пленники стояли под деревьями на коленях и терпеливо ждали, не сводя с белого человека огромных тоскливых глаз. Что ему делать, Кейн не раздумывал ни секунды.

Стоило на всякий случай поторапливаться, хотя пуританин был уверен, что беглецы не вернутся. У него почему-то было такое предчувствие, что их бегство закончится гибелью. Лишь единицам суждено будет преодолеть опасные джунгли и добраться до побережья. Но вот уж чего точно им не придет в голову, так это вернуться к Пирамиде Ужаса.

Смерть была побеждена, теперь следовало воздать должное Жизни. Англичанин быстро собрал на

поляне свое оружие, хоть ему и пришлось изрядно повозиться, оттирая пистолеты, кинжал и рапиру от омерзительной слизи, от которой даже превосходная сталь его клинков начала мгновенно покрываться пятнышками ржавчины. Собрал он также брошенные арабами в панике боеприпасы, изрядно пополнив свой запас пороха и пуль.

Особенно пригодился ему молот, которым вышибали дверь. Но и с ним англичанину пришлось потратить немало сил, чтобы разбить цепи и освободить несчастных рабов от ярма и кандалов.

Освобожденные невольники сбились в кучу, не решаясь отойти от пуританина.

— Соберите оружие, которое впопыхах побросали ваши недруги, — сказал Соломон беднякам. — И отправляйтесь с Богом по домам. Нехорошее это место, и человеку стоит держаться от него подальше! Ступайте в свои селенья и послушайтесь моего совета. Если вновь по вашу душу явятся арабы, лучше умрите, защищая свой дом, только не опускайте в отчаянии руки и не сдавайтесь на милость работорговцев. Главное у человека — это свобода! — Так напутствовал их пуританин.

Благодарность спасенных людей не знала границ. И мужчины и женщины попадали перед ним на колени, порываясь облобызать его сапоги. Кейн, не привыкший к таким излияниям чувств, с грубоватой настойчивостью погнал их прочь.

Не знаящие, как еще выразить свою благодарность, освобожденные невольники все ему кланялись, прежде чем пуститься в долгую дорогу домой. А Кейн, устроив на плече посох, бывший когда-то жезлом фараонов, посохом Моисея и скипетром Соломона, а прежде них талисманом атлантов, лемурийцев и вовсе уж неведомых существ, бросил

последний взгляд на гробницу. Черная пирамида, столько лет ограждавшая мир от Разрушителя, мрачно высилась, заливаемая резким светом луны. Но Кейн знал, больше в этом месте не прозвучат шаги Зла и крики ужаса. Отныне и до скончания веков здесь будет жить лишь тишина.

Соломон решительно направился в сторону тропы.

— Куда ты идешь, господин? Возвращайся с нами! Стань нашим вождем! — кричали ему вслед негры.

Но Кейн, скупно улыбнувшись, покачал в ответ головой.

— Меня ждет иная дорога, — ответил он. — Суждено мне уйти за рассвет...

Больше он ни разу не оглянулся.

СОЛОМОН КЕЙН. ХРОНОЛОГИЯ

I. 1549—1574

Образ Соломона Кейна является одним из наиболее удачных в творчестве Говарда. Мне кажется, что причина его привлекательности для читателя отчасти и состоит в том, что он «существовал» в определенном историческом отрезке времени. Мир, в котором жил Соломон Кейн,— это не какая-то неопределенная эпоха, куда Говард поместил, скажем, Фрэнсиса Гордона и Кирби О'Доннела. Наоборот, это тот богато насыщенный событиями период, когда мир большей частью был еще не изведен, а могущественный триумvirат Европы — Испания, Франция и Англия — находился в полном расцвете своей культуры. Именно тогда историю творили, каждый по-своему, такие крупнейшие фигуры, как Шекспир, Марло, Дрейк, Гренвилл и Рейли.

На этом историческом фоне протекает жизнь литературного героя Говарда; но как бы ни интересовала автора эта эпоха, реальные происшествия не должны

были, по его мнению, повлиять на ход тех событий, о которых он собирался рассказать. Поэтому в рассказах о Кейне много исторических неточностей и несоответствий. Мне часто казалось, что Говард колебался — выбрать ли ему для этой серии рассказов время правления королевы Елизаветы I или же гораздо более поздний период, когда обвиненных в колдовстве женщин сжигали на кострах, вплоть до начала Английской Революции. В конце концов, автор сделал попытку объединить оба периода и передать существенные особенности обоих отрезков времени, имея в распоряжении лишь тот срок, что был отпущен его главному герою.

Так как время и место действия рассказов дает тем, кто занимается изучением образа Кейна, большие возможности для исторических исследований, им всегда хотелось не только попытаться расположить рассказы в хронологическом порядке, но и привязать их к реальным историческим событиям.

Я не уверен, что сам Говард стремился соблюдать в рассказах какой-либо хронологический порядок; маловероятно также, что он обдумывал хотя бы примерную биографию своего главного героя (как он поступил, работая над сагой о Конане). Вот почему в этой серии рассказов бросается в глаза отсутствие развития образа Кейна.

Возникает впечатление, будто рассказы, опубликованные при жизни Говарда, — это по существу переработка тех, которые не были приняты в печать и были изданы лишь много лет спустя после смерти автора. (1) *

Как бы то ни было, с 1968 года принималась та хронология рассказов о Кейне, которую предложил Гленн Лорд, когда собрал все истории, за исключением рассказа *«Черные всадники смерти»*, воедино, чтобы опубликовать их в журнале Дональда Гранта.

Этот порядок послужил основой для большого количества «биографий» Кейна, самой известной из которых является написанная Фредом Блоссером и названная им *«След Соломона Кейна»*. Она впервые была опубликована в журнале «Марвел комикс» в разделе «Кулл и другие варвары» (выпуск 3, сентябрь 1975 г.), а затем, в исправленном виде, — в разделе «Меч Кона-

* Здесь и далее см. примечания в конце статьи.

на» (N 219, март 1994 г.). Она редко оспаривалась, но, хотя я не стану спорить с утверждением, что на основе хронологии Гленна может быть создана законченная биография Кейна, я не могу отделаться от ощущения, что в ней встречаются некоторые неточности, если поддаешься упомянутому выше искушению — согласовать ее с реальными историческими событиями.

Прежде чем я продолжу свое исследование, хотелось бы подчеркнуть, что все мои попытки составить такую хронологию основаны лишь на предположениях. Многие из них показались мне убедительными и, по моему мнению, соответствуют моральным и духовным аспектам образа Кейна.

Рассуждения рассуждениями, но в рассказах есть два момента, которые прочно связывают вымысел с историческими фактами: казнь сэра Томаса Даути у залива Сент-Джулиан в июне 1578 года — стихотворение *«Черная метка»*, и гибель сэра Ричарда Гренвилла в июне 1591 года, о которой упоминается в нескольких рассказах серии, но подробнее всего говорится в поэме *«Возвращение Соломона Кейна»*. Кейн был свидетелем обоих событий, поэтому у тех, кто изучает его образ, есть возможность по-разному интерпретировать события, но их доводы и утверждения обязательно должны быть основаны на этих двух датах.

Проще всего, конечно, предположить, что начинать биографию нужно с рождения Кейна, хотя это на самом деле не такая уж удачная мысль, поскольку дата его появления на свет не упоминается ни в одном рассказе. Биография Блоссера дает нам примерную дату — 1530 год, но я считаю, что это должно было произойти гораздо позже, иначе Кейн оказывается намного старше своих современников — сэра Ричарда Гренвилла и сэра Фрэнсиса Дрейка, которые родились, соответственно, в 1542 и 1543 годах, хотя дата рождения Дрейка остается спорным вопросом и по сей день.

Поэтому, принимая во внимание самые различные факторы, я счел удобным обозначить дату рождения Кейна примерно 1549 годом. (2)

Интересно, что Кейн очень хорошо знаком со многими аристократическими и богатыми семьями Англии, особенно в его родном графстве Девон; к помощи их дочерей и прочих родственников он успешно прибегает, чтобы выходить из са-

мых затруднительных положений. Это, например, старик (в рассказе не названо его имя) из *«Клинок братства»* и лорд Хилдред Тэйферал из рассказа *«Луна черепов»*, а также сэр Ричард Гренвилл. При том общественном разделении, которое существовало в то время, представляется невероятным, что Кейн действительно был на короткой ноге с такими людьми и с их семьями, не будучи равного с ними положения.

Думаю, что не следует забывать и о том, что на самом деле сэр Ричард Гренвилл был неисправимым снобом, считавшим сэра Фрэнсиса Дрейка жалким выскочкой, имея в виду как его общественное положение, так и ранг на флоте, и объясняя это исключительно тем, что происхождение Дрейка не шло ни в какое сравнение с его собственным. Поэтому довольно сомнительно, что Кейн мог общаться с этим человеком, как с равным, не обладая таким же происхождением, как и тот. Дрейк же, несмотря на все свои недостатки, совершенно спокойно относился к вопросам происхождения — это не могло повлиять на его отношение к кому-либо. Может быть, Дрейк и не одобрял некоторые крамольные идеи Кейна, но это не мешало ему с восхищением отзываться о пуританине, как о «самом блестящем воине Девона».

Все это позволяет предположить, что семья Кейна если и не принадлежала к высшей аристократии, то, по крайней мере, была весьма обеспеченной.

Исходя из вышеизложенного нельзя предположить, что Кейн покинул Англию в результате проявлений религиозной нетерпимости, о чем говорит Блоссер. Его семья обладала слишком большими связями, чтобы всерьез беспокоиться об этом. Роль Гренвилла здесь также не может играть существенного значения, хотя я допускаю, что тот мог быть свидетелем некоторых сцен, которые повлияли на его собственный религиозный фанатизм.

Подобно большинству героев Говарда, Кейн из-за неумной тяги к странствиям и жажды приключений с сожалением покидает родные края, расставшись со своей возлюбленной. Он вспоминает об этом в одном из вариантов *«Возвращения Соломона Кейна»*:

«Расставание с Бесс было для меня настоящей пыткой. Но я увидел, как высокие волны плещутся у бортов корабля, и ощу-

тил на своем лице дыхание морского ветра. И я расстался с ней — хотя мучительно было видеть ее слезы.

Исходя из этого можно прийти к выводу, что Кейн сначала отправился в морское путешествие, что было вполне естественным для юноши того времени, выросшего в Девоншире.

Я предполагаю, что Кейна отдали в обучение владельцу торгового судна и его семья спокойно перенесла расставание с беспокойным юнцом, так как он не вписывался в тот круг религиозных фанатиков, в котором они вращались. Именно с этого момента начинаются многочисленные и разнообразные приключения Кейна во время его бесконечных странствий. В рассказе *«Луна черепов»* Кейн говорит о том, что он избороздил все моря и доплывал даже до Индостана и Катея. Он часто возвращался обратно в Англию, поддерживая отношения со старыми друзьями из Девоншира и их семьями.

Я высказал бы предположение, что Кейн дослужился до капитана — обычно все герои Говарда, благодаря своей необыкновенной физической силе, быстро делают карьеру. Мэрилин Тэйферал в рассказе *«Луна черепов»* обращается к нему, употребляя именно флотский чин, а не военный, как утверждает Блоссер.

Конечно, Кейн был капитаном во время французских религиозных войн, периодически потрясавших страну между 1562 и 1598 годами, о чем он сам говорил Джеку Холлинстеру в рассказе *«Клинки братства»*, но думаю, что это не имело большого веса в глазах английских аристократических семей того времени, которые придавали значение лишь тем чинам, которые были получены на службе у английского монарха.

Тем не менее Соломон Кейн постепенно разочаровывается в своей карьере в торговом флоте, о чем говорит Джону Сайленту в рассказе *«Замок дьявола»*:

«Я побывал на всех морях, но почти все путешествия разочаровали меня. Многие, называющие себя честными торговцами, на самом деле — не кто иные, как жестокие пираты».

Кейн покидает торговый флот, когда ему чуть больше двадцати лет, и раздумывает над тем, какой путь избрать дальше. Одним из краеугольных камней пуританского учения является то, что каждый человек должен иметь какое-то свое призва-

ние. Уильям Перкинс в своем *«Трактате о призвании человека»*, написанном около 1600 года, объяснял это так:

«Каждый человек независимо от своего образования, общественного положения, пола и сословной принадлежности должен ощущать свое призвание».

Эта проблема мучила Кейна всю жизнь. Но более всего он терзался сомнениями, когда был вынужден внезапно бросить свою карьеру и решить, чего же он хочет добиться в жизни. Попыткой отыскать ответ на этот вопрос стало, как я предполагаю, его путешествие на остров Испаньола.

Интересно отметить, что помимо аристократических семей Девона Кейн был хорошо знаком с пиратами, корсарами, головорезами и прочими сомнительными личностями; скорее всего, именно они повлияли на решение Кейна избрать карьеру моряка.

Из рассказа *«Перестук костей»*, например, мы узнаем, что Кейн был хорошо знаком с Мясником Гастоном, а из рассказа *«Клиники братства»* становится очевидным, что он был на короткой ноге со многими пиратами, в частности с Беном Аллардином, которого, по его собственному утверждению, Кейн знал «еще до того, как братство морских разбойников превратилось в банду жестоких головорезов. Я имел дело с вашим бывшим капитаном... на Тортуге и у мыса Горн. Он был жестоким человеком, по нему плакала раскаленная сковорода в аду — и я помог ему отправиться на тот свет выстрелом из мушкета».

Братство морских разбойников, о котором говорит Кейн, включало в себя людей самого разного происхождения, которые поселились на острове Испаньола в Карибском море (теперь этим островом владеют Доминиканская республика и республика Гаити) после испанцев, но не смогли прижиться там из-за того, что слишком сурово обращались с наемными работниками. По этой причине они вынуждены были прекратить разработку открытых ими золотых приисков.

Эти первые поселенцы были в основном англичанами или французами и зарабатывали себе на хлеб тем, что снабжали проходящие корабли шкурами и свежим или вяленным мясом. Английское слово *«buccaneer»* (пират) является искаженным вариантом *«boucanier»*, происшедшего от французского слова *«boucan»*, обозначающего одновременно и вяленое мясо, кото-

рым они торговали, и куполообразную хижину, в которой мясо подвергалось соответствующей обработке.

Ряды поселенцев вскоре пополнились дезертировавшими матросами из разных стран и рабами, бежавшими с плантаций сахарного тростника. По мере того как население все более увеличивалось, росла необходимость в каком-то подобии союза, и люди объединились в братство, где все члены имели равные права и следовали единым для всех суровым правилам.

Что же касается заявления Кейна, будто эти благородные люди так низко пали, что занялись пиратством, то я думаю, их вынудили к тому обстоятельства и враждебность испанцев, которые ревностно оберегали свою торговую монополию в этом районе.

Любопытно, что в этом эпизоде встречается несколько исторических неточностей, о которых упоминалось ранее. Первая заключается в том, что мыс Горн получил свое теперешнее название лишь в 1616 году, когда его впервые обогнул португальский мореплаватель Якоб Ле Мэр. Он назвал его так по имени города Ден Хоорн, откуда была отправлена экспедиция. До тех пор Огненная Земля считалась частью огромного неведомого южного материка, хотя уже при жизни Кейна некоторые мореплаватели, в частности Дрейк, сомневались в верности этой гипотезы.

Еще одна неточность — морские разбойники обосновались на острове Тортуга лишь в 1629 году, а само слово «пират» не упоминалось в английских документах вплоть до 1665 года. Все это произошло уже после смерти Кейна.

Надо думать, Кейн провел какое-то время на Испаньоле, так как именно там мог найти временное пристанище борец за справедливость, пытающийся разобраться в своих собственных мыслях.

Тем не менее представляется сомнительным, что Кейн нашел там ответы на мучившие его вопросы, хотя возможно, что расправа с бывшим капитаном предопределила его дальнейшие действия. Этот эпизод также объясняет и отъезд Кейна с острова — пираты не потерпели бы столь крамольных рассуждений внутри своего общества. И, разумеется, они не могли пойти против пирата, чьи злодеяния осмелился открыто осудить Кейн. Этот инцидент мог привести Кейна к мысли о том, что справед-

ливость и возмездие торжествуют лишь тогда, когда кто-нибудь возьмет это дело в свои руки. Испытанные им горечь, разочарование и праведный гнев вполне объясняют отвращение Кейна к существовавшей тогда социальной системе, которая, строго говоря, во многом превосходила теперешнюю. Нельзя утверждать наверняка, но, возможно, на решение Кейна покинуть остров повлияла и ярко выраженная гомосексуальная ориентация пиратов.

Мне кажется, что именно тогда Кейн отправился в Дариен, где он «...научился и красть, и резать по дереву, и строить козни...».

Дариен находился недалеко от Испании, поэтому новые навыки Кейна вполне поддаются логическому объяснению. Но несмотря на приобретенный в Дариене опыт, пуританин все еще не мог обрести спокойствие и найти свое истинное призвание.

В 1573 году Кейн возвращается в Европу и начинает уделять внимание политике. Можно предположить, что именно в это время он становится участником вышеупомянутой гражданской войны во Франции и сражается на стороне гугенотов, так как события Варфоломеевской ночи, несомненно, сделали его еще более ярким приверженцем протестантской веры. Он участвовал по крайней мере в одном из главных сражений и долго не мог понять, по какой причине ему захотелось разделить участь тех, кто сражался на поле боя. Прежде всего он осознал, что война — это кровавое месиво, даже если она ведется в исключительно благородных целях. Кейн попросил отставки, потому что его «тошнило» от «...множества злодеяний, замаскированных внешней благопристойностью...».

Покинув Францию, Кейн отправляется в Германию и именно с этого момента начинаются его приключения.

II. 1575—1591

Думаю, справедливо будет сказать, что большинство тех, кто изучает образ Кейна, считают его последующие подвиги в Черном Лесу лишь незначительным эпизодом в жизни пуританина. Но несмотря на это, интересно отметить, сколь много

заключено в трех отдельных эпизодах, хотя два из них не закончены, а третий состоит всего лишь из пяти абзацев.

Следует признать, что спорным является вопрос о включении рассказа *«Черные всадники смерти»* в историю про Черный Лес, но в тексте нет ничего такого, что противоречило бы общему замыслу. Действие разворачивается в мрачном лесу, и многие исследователи считают, что рассказ необходимо включить в сборник. Я полностью разделяю эту точку зрения.

В этих трех историях нет ни малейших намеков, позволяющих установить их хронологический порядок, поэтому я бы поставил в начало рассказ *«Черные всадники смерти»*, где говорится о первых подвигах Кейна, — всего лишь по той причине, что в нем упоминается конь, о котором не сказано ни слова в остальных историях. После этого следует *«Перестук костей»*, а затем — *«Замок дьявола»*, где Кейн знакомится с Джоном Сайлентом (3), который предлагает пуританину сопровождать его в путешествии в Геную и сражаться вместе с ним против турок.

Учитывая отвращение Кейна к пиратству, многие читатели, возможно, будут удивлены, что я согласен с Блоссером в том, что Кейн действительно принял предложение Сайлента и принял участие в разбоях на Средиземном море.

Следует иметь в виду, что дела на Средиземном море обставили совсем иначе, чем на Карибском. Жестокие религиозные войны, потрясавшие эти земли в течение веков, ко времени появления там Кейна уже закончились, между мусульманами, которые обосновались в Леванте, и христианами, хозяйничающими на севере, было заключено шаткое перемирие. Несмотря на это, обе стороны нередко нападали на суда друг друга — и это считалось не пиратством, а вполне закономерными действиями, характерными для бесконечных религиозных войн. Прекратить этот разбой было практически невозможно, потому что многие государства этого региона (например, Мальта), полностью зависели от количества награбленного добра. Я думаю, вряд ли участие в подобных операциях слишком отягощало совесть Кейна; в конце концов, здесь речь шла не о столкновении двух идеологий, как во Франции, а о войне между народами, исповедующими различную веру. Более того, Кейну сложившаяся ситуация доставляла немало удовольствия, в процессе сражений он приобрел репутацию знаменитого воителя.

Ему неизменно сопутствовала удача, и многие годы спустя арабский работороговец Хасим из рассказа *«Ужас пирамиды»* скажет, что слышал о том, «...кто наголову разбил турок, о ком до сих пор вспоминают свирепые корсары».

В регионе, где количество галер являлось мерилom военной мощи, каждая сторона старалась прежде всего завладеть гребцами противника. За них можно было получить огромный выкуп, но прежде всего ценился их рабский труд.

Именно из-за этого Кейн не захотел больше быть корсаром. Захваченный в плен мусульманами, он сначала «работал на виноградниках», но без сомнения делал это с явным отвращением и оказывал плохое влияние на остальных рабов, поэтому вскоре его определили в гребцы на галере, что было самым ужасным испытанием для пленника.

Хотя считается, что мусульмане с крайней жестокостью обращались с рабами — об этом свидетельствуют многие первоисточники, например, воспоминания Мигеля Сервантеса, — это не более чем желание христиан вызвать ненависть к «иноверцам». Сейчас имеются свидетельства о том, что все необязательно происходило именно так; жестокое обращение турок со своими пленниками не нужно преувеличивать.

Кейн, однако, не смог забыть о том, как зверски мучили его арабы. В рассказе *«Ужас пирамиды»* он говорит о том, что и поныне ощущает «...шрамы, оставленные на его теле плетью мусульманских надсмотрщиков на галерах. До сих пор Кейна жгла неумемая ненависть».

Конечно, за Кейна могли дать богатый выкуп, так как он был достаточно знатного происхождения, но подобный выход — не для героя Говарда; ему удастся сбежать от турок, и хотя не указывается, как именно это произошло, можно не сомневаться, что этот момент сопровождался кровавой схваткой.

Он вернулся в Англию в 1577 году, но его религиозные убеждения опять пришлось «не ко двору», поэтому Кейн возобновил старое знакомство с Фрэнсисом Дрейком и решил отправиться вместе с ним в кругосветное плавание. Они были в пути почти год, когда до них дошла весть, что казнили сэра Даути, и это создало трещину в отношениях между ними. Блоссер убежден, что Кейн вернулся в Англию вместе с Дрейком, я

же считаю, что Кейн вернулся в Европу раньше, возможно, на борту французского судна. Это вполне объясняет появление Кейна во Франции около 1579 года и служит началом рассказа *«Под пологом кровавых теней»*. (4)

Год спустя после того, как Кейн расправился с Ле Лу, он вернулся на португальском судне в Европу и, возможно, именно в это время принял участие в войне Нидерландов против Испании. По моему мнению, после случая с оборотнем Ле Лу в Кейне опять вспыхнул его протестантский фанатизм, который поутих с тех пор, как Кейна постигло страшное разочарование во время войны во Франции. (5)

Наступил 1585 год, и Кейн вернулся в Англию, чтобы отправиться в Новый Свет вместе со своим старым другом, сэром Ричардом Гренвиллом; они намеревались основать там английскую колонию. Экспедиция покинула Плимут 9 апреля, но замысел был в конечном счете обречен на провал. Когда Гренвилл на следующий год вернулся с запасом продовольствия и прочих необходимых вещей, он обнаружил, что селение опустело, а колонисты вернулись обратно в Англию на корабле Дрейка, когда тот направлялся на родину после разгрома испанского флота.

Оба раза, когда Гренвилл возвращался на родину, в 1585 и 1586 годах, он отклонялся и брал курс на Азорские острова, чтобы вступить в сражение с испанскими кораблями. Об этом говорится в воспоминаниях Джереми Хоука, названных *«Бастийский ястреб»*: «Он не давал донам покоя, заставляя их курсировать между Азорскими островами и Дариеном...»

Хоук, конечно, несколько преувеличивает, но исторически установлено, что Гренвилл все-таки одержал победу в 1585 году, захватив испанский корабль «Санта-Мария» с грузом золота, серебра, жемчуга, имбиря и сахара. Средства, которые Гренвилл выручил от продажи этих сокровищ, полностью окупили все расходы на экспедицию. В этом же рассказе Кейн говорит и о своем участии в этих событиях:

«Я припоминаю; хотя мы плыли на разных кораблях. Я был вместе с сэром Ричардом Гренвиллом. А ты плыл вместе с Джоном Беллефонте».

В рассказах упоминается несколько обстоятельств, побудивших Кейна вернуться в Англию, но я твердо уверен, что в 1587

году произошли те события, которые описаны в рассказе *«Черепла среди звезд»* (6). Несмотря на утверждения Кейна, будто он «...не мог оставаться на родине больше одного месяца», я предполагаю, что изменившаяся политическая ситуация требовала от пуританина более длительного пребывания в Англии.

Столкновение с Испанией было неизбежным, это стало ясно уже в 1584 году, так как Англия оказывала содействие Нидерландам, когда те объявили Испании войну, а британские войска постоянно совершали набеги на испанские колонии в Америке. «Непобедимая Армада» Филиппа II была спущена на воду еще в 1587 году, но планы испанского короля рухнули, когда Дрейк «опалил бороду Его Королевскому Величеству», атаковав Кадис.

В 1588 году Армада наконец-то была спущена на воду, и невозможно представить, что Кейн не принимал участия в ее разгроме. Возможно, его мировоззрение и религиозные убеждения и не совпадали с общественными тенденциями того времени, но он, как и все, был патриотом своей родины.

Многие считают, что Кейн и в этом раз служил под началом Гренвилла, но любопытно будет узнать, что Гренвилл в действительности не принимал участия в разгроме Армады, он был в то время занят укреплением защитных сооружений в Корнуолле. Кейн же просто не мог не участвовать в сражении и не находиться в самой гуще событий, и можно предположить, что он был на одном корабле либо с Мартином Фробишером, либо с Джоном Хоукинсом. Оба этих капитана участвовали во всех сражениях с испанским флотом, по мере того как испанские суда продвигались по Ла-Маншу; за военные заслуги лорд Говард Эффингемский произвел их в рыцари.

Я все более склоняюсь к тому, что это был Хоукинс — хотя бы потому, что он был родом из Девона (Фробишер же родился в Йоркшире) и, судя по одному из вариантов поэмы *«Возвращение Соломона Кейна»*, был знаком с Кейном. (7)

Когда англичане наголову разбили испанскую «непобедимую» флотилию, Кейн опять решил отправиться в путешествие, но как раз тогда до него дошли известия, что корабль «Летающее сердце», пропавший без вести, видимо, был захвачен карибскими пиратами. Узнав, что среди пропавших числилась дочь одного из его старых друзей, Кейн решил отомстить морским голо-

ворезам. Поиски оказались гораздо сложнее и заняли значительно больше времени, чем в истории с Ле Лу; сначала они привели Кейна в Карибское море, а затем в Португалию. Обратно в Англию он вернулся только два года спустя (*«Клинок братства»*).

Жажда мести была удовлетворена, и Кейн опять мог присоединиться к Гренвиллу, чтобы на этот раз подстеречь у Азорских островов испанские корабли с грузом золота.

Но эта миссия завершилась поражением, когда Гренвилл и Кейн решились на один из тех ура-патриотических жестов, которые увековечены во многих легендах и преданиях. Лорд Говард, который руководил экспедицией, был поражен, увидев, насколько превосходит флот противника его собственный, и разработал план отступления. Однако на берегу оставалось еще девяносто пять человек, и Гренвилл отказался покинуть их там. По этой причине ему пришлось в одиночку сражаться с испанской флотилией. В *«Возвращении Соломона Кейна»* пуританин вспоминал, что это было лишь тщетной попыткой предотвратить кровавую резню. Гренвиллу удалось вывести из строя не менее шестнадцати вражеских кораблей, но его достижение едва ли было значительнее, чем соболезнавание Рэли и Теннисона по поводу этого ужасного события:

«От алого рассвета до алого заката мы сражались с испанцами в заливе. Мертвые тела устилали палубы, а мачты были сорваны пушками... Мы сражались с ними обломками мечей, пока залив не стал багровым от крови. Смерть пронеслась в облаке порохового дыма, и Ричард Гренвилл погиб».

Выжившие члены экипажа *«Мести»* не потопили корабль, хотя таково было желание Гренвилла, а сдались испанцам.

Вместе с Гренвиллом и Дрейком Кейн занимался морским разбоем, руководствуясь причинами религиозного характера. Особенно досталось пуританину, когда его жестоко пытали инквизиторы, и на всю жизнь у него остались шрамы от пыток на дыбе.

Еще более ужасным представляется (по крайней мере, с точки зрения исследователя) тот факт, что как раз в это время Кейн стоял на пороге своих самых знаменитых подвигов и приключений, и вот тут-то Говард допускает свою главную хронологическую ошибку.

III. 1592—1606

Фред Блоссер в исследовании *«След Соломона Кейна»* говорит только о том, что Кейну удалось ускользнуть от испанских инквизиторов (надо заметить, что жестокость пыток была с течением времени несколько преувеличена), а затем он вдруг оказывается в Африке.

Нельзя отрицать тот факт, что Кейн действительно сбежал от инквизиции, но мне кажется, Блоссер упускает из виду многие события в жизни Кейна. Действительно, после вышеупомянутых событий начинаются африканские приключения пуританина, но не сразу, как это полагает Блоссер.

Для того, кто пытается расположить факты в хронологическом порядке, приключения в Африке представляют массу проблем и неразрешенных вопросов.

В рассказе *«Холмы смерти»* некий НЛонга дает Кейну заколдованный посох с набалдашником в виде головы кошки, этот посох упоминается и в последующих рассказах: *«Бастийский ястреб»*, *«Крылья в ночи»*, *«Ужас пирамиды»* и *«Дети Асуры»*. Более того, в рассказе *«Ужас пирамиды»* упоминаются вампиры, встречающиеся в *«Холмах смерти»*, и появляется акаана, ранее фигурировавший в рассказе *«Крылья в ночи»*. Все это оправдывает именно тот порядок событий, который предложил Гленн Лорд.

В *«Возвращении сэра Ричарда Гренвилла»* тоже много непонятного, но все становится яснее, если согласиться с мыслью, что Кейну встречаются те же самые людоеды, которые описаны в *«Крыльях в ночи»*, от которых Кейн сбегает в самом начале рассказа. Еще проще поверить в то, что Кейн на самом деле столкнулся с двумя племенами людоедов. Случаи каннибализма в действительности встречаются гораздо реже, чем это описано в литературе.

Все достаточно просто и понятно до тех пор, пока в рассказе *«Луна черепов»* мы не замечаем серьезную ошибку.

Прежде всего Негари, колония, которая упоминается в этом рассказе, появляется и в *«Крыльях в ночи»*, и в *«Ужасе пирамиды»*, тем не менее на этот раз у Кейна уже нет его волшебного посоха. В *«Холмах смерти»*, где описывается, как Кейн получил этот посох, главный герой утверждает, что та

история относится к его второму путешествию в Африку, а первое он совершил тогда, когда преследовал оборотня Ле Лу (рассказ *«Под пологом кровавых теней»*).

Здесь читатель может раздраженно воскликнуть: «Каким же образом рассказ *«Луна черепов»* вписывается в общий хронологический порядок?»

Прежде всего, нужно иметь в виду, что в отличие от остальных рассказов из африканского цикла сюжет *«Луны черепов»* построен на поисках, и это вполне объясняет пребывание Кейна в Африке. В других же рассказах он путешествовал, преследуя какие-то свои личные цели. О поисках Мэрилин Тэйферал Кейн отзывается следующим образом: «...они растянулись на долгие годы, полные горечи и разочарований».

Этот период чрезвычайно трудно «втиснуть» в уже существующий хронологический порядок. Возможно, это могло произойти сразу же после того, как он ускользнул из рук инквизиции, так как вполне закономерен перерыв между этими событиями и его последующим возвращением в Африку.

Чтобы выразить свою мысль яснее, я скажу, что в рассказе *«Луна черепов»* говорится о втором путешествии Кейна в Африку; что после того, как он вызволил Мэрилин Тэйферал из плена на острове Негари, пуританин, выполняя свое обещание, отправил ее на родину, но сам не сопровождал ее, решив остаться в Африке по известным ему одному причинам. Заглянув в текст, можно и не согласиться с тем, что таков был первоначальный замысел Кейна, но мне представляется вполне вероятным, что во время длительного путешествия какие-то обстоятельства могли повлиять на его решение.

Исходя из такого логического обоснования, следовало бы поместить рассказ *«Луна черепов»* сразу же перед *«Холмами смерти»*, тогда дальнейшие ссылки на него будут вполне уместны и обоснованны. В *«Холмах смерти»* Кейн говорит Н'Лонге о том, что «как-то раз он побывал даже в джунглях», что кажется довольно странным, так как он был в джунглях до этого, по меньшей мере, дважды. Единственное объяснение этому я вижу в том, что Кейн упоминает слово «однажды» (once) в одном из его словарных значений, как «прежде» (formerly), не ссылаясь на конкретное событие. Это, конечно, не лучший выход из проблемы, но рассказ *«Луна черепов»* действительно является для иссле-

дователя ложкой дегтя в бочке меда, заставляя его искать самые неправдоподобные объяснения фактам и теряться в догадках.

О дальнейших приключениях Кейна после событий, описанных в рассказе *«Дети Асуры»*, неизвестно ровным счетом ничего, поэтому рассуждать о них можно бесконечно. Я убежден, что Кейн провел несколько лет в Африке, и его путешествие на восток африканского континента в конце концов привело его в Египет, откуда он отправился дальше в Палестину, — но это всего лишь мои собственные домыслы.

Узнав о смерти королевы Елизаветы, воцарении на английском престоле Якова VI и о том, что появились обнадеживающие признаки веротерпимости, постаревший Кейн решил возвратиться на родину. Но, вернувшись домой в 1605 году, Кейн обнаружил, что Англия опять находится в состоянии политикорелигиозного брожения в результате *«Порохового заговора»*.

Несмотря на то, что пуритане приобретали все большее влияние во многих государственных сферах, Кейн быстро разочаровался в том общественном укладе, который предстал его глазам, а примирение Англии с ненавистной Испанией только усугубило его уныние.

Как раз в это время с ним произошло одно из его последних приключений, когда он стал свидетелем того, как колдун Роджер Симеон отомстил Джону Редли, выдавшему его королевским солдатам в рассказе *«Десница судьбы»*.

К тому времени, как Кейн, наконец, добрался до своего родного города, он уже осознал, что является «чужим среди своих». Большинство его современников: Дрейк, Гренвилл, Уолсингэм, Фробишер, Оксенгэм и Хоукинс были мертвы, а беспорядки в Европе, которые, в общем-то, и являлись главной причиной процветания и славы этих людей, прекратились, были заключены позорные мирные договоры и соглашения.

Кейн был человеком елизаветинской эпохи, внезапно заброшенным во время застоя, где не было места храбрости и доблести. Герой Говарда стал изгоем этого общества. Из поэмы *«Возвращение Соломона Кейна»* можно понять, что пуританин отказался от своей весьма странной мечты «уйти от дел», отдалиться от людей и кануть в небытие. И таким образом он перестал быть только историческим лицом и занял свое место в народных преданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. До сих пор не прекращаются споры о том, является ли рассказ *«Перестук костей»* переписанным вариантом рассказа *«Десница судьбы»*, так как в них налицо определенное сходство в сюжете, а развязки обоих произведений почти абсолютно идентичны.

Еще большее сходство, на мой взгляд, существует между рассказами *«Клинок братства»* и *«Под пологом кровавых теней»*. Сюжет в обеих историях развивается практически одинаково: Кейн отправляется в путешествие, чтобы отомстить за изнасилование и убийство девушки. Есть еще одно небольшое сходство, о котором я считаю нужным упомянуть: в обеих историях убийцы в насмешку называют Кейна «Галахадом» (персонаж из средневековой легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, удивительно благородный и бескорыстный человек).

Этого факта оказалось достаточно, чтобы я утвердился в своем предположении, что рассказ *«Клинок братства»* был одним из первых рассказов о Кейне, а *«Под пологом кровавых теней»*, первый опубликованный рассказ из цикла историй о нем, — не чем иным, как его тщательно отшлифованной версией: в рассказе появились сверхъестественные силы и окружающая обстановка стала более экзотической, но это было лишь вывеской, маской.

Гленн Лорд сообщил мне, что существуют документы, в которых зафиксированы названия тех произведений, которые Говард отсылал в редакцию. Из них я узнал, что рассказ *«Клинок братства»* был отклонен дважды издателями в 1929—1930 годах; из этого следует вывод, что история могла быть написана не ранее 1929 года, много месяцев спустя после того, как был опубликован рассказ *«Под пологом кровавых теней»*.

Этот факт несколько не умаляет закономерность первого предположения, но он выворачивает первоначальное утверждение наизнанку; получается, что *«Клинок братства»* являются исправленной версией рассказа *«Под пологом кровавых теней»*. Очевидно, Говард догадался, что сюжет, легший в основу последнего, будет иметь коммерческий успех, и убрал из рассказа все сверхъестественное, чтобы тот пользовался спросом у читателей, становившихся все более разборчивыми.

Провал попытки продать *«Клиники братства»*, возможно, привел Говарда к мысли, что в серию рассказов нужно включить именно *«Под пологом кровавых теней»*. Но полезно также иметь в виду, что за исключением рассказа *«Луна черепов»*, во всех рассказах о Кейне, опубликованных при жизни Говарда, упоминаются сверхъестественные силы. Именно их присутствием рассказ *«Под пологом кровавых теней»* выгодно отличается от гораздо более скучных событий в рассказе *«Клиники братства»*.

2. По предположениям Блоссера, приключения в Африке, составлявшие значительную часть всех странствий Кейна, должны были случиться в 1591 году, исходя из того, что именно тогда погиб Гренвилл (который потом неожиданно воскрес из мертвых). Следовательно, Кейну тогда должно было уже быть больше шестидесяти лет, что кажется мне не совсем правдоподобным. Нужно также учитывать и тот немаловажный факт, что продолжительность жизни в то время была очень невелика и человек, которому исполнилось шестьдесят лет, считался глубоким стариком.

Надо отдать должное Блоссеру: он указал 1530 год только потому, что в рассказе *«Десница судьбы»* есть упоминание о «королевских солдатах». В рассказе говорится о ранних приключениях Кейна, поэтому он решил, что все происходило во время правления Эдуарда VI, бывшего королем Англии с 1547 по 1553 год, и отсчитывал, таким образом, в обратном направлении. Поэтому у него были все основания предполагать, что Кейн родился в 1530 году.

Тем не менее в незаконченном рассказе *«Бастийский ястреб»* Кейн возражает Джереми Хоуку, когда тот заявляет, будто он (Кейн) никогда не испытывал симпатии к династии Тюдоров. Пуританин говорит следующее:

«Ее сестра преследовала моих людей, как охотник — добычу... Она предала сторонников моей веры...»

Отношение Кейна к Тюдорам сложилось в результате того, что он либо был свидетелем предательств, либо сам был предан, но интересно, что его слова относятся только к двоим из династии Тюдоров — Марии и Елизавете. Он ни слова не говорит об их предшественниках, при которых «иноверцев» преследовали не менее ожесточенно. Все это наводит меня на мысль, что

Кейн либо не знал, каково жилось в правление двух Генрихов и Эдуарда, либо был слишком молод, чтобы помнить об этом. Если бы Кейн появился на свет в 1530 году, к тому времени, как престол занял Эдуард, ему бы уже исполнилось семнадцать лет; а когда этот монарх скончался, ему было бы двадцать четыре года. Это противоречит сделанным ранее предположениям.

Поэтому я считаю, что истинной датой рождения нашего героя является 1549 год; тогда события, описанные в рассказе *«Десница судьбы»*, происходили бы во время правления Якова I.

3. Джона Сайлента мы встречаем также в незаконченном, состоящем из отрывков рассказе *«Пламя»*. Действие происходит в Англии, но ничто в рассказе не говорит нам о его сходстве с *«Замком дьявола»*, за исключением одной-единственной фразы: будто Джон Сайлент «бывал и в необъятных, величественных лесах других стран». Только эти слова намекают на то, где будут разворачиваться события рассказа *«Замок дьявола»*, хотя в тексте ничто не указывает на дату этих событий.

4. По целому ряду причин рассказ *«Под пологом кровавых теней»*, возможно, один из наиболее значительных во всем цикле историй о Кейне. Наиболее важным является момент, когда впервые в жизни Кейн открыто заявляет о своем намерении выступить на стороне угнетаемых и униженных и провозглашает себя «другом всех, нуждающихся в помощи».

Рассказ *«Под пологом кровавых теней»* был первым опубликованным рассказом из серии, поэтому становится ясным, что в голове Говарда давно зрела идея о появлении в его творчестве мрачного ангела-мстителя.

Если рассматривать весь цикл рассказов в целом, то этот момент говорит о значительном развитии образа и о том, что Кейну к тому времени было уже немало лет. Это также является свидетельством того, что Кейн наконец-то нашел свое призвание. Несомненно, взвалив на себя бремя священного долга, пуританин всю жизнь терзался сомнениями в правильности выбранного им пути.

Конечно, на это можно возразить, что Кейн выражал подобное намерение и в рассказе *«Клинки братства»*, когда произнес следующие слова:

«Пока на земле царствует и процветает зло, а злодеяния становятся все более ужасными, пока убивают мужчин и лишают чести женщин, пока над слабыми существами, будь то люди или животные, измываются и издеваются, я не смогу обрести мир и покой».

Тем не менее я склонен думать, что Говард развивал сюжет именно в таком направлении, так как он хотел привлечь внимание разборчивых и привередливых читателей к своим произведениям.

Любопытно отметить, что рассказ *«Под пологом кровавых теней»* — единственный случай, когда Кейн преследует совершенно незнакомого ему человека. У него нет личных причин желать смерти убийцы Ле Лу, кроме возмущения и гнева, которые он испытывает, когда находит в самом начале рассказа труп изнасилованной и растерзанной девушки. В остальных рассказах миссия Кейна всегда мотивирована его личной жадной возмездия.

Например, в *«Клинках братства»* он мстит за дочь старого приятеля, а в рассказе *«Луна черепов»* — спасает дочь еще одного своего друга. Его действия в рассказах *«Череп среди звезд»* и *«Холмы смерти»* продиктованы тем, что оскорблено его личное самолюбие, что против него плелись козни, а в рассказе *«Крылья в ночи»* — тем, что он был в долгу перед Гору, спасшим ему жизнь. Только действия в рассказе *«Ужас пирамиды»* происходят из человеколюбивых побуждений Кейна.

Конечно, можно возразить, что подобные немотивированные поступки Кейна имеют место и в *«Замке дьявола»*, когда он рассказывает недоверчивому Джону Сайленту о том, как он спас мальчика от виселицы. По его словам, он считал, что мальчика хотели несправедливо предать казни:

«Он был всего лишь мальчишкой, и у него было доброе выражение лица».

Точно так же мог бы поступить и Малыш Бишл, поэтому столь сомнительное объяснение заставляет нас с недоверием относиться к поступку Кейна. Мы, конечно, не знаем, о чем именно думал Говард, работая над рассказом, и поэтому можем лишь строить догадки о том, действительно ли Кейн был убежден в невинности мальчика.

Интересно отметить, что в рассказе *«Под пологом кровавых теней»* Говард всячески укрепляет и Кейна, и читателя в их

заранее сложившемся представлении о Ле Лу, описывая его как зверского убийцу, о чем мы уже сами догадывались, узнав, что он сделал с несчастной девицей.

5. Я думаю, что Кейн вполне мог быть знакомым с сэром Фрэнсисом Уолсингэмом, хотя воздержусь от утверждения, будто Кейн когда-то работал в на редкость умело организованной Уолсингэмом Секретной Службе. Однако вполне вероятно предположить, что Уолсингэм предлагал Кейну служить у него. Уолсингэм, являвшийся министром с 1573 года вплоть до своей смерти в 1590 году, был близко знаком с другом Кейна — сэром Ричардом Гренвиллом и так же, как и Кейн, был ревностным пуританином.

В 1570 году Уолсингэм предпринял поездку во Францию, где его попытка защитить гугенотов закончилась неудачей. До 1573 года он был британским послом во Франции, поэтому с Кейном они вполне могли встретиться, когда тот принимал участие во французской гражданской войне. По моему мнению, на Уолсингэма, так же как и на Кейна, неизгладимое впечатление произвела резня в Варфоломеевскую ночь 1572 года, после чего он стал еще более ревностным приверженцем своей веры. С этим можно спорить, но у этих людей, по крайней мере, были общие взгляды. Хотя почтительное отношение Уолсингэма к Елизавете и могло помешать им сделаться близкими друзьями, но непреклонность в вопросах религии возвысила его в глазах Кейна; вот почему взгляды и мнение Уолсингэма имели для того большое значение.

Уолсингэм решительно выступал за активное участие Англии в войне Нидерландов против Испании; возможно, его непоколебимая уверенность в необходимости этих действий убедила Кейна в том, что нужно принять участие в этой войне, несмотря на то что он испытал жестокое разочарование в предыдущих подобных кампаниях.

6. Должен признаться, что с самого начала мне казался невероятным тот факт, что Кейн столкнулся со зверствами инквизиции как в рассказе *«Череп среди звезд»*, так и в *«Крыльях в ночи»*. Едва ли у пуританина Кейна было желание возвращаться в католическую Испанию.

Тем не менее сейчас я думаю, что у Кейна на самом деле была возможность увидеть действия святой инквизиции во время того, как он преследовал оборотня в рассказе *«Под пологом кровавых теней»*, так как тот говорит, что он едва успел отплыть от берегов Испании, как на причале появился Кейн. Мне кажется, этого вполне достаточно, чтобы вызвать вполне объяснимую ненависть пуританина по отношению к испанцам, под влиянием которой он позже участвовал в нападениях и уничтожении испанских кораблей, даже несмотря на то что он сам считал пиратство грязным делом.

7. В одной из версий *«Возвращения Соломона Кейна»* герой вспоминает бывших соратников и друзей:

«Где те, кто собирался на этом месте столько лет назад? Дрейк и Хоукинс, Оксенгэм и Гренвилл, Ли и Йо?» (8)

Упомянутый Хоукинс — это сэр Джон Хоукинс, который родился в 1532 году в Плимуте. Он вполне мог стать хорошим знакомым Кейна во время того, как занимался работоторговлей между 1562 и 1569 годами — именно в это время Кейн плывал на торговых судах. Несмотря на занятие работоторговлей, которое Кейн вряд ли бы (судя по рассказу *«Луна черепахов»*) одобрил, у них был довольно схожий темперамент и примерно одинаковые политические взгляды. Мне кажется, это сыграло существенную роль в том, что Кейн решил поступить на службу к Хоукинсу, когда началось сражение с непобедимой Армадой.

Несомненно, Хоукинс был выдающейся личностью. Его наиболее значительным достижением было то, что он практически в одиночку сумел превратить английский флот в огромную силу. Чтобы достичь этого, он прежде всего искоренил казнокрадство, которое было весьма распространенным явлением на судовых верфях, а затем принял участие в разработке более оснащенных и технически совершенных судов нового типа. Одним из таких кораблей была *«Месть»*.

Именно поэтому английский флот сумел захватить испанские суда с грузом золота и одержал такую блестящую победу над непобедимой Армадой.

8. В течение многих лет исследователи пристально изучали тех, кто повлиял на творчество Говарда, и степень этого влия-

ния на его произведения. Однако почти никакого внимания не уделялось литературным прототипам Соломона Кейна.

«Возможно, образ Кейна был навеян восхищением перед типом хладнокровных борцов за справедливость, обладающих железными нервами и огромной силой воли, который был распространен в шестнадцатом веке».

Даже несмотря на это утверждение, я уверен, что прототипом Кейна был отец Говарда.

Как бы то ни было, я думаю, что наиболее сильное влияние на серию рассказов о Кейне оказал Чарльз Кингсли, а точнее, его роман *«Вперед на Запад!»*; по-моему, до сих пор никто не упоминал эту книгу. Говард, без сомнения, прочел роман, будучи еще подростком, и даже взял такое же название для одного из своих первых юношеских рассказов. В романе Кингсли создан романтизированный образ Англии времен Елизаветы, также в нем появляются те самые каперы из графств, расположенных к юго-западу от Лондона, которые фигурируют в рассказах Говарда.

В общем и целом *«Вперед на Запад!»* — это лишь ура-патристическое, напыщенное, проникнутое откровенной ненавистью к людям, принадлежащим к другой нации, полное религиозного ханжества произведение, но тем не менее это еще и захватывающий приключенческий роман. Не стоит слишком сурово осуждать Кингсли за его взгляды, потому что его труд, как, впрочем, и творения Говарда, является плодом своего времени, а значит, относиться к нему нужно соответственно.

Все основные исторические персонажи, встречающиеся в романе, предстают перед нами в весьма выигранном свете: все они, без исключения, питают друг к другу искреннюю симпатию, между ними не происходит бесконечные мелкие распри (которые были на самом деле), и Говард принял на веру многие из этих искаженных взглядов и представлений.

У Кейна также сложилось своеобразное отношение к рабству, противоречащее взглядам, распространенным во время правления Елизаветы. Более всего это становится очевидным в рассказе *«Ужас пирамиды»*, так как многое в нем почерпнуто из романа *«Вперед на Запад!»*. Герои Кингсли яростно осуждают то, что сэр Джон Хоукис доставляет на корабле рабов из Африки, но такое отношение — лишь отражение викториан-

ского либерализма, присущего Кингсли, так как верные подданные королевы Елизаветы считали работорговлю таким же почетным и законным делом, как и другие занятия.

Два главных героя Кейна — это вымышленные персонажи: капитан, сэр Эмиас Ли и Сэлвейшн Йо (такие имена пуритане часто давали своим детям). Неясно, считал их Говард реальными историческими фигурами или нет, но они встречаются нам в одной из версий рассказа *«Возвращение Соломона Кейна»*, а значит, он изначально хотел написать свой рассказ на основании книги Кингсли. Любопытный факт, исходя из которого рождение образа Соломона Кейна выглядит вполне закономерным.

Ричард ТУГУД

СОДЕРЖАНИЕ

КЛИНОК СУДЬБЫ

Перевод с англ. И. Рошала

Череп среди звезд	7
Десница судьбы	29
Под пологом кровавых теней	40
Перестук костей	100
Луна черепов	115
Клинки братства	230
Холмы смерти	287
Крылья в ночи	331
Ужас пирамиды	385
 <i>Р. Тутуд. Соломон Кейн. Хронология</i>	 421

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — “Книги по почте”.

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД
КЛИНОК СУДЬБЫ

Составитель *Александр Тишинин*
Перевод с англ. *Ильи Рошала*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Елена Иванова*
Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*
Верстка *Елены Посадовой*
Корректор *Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 1.12.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз. Заказ 618.
Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА
«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1

«Миддорский оборотень»

ТОМ 2

«Нефритовая страна»

ТОМ 3

«Стальное сердце»

ТОМ 4

«Ветры Катраза»

ТОМ 5

«Раб Сармы»

ТОМ 6

«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7

«Край Вечных Снов»

ТОМ 8

«Золотой скакун»

ТОМ 9

«Мятежник»

ТОМ 10

«Проигравший — умирает»

ТОМ 11

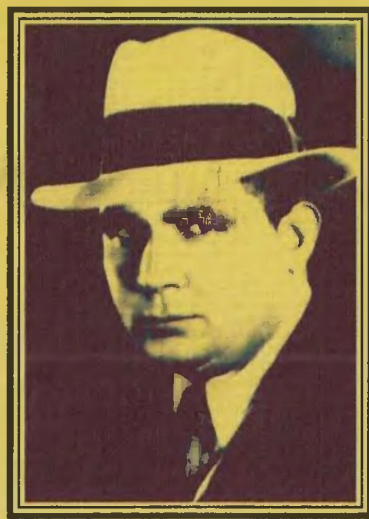
«Погибший мир»

ТОМ 12

«Корнуэльский кровосос»

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

Гигантская сколопендра с чавканьем выбралась из трясины. Кейн едва успел отскочить — и одним ударом отсек голову со следами запекшейся крови на зазубренных жвалах. Он вытер клинок о полу плаща и зашептал благодарственную молитву обветренными губами. Всевышний даровал своему Воину еще один день жизни.

•Северо-Запад®